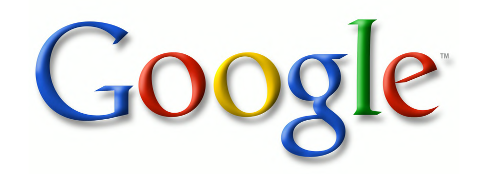

РУКОВОДСТВО

для

историческаго изученія

замѣчательнѣйшихъ произведеній

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Владиміра Стоюнина.

Пятое изданіе, дополненное писателями новѣйшаго періода.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Владиміра Стоюнина.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ,

ДОПОЛНЕННОЕ ПИСАТЕЛЯМИ НОВѢЙШАГО ПЕРІОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Руководство это не составляетъ исторіи русской литературы; въ немъ заключается только необходимая историческая обстановка, чтобы лучше понимать смыслъ и цѣли литературныхъ произведеній извѣстной эпохи и видѣть ихъ историческое значеніе. Сюда внесены біографическія подробности, чтобы яснѣе можно было представить себѣ связь писателя съ его вѣкомъ и нравственный его образъ. Главная же работа учащагося должна заключаться въ изученіи самыхъ произведеній по тѣмъ вопросамъ, какіе здѣсь представлены. Изъ всей литературы выбраны здѣсь очень немногія, въ которыхъ болѣе рѣзко отразилось время со стороны духовныхъ стремленій народа или отдѣльныхъ личностей: они должны быть изучены въ подробности. Лучшія произведенія писателей новѣйшаго періода изучаются въ теоретическомъ курсѣ, который и долженъ служить дополненіемъ курсу историческому. Желающіе полнѣе познакомиться съ исторіей литературы могутъ читать:

1. Исторію русской словесности, древней и новой, Галахова, 2 части.
2. Исторію русской литературы Караулова.
3. Новую русскую литературу Водовозова.

Кромѣ того, еслибы кому пришло желаніе подробнѣе познакомиться съ тѣмъ или другимъ историческимъ фактомъ, то здѣсь указаны подъ каждой статьею такія сочиненія, которыя достать не трудно, такъ какъ они предполагаются въ каждой училищной библіотекѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Первоначальная письменность.

Кириллъ и Меѳодій и славянство.—Значеніе болгарской литературы въ исторіи русской письменности.—Первая цивилизующая сила.

Съ 866 года въ Кіевъ мало по малу начинаетъ проникать христіанство. Неизвѣстно, кто были здѣсь первые проповѣдники, но изъ окружнаго посланія современнаго патріарха константинопольскаго Фотія мы узнаемъ, что въ это время къ руссамъ былъ посланъ епископъ, чтобы водворить среди крещенныхъ христіанское богослуженіе. На какомъ же языкѣ и по какимъ книгамъ могло оно совершаться? Дѣятелями въ славянскомъ мірѣ въ это самое время были знаменитые братья Меѳодій и Кириллъ. Они изобрѣли для славянъ азбуку, они же перевели на славянскій языкъ и богослужебныя книги. Славянство было распространено тогда не только въ земляхъ Византійской имперіи, гдѣ славянская рѣчь слышалась повсюду, но и въ царствѣ Хазарскомъ, часть котораго составляли русскіе славяне (поляне, сѣверяне, вятичи), платившіе дань хазарамъ. Въ 858 году Кириллъ былъ въ Хазаріи (слѣдовательно въ извѣстной части нынѣшней Россіи); на какомъ языкѣ онъ велъ тамъ пренія съ магометанами и евреями, мы не знаемъ; но очень понятно, что и нѣкоторые изъ русскихъ славянъ могли на родномъ языкѣ слышать его ученіе. Имѣя въ виду, что только передъ этимъ былъ сдѣланъ славянскій переводъ церковныхъ книгъ, которыя конечно и должны были обращаться между первыми кіевскими христіанами, мы въ правѣ заключить, что русскіе одни изъ первыхъ славянъ воспользовались трудами двухъ ученыхъ братьевъ. Труды же эти легли между прочимъ въ основаніе древне-русской цивилизаціи. Съ другой

стороны они сдѣлались связью русскихъ съ другими славянскими племенами, признавшими Кирилла и Меѳодія своими перво-учителями.

Уроженцы греческаго города Фессалоникъ (или Солуни въ Македоніи), окруженнаго многими славянскими поселеніями, слѣд. съ самаго дѣтства знакомые съ славянскою рѣчью, оба брата воспитали въ себѣ ту любовь къ славянству, которая впослѣдствіи въ связи съ благочестивыми ихъ чувствами указала имъ на широкое поприще въ обширной славянской сферѣ. Отецъ ихъ, важный сановникъ и богатый человѣкъ, имѣлъ всѣ средства дать имъ отличное образованіе. Въ то время, какъ старшій братъ Меѳодій уже служилъ въ военной службѣ, младшій Константинъ (Кириллъ) еще занимался науками при византійскомъ дворѣ въ качествѣ соученика несовершеннолѣтняго императора Михаила. Знакомый вполнѣ съ христіанскимъ ученіемъ и съ мудростью эллинскою, онъ изучалъ и много языковъ съ ихъ литературами. Его ученость дала ему право на званіе *философа*, и онъ занялъ видное мѣсто среди духовенства, въ которое вступилъ въ санѣ священника. Пользуясь обширными его познаніями, его посылали въ разныя земли по дѣламъ религіознымъ; но болѣе всего привлекали его вниманіе славяне. Въ предѣлахъ имперіи они считались христіанами; но въ сущности не были ими, такъ какъ славянское слово еще не было введено въ богослуженіе и всѣ книги были греческія. Константинъ рѣшился перевести богослужебныя книги на славянскій языкъ, посмотрѣлъ на это дѣло какъ на благочестивый подвигъ и съ энергіей посвятилъ всѣ свои труды на христіанское просвѣщеніе славянства. Въ тоже время Меѳодій, уже правитель одной изъ византійскихъ областей, населенныхъ славянами, отказался отъ службы, и предавшись религіозному влеченію, постригся въ монахи. Узнавъ о намѣреніи брата, онъ не хотѣлъ отстать отъ него, соединился съ нимъ, и скоро христіанское богослуженіе стало привлекать византійскихъ славянъ родною ихъ рѣчью.

Въ то время общаго славянскаго языка уже не было; все славянство уже раздѣлялось на племена, слѣдовательно и языкъ развѣтвлялся на разныя нарѣчія, существующія и понынѣ. Понятно, что богослужебныя книги должны были быть переведены на одно изъ нарѣчій византійскихъ славянъ, среди которыхъ

переводчики обращались, но, какое было это нарѣчіе, наука до сихъ поръ не опредѣлила. На его долю выпалъ жребій распространяться далеко за предѣлы византійскіе и стать языкомъ высшихъ религіозныхъ интересовъ многихъ славянскихъ племенъ.

Съ 859 года въ языческой Болгаріи, при посредствѣ Меѳодія, начинаетъ утверждаться христіанство, а въ 863 году оба брата энергически уже дѣйствуютъ среди моравскихъ славянъ, посланные къ нимъ византійскими властями, по просьбѣ моравскихъ князей. Хотя Моравія уже была крещена римскими миссіонерами, но римскимъ духовенствомъ не были довольны ни князья, ни народъ. Первые хотѣли отстранить отъ себя всякую нѣмецкую зависимость, такъ какъ духовенство зависѣло отъ нѣмецкихъ епископовъ, которые старались подчинить и всю Моравію нѣмецкому вліянію; вторые начали чувствовать тягость поборовъ въ пользу латинскаго духовенства за то ученіе, котораго никто не понималъ на чужомъ языкѣ. Принятые народомъ съ радостью, Константинъ и Меѳодій проповѣдуютъ евангеліе и отправляютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, чѣмъ конечно раздражаютъ римское духовенство. Не смотря на это, послѣ удачныхъ переговоровъ моравскихъ князей съ папою Николаемъ I, этотъ послѣдній призываетъ обоихъ братьевъ-проповѣдниковъ въ Римъ съ тѣмъ, чтобы одного изъ нихъ посвятить въ архіепископы Моравіи. Но прежде чѣмъ они доѣхали до Рима, Николай I умеръ, и встрѣчать ихъ пришлось новому папѣ Адріану II. Встрѣча была устроена торжественно, такъ какъ славянскіе проповѣдники везли съ собою мощи четвертаго римскаго папы св. Климента, сосланнаго римскимъ императоромъ Трояномъ въ Херсонесъ-Таврическій. Тамъ и нашелъ ихъ Константинъ на пути въ хазарскую землю за десять лѣтъ до этого. Благодаря такому дорогому подарку, и новый папа вмѣстѣ съ народомъ былъ на сторонѣ моравскихъ посланниковъ. Но въ Римѣ Константинъ захворалъ, и почувствовавъ близкую смерть, принялъ монашество съ именемъ Кирилла и умеръ въ 868 г., а Меѳодій былъ посвященъ въ моравскіе архіепископы съ дозволеніемъ совершать церковную службу на славянскомъ языкѣ. Но такъ какъ введеніе этого языка въ священнодѣйствіе противорѣчило стариннымъ преданіямъ римской церкви, которая въ своихъ предѣлахъ допус-

кала только языкъ латинскій, то противъ славянства образовалась большая партія. Съ нею то и пришлось бороться Меѳодію, когда онъ снова явился среди южныхъ славянъ для дальнѣйшей дѣятельности. Между тѣмъ славянское богослуженіе не только распространялось здѣсь, но проникало и къ чехамъ, и должно было возбудить тѣмъ большее противодѣйствіе со стороны своихъ враговъ—нѣмецкаго духовенства. Но пока Меѳодій былъ живъ, славянское дѣло самостоятельнаго развитія отстаивалось довольно успѣшно противъ римскихъ стремленій къ всемірному единству; со смертію же его (885 г.) нѣмецкая партія беретъ верхъ и уже открытою силою изгоняетъ учениковъ Меѳодія—поставленныхъ имъ священниковъ, изъ предѣловъ римскаго патріархата. О славянскомъ богослуженіи среди этихъ славянъ сохранилось лишь преданіе вмѣстѣ съ легендами о Кириллѣ и Меѳодіи, имена которыхъ продолжаетъ чтить все славянство.

(Собраніе сочиненій Гильфердинга 1868 г.).

Русскіе славяне, вмѣстѣ съ христіанствомъ, принимая славянскія богослужебныя книги, привыкали и къ языку ихъ, хотя между нимъ и языкомъ русскимъ уже существовала разница. Она выражалась въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ. Кромѣ того новы христіанскія понятія, не знакомыя язычеству славянскому, вызвали нѣсколько новыхъ словъ или сообщили старымъ метафорическій смыслъ. Притомъ же синтаксическая сторона языка должна была подчиняться вліянію языка греческаго, такъ какъ славянскій языкъ до сихъ поръ не развивался письменно, и слѣдовательно въ немъ не могли выработаться выраженія, способныя передавать высшія идеи, развитыя не въ сферѣ національныхъ интересовъ. Такой языкъ всегда подчиняется языку литературно развитому, съ котораго переводятся книги. Отсюда и обиліе грецизмовъ въ славянскомъ переводѣ. Все это должно было имѣть сильное вліяніе и на русскій книжный языкъ, когда впослѣдствіи онъ сталъ развиваться подъ перомъ русскихъ грамотныхъ людей.

О языкѣ переводныхъ книгъ мы можемъ судить по Остромірову евангелію, древнѣйшему списку, дошедшему до насъ. Онъ относится къ половинѣ XI стол. (1056—57); трудился

надъ нимъ дьякомъ Григорій для новгородскаго посадника Остромира. Хотя въ языкѣ его и замѣтны нѣкоторые слѣды вліянія живаго русскаго языка, но не смотря на это, можно съ достовѣрностью заключить, что онъ не могъ слишкомъ удалиться отъ языка Кирилла и Меѳодія.

Въ то время какъ при Олегѣ и Игорѣ число кіевскихъ христіанъ все больше и больше возростало, въ Болгаріи ученики Меѳодія, найдя безопасный пріютъ, продолжали полагать прочное основаніе славянскому просвѣщенію. Во главѣ ихъ явился самъ царь Болгарскій Симіонъ, прославившій себя счастливыми войнами съ греками и любовью къ книжному ученію. Желая, чтобы книги были доступны народу, онъ поощряетъ писателей, переводчиковъ, велитъ составлять на славянскомъ языкѣ сборники замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій; даже самъ переводитъ замѣчательныя сочиненія Іоанна Златоуста, соединивъ ихъ въ одинъ сборникъ подъ общимъ названіемъ *Златоструя*. Въ это-то время явились многочисленные славянскіе переводы разныхъ сочиненій отцовъ церкви или извлеченія изъ нихъ, гдѣ объяснялось христіанство въ своихъ догматахъ или въ правилахъ жизни. Переводились также и сочиненія историческія, конечно, наполненныя разными баснословными сказаніями, чѣмъ отличались всѣ средневѣковыя исторіи. Это время усиленной книжной дѣятельности въ Болгаріи называется *золотымъ ея вѣкомъ*.

Плодами такихъ трудовъ воспользовалась не только Болгарія, но и Русская земля. Списки съ переводовъ переходили и сюда, въ особенности когда со временъ Владиміра святаго, объявившаго русскій народъ христіанскимъ народомъ, у насъ стали основываться монастыри, гдѣ болѣе сосредоточивались грамотные люди. Грамотность въ то время была потребностью только религіозныхъ людей, такъ какъ все христіанское ученіе было въ книгахъ, въ которыхъ искали себѣ пищи набожные умъ и чувство. Такіе люди обыкновенно удалялись въ монастырь и въ числѣ христіанскихъ подвиговъ считали переписываніе благочестивыхъ книгъ. Выраженіе «зѣло книженъ» было одною изъ лучшихъ похвалъ человѣку въ устахъ нашихъ лѣтописцевъ.

Съ этихъ поръ приложеніе христіанской морали, какъ она принята отъ византійскихъ писателей, ко всѣмъ явленіямъ

жизни и составляетъ единственную цивилизующую силу, которая направляла русскую жизнь по извѣстному пути и которая боролась съ языческими понятіями и преданіями массы народа, равно какъ и съ дикими порывами страстей, не сдерживаемыхъ никакими другими нравственными силами. Все это необходимо имѣть въ виду при изученіи письменныхъ памятниковъ нашей древней литературы. Большая часть изъ нихъ представляетъ стремленіе набожныхъ людей, уединявшихся въ монастыри, направить жизнь по лучшему пути, согласно съ христіанскимъ идеаломъ.

Лѣтопись Нестора.

Списки лѣтописи. — Составъ ея. — Древнѣйшія сочиненія и переводы. — Лѣтосчисленіе. — Характеръ изложенія. — Эпическія сказанія. — Печерскіе разсказы. — Типическія черты лѣтописца. — Языкъ и слогъ лѣтописи. — Иностранные лѣтописцы.

По общепринятому мнѣнію, авторъ древнѣйшей русской лѣтописи былъ кіевопечерскій монахъ Несторъ. Она составлена въ началѣ XII столѣтія и дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, дополненныхъ трудами лѣтописцевъ позднѣйшихъ временъ. Эти списки обращались не только въ рукахъ русскихъ людей, но заходили даже за предѣлы Русской земли, попадая въ иноземныя библіотеки и архивы. Отсюда мы можемъ заключить, что лѣтописныя сказанія составляли любимое чтеніе русскихъ грамотныхъ людей и были распространены между ними, особенно если имѣть въ виду, что большая часть древнихъ списковъ не могла дойти до насъ, по причинѣ частыхъ пожаровъ и другихъ истребленій. Дѣйствительно чувства патріотическое и религіозное, затрогиваемыя нашими лѣтописями, должны были привлекать читателей. Древнѣйшій лѣтописный списокъ принадлежитъ XIV столѣтію; онъ называется *Лаврентьевскимъ*.

Самъ авторъ назвалъ свой трудъ «Повѣстью временныхъ лѣтъ»; подробное его изученіе показало, что онъ есть не что иное, какъ *сводъ* разныхъ сказаній и поученій, заимствованныхъ изъ многихъ источниковъ, бывшихъ подъ рукою лѣтописца. Но всѣ эти отрывочныя части лѣтописи по христіан

скому и патріотическому духу составляють нѣчто цѣлое. По нимъ мы можемъ судить, какія сочиненія еще до Нестора, слѣдовательно въ XI столѣтіи обращались въ рукахъ русскихъ людей. Одни изъ нихъ переводныя, другія—оригинальныя; къ первымъ относятся нѣкоторыя книги священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, какъ книги Моисея, псалмы Давида, притчи Соломона, книги пророковъ, евангелія и посланія Павла. Изъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописи приводятся изреченія по большей части въ видѣ морали въ примѣненіи къ событіямъ русской жизни. Сюда же относятся и толкованія ветхозавѣтной исторіи, извѣстныя у насъ подъ греческимъ названіемъ *Палеи*.

Хроника Георгія Амартола и другіе византійскіе писатели читались также нашими предками, давая имъ отвѣты на разные вопросы религіозные, нравственные, космографическіе и др. Къ оригинальнымъ сочиненіямъ относятся краткія *записи*, составлявшія первоначальный видъ русской мѣстной лѣтописи. Въ нихъ вмѣстѣ съ годомъ отмѣчалось событіе важное почему-либо для той или другой мѣстности. Такія записи велись по церквамъ и монастырямъ, какъ памятныя записки. Въ составъ Повѣсти временныхъ лѣтъ вошли лѣтописныя отмѣтки, видимо записанныя въ разныхъ мѣстностяхъ—въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Псковѣ, слѣдовательно заимствованныя изъ разныхъ первоначальныхъ лѣтописей. Въ этомъ видѣ онѣ не дошли до насъ. Сказанія *печерскія* занимаютъ видное мѣсто въ Повѣсти.

Какъ отдѣльныя сочиненія, Житіе великаго князя Владиміра, (приписываемое монаху Іакову), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (его же), Жизнеописаніе Кирилла и Мефодія, Поученія Феодосія печерскаго и др. были также источниками Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ составъ ея вошли и договоры русскихъ князей съ греками, написанные первоначально на греческомъ языкѣ, также эпическія сказанія, составлявшія часть русскаго дружиннаго эпоса— объ Олегѣ, Ольгѣ, Святославѣ.

Весь этотъ матерьялъ Несторъ размѣстилъ по годамъ, ведя лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра. Эру русскіе приняли отъ византійцевъ, которые усвоили ее въ первые вѣка христіанства, стараясь связать новый завѣтъ съ ветхимъ и показать древность этого послѣдняго. Такое стараніе вызывалось за-

щитниками язычества, которые доказывали превосходство своей древней религіи надъ новою христіанскою. Но имъ не удалось защитить ея древность, когда христіанскіе писатели, занявшись хронологическими розысканіями, доказали, что преданія христіанскія, записанныя въ библіи, древнѣе эллинскихъ, и что Моисей жилъ многими вѣками ранѣе Троянской войны, между тѣмъ какъ эта война имѣла весьма важное значеніе въ преданіяхъ языческихъ. Такимъ образомъ въ то время лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра для христіанъ имѣло свое особенное значеніе. Оно было принято и нами. Впрочемъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ *лѣтописи* предшествуетъ вступленіе, гдѣ годы не обозначены. Здѣсь исчисляются народы и царства, происшедшія отъ потомковъ Ноевыхъ сыновей, разсказывается о разселеніи славянъ, о племенахъ славянъ русскихъ и объ ихъ сосѣдяхъ. Собственно лѣтопись начинается 6360 (852) годомъ. Этотъ годъ лѣтописецъ принялъ за исходный пунктъ своего лѣтописанія по соображенію съ византійскими хрониками:

Въ лѣто 6360 наченьшю Михаилу (императору византійскому) царствовати, начася прозыватися Руська земля; о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царь-городъ, яко же пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмъ; тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ.

Съ этого года уже послѣдовательно и непрерывно выставляются года, но не подъ каждымъ изъ нихъ записано событіе; нѣкоторые изъ нихъ остаются пустыми, какъ напр.:

«Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде съ вои брегомъ и моремъ на болгары; болгаре же увидѣвше не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ; царь же крести князя ихъ и боляры вся и миръ створи съ болгары. Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенѣхъ, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ.... и пр.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изъгнаша варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся.... и проч.

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373. Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки и придоша въ 14 лѣто Михаила царя.... и проч.

Въ лѣто 6375. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій.

Въ лѣто 6377. Крещена бысть вся земля болгарьская.

Въ лѣто 6378. Въ лѣто 6379. Въ лѣто 6380. Въ лѣто 6381. Въ лѣто 6382. Въ лѣто 6383. Въ лѣто 6384. Въ лѣто 6385. Въ лѣто 6386. Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ роду ему сущу, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389. Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ вои многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю.... и проч.

. . . .

Послѣдній годъ «Повѣсти» 6618 (1110).

Характеръ изложенія лѣтописи можно назвать *эпическимъ*. Тамъ, гдѣ авторъ подробно разсказываетъ событіе, приводятся самые разговоры лицъ, ихъ думы, чувства. Образцомъ здѣсь могли ему служить русскія эпическія пѣсни и библейскіе разсказы.

При литературномъ изученіи лѣтописи особенное вниманіе привлекаютъ сказанія, заимствованныя изъ эпическихъ пѣсенъ. По нимъ можно отчасти судить и о характерѣ самыхъ пѣсенъ. Такъ какъ въ нихъ выражаются подвиги князей и дружины, то отсюда мы можемъ заключить, что онѣ и слагались въ дружинной средѣ, тѣмъ болѣе, что и лѣтописи намъ называютъ имена нѣкоторыхъ дружинныхъ поэтовъ, которые въ своихъ пѣсняхъ конечно изображали интересы дружины. Притомъ же и сходство нѣкоторыхъ русскихъ сказаній съ эпическими сказаніями нор-

норманскими (исландскими сагами) указываетъ на первоначальное варяжское происхожденіе дружины.

Эпическія сказанія важны для насъ по тѣмъ идеальнымъ представленіямъ, которыя изображаются въ образѣ первыхъ русскихъ князей и по которымъ мы судимъ объ интересахъ самой жизни.

Прочитать три разсказа объ Олегѣ: походъ на Кіевъ (6390 г.), походъ въ Грецію (6415 г.), смерть Олега (6420 г.); опредѣлить главную черту его характера и общую идею, связывающую всѣ три разсказа какъ части одного цѣлаго. По двумъ разсказамъ объ Ольгѣ—мщеніе надъ древлянами (6453 г. 6454 г.) и пребываніе въ Константинополѣ (6463 г.), опредѣлить идеальныя черты ея. По разсказамъ о Святославѣ вывести отношенія его къ дружинѣ, отношеніе къ матери, отношеніе къ непріятелю, понятіе о чести, образъ жизни въ войнѣ и въ мирѣ, связь съ своею землею и отсюда опредѣлить идеальныя черты русскаго князя.

Въ той же лѣтописи вниманіе привлекается и чертами религіознаго эпоса, который сталъ у насъ слагаться подъ вліяніемъ религіозныхъ стремленій духа. Аскетическій идеалъ жизни, развивавшійся въ византійскихъ монастыряхъ въ противоположность матерьяльнымъ стремленіямъ жизни языческой, перешелъ и въ русскіе монастыри. И въ нихъ стали являться своего рода герои, витязи и богатыри, которые вступали въ сильную борьбу со всѣми плотскими требованіями, отдаваясь исключительно духовнымъ созерцаніямъ и заботамъ сохранить душу для грядущаго загробнаго блаженства. Религіозно направленная фантазія стала создавать и легенды, связывая ихъ съ именами тѣхъ или другихъ монастырскихъ борцовъ, которыхъ возводила въ идеалы христіанской жизни. Лѣтопись Нестора въ особенности занимается печерскими сказаніями, разъясняя, какое важное значеніе имѣлъ Печерскій монастырь для русскихъ религіозныхъ людей. Виновниками его славы были лица, посвятившія всѣ свои силы на то, чтобы утвердить въ жизни тотъ идеалъ, который они приняли отъ византійскихъ монастырей и который являлся высшею цивилизующею силою.

Прочитать разсказы о созданіи и развитіи Печерскаго монастыря (6559 и 6582 г.). Обратить вниманіе на вопросы: чѣмъ сдѣлался великъ и славенъ Печерскій монастырь; какое значеніе для монастыря имѣлъ Феодосій игуменъ при своей жизни и по смерти; какая причина [illegible]

соединяла иноковъ въ одно братство, какими подвигами отличались они; какъ могла образоваться легенда о старцѣ Дамьянѣ?

Неудивительно, что такія лица дѣлались героями религіозныхъ разсказовъ, которые, увлекая воображеніе набожныхъ людей, мало по малу развивались въ разныхъ письменныхъ редакціяхъ и становились любимымъ чтеніемъ русскихъ людей. Всѣ они интересны для насъ по тѣмъ идеаламъ, которые усвоивала себѣ лучшая и болѣе нравственная среда, рѣзко отдѣлявшаяся отъ народной массы.

Имѣя въ виду, что лѣтопись Нестора представляетъ сводъ сказаній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, и что ея позднѣйшіе списки (Никоновскій, Воскресенскій и др.) представляютъ довольно прибавокъ и вставокъ, мы въ правѣ заключить, что и Лаврентьевскій списокъ не чуждъ примѣси къ дѣйствительному тексту Нестора. Такимъ образомъ и по древнѣйшему списку мы можемъ выводить не личныя черты автора, а черты *типическія* вообще начитанныхъ русскихъ людей, усвоившихъ себѣ тѣ книжные идеалы, которыми отличалась жизнь нравственная въ христіанскомъ духѣ; чувство религіозное у такихъ людей сливалось съ чувствомъ патріотическимъ и одно какъ бы поддерживало другое. Такъ *вся Русская земля* составляетъ главный предметъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ съ постояннымъ участіемъ. Подвиги для блага Русской земли всегда находятъ въ немъ искреннее сочувствіе. Съ большимъ одушевленіемъ напр., говоритъ онъ, что Ольга первая отъ Руси вошла въ царство небесное, «сіюбо хвалятъ рустіи сынове, ибо по смерти моляше Бога за Русь».... Она была предтеча христіанской земли (Русской) какъ денница передъ солнцемъ, какъ заря предъ свѣтомъ. Патріотическое и вмѣстѣ религіозное чувство заставляютъ его надолго остановиться и на подвигѣ великаго князя Владиміра, христіанскаго просвѣтителя Русской земли. Пятую часть всей лѣтописи составляютъ разсказы о Владимірѣ, заимствованные изъ разныхъ источниковъ—русскихъ и византійскихъ: здѣсь выдается особенно стремленіе доказать, что христіанскій Богъ есть единственный истинный Богъ и что восточное христіанство есть единственная истинная вѣра (въ библейскомъ разсказѣ философа, заимствованномъ изъ византійской Палеи, и въ исповѣданіи вѣры Владиміра

послѣ крещенія, взятомъ изъ греческаго сочиненія «Исповѣданіе Михаила Синкелла»).

Чтеніе книгъ было единственнымъ просвѣтительнымъ средствомъ въ древней Руси, и люди нравственные съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ нему; такъ и лѣтописецъ особенно цѣнитъ преемника Владиміра—Ярослава за распространеніе книжнаго просвѣщенія, указывая на неразрывную связь его заслугъ съ заслугами отца его; по этому случаю лѣтописецъ останавливается на разсужденіи о пользѣ чтенія:

«Яко же бо се нѣкто землю разорреть, другый же насѣеть, ини же пожинають и ѣдять пищу безскудну, тако и сь: отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше, крещеньемъ просвѣтивъ, сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжнаго, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости: книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанію. Мудрость бо велика есть яко же и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ разумъ и смыслъ; азъ призвахъ страхъ Господень.... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтешь, то бесѣдуешь съ Богомъ или святыми мужи; прочитая пророческія бесѣды и евангельскія ученья и апостольская, житья святыхъ отецъ, въспріемлеть душа велику пользу».

Книги въ этомъ родѣ обыкновенно и читались русскими людьми.

Патріотическое чувство одинаково возбуждалось въ русскихъ книжныхъ людяхъ какъ временемъ славы (въ первой части лѣтописи), такъ и бѣдствіями Русской земли (во второй части). Борьба съ половцами и княжескія раздоры отражались въ ихъ сердцахъ скорбью; они оцѣнивали дѣла людей, руковод-

ствуясь тѣмъ же чувствомъ. Въ ихъ глазахъ тѣ были люди *благомыслящіе*, которые думали о русской землѣ и заботились о томъ, чтобы уменьшить ея бѣдствія:

Рѣша има мужи смысленіи: почто вы распрю имата межи собою, а погании губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганыхъ любо съ миромъ, любо съ ратью.

Равнымъ образомъ борьба съ врагами Русской земли признается *доброю* мыслью:

вложи Богъ *мысль добру* въ русьскыѣ князи — умыслиша дерзнути на половцѣ и пойти въ землю ихъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ приложеніе христіанской морали и словъ священнаго писанія къ разнымъ явленіямъ жизни: въ нихъ и высказываетъ себя та цивилизующая сила, которая съ начала христіанства стремилась направить русскую жизнь по извѣстному пути. Въ нихъ набожные люди находили причину событій и нравственныя правила для жизни, и выраженіе своихъ собственныхъ чувствъ, и наконецъ нѣкоторое успокоеніе при видѣ зла, отъ котораго страдала Русская земля. Такъ въ лѣтописи въ разсказѣ о князьяхъ Олегѣ и Борисѣ, причинившихъ много зла землѣ Русской и пролившихъ христіанскую кровь, прибавляется:

ея же крове взыщеть Богъ отъ руку ею и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьянскы.

Въ разсказѣ о казни волхвовъ замѣчается устами Ярослава:

Богъ наводить по грѣхамъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничто же.

Или устами же умирающаго Ярослава проповѣдуется взаимная любовь, какъ главное основаніе нравственной жизни. По случаю побѣды половцевъ надъ русскими князьями приводится

разсужденіе, что нашествіе иноплеменниковъ бываетъ по гнѣву Божію, а междоусобная рать отъ «соблазненья дьявола», и въ примѣненіе къ этому приводятся разныя изреченія изъ священнаго писанія. По случаю нашествія половцевъ берется для разсужденія тема: что создаетъ враговъ, разорившихъ храмы господни и оскверняющихъ иконы...

Заслуживаютъ также вниманія и отношенія къ разнымъ явленіямъ природы, особенно повторяющимся не часто, какъ напр. солнечное затменіе, кометы, падающія звѣзды и подоб. Всѣ такія явленія назывались знаменьями. Знаменья же, по лѣтописи, бываютъ «ово на зло, ово ли на добро». Но лѣтописецъ отмѣчаетъ преимущественно тѣ, которыя бываютъ на зло; оно тотчасъ же и указывается какъ подтвержденье вѣры въ знаменья — или война, или неурожай, или моръ. Такая вѣра въ таинственную связь между природою и дѣйствіями людей была сильно распространена въ то время; и каждое явленіе природы, казавшееся не совсѣмъ обыкновеннымъ, записывалось для памяти; такъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ внесены замѣтки, отдѣленныя почти за двѣсти лѣтъ до Нестора: «въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ».

Лѣтописецъ любитъ иногда доказывать свои мнѣнія и убѣжденія не только изреченіями изъ священнаго писанія, но и историческими фактами, которые онъ выбиралъ изъ переводныхъ греческихъ хронографовъ. А такъ какъ средневѣковыя исторіи наполнялись всевозможными сказками, то очень понятно, что принимая ихъ за дѣйствительные факты, онъ находилъ тамъ подтвержденье своимъ взглядамъ, которые расходятся съ научными выводами. Такъ подъ 6572 годомъ онъ доказываетъ, что передъ общими бѣдствіями дѣйствительно бываютъ знаменія въ природѣ. Подъ 6618 годомъ говоря объ огненномъ столпѣ, явившемся надъ Печерскимъ монастыремъ, онъ доказываетъ, что въ такомъ видѣ является всегда ангелъ. Точно также по случаю смерти вѣщаго Олега онъ доказываетъ разными фактами изъ византійской исторіи, что отъ волхвованія многое сбывается.

Вмѣстѣ съ извѣстіями историческими лѣтопись Нестора сообщаетъ и извѣстія географическія, достоинство которыхъ признано и доказано первымъ ея критикомъ, Шлецеромъ (въ XVIII стол.). «Внутренность земли, говоритъ онъ, лежащихъ

по сю сторону Балтійскаго моря или Вислы была неизвѣстна, Несторъ первый открываетъ сей міръ, бывшій до тѣхъ поръ сокрытымъ; извѣстій его немного, но за то они вѣрны, опредѣлены и съ точностью означены. До Нестора не было географіи европейскаго сѣвера, которая достойна бы была сего названія».

Въ языкѣ и слогѣ древней лѣтописи различаются языки церковно-славянскій и русскій. Первый сохраненъ въ выраженіяхъ, имѣющихъ религіозный интересъ и заимствованныхъ по большой части изъ священнаго писанія; но преобладающимъ въ самомъ лѣтописномъ разсказѣ является языкъ русскій, такъ какъ по эпическому тону лѣтописи здѣсь приходилось сближать языкъ съ разговорной рѣчью. Этотъ языкъ имѣетъ важное значеніе для науки, которая въ немъ находитъ многія замѣчательныя особенности древне-русской рѣчи. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя пословицы и поговорки, сохраненныя разсказомъ лѣтописца:

«Аще ся ввадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо. Пищаньци вольчья хвоста бѣгають. Толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмѣль начнеть тонути. Погибоша аки Обре. Бѣда аки въ Роднѣ».

Признаки разговорной рѣчи въ лѣтописномъ языкѣ въ особенности высказываются въ значительномъ преобладаніи главныхъ предложеній надъ придаточными, въ немногочисленности союзовъ, изъ которыхъ въ большомъ ходу союзы *и*, *а*, соединяющія предложенія. Повтореніе отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ также принадлежность разговорнаго языка, который еще не успѣлъ развиться синтаксически, хотя уже и богатъ этимологическими формами. Здѣсь фраза составляется болѣе по требованіямъ чувства и вліянію живыхъ впечатлѣній чѣмъ ума, который въ письменной рѣчи стремится располагать слова въ стройную, плавную и закругленную рѣчь, чего мы еще не находимъ въ древней лѣтописи.

Опредѣлить особенности слѣдующихъ выраженій изъ языка лѣтописи: Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто. Ине же несведу-

ще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ. Ольга устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, суть кости его и доселѣ тамо лежаще. Бѣ бо умѣя печенѣжьски. Уже намъ не камо ся дѣти. И бѣста 12 отрока съ нимъ. Придоста Тиутороканю и яста Ратибора, и сѣдоста Тиутороками. Помяну конь свой, отъ негоже бяху рекли волсви умрети Ольгови. Дружина ему сѣтитися начнуть. Основана бысть церкы печерьская игуменомъ Феодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгію тогда сущу въ грьцѣхъ, Святославу Киевѣ сѣдящю. Приходившю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари.

Народность языка нашей лѣтописи составляетъ важное ея достоинство сравнительно съ лучшими лѣтописями западной Европы. Онѣ излагаютъ преданія старины и современныя событія искаженнымъ латинскимъ языкомъ и чужды той искренности и простоты живой рѣчи, какою отличается наша лѣтопись. Въ самомъ же содержаніи и формѣ ихъ представляется много сходнаго. Онѣ также ведутся послѣдовательно изъ года въ годъ (считая отъ Р. Х.); извѣстія также состояли частью изъ *краткихъ замѣтокъ*, въ которыхъ упоминается о разнородныхъ событіяхъ: о нашествіи непріятелей, о небесныхъ явленіяхъ, о бракѣ государей, объ избраніи и смерти епископовъ, Главное содержаніе лѣтописныхъ разсказовъ касается преимущественно внѣшнихъ событій—вторженій непріятелей, междоусобій. Главною же причиною событій признается промыслъ Божій и невѣдомые, непреложные пути его. У всѣхъ дается таинственное значеніе разнообразнымъ явленіямъ природы. У всѣхъ дѣлается краткая оцѣнка лицъ при ихъ дѣйствіяхъ.

Но западные лѣтописцы отличаются большею подробностью и занимательностью въ описаніи свѣтской жизни. Знакомые съ римскими историками, они составляли свои разсказы подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ и въ этомъ случаѣ по своей начитанности могутъ считаться образованнѣе нашего лѣтописца, который кромѣ нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ и нѣсколькихъ переведенныхъ сочиненій изъ византійской литературы, могъ читать очень немногое.

(О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ Сухомлинова. О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка Бестужева-Рюмина).

Поученіе Владиміра Мономаха.

Смышленые мужи древней Руси.—Мономахъ по лѣтописи.—Новый идеалъ князя.—Форма поученія.—Части его.—Характеристическія черты личности автора.

Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи дошло до насъ поученіе Владиміра Мономаха, какъ вставка между 6604 и 6605 годами. Оно писано, какъ можно догадываться, въ послѣдніе годы жизни этого князя. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ *смышленыхъ* мужей, которые заботились о благѣ Русской земли, сознавая свою крѣпкую связь съ нею, и которые стремились прилагать къ жизни христіанскую мораль, не выходя изъ своей дѣятельной сферы. Въ тѣ времена люди, проникшись христіанскимъ ученіемъ, обыкновенно удалялись въ монастыри, находя, что ихъ идеалъ слишкомъ расходится съ тою кипучею жизнію, гдѣ все поддавалось силѣ страсти, которая по большей части не сдерживалась никакими законами. Очень немногіе изъ такихъ людей оставались въ этой жизни и по своей дѣятельной натурѣ стремились имѣть на нее благотворное вліяніе, не измѣняя въ то-же время усвоенной ими христіанской морали. Но въ этой дѣятельности они должны были вырабатывать себѣ такой идеалъ, который бы былъ примѣнимъ къ сферѣ, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать. А та сфера ясно рисуется въ лѣтописномъ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька (6605 г.) или объ Олегѣ черниговскомъ, который, по эпическому выраженію того времени, «мечемъ крамолы ковалъ». Страдала Русская земля отъ этихъ крамолъ, и дѣятельному князю, проникнутому христіанскимъ ученіемъ, уже мало было дѣйствовать по идеалу Святослава, изображенному въ эпическихъ разсказахъ того времени; ему нужно было сохранить всѣ доблести князя воина, какими отличался Святославъ; но кромѣ того ему нужно было и сознать свою тѣсную связь не только съ дружиною, а со всею Русскою землею, чего не доставало въ Святославѣ. Князю, дѣйствовавшему въ христіанскомъ духѣ, нужно было явиться миротворцемъ, успокоителемъ и сберегателемъ Русской земли.

Такимъ исторія и представляетъ Владиміра Мономаха, а современная ему лѣтопись такъ повѣствуетъ о немъ:

Кыяне послаша Всеволожюю (вдову Всеволода) и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: «молимся княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межи собою, поганіи имуть радоватися и возьмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ, поборающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху; а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру, и молистася ему и повѣдаста молбу Кыянъ, яко творити миръ и блюсти землѣ Русьскіѣ, и брань имѣти съ погаными. Се слышавъ Володимеръ, расплакався и рече: «поистинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въживотѣ и по смерти неослушаяся его ни въ чемъ же; тѣмже и послуша ея, акы матере и митрополита, тако же чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его. Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ, и къ епископомъ, и къ игуменомъ, паче же и черноречьскый чинъ любя и черницы любя; приходящая къ нему напиташе и напояше, акы мати дѣти своя; аще кого видяше шюмна, или въ коемъ зазорѣ, не осуждаше, но вся на любовь прекладаше.

Въ просьбѣ кіевлянъ здѣсь слышится сознаніе, чѣмъ современные князья должны были отличаться отъ первыхъ русскихъ князей; тѣ пріобрѣтали иные земли, тѣ должны были стараться сохранять ихъ. Въ такомъ сознаніи и долженъ былъ развиться новый идеалъ князя въ связи съ христіанскими стремленіями, которыя съ своей стороны внушали мысль объ отвѣтственности князя передъ Богомъ за добрыя и дурныя дѣла. Слѣдовательно нужно было ясно опредѣлить сферу добрыхъ дѣлъ

князя, чтобы вполнѣ согласовать его жизнь съ христіанскими требованіями. Вотъ это-то и составляетъ главный интересъ поученія Мономаха.

Между тогдашними грамотными людьми ходили переводныя сочиненія: «Поученія юношеству св. Василія Великаго», «Поученіе Ксенофонта своимъ сыновьямъ», «Поученіе св. Феодоры сыну». Имѣя въ виду эти образцы, Владиміръ Мономахъ усвоилъ себѣ ту же самую форму «поученія» и даже указываетъ на св. Василія, у котораго онъ заимствовалъ нѣсколько нравственныхъ правилъ. При своихъ религіозныхъ стремленіяхъ, Владиміръ конечно былъ человѣкъ начитанный; и сколько можно догадываться по его сочиненію, любимою его книгою былъ Псалтырь, къ которому онъ прибѣгалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, когда нужно было или на что нибудь рѣшиться или успокоить духъ отъ разныхъ тревогъ и волненій. «Встрѣтили меня,—говоритъ онъ,—на Волгѣ послы отъ моихъ братьевъ и сказали: соединись съ нами: выгонемъ обоихъ Ростиславичей и отнимемъ у нихъ волость; если же ты не пойдешь съ нами, то оставайся по себѣ, а мы будемъ сами по себѣ». Я отвѣчалъ имъ: «хоть вы и гнѣваетесь, не могу идти къ вамъ и нарушить клятву». Отпустивъ пословъ, въ печали я взялъ Псалтырь, разогнулъ его и вотъ что мнѣ *вынулось* (ся выня): вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя и проч.».

Кромѣ книгъ религіозныхъ, дѣйствовавшихъ на направленіе мысли набожнаго князя, на него имѣло вліяніе и монастырское духовенство съ своимъ идеаломъ. Съ самаго Владиміра святаго духовенство было у насъ въ тѣсной связи съ князьями и старалось дѣйствовать на нихъ поучительными словами. Конечно совѣты нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ были полезны князьямъ, сдерживая ихъ страсти; но не всѣ они по своему аскетическому характеру могли быть приняты внѣ сферы монашеской жизни. Князья не всегда могли ихъ исполнять въ кругу своей воинственной дружины, не отказавшись отъ положенія князя и не сдѣлавшись монахами. При настойчивости совѣтника должны были иногда происходить неудовольствія между нимъ и княземъ, и современныя сказанія указываютъ намъ на столкновеніе идеаловъ монашескихъ съ идеалами свѣтскихъ людей; но такъ какъ первые представляли интересы высшіе

религіозные, то конечно уступка чаще происходила со стороны послѣднихъ. Духовенство, относясь къ мірянамъ, главною добродѣтелью въ жизни выставляло «милостыню», и церковь приняла подъ свое покровительство всѣхъ нищихъ и убогихъ; не нерѣдко это требованіе милостыни выражалось совѣтомъ «продать имѣніе и раздать нищимъ». Мономахъ не могъ принять этого крайняго требованія, оставаясь княземъ; но тѣмъ не менѣе онъ признаетъ «милостыню повсюду началомъ всякому добру». Къ ней онъ присоединяетъ еще два монашескія требованія: покаяніе и слезы:

Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божия, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися; а Бога дѣля не лѣнитеся, молювыся, не забывайте трехъ дѣлъ тѣхъ; не бо суть тяжька: ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью.

Такъ какъ главная цѣль жизни человѣка есть спасеніе души, которое, по взгляду Мономаха, достигается добрыми дѣлами, то отсюда и самое его Поученіе раздѣляется на двѣ части: въ первой представляется христіанская мораль, выраженная преимущественно словами Псалтыря и Василія Великаго, какъ сила, образующая нравственнаго человѣка: здѣсь рисуется идеалъ праведника въ отношеніи его къ Богу и людямъ. Въ другой части представляется согласованіе жизни княжеской съ христіанскимъ духомъ, слѣдовательно идеалъ князя и стремленіе опредѣлить кругъ добрыхъ дѣлъ княжескихъ. Эта послѣдняя можетъ подраздѣляться еще на двѣ части: 1) совѣты, какъ устроить жизнь въ княжеской сферѣ, 2) исчисленіе собственныхъ трудовъ—походовъ и лововъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Всѣ біографическія подробности Мономахъ приводитъ съ тою цѣлью, чтобы изъ нихъ сдѣлать слѣдующій выводъ:

Смерти бо ся, дѣти, не бояче, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творяти, како вы Богъ подасть; оже бо азъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже

не будеть отъ Бога повелѣнье; а оже отъ Бога будеть смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могуть отъяти, но отче добро есть блюсти; Божіе блюденье лѣпле есть человѣчьскаго.

И такъ творить *мужьское* дѣло и блюсти *отчее добро* т. е. то, что пріобрѣли отцы—вотъ выраженія, которыя должны служить характеристикою дѣятельной личности Мономаха и идеала русскаго князя, который онъ начертилъ въ своемъ Поученіи.

Изложить подробности содержанія первой половины второй части Поученія. Опредѣлить идеальныя отношенія князя къ людямъ, какъ человѣка сильнаго, какъ судьи, какъ правителя и предводителя дружины; представить сферу княжеской жизни — домашней, военной, въ путешествіи.

Слово о полку Игоревѣ.

Единственная рукопись.—Личность поэта.—Старинная поэзія.—Новое время изображенное въ Словѣ.—Лѣтописный разсказъ.—Историческая сторона Слова.—Чувства поэта.—Идеалъ князя.

Какъ въ Поученіи Мономаха намъ представляется идеалъ русскаго князя, выработавшійся подъ вліяніемъ христіанскимъ въ средѣ княжеской жизни, такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ мы видимъ еще прежнее языческое міросозерцаніе, которое принадлежало болѣе массѣ и которое впрочемъ не мѣшало развиваться патріотическому чувству въ поэтѣ. Эти остатки языческихъ вѣрованій конечно были причиною, почему такое поэтическое произведеніе было слишкомъ мало распространено въ грамотной средѣ русскихъ людей. Въ тѣ времена грамотность развивалась только вслѣдствіе религіозныхъ потребностей, отчего и всѣ грамотные были люди набожные, преимущественно монастырскіе. Они любили читать лишь книги содержанія религіознаго или нравственнаго, или лѣтописныя сказанія; они занимались и перепискою книгъ, но изъ благочестія, считая это дѣло христіанскимъ подвигомъ; очень понятно, что они не

могли увлекаться такими произведеніями, гдѣ всѣ поэтическіе образы и картины основаны на старинныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, къ которымъ христіанство относилось враждебно. Вотъ отчего эта прекрасная старорусская поэма современемъ совершенно забылась и только въ концѣ прошедшаго столѣтія была вновь открыта графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, извѣстнымъ любителемъ и собирателемъ старинныхъ русскихъ рукописей. Въ 1800 году Слово было напечатано; но смыслъ многихъ мѣстъ въ немъ оказался неяснымъ или совсѣмъ непонятнымъ: кто былъ виноватъ въ этомъ, неисправный переписчикъ рукописи или послѣдніе его читатели, не разобравшіе хорошо старинннаго почерка, неизвѣстно; вскорѣ за тѣмъ сдѣлалось и невозможнымъ провѣрить печатную редакцію, такъ какъ сборникъ, гдѣ былъ найденъ списокъ Слова, сгорѣлъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ богатою библіотекою графа Мусина-Пушкина въ московскомъ его домѣ при нашествіи французовъ; другой же рукописи до сихъ поръ нигдѣ не отыскано. По редакціи перваго изданія впослѣдствіи стали дѣлаться и другія; многіе ученые трудились надъ объясненіемъ темныхъ мѣстъ текста, и хотя нѣкоторыя удалось имъ объяснить болѣе или менѣе удовлетворительно, но многія все еще остались непонятными.

О самомъ поэтѣ, составившемъ Слово, намъ ничего неизвѣстно; о немъ мы можемъ дѣлать заключеніе только по содержанію его разсказа, на сколько личность поэта можетъ отразиться въ его произведеніи. При этомъ еще нужно замѣтить, что, по всей вѣроятности, оно дошло до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ создалъ его поэтъ. Онъ называетъ свое произведеніе *пѣснію*, тогда какъ складъ рѣчи извѣстнаго намъ Слова совсѣмъ не пѣсенный и не допускаетъ и мысли о пѣніи. Въ метафорическомъ же смыслѣ слово «пѣть», пѣніе, какъ употребляютъ его новые поэты, онъ не могъ употреблять, потому что въ тѣ времена поэты дѣйствительно пѣли, а не писали, и подъ вліяніемъ вдохновенія, принимались за гусли, а не за перо. Да и едва ли былъ грамотенъ поэтъ Слова: грамотность тогда пріобрѣталась при книгахъ религіозно-христіанскаго содержанія, которое должно было разрушать цѣлость языческаго міросозерцанія; тогда какъ Слово проникнуто этимъ послѣднимъ. Надо скорѣе полагать, что оно записано впослѣдствіи какимъ либо грамотѣемъ по памяти, отчего нарушилось

и пѣсенный складъ рѣчи, отчего и встрѣчаются въ немъ нѣкоторыя церковно-славянскія формы. Кромѣ того мѣстами нужно предполагать и пропуски, такъ какъ нѣкоторые переходы отъ одной части къ другой слишкомъ рѣзки, напр. отъ вступленія, гдѣ идетъ рѣчь о поэзіи Бояна и о славномъ предметѣ *повѣсти*, переходъ къ выступленію Игоря въ походъ (*тогда* Игорь возрѣ на свѣтлое солнце); или послѣ «Игорь *ждетъ* мила брата Всеволода», слѣдуетъ тотчасъ же: «И *рече* ему буй-туръ Всеволодъ». Поэтъ Слова, какъ видно, воспиталъ въ себѣ поэтическій духъ старинными пѣснями, въ которыхъ воспѣвались подвиги первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинъ и изъ которыхъ часть могла войти и въ разсказы лѣтописи Нестора. Такъ какъ въ нихъ представляются военные интересы дружины и князя, то ихъ мы и можемъ отнести къ дружинному эпосу. Да и самое Слово есть образецъ того же эпоса, хотя уже въ другомъ періодѣ своего развитія. Какое впечатлѣніе на русскихъ людей производили такія пѣсни, это мы можемъ видѣть по восторгу, съ какимъ пѣвецъ Слова относится къ нимъ, соединяя съ ними имя Бояна, *пѣснотворца стараго времени*. По нимъ онъ знакомъ со всѣмъ прошедшимъ русскаго народа, а прошедшее это было славное: то были времена стараго Владиміра, лѣта Ярослава и Мстислава, который зарѣзалъ Редедю передъ касожскими полками; на долю же поэта Слова досталось представлять былины новаго времени — бѣдствія Русской земли. Въ этой новой пѣснѣ стало уже невозможнымъ «замышленіе Бояна»; поэзія должна была питаться чувствомъ горести и скорби, не «скача соловьемъ по мысленному древу, не взвиваясь орломъ подъ облака». Изъ старинной же поэзіи пѣвецъ Слова заимствуетъ нѣкоторыя картины и припѣвки, не оставляя впрочемъ исторической почвы и стараясь изображать то, что дѣйствительно возбуждало горесть въ русскихъ сердцахъ.

Время, изображенное поэтомъ, было самое тяжелое — шла ожесточенная борьба между Мономаховичами и Ольговичами. Великимъ княземъ съ 1176 года былъ внукъ Мономаха Всеволодъ Юрьевичъ, жившій во Владимірѣ; старшій въ родѣ Ольговичей былъ внукъ Олега, Святославъ Всеволодовичъ, княжившій въ Кіевѣ и присвоивавшій себѣ титулъ великаго князя. Первые годы своего правленія Всеволодъ провелъ въ усиленной

борьбѣ съ Святославомъ; здѣсь изъ средѣ Мономаховичей отличались въ особенности дѣятельные Ростиславичи, правнуки Мономаха, Рюрикъ и Давидъ; въ средѣ Ольговичей — князья сѣверскіе, Игорь и Всеволодъ Святославичи (сыновья Святослава Ольговича). Игорь еще при великомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ въ 1171 году прославилъ себя побѣдою надъ половецкими ханами Кобякомъ и Кончакомъ, напавшими на Русскую землю. Впрочемъ, Ольговичи, по примѣру дѣда своего Олега, сами не рѣдко призывали половцевъ на подмогу себѣ противъ Мономаховичей. Такъ еще въ 1181 году Святославъ, нанявъ множество половцевъ, имѣлъ съ великимъ князёмъ военное дѣло, въ которомъ отличался одинъ изъ сѣверскихъ князей Всеволодъ трубчевскій; а братъ его Игорь, предводительствуя половцами, въ полкахъ Святослава, былъ разбитъ въ кіевской области Рюрикомъ Ростиславичемъ. Такой призывъ половцевъ безславилъ Ольговичей въ глазахъ народа, который высказывалъ большую любовь къ роду Мономаха, всегда встрѣчавшему враговъ Русской земли вооруженною рукою. Такъ и при послѣдней битвѣ Рюрикъ-Мономаховичъ, оставшись побѣдителемъ, не хотѣлъ продолжать вражду, а призналъ Святослава старѣйшимъ, отдалъ ему Кіевъ и обѣщалъ вѣрную дружбу сѣверскимъ князьямъ, съ условіемъ, чтобы они подобно ему защищали Русскую землю отъ половецкихъ набѣговъ и не давали бы христіанъ въ жертву дикимъ кипчакамъ. И дѣйствительно въ 1184 г. южнорусскіе князья соединились противъ половцевъ; имъ на подмогу прислалъ дружину и знаменитый князь галицкій Ярославъ *Осмомыслъ*. Походъ былъ удаченъ; русскіе нѣсколько разъ разбивали половцевъ, забрали много плѣнныхъ и добычи и возвратились со славою на родину. Но въ этомъ походѣ не участвовали князья сѣверскіе — Игорь новгородскій и братъ его Всеволодъ трубчевскій; оба они отличались отвагою; лѣтопись особенно славитъ Всеволода, называя его *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей. На слѣдующій годъ они задумали также добыть себѣ славу въ степяхъ половецкихъ и отправились къ Дону; съ ними пошли сынъ Игоря Владиміръ, князь путивльскій и племянникъ, сынъ покойнаго ихъ брата Олега, Святославъ князь рыльскій. Вотъ этотъ то походъ и послужилъ содержаніемъ Слова о полку Игоревѣ. Онъ также подробно описанъ и въ Ипатьевской лѣтописи; сличая съ нею разсказъ Слова, мы

заключаемъ, что поэтъ избѣгаетъ вымысла и повѣствуетъ дѣйствительно по *былинамъ своего* времени, но повѣствуетъ какъ поэтъ, а не какъ лѣтописецъ.

Князья уже приближались къ рѣкѣ Дону, разсказываетъ лѣтопись, вдругъ вечеромъ Игорь, посмотрѣвъ на небо, увидѣлъ солнце, стоящее какъ мѣсяцъ, и сказалъ боярамъ и дружинѣ: посмотрите, что это за знаменіе. Они увидѣвъ это, поникли главами, говоря: князь, это знаменіе не на добро. Игорь отвѣчалъ: братья и дружина, тайны Божіей никто не знаетъ, творецъ знаменью Богъ; что онъ сотворитъ намъ, на добро-ли, на зло, то намъ и увидать. Сказавъ это, онъ перешелъ Донецъ, пришелъ къ Осколу и тамъ ждалъ два дня брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска. Соединившись, они отправились далѣе и на утро въ пятницу встрѣтились съ половцами; первая битва съ ними была удачна для русскихъ, враги ихъ побѣжали, преслѣдуемые дружинами княжескими, и оставили въ ихъ рукахъ много добычи. Лѣтописный разсказъ при описаніи этой и слѣдующей уже роковой для русскихъ битвы отличается многими подробностями, которыхъ нѣтъ въ поэтическомъ Словѣ; видно, что онъ составленъ со словъ участника въ дѣлѣ. Русскіе конники, составлявшіе дружину, окруженные толпами половцевъ, могли бы черезъ нихъ пробиться, но они не хотѣли оставить *черныхъ людей* на жертву врагу «оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черные люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ, сихъ выдавше; пойдемъ, но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». Тогда они спѣшились и всѣ вмѣстѣ продолжали битву. Не смотря на рану, Игорь выказалъ много храбрости въ битвѣ. Увидя своего брата Всеволода, крѣпко борющагося, онъ просилъ смерти душѣ своей, чтобы не видѣть паденія брата, а Всеволодъ такъ бился, что даже не осталось и цѣльнаго оружія въ рукахъ его. «И тако, прибавляетъ лѣтопись, въ день святаго воскресенія наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто жалю, рѣцѣ Каялы». И далѣе влагается въ уста Игоря въ видѣ раскаянія обыкновенная мораль тогдашнихъ набожныхъ людей:

Помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ

землѣ крестьянстѣй; яко же бо азъ не пощадѣхъ крестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьяни, отлучаеми отецъ отъ рожденій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывщею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, и та вся створивъ азъ, рече Игорь, не достойно ми бяшеть жити, и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего (Олега) сынъ? гдѣ чадо рожденія моего? гдѣ бояре думающіи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнная? Не отъ всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы безаконнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. . .

Эта придуманная рѣчь Игоря прекрасно рисуетъ тѣ ужасныя бѣдствія, которыя долженъ былъ терпѣть народъ отъ княжескихъ междоусобій. Не помогло раскаяніе Игоря: дружины княжескія были перебиты; спаслись очень немногіе; князья были забраны въ плѣнъ. Половцы же раздѣлились на двое; одни съ ханомъ Кончакомъ пошли къ Переяславлю, другіе съ Гзою въ Сѣверскую землю; и тамъ и здѣсь произвели страшныя опустошенія, такъ какъ князья не были готовы для встрѣчи ихъ. Между тѣмъ Игорь, находясь въ плѣну, пользовался нѣкоторою свободою. Къ нему привязался половчанинъ Лаворъ и вызвался помочь ему спастись изъ плѣна бѣгствомъ; но Игорь сначала не хотѣлъ воспользоваться этимъ, боясь навлечь на себя дурную славу:

«Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамь пойти». (Наконецъ князя уговорили бѣжать нѣкоторые изъ дружины, бывшіе съ нимъ въ плѣну). «Не бяшеть бо ему лзѣ бѣжать въ день и

въ ночь, иже стерожеве стережахуть его, токмо и время таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: перееди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ. . . Въ тоже время половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ и наклонися образу Божію и кресту чесному, глаголя: Господи, сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго, и возмя на ся крестъ, икону и подойма стѣну, лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сій же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь: и тако пойдоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ; и иде пѣшь 11 день до города Донца, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ.»

Владиміръ, сынъ Игоря, еще нѣсколько времени пробылъ въ плѣну у половцевъ и уже черезъ два года возвратился къ отцу, женатый на дочери половецкаго хана; съ нимъ прибылъ и дядя его Всеволодъ.

Здѣсь вкратцѣ изложено лѣтописное повѣствованіе, съ которымъ можно сравнить историческую сторону Слова о полку Игоревѣ. Какъ поэтическое произведеніе, оно рѣзче и многостороннѣе опредѣляетъ свою эпоху: здѣсь мы видимъ тогдашнюю русскую жизнь въ самыхъ крупныхъ ея чертахъ. Поэтъ представляетъ не только походъ на половцевъ, но и княжескія *крамолы*, принесшія много огорченій Русской землѣ; онъ указываетъ и на главныхъ участниковъ этой междоусобной борьбы, которые, отличаясь доблестями, тратили свои силы на гибель русскихъ, вмѣсто того, чтобы соединиться и поражать враговъ Русской земли. Поэтъ рисуетъ и картины изъ прошедшей жизни, припоминаетъ и славныхъ дѣятелей ея, отличая тѣхъ, которые думали о благѣ народа, отъ тѣхъ, которые причиняли ему зло. Много воспоминаній накопилось въ памяти народа отъ его исторической жизни, *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря*. Эту-то жизнь и изображаетъ намъ поэтъ.

Походъ Игоря—фактъ самъ по себѣ незначительный въ общемъ ходѣ историческихъ событій; но поэтъ выбралъ его, под-

давшись патріотическому чувству, руководствуясь интересомъ своего времени. Набѣги половцевъ причиняли столько зла русскимъ, что борьба съ ними была подвигомъ народнымъ. Въ то время для народной эпопеи нельзя было и выбрать предмета лучше этой борьбы, а поэту, жившему народною жизнію, сочувствовавшему всѣмъ бѣдствіямъ народнымъ, даже удобнѣе было остановиться на несчастномъ походѣ, чтобы вокругъ него сгруппировать все то зло, которымъ страдала Русская земля. Сочувствуя отважному предпріятію Игоря съ цѣлью ослабить половецкія силы, предпріятію хотя и неудачному, поэтъ даже забываетъ, что Игорь еще недавно самъ предводительствовалъ тѣми же половцами противъ дружинъ русскихъ; смотритъ на него уже какъ на героя, какъ на страдальца за Русскую землю, въ которомъ можно олицетворить идеалъ князя. Не такъ поступаетъ лѣтописецъ, представляя Игоря, окруженнаго врагами; онъ припоминаетъ то зло, которое пришлось потерпѣть отъ этого князя *христіанамъ*, и въ его пораженіи видитъ только достойное возмездіе за то. Для идеала князя, созданнаго поэтомъ, мало однихъ военныхъ доблестей и всѣхъ лучшихъ чертъ, составляющихъ идеалъ воина; съ ними должно еще сливаться сознаніе тѣсной связи съ Русской землею, и отсюда всѣ силы его должны быть направлены на благо той же земли. Это требованіе отъ русскаго князя высказывалось, какъ мы уже видѣли, и прежде другими лучшими и нравственными людьми. Это идеалъ того времени, который усвоилъ себѣ и поэтъ. Въ его глазахъ никакія доблести княжескія не могутъ возвысить князя, если съ ними не соединяется вопросъ о Русской землѣ. Вотъ отчего онъ высказываетъ видимое нерасположеніе къ дѣду Игоря Олегу, князю весьма доблестному, но не болѣвшему за Русскую землю. Вотъ отчего каждая попытка князя для дѣла на общее благо возбуждаетъ въ поэтѣ восторгъ до забвенія всѣхъ бѣдствій, вызванныхъ прежде тѣмъ же самымъ лицомъ. И за то какими яркими красками рисуетъ онъ доблести этихъ князей, какъ героевъ Русской земли: Игоря съ Всеволодомъ, Святослава кіевскаго, великаго князя Всеволода, Ростиславичей—Рюрика съ Давидомъ, Ярослава Галицкаго и другихъ.

Сознаніе единства Русской земли, не смотря на ея раздробленность, также ясно высказывается у поэта. Оно конечно вы-

текало изъ единства рода князей, которые дѣлили между собою землю, но признавали главою одного, старшаго изъ своей среды. Отсюда и патріотизмъ поэта не мѣстный, не областной, а обще-русскій. Онъ взываетъ всѣхъ русскихъ князей вступиться за землю Русскую, за раны Игоря. Его трогаютъ страданія всего народа, гдѣ бы они ни проявлялись, ему знакомы и дороги славныя преданія всей земли.

Раздѣлить Слово на крупныя части и перечислить послѣдовательно подробности каждой изъ нихъ. Обратить вниманіе на поэтическую сторону Слова: идеальное изображеніе князей и дружины, отношеніе поэта къ природѣ; какія сравненія изъ нея заимствуетъ онъ, какія миѳическія вѣрованія отражаются въ его изображеніяхъ; какія аллегорическія картины рисуетъ онъ; какъ онъ смотритъ на старинную поэзію и что изъ нея заимствуетъ; замѣтить лирическія мѣста поэмы и эпическія выраженія, повторяющіяся чаще другихъ. Указать на признаки, по которымъ Слово слѣдуетъ отнести къ эпическимъ произведеніямъ.

Сравненіе Слова съ нынѣшнею южно-русскою поэзіею представляетъ сходство въ нѣкоторыхъ эпическихъ пріемахъ какъ напр. сравненіе битвъ съ пиромъ или съ работами земледѣльца, уподобленіе горюющей женщины кукушкѣ или горлицѣ, или другой птицѣ. Слогъ Слова отличается особенною сжатостью, которая сообщаетъ ему силу; въ языкѣ сохранились древнія формы и признаки языка южно-русскаго, хотя неисправная редакція и внесла въ него много неправильностей.

(*Историческіе очерки русской народной словесности Буслаева, статья: Русская поэзія XI и начала XII стол.*).

Проповѣдь Кирилла Туровскаго.

Вліяніе византійское.—Личность проповѣдника и отношеніе къ нему слушателей.—Цѣль проповѣдей его.—Форма изложенія.

Поученія и проповѣди писались у насъ съ самаго начала христіанства; они старались или примѣнять христіанскую мораль къ жизни, осуждая всю ту старину, которая уже была не согласна съ новымъ идеаломъ, или изъяснять догматы вѣры. Проповѣдь Кирилла Туровскаго, жившаго въ XII стол.,

интереса для насъ по тому византійскому вліянію, которому должны были подчиниться наши проповѣдники. Они воспитывали въ себѣ христіанскій духъ подъ вліяніемъ двухъ силъ,— *обще-христіанской*, или библейской, вчитываясь въ книги библіи ветхаго и новаго завѣта и усвоивая изъ нихъ понятія и взгляды, и *византійской*, слѣдуя толкованіямъ и объясненіямъ византійскихъ писателей и усвоивая ихъ ученія и идеалы, ихъ аскетическое отношеніе къ жизни. Впрочемъ не всѣ изъ нашихъ проповѣдниковъ были родомъ русскіе. Византійскіе патріархи не рѣдко назначали въ русскіе митрополиты изъ другихъ славянъ или изъ грековъ, которые, являясь къ намъ, хорошо знакомые съ византійскими писателями, вносили и въ свои поученія вопросы, скорѣе интересные для византійцевъ чѣмъ для русскихъ. Разныя богословскія тонкости, требовавшія высшаго просвѣщенія, были недоступны той русской массѣ, которой предлагались поученія. А между тѣмъ русскіе умы и таланты, въ своемъ стремленіи къ высшему духовному просвѣщенію, увлекались подражаніемъ византійскимъ образцамъ и упражняли себя въ слогѣ по византійской реторикѣ. Она же требовала цвѣтистыхъ выраженій, аллегорій, символическихъ образовъ. Вообще во всемъ византійскомъ искуствѣ того времени господствовалъ символизмъ, чѣмъ оно рѣзко отличалось отъ классическаго искуства, славнаго своею простотою и пластичностью. Символика, столь обыкновенная въ восточной поэзіи, перешла въ византійское искуство и здѣсь развилась до крайности, обратившись въ вычурность, т. е. въ излишнія украшенія поэтическаго образа, нетребуемыя основною мыслію. Всѣхъ больше подчинился этому вліянію даровитѣйшій изъ русскихъ проповѣдниковъ Кириллъ епископъ Туровскій. Сынъ богатыхъ родителей, онъ еще въ юности отказался отъ наслѣдства и велъ строгую монашескую жизнь по тому аскетическому идеалу, который усвоилъ себѣ изъ чтенія религіозныхъ византійскихъ книгъ. Своею жизнію онъ обратилъ на себя вниманіе жителей города Турова, уроженцемъ котораго былъ онъ самъ, и по ихъ просьбѣ былъ поставленъ въ Туровскіе епископы. У него былъ замѣчательный поэтическій талантъ, котораго онъ впрочемъ не связалъ съ русской дѣйствительностью, а напротивъ отвлекъ отъ нея въ сферу высшихъ религіозныхъ созерцаній. Изъ дошедшихъ до насъ его сочине-

ній большую часть составляютъ проповѣди. Но между нимъ и его слушателями было слишкомъ мало живой связи, такъ какъ они не понимали его. Къ нему не стекались съ жадностью слушать его слова, на что онъ самъ жалуется въ одномъ поученіи. Но онъ не полагалъ, что его рѣчь недоступна простымъ неученымъ людямъ, что увлекаться его поэтическими образами могло только воображеніе, развитое византійскимъ искуствомъ. Цѣль проповѣдей его заключается въ изображеніи и прославленіи того или другаго евангельскаго событія. Какъ поэтъ онъ ищетъ въ каждомъ фактѣ общаго смысла, идей, которую и старается развивать въ подробностяхъ факта; ихъ же онъ придумываетъ самъ, конечно согласно съ евангельскимъ или христіанскимъ духомъ. Такимъ образомъ событіе, сжато переданное въ евангеліи, у него значительно распространяется блестящими описаніями обстановки дѣйствія, разговорами, такъ что иногда повѣствованіе переходитъ въ драматическое изображеніе. Здѣсь безпрестанно возникаютъ у него новые поэтическіе образы, которые создаетъ его плодовитая фантазія; но его творчеству не достаетъ свободы и самостоятельности, подавленныхъ крайнимъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ: онъ впадаетъ въ ту же вычурность слога, какъ и они. Вотъ почему въ послѣдствіи его смѣшивали съ византійскими писателями и съ его трудами соединяли имя Іоанна Златоустаго, имѣя въ виду красивое убранство его словъ.

Вотъ для образца отрывокъ изъ «Слова въ новую недѣлю по Пасцѣ».

Нынѧ (весною) солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть; възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Нынѧ луна съ вышьняго съступивъши степени, большему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста, и пророкы Христову закону съ недѣлею честь подають. Нынѧ зима грѣховная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія благоразуміемъ растаяся; зима убо языцьскаго кумирослуженія апостольскымъ ученіемь и Христовою вѣрою престала есть; ледъ же Фомина невѣрія показаніемъ Христовыхъ ребръ растаяся.

Проповѣдь Серапіона.

Новое настроеніе религіознаго духа, вызванное татарскимъ игомъ.— Великорусское племя и его колонизаторы.—Отношеніе массы народа къ христіанскимъ идеаламъ.—Связь проповѣдей Серапіона съ современною дѣйствительностію.

Нашествіе татаръ и наконецъ самое иго произвели особенно сильное впечатлѣніе на умы русскихъ религіозныхъ людей. Они смотрѣли на это какъ на странное выраженіе Божьяго гнѣва за мірскіе грѣхи. Искать естественныхъ причинъ такому бѣдствію никому не приходило и въ мысли. Религіозное настроеніе усилилось. Явилось сознаніе необходимости ослабить причину Божьяго гнѣва и тѣмъ умилостивить Бога; для этого нужно было указать людямъ на ихъ жизнь и поступки, несогласные съ христіанскимъ ученіемъ, и призывать ихъ къ покаянію. Такъ какъ югъ Русской земли былъ особенно опустошаемъ, то главная дѣятельность—политическая и религіозная, стала проявляться на сѣверо-востокѣ, сперва во Владимірской, потомъ въ Московской областяхъ. Здѣсь христіанство еще менѣе имѣло вліянія на жизнь массы, чѣмъ на югѣ; народные нравы были еще грубѣе, языческіе обычаи держались еще сильнѣе. Кіевъ и западныя области мало по малу стали жить отдѣльною жизнію подъ властію литовскихъ князей и наконецъ соединились съ Польшею. Такимъ образомъ выступаетъ на историческую сцену все великороссійское племя, представителемъ котораго до сихъ поръ были только новгородцы и псковичи. Они конечно были развитѣе прочихъ, дорожили своими учрежденіями и вольностью, которую постоянно и ревностно отстаивали, высокомѣрно относились къ прочимъ великорусскимъ отраслямъ, не желая сливаться съ ними. Этимъ же послѣднимъ нужно было только начинать развитіе, подъ вліяніемъ той цивилизующей силы, которая уже болѣе двухъ вѣковъ стремилась направлять жизнь на югѣ и сѣверо-западѣ Русской земли.

На долю всего великорусскаго племени пало распространеніе русскихъ предѣловъ на сѣверѣ и востокѣ посредствомъ колонизаціи. Колонизаторами между прочими являются и люди,

вооруженные тою же цивилизующею силою, люди крѣпкіе духомъ, энергическіе, направлявшіе свою мысль на служеніе христіанскому идеалу. Одни изъ нихъ шли къ сосѣдямъ-иновѣрцамъ, чтобы среди нихъ распространять христіанское ученіе и показать дорогу другимъ русскимъ людямъ. Случалось, они и погибали въ тяжелой борьбѣ съ враждебными силами. Случалось, что водружали крестъ на мѣстѣ капищъ, которыя и стали мало по малу привлекать толпы уже именемъ христіанскаго Бога. Другіе удалялись на разныя окраины, въ мѣста пустынныя для аскетическихъ упражненій, привлекали къ себѣ и другихъ, передавали имъ свой идеалъ, устраивали монастырскую жизнь, а вокругъ монастыря мало по малу начинали являться селенія. Между тѣмъ громкій призывъ къ покаянію на русской землѣ не былъ напрасенъ. Религіозность проникала во многія сердца и овладѣвала умами и воображеніемъ. Потребность покаянія не могла удовлетвориться мірскою жизнію; по понятіямъ вѣка, можно было каяться только въ монастырскихъ стѣнахъ. Это вызываетъ множество новыхъ монастырей въ великорусскихъ областяхъ. Одни изъ религіозныхъ побужденій строятъ ихъ, обезпечивая землями и богатыми вкладами; другіе же изъ тѣхъ же побужденій спѣшатъ наполнять ихъ. Лучшіе умы и таланты, отдаваясь высшимъ духовнымъ стремленіямъ, находятъ только одно это поприще и на немъ соединяютъ свои силы. Одинъ и тотъ же религіозный идеалъ одушевляетъ всѣхъ ихъ; подъ него они стремятся подвести всякую жизнь. Монастыри пріобрѣтаютъ особенную силу и значеніе. Это поняли даже татары, давая имъ особыя льготы. Въ монастыряхъ сосредоточивается грамотность, переписываются книги, ревностно читаются, ведутся лѣтописи, составляются изъ нихъ своды.

Все это имѣло нѣкоторое вліяніе на массу народа, но идеала монашескаго для своей жизни принять она не могла, такъ какъ онъ вырабатывался въ другой сферѣ; масса издали удивлялась ему, признавала его авторитетъ; изъ нея иногда выдѣлялись болѣе энергическія и страстныя личности, присоединяясь къ монашеству, но въ самой средѣ ея развивалось двоевѣріе. Не забывъ своихъ прежнихъ языческихъ вѣрованій, она съумѣла соединить съ ними новыя христіанскія вѣрованія. Нерѣдко даже само священство, нигдѣ не ученое, раздѣляло съ наро-

домъ такое двоевѣріе и слѣдовательно не могло очищать новую народную вѣру въ христіанскомъ духѣ: не возвышаясь ничѣмъ надъ массою, оно и не могло ничѣмъ замѣнить ей тѣ суевѣрія, которыя отвѣчали народу на разные вопросы о природѣ и жизни; какъ ни были они странны и даже нелѣпы, но они успокаивали умъ, хотя и парализировали всякую самостоятельную его дѣятельность.

Все это вызывало проповѣди изъ монастырскихъ стѣнъ, со стороны епископовъ и митрополитовъ. Заботясь о всеобщемъ покаяніи, за которымъ должно было послѣдовать смягченіе Божьей кары, тяжело налегшей на Русскую землю, они раздражались и страдали при видѣ мірской жизни, далеко не христіанской, которая могла только усиливать небесный гнѣвъ, а не смягчать его.

Представителемъ такихъ страдальцевъ за мятежную жизнь русскихъ людей и за бѣдствія Русской земли можетъ служить Серапіонъ, сперва архимандритъ кіевопечерскаго монастыря, а потомъ епископъ владимірскій (ум. 1275 г.). Лѣтопись называетъ его «зѣло учительнымъ и сильнымъ въ божественномъ писаніи», что подтверждается и дошедшими до насъ его проповѣдями.

Дѣти мои, говоритъ онъ своей паствѣ, я чувствую въ моемъ сердцѣ глубокую скорбь о васъ, не видя вашего обращенія отъ дѣлъ беззаконныхъ. Не такъ скорбитъ мать при видѣ своихъ больныхъ дѣтей, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Много разъ бесѣдовалъ я съ вами, желая отвратить васъ отъ худыхъ навыковъ; но не вижу въ васъ никакой перемѣны. Разбойникъ ли кто изъ васъ, не отстаетъ отъ разбоя; воръ ли кто, не пропуститъ случая украсть; у кого ненависть къ ближнему, нѣтъ ему покоя отъ вражды; обижаетъ ли кто другаго, захватывая чужое, не насыщается грабежемъ; лихоимецъ ли кто, не перестаетъ брать мзду: бѣдный, онъ и не подумаетъ, что какъ родился нагимъ, такъ и умретъ, не имѣя ничего, кромѣ проклятія вѣчнаго. Умоляю васъ, братія, пусть каждый вникнетъ въ

свои мысли, разсмотритъ сердечными очами дѣла свои, возненавидитъ ихъ и откажется отъ нихъ.

Серапіонъ постоянно и съ сокрушеніемъ указываетъ на страшное иго, которое общимъ бѣдствіемъ сближало всѣхъ русскихъ людей! и которое онъ умѣетъ описывать самыми яркими красками. Стремленіе его—оправдать провидѣніе за страшный фактъ тою жизнію народа, которая противорѣчила христіанской морали.

Страшно, дѣти, впасть въ гнѣвъ Божій: какихъ казней мы не приняли отъ Бога: не плѣнена ли была наша земля, не взяты ли были наши города; не пали ли за тѣмъ отцы и братья наши на землю, не уведены ли были въ плѣнъ жены и дѣти наши, а оставшіеся не были ли порабощены иноплеменниками въ горькое рабство. Вотъ уже къ сороковому году приближаются томленіе и мука, а не прекращаются среди насъ ни голодъ, ни моръ; не можемъ съѣсть въ сласть своего хлѣба: наши вздохи и печаль сушатъ наши кости.

Богъ навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ не щадящій ни юной красоты, ни старческой немощи, ни дѣтской молодости.... разрушены божественныя церкви, осквернены божественные сосуды, все святое было потоптано, святители стали пищею меча, тѣла преподобныхъ монаховъ брошены на съѣденіе птицамъ, кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода, обильно напоила землю; крѣпость княжескихъ воеводъ пропала, храбрые наши въ страхѣ бѣжали, села наши поросли травою, величіе наше смирилось, красота наша погибла... мы свели на себя какъ дождь съ неба гнѣвъ Божій.

Конечно всѣ эти рѣчи не могли доходить до безграмотнаго народа. Онѣ по большей части произносились въ соборныхъ церквахъ горожанамъ, которые подъ вліяніемъ одушевленной скорби и краснорѣчія проповѣдника нерѣдко поддавались фанатизму, не умѣя сдерживать страстей. Такой примѣръ пред-

ставляетъ намъ самъ Серапіонъ, осуждая тѣхъ фанатиковъ, которые въ христіанской ревности нападали на волхвовъ, все еще гнѣздившихся въ деревняхъ и въ селахъ, а иногда заглядывавшихъ и въ города. Въ эти минуты волхвы дѣлались жертвами фанатизма, погибая въ огнѣ, а съ ними по одному подозрѣнію, случалось, гибли и не-волхвы. Проповѣднику въ этомъ случаѣ гнѣвно приходилось осуждать поганскіе обычаи, которые мѣшались съ христіанскими чувствами.

Малъ часъ порадовался за васъ, чада, видя вашу любовь и послушаніе.... а вы еще поганскаго обычая держитесь, вѣрите въ волхвованіе и сожигаете невинныхъ людей, наводя на весь міръ убійство... Изъ какихъ книгъ или изъ какихъ писаній слышали вы, что черезъ волхвованье бываетъ на землѣ голодъ или умножается жито? если вы въ это вѣрите, то зачѣмъ сжигаете волхвовъ, лучше молитесь имъ, чтите ихъ и дары приносите: пусть они строятъ міръ, пускаютъ дождь, приводятъ тепло, велятъ землѣ плодить: вотъ теперь уже по третье лѣто нѣтъ урожая не только въ Руси, даже и въ латынскихъ земляхъ, волхвы ли это сдѣлали? не Богъ ли такъ устраиваетъ, желая истомить насъ за грѣхи наши... Молю васъ, отстаньте отъ поганскихъ дѣлъ... Правила божественныя повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по свидѣтельству многихъ—вы же воду свидѣтелемъ поставили и говорите: ежели начнетъ утопать—неповинна, если поплыветъ—волшебница. Вы оставили свидѣтельство богосотвореннаго человѣка и пошли къ бездушному естеству, чтобы отъ него принять свидѣтельство и прогнѣвать Бога. Вы слышали, что Богъ посылалъ казнь на землю отъ первыхъ родовъ до потопа... а въ наше время чего мы не видѣли; войны, голодъ, моръ, землетрясенье, наконецъ же преданы были иноплеменникамъ не только на смертъ и въ плѣнъ, но въ горькое рабство.

Все это живо рисуетъ тогдашніе нравы массы и отношеніе къ нимъ религіозныхъ людей.

Прочитать поученіе Серапіона *о знаменіяхъ*, опредѣлить цѣль автора, связь съ тогдашней современностью и личныя отношенія его къ дѣйствительности. (Хр. Буслаева).

Задонщина.

Характеръ умильныхъ повѣстей.—Подражаніе Слову о полку Игоревѣ.—Другія идеальныя черты.—Историческая сторона.

Татарское иго отмѣтилось многими фактами, которые поражали умы и воображеніе современниковъ. Это выразилось и въ цѣломъ рядѣ повѣстей особаго рода. Онѣ названы *умильными* по впечатлѣнію, какое производятъ на читателя. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ составъ лѣтописей. До насъ дошли повѣсти *О нашествіи злочестиваго царя Батыя на Русскую землю*, *Убіеніе князя Михаила черниговскаго и боярина его Феодора отъ Батыя*, *Убіеніе князя Михаила тверскаго въ ордѣ отъ Узбека*, *Сказанія о побоищѣ Димитрія Донскаго съ Мамаемъ*, *Сказаніе о взятіи и раззореніи Москвы Тахтамышемъ*, *Повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамердана*. Всѣ онѣ составлены людьми религіозными, убѣжденными, что гнѣвъ Божій насылалъ бѣдствія на Русскую землю, что причиною гнѣва были грѣхи русскихъ людей, и что слѣдовательно облегченія отъ бѣдъ и побѣды должно было искать только въ Богѣ. Лица, идеально представленныя въ этихъ повѣстяхъ, отличаются преданностью Богу, съ постоянною молитвою на устахъ, и если они торжествуютъ надъ врагами, то не личными доблестями, а помощью свыше, которую и признаютъ съ полнымъ смиреніемъ.

Слогъ такихъ сочиненій отличается большею или меньшею вычурностью, какъ вообще слогъ всѣхъ тогдашнихъ грамотѣевъ, у которыхъ были подъ рукою византійскіе образцы; но при всемъ томъ чувства, выраженныя въ повѣстяхъ, нельзя не назвать искренними—это безграничная ненависть къ татарамъ, глубокое состраданіе къ русскимъ людямъ—жертвамъ

плаченнаго ига. За то искренно выразилась и радость, когда пришлось возвѣстить о первомъ торжествѣ русскихъ надъ «безбожною ордою», когда наконецъ всѣхъ ободрила мысль, что смягчается гнѣвъ Божій и явилась надежда на спасеніе отъ власти немилостиваго народа, наведеннаго на насъ за грѣхи наши. Не нашлось, правда, достойнаго поэта, который бы прославилъ подвиги князей и ихъ дружинъ въ народной эпопеѣ, подобной Слову о полку Игоревѣ, но по крайней мѣрѣ нашелся подражатель пѣвца Слова, какой-то рязанецъ Софроній, сложившій разсказъ о борьбѣ Димитрія Донскаго съ Мамаемъ. Къ сожалѣнію до насъ не дошелъ онъ въ своемъ первоначальномъ видѣ: мы знаемъ только его передѣлки въ двухъ редакціяхъ: одна—Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, другая—Задонщина. Первая болѣе отличается книжною рѣчью со всѣми обычными византійско-риторическими пріемами:

Сія повѣдай, *Уранъ*, како случися брань на Дону православнымъ христіанамъ з безбожными *Агаряны*, како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство, яко же иногда *Гедіономъ Мадіама низложи* и православнымъ *Моисвомъ Фараона*.... Попущеніемъ Божіимъ отъ наученія діавола воздвигся царь отъ восточныя страны имянемъ Мамай, *Еллинъ* сый родомъ, вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злый....

Въ Задонщинѣ мы замѣчаемъ болѣе подражанія Слову о полку Игоревѣ, что также имѣетъ для насъ свой интересъ. Мы заключаемъ, что это знаменитое Слово было не совсѣмъ безъизвѣстно позднѣйшимъ поколѣніямъ, что своими картинами оно дѣйствовало на ихъ воображеніе, хотя надо сказать, уже не все было имъ понятно. Такъ Задонщина вмѣсто вѣщаго Бояна говоритъ о *вещанномъ бояринѣ*, горазномъ гудцѣ въ Кіевѣ; поэтическій образъ *соловья стараго времени*, слитый съ Бояномъ, превращается *въ жаворонка, лѣтнюю птицу, красныхъ денъ утѣху*, или *въ соловья, лѣтнюю птицу*, которыя приглашаются воспѣть славу Димитрію Ивановичу. Вообще надо сказать, здѣсь теряютъ свой смыслъ всѣ поэтическіе образы Слова, непонятые разсказщикомъ Задонщины. Нѣ-

которыя слова онъ просто не могъ понять и иногда забавно читалъ ихъ по своему, напр. вмѣсто *за шеломенемъ* (за горою) прочиталъ *за Соломономъ*. Не сохранилось въ немъ и того духа и тѣхъ идеаловъ, которыми отличается Слово. Въ этомъ случаѣ Задонщина нисколько не похожа на него. Хотя ея герои нерѣдко говорятъ словами Игоря или Всеволода и друг., но идеальныя черты ихъ совсѣмъ не тѣ. Въ нихъ выражается дѣйствіе Божеской силы, которая является по ихъ молитвѣ и которая замѣняетъ всѣ идеальныя доблести героевъ Святославичей. Такъ въ эту эпоху фантазія перерабатывала старинные идеалы, что между прочимъ служитъ характеристикою времени.

Дѣйствительность дала автору Задонщины слѣдующіе факты: великій князь московскій Димитрій Ивановичъ и двоюродный братъ его князь Владиміръ Андреевичъ, соединившись съ другими русскими князьями, отправлялись въ походъ противъ Мамая, грозившаго раззорить всю Русскую землю. Къ нимъ пристали и князья литовскіе. Съ Димитріемъ были троицкіе чернецы изъ брянскихъ бояръ, Пересвѣтъ и Ослябя, которые участвовали и въ самой битвѣ. Она произошла на Куликовскомъ полѣ. Много пало съ той и съ другой стороны, наконецъ Мамай съ своими разбитыми полчищами бѣжалъ и искалъ спасенія въ Крыму.

Эти историческіе факты распространены авторомъ описаніями, взятыми изъ Слова, и рѣчами, примѣненными къ разнымъ лицамъ; даже плачъ Ярославны раздробился между княгинями, боярынями и воеводскими женами. Болѣе оригинальное изложеніе представляетъ бѣгство Мамая къ *фрягамъ*, поле Куликово послѣ битвы, счетъ убитыхъ русскихъ и прощаніе съ ними.

Прочитать нѣкоторые отрывки изъ Задонщины и отмѣтить описанія и выраженія, заимствованныя изъ Слова о полку Игоревѣ. (Хр. Бусл.).

Переписка князя Курбскаго съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ.

Московскій идеалъ князя.—Перемѣна въ положеніи дружины.—Борьба за идеалы.—Служба князя Курбскаго.—Отъѣздъ изъ московскаго царства.—Первое письмо его къ царю и отвѣтъ царя.—Прочія письма.

Въ русской народной пѣснѣ поется:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Въ этихъ словахъ есть историческій смыслъ. Время Грознаго представляетъ необходимое слѣдствіе всего предшествовавшаго московскаго періода, въ который постепенно вырабатывались новые идеалы при другой обстановкѣ жизни. Первый великій князь московскій Иванъ Калита, поставивъ себя въ особое отношеніе къ татарамъ и къ удѣльнымъ князьямъ, уже сталъ готовить Руси будущаго грознаго царя, какимъ явился Иванъ Васильевичъ. Подъ именемъ царя въ періодъ кіевскій у насъ разумѣли греческаго императора (цезаря), облеченнаго тою самодержавною властью, какой русскій народъ еще не зналъ. Впрочемъ духовенство, усвоивая себѣ византійскіе взгляды, идеально прилагало и это понятіе къ русскимъ князьямъ, но оно противорѣчило дѣйствительности: у князей, постоянно мѣнявшихъ свои удѣлы, еще не было крѣпкой связи съ народомъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они управляли.

Такъ въ «Ученіи (XIII столѣтія) ко всѣмъ христіанамъ» читаемъ:

Пріяйте князя главою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею: не возьмогутъ иные князи противиться вашему добру, если будете вѣрны вашему князю, и разбогатѣетъ земля ваша, и плодъ добрый возьмете съ нея... Если кто отъ своего князя къ иному князю отъѣдетъ, то подобенъ будетъ Іудѣ, замыслившему продать Господа князьямъ жидовскимъ.

Невозможно было народу испытать вѣрность этого ученія, потому что въ большей части случаевъ князья оставляли его, а не онъ былъ невѣренъ имъ. Точно такъ же и дружина не могла принять такого ученія, потому что каждый дружинникъ считалъ себя вполнѣ свободнымъ, и отъѣздъ отъ князя былъ его неотъемлемымъ и законнымъ правомъ, на которое ни одинъ князь не смотрѣлъ какъ на измѣну.

Во времена татарскія именемъ царя стали называть хана Золотой орды, что согласовалось съ неограниченною его силою и властью. Но московскіе князья нашли средство понемногу усыплять и обезсиливать эту власть, и даже пользоваться ея

силою, стѣсняя удѣльныхъ князей и подчиняя ихъ полной московской власти. При такомъ положеніи дѣлалось мало-помалу примѣнимо и ученіе духовенства о власти. Развивался уже новый идеалъ князя-господина и государя. Конечно удѣльные князья и всѣ старые города, гдѣ уже годами выработались извѣстныя нравственныя основанія и опредѣленныя отношенія къ Русской землѣ, враждебно должны были отнестись къ этому новому, московскому идеалу. Они смотрѣли на средства, употребляемыя Москвою въ политикѣ, какъ на средства, безнравственныя, татарскія; самые нравы Москвы, дѣйствительно еще очень грубые, казались имъ татарскими нравами. При тѣхъ отношеніяхъ, въ какія поставили себя московскіе князья къ татарскимъ ханамъ, считаясь ихъ холопами, въ идеалѣ княжескомъ уже стали меркнуть тѣ свѣтлыя черты, которыми онъ отличался прежде: удальство, личная храбрость, всѣ военныя доблести, заботы о чести княжеской и дружинной, все это уступало мѣсто хитрости, лукавству, интригамъ, неправдѣ, которыя оказывались вѣрнѣе въ рабскомъ состояніи слабаго подъ гнетомъ сильнаго. Иванъ Васильевичъ III, высказавъ много ума, хитрости, изворотливости и сильной воли, не высказывалъ уже никакой доблести князя-воина, такъ что даже духовникъ его Вассіанъ счелъ нужнымъ напомнить ему объ этомъ главномъ качествѣ прежняго идеала князя. Когда Иванъ Васильевичъ стоялъ съ войскомъ на Угрѣ, боясь вступить въ бой съ татарскими силами, Вассіанъ писалъ ему:

Поревнуй прародителямъ твоимъ; не только обороняли они Русскую землю отъ поганыхъ, но и иныя страны подъ себя принимали. Припомни Игоря, Святослава, Владиміра, бравшихъ дань съ царей греческихъ; припомни Владиміра Мономаха, какъ бился онъ съ окаянными половцами за Русскую землю, и иныхъ многихъ.

Въ томъ же Посланіи Вассіанъ, назвавъ татарскаго хана сначала царемъ, потомъ отрицаетъ отъ него этотъ титулъ, называя хищникомъ, разбойникомъ и богоборцемъ. Такими словами какъ бы смягчалось то византійское ученіе, которое повторялось въ нашихъ книгахъ:

Когда видишь недостойнаго злаго царя, или князя, или епископа, не дивися, ни Божія промысла оглаголуй, но научися и вѣруй, что по беззаконью нашему такимъ мучителямъ предаемся.

По этому ученію слѣдовало бы смиренно подчиниться ханской власти, какъ власти царя; но Вассіанъ переноситъ его титулъ на самого Ивана Васильевича, называя его боголюбивымъ царемъ, и тѣмъ какъ бы разрываетъ всякую нравственную его связь съ ханомъ.

Свергнувъ окончательно татарское иго, московскіе князья, по справедливости, могли называться царями—этому титулу соотвѣтствовала и та власть, которая перешла на нихъ съ татарскихъ хановъ. Иванъ Васильевичъ Грозный уже вполнѣ является царемъ съ тѣмъ идеаломъ, который онъ принялъ отъ отца и дѣда, и который онъ хотѣлъ артистически выработать въ своемъ собственномъ лицѣ.

При такомъ развитіи идеала верховной власти, должно было измѣниться и положеніе самой дружины. По мѣрѣ утвержденія удѣловъ за извѣстнымъ княжескимъ родомъ, дружина дѣлалась осѣдлою, получая отъ князя земли въ свое пользованіе. Когда же удѣлы одинъ за другимъ присоединялись къ Москвѣ, дѣлаясь частью московскаго государства, то часть дружины съ своимъ княземъ вступала въ среду московской дружины, другая же оставалась въ своихъ земляхъ съ обязанностью служить московскому великому князю. Съ своей стороны и московская дружина, помогая князю закрѣпощать удѣлы за Москвою, теряла свое прежнее значеніе. Право свободнаго *отъѣзда* отъ князя само собою стѣснялось, такъ какъ съ сокращеніемъ и потомъ уничтоженіемъ удѣловъ уже не къ кому было отъѣзжать. Прежняя связь между княземъ и дружиною существовала уже болѣе идеально, а въ дѣйствительности обрывалась, замѣняясь другою. Такъ въ «Словѣ о преставленіи и житіи великаго князя Димитрія» умирающій князь выражаетъ идеальное понятіе о дружинѣ, отъ котораго ей скоро нужно было совсѣмъ отказаться:

Вѣдаете обычаи мои и нравы: передъ вами родился и при васъ взросъ, съ вами и царствовалъ и землю Русскую дер-

жалъ двадцать шесть лѣтъ, и мужествовалъ съ вами на многія страны, враговъ покорилъ, княженіе укрѣпилъ, миръ и тишину землѣ сотворилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, къ вамъ честь и любовь имѣлъ, подъ вами города держалъ и великія волости, и чадъ вашихъ любилъ, никому не сдѣлалъ зла, ни силой что отнялъ, ни досадилъ, ни укорилъ, ни разграбилъ, ни безчинствовалъ, но всѣхъ любилъ и всѣхъ въ чести держалъ, и веселился съ вами, и скорбѣлъ; *вы же не назывались у меня боярами, но князьями земли моей*.

Такимъ образомъ по идеальнымъ представленіямъ земля можетъ наслаждаться спокойствіемъ и счастіемъ, а князь пользоваться удачею и многою славою только тогда, когда существуетъ самая тѣсная дружелюбная связь между княземъ и дружиною, когда князь заботится объ интересахъ дружины, а она объ интересахъ княжескихъ. Здѣсь пока еще князь и его совѣтники. Но скоро интересы московской дружины стали разъединяться, когда въ нее вступили бывшіе удѣльные князья и когда великій князь сталъ обращаться въ царя. Прежнія общія заботы о томъ, чтобы удержать за своимъ княземъ великое княженіе, смѣнились особыми заботами удержать за своимъ родомъ или партіей вліяніе на великаго князя и власть надъ государствомъ для своихъ личныхъ интересовъ. Князья Рюриковичи, сдѣлавшись московскими боярами, конечно, заняли первое мѣсто; между ними и старыми боярами возбуждается непріязнь. Дружина передъ царемъ обращается въ дворъ, дворянъ, служилыхъ людей, помѣщиковъ. Интересы въ самыхъ идеалахъ разрознились, что особенно выразилось въ малолѣтство Ивана Васильевича Грознаго. Отсюда должна была произойти борьба, какую мы дѣйствительно и видимъ въ правленіе того же царя.

Царь Иванъ Васильевичъ, освятивъ свой идеалъ торжественнымъ церковнымъ коронованіемъ и вѣруя въ святость его, нашелъ, что дѣйствительность не вполнѣ ему соотвѣтствуетъ. Бояре и царедворцы, какъ бывшая дружина, еще считали за собою право совѣтниковъ, еще не забыли, что они не такъ давно имѣли право по собственной волѣ переходить отъ князя къ

князю, и добровольно не думали отказываться отъ этого права, не замѣчая въ тоже время, что всѣ эти идеальныя представленія прежнихъ временъ не согласовались съ идеаломъ новаго времени: идеалъ царя требовалъ не совѣтниковъ, не слугъ, служащихъ по какому-то старому договору, а рабовъ, безпрекословно ему подчиненныхъ. Когда въ царѣ соединились всѣ раздробленныя власти, московской дружинѣ пришлось самой закрѣпоститься за царемъ, иначе идеалъ царя и не могъ бы дальше развиваться. Эта борьба московскаго царя съ старыми понятіями во имя новаго идеала и выразилась въ перепискѣ князя Курбскаго съ Грознымъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій былъ изъ рода мономаховичей, внукъ удѣльнаго ярославскаго князя, который лишился удѣла при Иванѣ Васильевичѣ III. Въ юности своей онъ былъ ученикомъ знаменитаго Максима Грека, ученостью котораго пользовался великій князь Василій Ивановичъ, отецъ Грознаго. Судя по позднѣйшимъ отзывамъ Курбскаго, можно заключить, что Максимъ имѣлъ большое вліяніе на умственное и религіозное развитіе своего ученика. Онъ отличался отъ многихъ бояръ своего времени грамотностью, начитанностью; въ молодые годы при осадѣ Казани выказалъ военный талантъ, сдѣлался любимцемъ юнаго царя Ивана Васильевича и вмѣстѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ былъ въ числѣ его благоразумныхъ совѣтниковъ. Онъ участвовалъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, Литвы, ливонскихъ рыцарей, получилъ нѣсколько ранъ и могъ считать себя заслуженнымъ бояриномъ. Но не миновала и его царская опала, когда царь задумалъ очищать Москву отъ *измѣны*, а измѣною онъ считалъ все, что отзывалось старыми дружинными понятіями, все что сколько нибудь не согласовалось съ идеаломъ царя. Пало подозрѣніе въ измѣнѣ и на Курбскаго въ то время, когда тотъ находился въ Юрьевѣ (Дерптѣ) при войскѣ, воевавшемъ Ливонію. Объ этомъ Курбскій былъ увѣдомленъ изъ Москвы друзьями. Зная, какая участь можетъ ожидать его даже при малѣйшемъ подозрѣніи со стороны царя, онъ не хотѣлъ ждать, когда его позовутъ въ Москву, а рѣшился, по старинному дружинному обычаю, *отъѣхать* на службу къ другому князю т. е. къ польскому королю Сигизмунду: такимъ образомъ уже спаслись отъ жестокаго гнѣва царя нѣкоторые бояре. Онъ перебѣжалъ въ

городъ Вольмаръ, занятый литовцами, и призналъ Сигизмунда своимъ государемъ. Отсюда онъ написалъ письмо царю, желая съ одной стороны оправдать себя, съ другой высказать все то, что накипѣло на сердцѣ и чего безнаказанно не посмѣлъ бы сказать ни одинъ въ предѣлахъ московскаго государства. Укоризнами, гнѣвомъ, чувствомъ горькаго воспоминанія дышало письмо его; обвиняя царя, онъ взываетъ къ Богу о мщеніи. Понятно, какъ долженъ былъ принять такое посланіе Иванъ Васильевичъ. Его страстная натура въ мигъ охватывалась страстью, которая уже не находила себѣ границъ, кипѣла, жгла его сердце, требовала себѣ жертвъ. Дрожа каждый мигъ за свое царское достоинство, какъ за святыню, къ которой онъ относился съ религіознымъ чувствомъ, онъ считалъ оскорбленіемъ ея каждый взглядъ, каждое слово, какія могли ему только не понравиться, и жестоко каралъ такихъ оскорбителей. А теперь онъ долженъ былъ слушать самыя дерзкія слова, по его взгляду, отъ *измѣнника*, который сталъ его совѣтникомъ и обличителемъ, и его царь не только не могъ сейчасъ же предать лютой казни, но даже долженъ былъ отказаться отъ надежды когда либо потѣшить надъ нимъ свою страсть. Но при такихъ вспышкахъ грознаго царя безъ жертвъ не обходилось. На этотъ разъ жертвою былъ слуга Курбскаго Василій Шибановъ, подавшій царю письмо отъ своего господина. Желая оправдать свои подозрѣнія на Курбскаго, царь вздумалъ вымучить у Шибанова обвиненія отсутствующаго князя; но вѣрный слуга и подъ пыткою не передалъ ни одного факта, на которомъ можно бы было основать обвиненіе; онъ только хвалилъ своего господина и своимъ поступкомъ удивилъ самого царя. Въ его лицѣ онъ увидѣлъ полное выраженіе идеала раба, идеала, подъ который царь хотѣлъ подвести всѣхъ подчиненныхъ ему; и поставилъ онъ Курбскому въ примѣръ слугу его, возводя рабство въ какой-то религіозный догматъ, которому Курбскій не хотѣлъ послѣдовать, чѣмъ, по взгляду царя, и погубилъ свою душу. Эту идею Иванъ Васильевичъ и выражаетъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Курбскому въ противуположность той его мысли, что воеводы даны царю отъ Бога въ совѣтники и помощники. Не одну страсть въ сердцѣ, но и много мыслей въ головѣ Ивана Васильевича возбудило письмо Курбскаго. Натура его требовала высказать ихъ, и разумѣется,

тому, кто позволилъ себѣ такъ дерзко судить царя, самъ сдѣлавшись измѣнникомъ. Подъ вліяніемъ сильной страсти мысли его безпорядочно переходятъ въ слова; онъ не всегда даже можетъ справиться съ фразою. Страсть мѣшаетъ ему хладнокровно излагать тѣ доводы, на основаніи которыхъ онъ считаетъ себя правымъ; она безпрестанно подсказываетъ ему оскорбительныя для Курбскаго выраженія, иногда переходитъ въ ѣдкую иронію, но нигдѣ не сходитъ съ религіозной точки зрѣнія. Много онъ знаетъ мѣстъ изъ священнаго писанія, которыя искусно умѣетъ соединить съ своимъ идеаломъ или съ обвиненіемъ своихъ враговъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не удивляться и его начитанности и памяти. Хорошо знакомъ онъ и съ русскою лѣтописью и съ разными хронографами, откуда почерпаетъ также свои доказательства, желая поставить на видъ, что онъ не восхитилъ

«ни подъ кимъ же царство, но Божіемъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ яко же родихомся во царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся, Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ».

Онъ пробѣгаетъ мыслію всю свою жизнь, начиная съ самаго дѣтства, для того чтобы ее поставить въ укоръ тѣмъ людямъ, которыхъ Курбскій восхваляетъ, какъ его добрыхъ совѣтниковъ. Что тотъ называетъ благочестіемъ, то царю кажется злочестіемъ! Въ его глазахъ тѣ люди безбожны, которые управляютъ своимъ царствомъ по совѣтамъ другихъ:

«А россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержавцу быти. А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти попа и вашего злодѣянія».

Религіозное отношеніе Ивана Васильевича къ своему собственному идеалу рѣзко выражается въ его письмѣ и опредѣляетъ намъ эту историческую личность.

Прочитать письма того и другаго и изложить содержаніе по частямъ: въ чемъ обвиняетъ Курбскій царя, и какія оправданія выставляетъ царь противъ каждаго обвиненія, какія заслуги приписываетъ себѣ Курбскій и какія вины его представляетъ Иванъ Васильевичъ; какъ царь смотритъ на угрозы Курбскаго; какъ онъ изображаетъ свое дѣтство и юность, съ какими чувствами относится къ нимъ. (Хр. Бус. Скоп. и Кон.).

Длинное письмо Ивана Васильевича, несогласное съ риторическими правилами, съ которыми Курбскій, какъ видно, хорошо былъ знакомъ, вызвало только насмѣшку съ его стороны. Собственное письмо царя, по его мнѣнію, свидѣтельствовало объ его необразованности и крайнемъ невѣжествѣ, слѣдовательно и отвѣтомъ на него могло служить только указаніе на это невѣжество:

Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ и выразумѣхъ и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви такъ великому и во всей вселенной славимому, но и простому убогому воину сіе было недостойно; а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками и ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати въ краткихъ словесѣхъ многъ разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звягливо цѣлыми книгами и паремьями цѣлыми и посланьями. Туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ и иныя безчисленныя воистинну яко бы неистовыхъ бабъ басни; и такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтемъ со удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣци обрѣтаются не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіихъ искусныя. . . . .

Этими послѣдними словами опредѣлялось то школьное образованіе, которымъ отличались тогдашніе ученые и которое привлекло особенное вниманіе Курбскаго.

Этимъ не кончилась переписка между царемъ и Курбскимъ. Царь вспомнилъ о немъ, когда русское войско заняло тотъ городъ, откуда послано было первое письмо Курбскаго, и гдѣ тотъ призналъ своимъ государемъ польскаго короля. Прикрываясь смиреніемъ, царь пишетъ изъ Вольмара письмо къ Курбскому, указывая на свои побѣды, которыя Богъ послалъ ему и безъ бояръ, прославляемыхъ Курбскимъ. Но затѣмъ счастіе перемѣнилось. Стефанъ Баторій съ поляками сталъ торжествовать надъ русскими и взялъ Полоцкъ. Отсюда Курбскій написалъ Грозному два письма, въ которыхъ указываетъ на причину несчастій русскаго царя: онъ погубилъ лучшихъ людей, которые выигрывали ему побѣды, и теперь безъ нихъ его самого будутъ губить враги.

Исторія князя великаго московскаго соч. Курбскаго.

Труды Курбскаго въ изгнаніи.—Степенныя книги.—Историческая задача Курбскаго.—Поводъ къ труду.—Значеніе старины въ московской жизни.—Вѣра въ чародѣйство.—Главная мысль исторіи и раздѣленіе на части.

Курбскій получилъ отъ польскаго короля помѣстья въ Литвѣ и Волыни, примѣнился къ образу жизни польскихъ магнатовъ, вступилъ во второй бракъ, въ которомъ впрочемъ вмѣсто счастія нашелъ источникъ многихъ непріятностей и горестей, участвовалъ въ походахъ польскихъ войскъ противъ русскихъ; но при всемъ томъ не могъ забыть своей настоящей родины. Пылкая натура его, не удовлетворяясь разными тревогами жизни, искала себѣ дѣятельности, и мыслящій умъ его нашелъ дѣятельность по душѣ. Благодаря Максиму Греку, онъ былъ развитъ на столько, что могъ понять скудость своего московскаго образованія сравнительно съ западнымъ и съ сочувствіемъ отнестись къ послѣднему. Много въ его пользу говоритъ то, что, не смотря на свои зрѣлые годы, онъ прилеж-

но принимается за школьное ученье, которое и выставляетъ на видъ во второмъ своемъ письмѣ къ Ивану Васильевичу, съ успѣхомъ изучаетъ латинскій языкъ, переводитъ съ него изъ Цицерона, занимается философіею Аристотеля. Все это должно было расширить взглядъ его на науку и образованіе и заставить его враждебно отнестись къ тѣмъ московскимъ взглядамъ, которые съ наукою соединяли ересь:

Ради Бога не будемъ потакать безумнымъ или вѣрнѣе лукавымъ, которые запрещаютъ любознательнымъ юношамъ читать книги, указывая на сошедшихъ съ ума и говоря: такой-то на книгахъ зашелся; а такой-то отъ нихъ въ ересь впалъ. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ одни еретики обличаются, а другіе исправляются—то самое оружіе отнимаютъ, и врачество смертоноснымъ ядомъ называютъ.

Какъ человѣкъ религіозный, разумный и просвѣщенный, Курбскій считалъ своею священною обязанностью вступиться за православіе, противъ котораго въ то время іезуиты вели подкопъ, подготовляя унію. Самымъ вѣрнымъ оборонительнымъ оружіемъ при этомъ по его взгляду должна была явиться наука. Съ этою цѣлью онъ самъ переводитъ съ латинскаго языка ученіе православныхъ учителей, какъ напр. Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоустаго. По предмету защиты православія онъ ведетъ дѣятельную переписку съ разными лицами, въ особенности же съ извѣстнымъ княземъ Ѳеодоромъ Константиномъ. Найдя себѣ почтенную дѣятельность въ той новой сферѣ, среди которой поставили его обстоятельства жизни, онъ все же остается русскимъ человѣкомъ. Онъ грустить даже и въ старости по своемъ отечествѣ, называя его любимымъ, грустить и за отечество, гдѣ «огнь мучительства прелютый горитъ». Эту сохранившуюся связь изгнанника съ милой родиной выражаетъ между прочимъ его «Исторія великаго князя московскаго», которую онъ писалъ не по источникамъ, а по памяти, какъ свидѣтель событій. Самое названіе Исторіи, чуждое тогдашней московской литературѣ, показываетъ, что по формѣ у нея нѣтъ ничего общаго съ тѣми историческими сочиненіями,

которыя составлялись въ предѣлахъ московскаго государства. Послѣдняя историческая форма, выработавшаяся тамъ, представляется въ Степенныхъ книгахъ. Намъ извѣстны онѣ въ редакціи современника Курбскаго, митрополита Макарія. Въ основаніе ихъ изложенія положенъ родословный порядокъ т. е. степени или поколѣнія великихъ князей по нисходящей линіи: такихъ поколѣній отъ Владиміра святаго до Грознаго насчитывалось семнадцать. Факты здѣсь выбраны по большей части изъ разныхъ лѣтописныхъ сводовъ; на первомъ планѣ поставлена судьба русской церкви и отношеніе къ ней различныхъ историческихъ дѣятелей, отсюда и взглядъ на событія, согласно съ духомъ времени, чисто религіозный. Византійскіе образцы краснорѣчія имѣли сильное вліяніе на русскій литературный слогъ, который отличается особенной изысканностью и вычурностью. Самые лѣтописные факты въ Степенныхъ книгахъ разрабатываются съ эпической стороны, въ чемъ особенно и можно видѣть, какъ измѣнились понятія стараго времени, и какъ все прошедшее стало представляться въ иномъ свѣтѣ уже съ московской точки зрѣнія. Стоитъ только припомнить хотя простой разсказъ древней лѣтописи объ Ольгѣ и сравнить его съ разсказомъ Степенной книги:

И послаша древляне по *блаженную* Ольгу двадесять лучшихъ людей въ лодіи. Ей же увѣданъ бысть приходъ ихъ и убійство *самодержца*, и восплакась зѣльми глаголюще: увы мнѣ! *сладчайшій самодержче, великій государь русскій!* увы мнѣ, свѣте мой! како зайде отъ очію моею, меня уединенну вдовою остави! къ кому приближуся и на кого нынѣ воззрю! увы мнѣ, драгій мой милый супружниче преудобренный! Уне бы мнѣ прежде тебя умрети, неже лишенѣ быти твоея красоты и твоего любезнаго сожительства, и не бы слышала твоея пагубы, *иже не отъ супостатныхъ врагъ*, но отъ *своеземныхъ* ти людій. И не вѣмъ, что сотворити или къ кому горькую сію печаль простерети. Къ сыну ли? но той зѣльми дѣтескъ еще, и не вѣмъ, отъ кого возрастъ будетъ или кто свободитъ *державу его.*

Или плачъ Ольги на могилѣ мужа:

О свѣте мой прекрасный! о драгій мой животе, како оплачу тебя или что сотворю тебѣ? *самодержецъ всей Русской земли былъ еси*, нынѣ же мертвъ и землею покровенъ; и иныхъ же не владѣеши и многи страны примириша ти ся; и самый царскій градъ, и дани, и *выходы* дароваху ти и многи побѣды на сопротивныхъ показалъ еси. Нынѣ же гдѣ что все мину? гдѣ *великое государство самодержства* твоего? гдѣ слава и красота міра сего? гдѣ *багряница брачная и ризы многоцѣнныя*.... Ты же, *самодержавне*, свой домъ оставивъ и здѣ пришедъ, идѣ же отъ *безумныхъ древлянъ кровь твоя царская* проліяся, и тѣло твое погребенію предася и азъ тебя свѣтлѣйшаго живота и *царя* лишена быхъ...

Курбскій уже не подражаетъ такому изложенію, до котораго должны были дойти въ Москвѣ по ходу историческихъ обстоятельствъ. Онъ задаетъ себѣ задачу—выяснить причину перемѣны характера московскаго царя, и остается до конца вѣренъ своей задачѣ, которую можно назвать исторической. Въ краткомъ предисловіи онъ указываетъ на поводъ, побудившій его писать исторію Грознаго, и отчасти высказываетъ взглядъ на его царствованіе. Поводомъ послужили ему многократные вопросы, которые предлагали ему свѣтлые мужи: откуда приключилась такая перемѣна въ царѣ прежде добромъ и нарочитомъ», который для отечества даже не радѣлъ о своемъ здоровьѣ, на войнѣ съ врагами креста Христова претерпѣвалъ тяжелые труды, бѣды и безчисленные поты».

И многажды умолчахъ со воздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошаній, принужденъ былъ нѣчто рещи отчасти о случаяхъ, приключшихся таковыхъ и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и до ряду (по порядку) рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и

чародѣйцами, яко и во израильскихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ.

Вотъ главныя причины зла въ московской землѣ: измѣнилась добрые нравы на злые, и способствовали этому болѣе всѣхъ иноплеменныя княжескія жены и чародѣи. Это не личный взглядъ Курбскаго; такъ смотрѣли въ Москвѣ многіе, дорожившіе стариною. При развитіи идеаловъ въ московскій періодъ русской жизни старина получаетъ особенное значеніе. Въ прежнее время мы не видимъ, чтобы нравственные русскіе люди искали въ старинѣ опоры своимъ идеаламъ: старина въ ихъ глазахъ отзывалась язычествомъ, слѣд. къ ея обычаямъ и нравамъ питали скорѣе пренебреженіе, чѣмъ уваженіе. Но вотъ мало по малу и жизнь, развивавшаяся подъ вліяніемъ христіанства, стала обращаться въ старину; появлялись сочиненія, изображавшія жизнь отдѣльныхъ благочестивыхъ личностей, согласно съ христіанскимъ идеаломъ, и старина стала представляться въ свѣтломъ видѣніи, тѣмъ болѣе, что московскіе нравы въ самомъ дѣлѣ были грубѣе южнорусскихъ нравовъ прежней эпохи. На старину стали смотрѣть какъ на нѣчто, освященное жизнію русскихъ святыхъ, которые своими идеальными стремленіями возвышали ее въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній. Эти послѣдніе опору своимъ идеаламъ уже начинаютъ искать въ священной старинѣ, и она при недостаткѣ анализа жизни мало по малу обращается въ какой-то догматъ, отступленіе отъ котораго принимается за безнравственныя стремленія. Такъ Стоглавый соборъ единогласно признаетъ упадокъ нравственности отъ мнимаго забвенія старины. Царь Иванъ Васильевичъ ищетъ въ старинѣ опоры своему идеалу, хотя ей онъ былъ совершенно чуждъ. Въ первомъ письмѣ къ Курбскому онъ говоритъ, что «самодержавство» вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ Владиміру святому, отъ котораго черезъ другихъ князей преемственно дошло и до него. Онъ же соглашается совершенно и со взглядомъ Стоглаваго собора, будто старина дѣйствительно пришла въ забвеніе во вредъ русской жизни и даже проситъ соборъ разсудить о нуждахъ и утвердить по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ законамъ его прародителей, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи получили законное устройство въ русскомъ

царствѣ. На самомъ же дѣлѣ и хваленая старина нападала на то же самое, на что нападалъ соборъ, и такъ со стороны писателей постоянно слышатся жалобы на неправду и на языческія вѣрованія, и на множество разныхъ пороковъ, какъ въ народѣ, такъ и въ духовенствѣ. Еще при отцѣ Грознаго, Василіи Ивановичѣ въ народѣ ходили толки и сожалѣнія, что иноплеменныя княжескія жены вводятъ новые нравы въ русскую жизнь. Это высказалось на допросахъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о Максимѣ Грекѣ (1525 г.). Максимъ передавалъ свои бесѣды съ Иваномъ Берсеневъ, который между прочимъ говорилъ ему:

Какъ пришли сюда грекове, ино и земля наша замѣшалася, а дотолѣ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мати великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія; какъ и у васъ во Царѣ-городѣ при вашихъ царѣхъ.... Какова бы ни была, а къ нашему нестроенью пришла.... Вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычьи князь великій перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти.... Лучше старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати, и старыхъ почитати; а нынѣ государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ (т. е. не съ боярами)... А вовсе нынѣ отвсюды брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ, ни съ литовскимъ, ни съ крымскимъ, ни съ Казанью; всѣ намъ недрузи, а наше нестроенье....

Того же взгляда держится и Курбскій; въ этомъ случаѣ не подѣйствовало на него и западное образованіе, которое измѣнило нѣкоторыя прежнія его понятія.

Что касается чародѣйства, то вѣра въ него существовала во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа. Многіе даже объясняли чародѣйствомъ перемѣну характера въ Грозномъ и развившійся въ немъ злобный нравъ. Это выразилось и въ дошедшей до

насъ «Повѣсти нѣкоего боголюбиваго мужа», гдѣ разсказывается, какъ царь едва не лишился своего царства, отдавъ себя во власть чародѣямъ. По нѣкоторымъ намекамъ видно, что здѣсь имѣлся въ виду царь Иванъ Васильевичъ. Съ своей стороны и онъ подозрѣвалъ въ чародѣйствѣ многія лица, которыя и пострадали отъ него за эту мнимую вину. Никто изъ прежнихъ князей такъ не боялся чародѣйской силы какъ онъ. Пока у князя не было враговъ подлѣ него, до тѣхъ поръ онъ и не боялся этой силы. Но закрѣпостивъ за Москвою всѣ удѣлы, князь съ новымъ идеаломъ царя сталъ стремиться къ уничтоженію старинныхъ правъ своей дружины, приводя всѣхъ въ новыя отношенія къ себѣ. Не найдя быстрой покорности, онъ караетъ тѣхъ, которые кажутся ему крамольниками и врагами его царскимъ стремленіямъ. При его крутыхъ мѣрахъ никто уже не смѣетъ явно сопротивляться ему; но царя начинаетъ смущать мысль, что эти враги могутъ призвать къ себѣ на помощь тайную силу волшебства и чародѣйства и ея оружіе направить для уничтоженія грозной царской воли. И чувствуетъ царь въ самомъ идеалѣ безсиліе сражаться съ такою темною силою; хотя онъ и прибѣгаетъ къ духовному оружію и имъ хочетъ оградить себя; но боязнь не оставляетъ его. Въ письмѣ къ Курбскому онъ признается, что казнилъ бояръ-чародѣевъ, потому что такихъ собакъ вездѣ казнятъ. Тамъ же онъ говоритъ, что измѣнники бояре винили въ московскомъ пожарѣ Глинскихъ, которые будто бы «сердца человѣческія вымали и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили».

Эту общую вѣру въ чародѣйство раздѣлялъ и Курбскій, что видно изъ его исторіи.

Въ своемъ сочиненіи онъ хочетъ доказать слѣдующую мысль: царствованіе Ивана Васильевича до тѣхъ поръ было славно, пока его окружали благоразумные благочестивые совѣтники, каковы Сильвестръ, Адашевъ и другіе искусные въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ; когда же царь удалилъ ихъ отъ себя, отдавшись ласкателямъ и клеветникамъ, онъ сдѣлался лютымъ, и славное царствованіе обратилось въ бѣдственное. Такимъ образомъ цѣль автора представить въ лучшемъ свѣтѣ дѣятельность той партіи, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и которую царь обвинялъ въ покушеніи ограничить его законное «самодержавство». Согласно съ этимъ и исторія раздѣляется

на двѣ части: въ первой изображается все то, что составляло славу царствованія Грознаго; во второй—его развратная жизнь и всѣ тѣ мученія, которыя пришлось отъ него терпѣть лучшимъ людямъ. Въ языкѣ исторіи Курбскаго часто попадаются латинскія и польскія слова, какъ напр. *плювія*, *аеръ*, *остатный*, *пожиточный*.

Прочитать по христоматіи нѣкоторые отрывки изъ исторіи Курбскаго и разсказать содержаніе ихъ. Какія понятія вѣка отразились въ нихъ?

Домострой.

Вліяніе чтенія.—Сборники житій.—Происхожденіе Домостроя.—Части его.—Взглядъ на жизнь.—Взглядъ на природу человѣка.—Отношеніе главы семейства къ подчиненнымъ.—Основаніе счастія.—Неподвижность идеала.—Взглядъ на рабство.

Руководителю царя Ивана Васильевича Грознаго, священнику Сильвестру приписываютъ сочиненіе, извѣстное подъ именемъ *Домостроя*, въ которомъ изображается идеалъ благочестиваго семьянина. Христіанская мораль, какъ мы видѣли, была единственною цивилизующею силою, которая давала направленіе нравственной жизни, указывая ея цѣль. Изъ нея же вытекали и идеальныя стремленія лучшихъ людей, болѣе сильныхъ натуръ, которыя старались опредѣлить себѣ нравственныя правила по христіанскому идеалу въ той сферѣ, гдѣ имъ приходилось жить и дѣйствовать. Разумѣется, огромное вліяніе на направленіе какъ умственныхъ силъ, такъ и фантазіи имѣли тѣ книги, которыя тогда ходили по рукамъ между грамотными людьми. Если грамотность вызывалась набожностью, то въ свою очередь и набожность поддерживалась грамотностью, такъ какъ почти всѣ книги были проникнуты стремленіемъ сводить жизнь съ христіанскими требованіями. Такъ жизнеописаніе благочестивыхъ людей, поученія, историческія сочиненія, путешествія, все имѣло одну и ту же цѣль, все одинаково сильно дѣйствовало на умъ, чувство и фантазію. Любимымъ чтеніемъ были *житія*, изъ которыхъ рано у насъ стали составлять сборники. Сначала они имѣли интересъ мѣстный: такъ въ XIII стол.

составился Кіево-печерскій Патерикъ для сохраненія памяти о монахахъ, прославившихъ своею аскетическою жизнію Печерскій монастырь; въ XV ст. составился сборникъ житій мужей новгородскихъ съ цѣлію мѣстно-патріотическою: чтобы укрѣпить память о новгородской старинѣ и о всѣхъ мѣстныхъ преданіяхъ Новгорода, противъ котораго тогда уже ополчалась Москва, еще бѣдная своими мѣстными святынями. Когда же Москва притянула къ себѣ отдѣльныя русскія области, то и въ ней стали составляться уже общенародные сборники. Такъ митрополитъ Макарій, современникъ Грознаго, трудился надъ составленіемъ сборника житій святыхъ не только русскихъ, но и иноплеменныхъ, признанныхъ православною церковью, списавъ ихъ вмѣстѣ съ разными поученіями и религіозными повѣствованіями въ нѣсколько книгъ, названныхъ *Четіи-Минеями*. Сколько старанія было у него въ этомъ дѣлѣ, видно изъ собственныхъ его словъ:

Писалъ есми сія книги въ великомъ Новгородѣ, какъ есми тамъ былъ архіепископомъ, а писалъ есми и собиралъ и во едино мѣсто ихъ совокуплялъ двѣнадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щадя сребра и всякихъ почестей, наипаче же многи труды и подвиги подъяхъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ пословицъ, переводя на русскую рѣчь... иная же и до днесь въ нихъ не исправлена пребыють и сія оставихомъ по насъ могущимъ съ Божіею помощію исправити.

До насъ дошли имена многихъ біографовъ, которымъ Макарій поручалъ составлять житія русскихъ святыхъ. Дѣло это велось какъ въ Москвѣ, такъ и въ Новгородѣ, который отличался грамотностью больше другихъ городовъ русскихъ.

Увлекаясь чтеніемъ, одни старались устроить строгую монастырскую жизнь, согласно съ усвоеннымъ ими книжнымъ идеаломъ; другіе хотѣли его внести въ жизнь семейную. И тѣ, и другіе писали уставы и правила для жизни, которыя и назывались «*Вождями по жизни*» и «*Домостроями*». Домострой, дошедшій до насъ съ именемъ Сильвестра, представляетъ правила, которыя вырабатывались въ московской жизни постепенно

на основаніи разныхъ поученій и старины. Разсматривая этотъ семейный идеалъ, мы должны имѣть въ виду, что здѣсь представляется та среда, гдѣ нравственные интересы жизни составляли предметъ первой важности. Здѣсь изображается зажиточный «домовитый» семьянинъ—горожанинъ, у котораго дворъ застроенъ амбарами для храненія его богатствъ и хозяйственныхъ запасовъ, мастерскія наполнены слугами и холопами, приготовляющими все нужное для дома. Всѣ совѣты относятся къ владыкѣ дома, какъ ему быть хорошимъ христіаниномъ, мужемъ, отцомъ, господиномъ и хозяиномъ, чтобы пользоваться общимъ уваженіемъ, покоемъ и счастіемъ.

«Предисловіе» дѣлитъ Домострой на три части:

I. Како вѣровати Богу и кресту Христову и небеснымъ силамъ и святымъ мощемъ поклонятися и святымъ тайнамъ причащатися, царя чтити и его князи и вельможи... какъ чтити святительскій чинъ, и священническій и мнишескій и пользоватися отъ нихъ и молитвы прошати на благословеніе дома своего во всякихъ вещехъ душевныхъ и тѣлесныхъ; наипаче же духовныхъ и съ прилежаніемъ внимати и ученія ихъ слушати, яко отъ Божіихъ устъ.

II. О мірскомъ строеніи: како жити православнымъ христіаномъ въ миру съ женами и дѣтьми и съ домочадцы и ихъ наказывати и учити, и страхомъ спасати, грозою претити и во всякихъ дѣлѣхъ беречи, душевныхъ и тѣлесныхъ, чистымъ быти; и во всемъ самому стражу надъ ними быти и о нихъ пещися.

III. О домовнемъ строеніи: какъ наказъ имѣти къ женѣ, и дѣтемъ и слугамъ, и како запасъ имѣти всякой хлѣбной и мясной, и рыбной, и овощной, и дворовой порядне.

Все сочиненіе раздѣляется на 64 главы; въ каждой говорится о какомъ либо отдѣльномъ предметѣ, какъ напр. «како домъ свой украсити святыми образы, домъ чистъ имѣти, како мужу

съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися, како дѣти учити и страхомъ спасти» и пр.

Взглядъ Домостроя на жизнь основывается на тѣхъ аскетическихъ правилахъ, которыя уже давно повторялись во многихъ поученіяхъ, развивавшихъ аскетическій идеалъ:

Славы земныя ни въ чемъ не желай, всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи, обидимъ не мсти, хулимъ моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающихъ не осуждай.

Сообразно съ этимъ и жизнь должна была течь самымъ ровнымъ и невозмутимымъ путемъ, не допуская никакой страсти, никакихъ веселыхъ порывовъ — музыка, пѣніе, пляска, всѣ тѣ игры, которыми народъ забавлялъ себя, ловы съ собаками и птицами, медвѣдями, игра въ шахматы, въ кости, все ставилось наравнѣ съ волшебствомъ, чарованіемъ, бѣсовскимъ служеніемъ. Въ отношеніи религіозной обрядности всякое дѣйствіе или движеніе было подведено подъ извѣстныя правила, которыя обращались въ непремѣнныя обязанности, такъ напр. предписывалось всегда обметать иконы крылышками и вытирать мягкою губкою; «св. крестъ, образа и мощи цѣловать, перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая». Отношеніе главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи основано на родовыхъ понятіяхъ, дошедшихъ изъ глубокой старины: съ одной стороны грозное господство владыки дома, съ другой — самое рабское ему подчиненіе всѣхъ. Правда христіанскія требованія старались смягчить эти отношенія, полагая въ ихъ основаніе любовь; но тутъ ея дѣйствію мѣшаетъ недовѣріе къ человѣческой природѣ. Предполагается, что злое начало прирождено человѣку, что оно постоянно влечетъ его къ чему-то дурному. Такой взглядъ на природу человѣка всегда вырабатывается тамъ, гдѣ умъ еще слишкомъ мало развитъ: онъ не въ состояніи понять дѣйствія страстей и овладѣть ими. Онъ не въ состояніи видѣть, что человѣку прирождены страсти, а не зло, которое вытекаетъ изъ дурнаго направленія страсти; онъ не замѣчаетъ, что изъ той же страстной натуры при другомъ направленіи можетъ вытекать и величайшее добро. Страсть, влекущая къ злу, обыкновенно сдерживается или убѣжденіями

развитаго ума, или твердыми законами, или религіозным чувствомъ. Но тамъ, гдѣ неразвитый умъ еще не могъ вырабатывать себѣ самостоятельно твердыхъ убѣжденій, гдѣ законы были слишкомъ слабы и легко можно было обходить ихъ, гдѣ религіозное чувство было развито только въ нѣкоторыхъ личностяхъ, а далеко не въ массѣ, страстныя натуры часто въ своемъ увлеченіи принимали гибельное направленіе и вносили въ жизнь зло. Отсюда оно смѣшивается съ страстью и считается прирожденнымъ человѣческой природѣ. Для его подавленія находятъ только одну силу и въ ней видятъ все спасеніе—это страхъ наказанія и тѣлесной боли; только посредствомъ такой силы и думаютъ подчинять человѣческую природу извѣстнымъ правиламъ. Такъ какъ эти правила вытекаютъ изъ идеала, то всякое уклоненіе отъ нихъ считается оскорбленіемъ его, слѣдовательно явленіемъ безнравственнымъ и опаснымъ для общаго благосостоянія семьи. Кромѣ того заботы о душѣ домочадца дѣлаются также главными заботами христіанскихъ отцовъ семейства и при томъ недовѣріи къ человѣческой природѣ даютъ еще больше опоры въ оправданіи жестокихъ наказаній:

Бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти, казни сына своего отъ юности его и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту душѣ твоей.

Съ этимъ вмѣстѣ и пріобрѣтается новая узда для усмиренія бунтливой природы человѣка: къ страху наказанія и тѣлесной боли присоединяется еще страхъ для души — страхъ ада. Отсюда и опредѣлились отношенія владыки къ подчиненнымъ. Необходимая принадлежность его власти — жезлъ или лоза и плеть, отъ которыхъ нѣтъ спасенія ни женѣ, ни дѣтямъ, ни слугамъ, еслибы владыко нашелъ нужнымъ поучить ихъ. Страхомъ онъ долженъ держать свой домъ въ порядкѣ; оставаясь вѣрнымъ идеалу отца, онъ не долженъ даже ласкать своего ребенка или играть съ нимъ, чтобы не унизить своего достоинства, чтобъ не ослабить страха, подъ вліяніемъ котораго должно идти воспитаніе. Отцу совѣтуется возлагать раны, сокрушать ребра его дѣтей, и все это изъ любви къ тому нравственному идеалу, который долженъ былъ господствовать въ жизни.

Но зато дѣйствительная любовь въ семейныхъ отношеніяхъ, смягчающая нравы, какъ истинно христіанское начало, не могла свободно развиваться. Въ главѣ семейства она чаще всего подавлялась сознаніемъ своей безграничной власти, полнымъ самодурствомъ, въ подвластныхъ ему цѣпенящимъ страхомъ, безъ всякой надежды выдти изъ безотвѣтнаго положенія. При такихъ условіяхъ и женщина должна была находиться въ постоянномъ рабствѣ и слѣдственно не могла нравственно развиваться. И въ самомъ дѣлѣ до насъ дошло нѣсколько произведеній, по которымъ легко судить о самомъ жалкомъ состояніи женщины. Благочестивые люди просто совѣтовали удаляться отъ женщины, видя въ ней источникъ многихъ грѣховъ: другаго средства они не находили для опредѣленія дѣйствительно нравственныхъ отношеній между мужчиною и женщиною. Домострой устами мужа даетъ женѣ «наказы» и «приказы», опредѣляя каждый ея шагъ, каждое движеніе. Нравственная сторона ея полагается въ рабскомъ исполненіи различныхъ формальностей и условныхъ правилъ, накопившихся отъ старины и возведенныхъ въ непремѣнный законъ совѣсти.

Основаніемъ счастія считается здѣсь внѣшній порядокъ въ домѣ, жизнь по извѣстной мѣркѣ, въ извѣстныхъ формахъ. Для этого Домострой касается всевозможныхъ мелочей хозяйственной жизни, заботясь въ особенности о доброй людской молвѣ, которая составлялась только по наружному порядку. Такимъ образомъ съ исполненіемъ всѣхъ этихъ мелочныхъ правилъ соединялось понятіе о семейной чести. Оно-то обезсиливало ту нравственную силу, которая соединяется съ любовью къ порядку, къ благоустройству, къ труду. Все это въ Домостроѣ дѣйствительно положено въ основаніе жизни; но все это обставлено обычаемъ, привычкой, извѣстной формой, усвоенной въ прошедшемъ при разныхъ условіяхъ жизни и обращенной въ непремѣнный законъ; нарушеніе его уже ведетъ за собою осужденіе и безчестье. Отсюда является крайняя неподвижность, при которой невозможно какое либо развитіе. Здѣсь старина уже имѣетъ смыслъ святости, и всякая новая мысль, какъ бы ни была она жива, должна замереть безслѣдно. Отсюда и развитіе идеала сдѣлалось дѣломъ невозможнымъ — онъ долженъ былъ обратиться въ неизмѣнный догматъ жизни,

смѣшанный съ религіознымъ вѣрованіемъ, такъ что отступленіе отъ него грозило гибелью въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Это дѣйствительно и выразилось въ первой главѣ Домостроя «Наказаніе отца къ сыну»:

Аще сего моего писанія не внемлете и наказанія не послушаете, и потому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано, сами *отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда,* и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ. И начнете дѣломъ творите вся сія, будетъ на васъ *милость Божія и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка;* и домъ вашъ и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія (т. е. по наслѣдству отъ насъ) и отъ своихъ трудовъ, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ.

Слѣд. всякая другая жизнь, угодная Богу и достойная счастія, не допускается и считается невозможною.

Впрочемъ встрѣчается въ Домостроѣ черта, заслуживающая особеннаго вниманія: изображая качества добрыхъ домочадцевъ, онъ нигдѣ не рисуетъ идеала раба, а напротивъ освобожденіе отъ рабства считаетъ добрымъ, богоугоднымъ дѣломъ, ставя его наравнѣ съ евангельскими добродѣтелями. Такъ въ послѣдней главѣ Сильвестръ говоритъ о себѣ своему сыну:

И въ темницѣ, и больна, и плѣненна, и изъ работы (рабства), и должна (должника), и во всякихъ нуждахъ по силѣ окупихъ, и гладныхъ по силѣ накормихъ. Работныхъ (рабовъ) своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ, и иныхъ окупихъ изъ работы, на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, молятъ за ны Бога и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ—Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободимъ, живутъ у насъ по волѣ. Видѣлъ еси чадо: многихъ пусточныхъ сиротъ, и работныхъ, и убогихъ мужеска полу и женска, и въ Новѣградѣ

и здѣся на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ до совершенна возраста; и изучихъ кто чего достоинъ: многихъ грамотѣ, и писати, и пѣти, и иныхъ иконнаго письма, иныхъ книжнаго рукодѣлія, овѣхъ серебряннаго мастерства, и иныхъ всякихъ рукодѣлій, а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговати. А мати твоя многія дѣвицы и вдовы пусточныя и убогія воспитала въ добрѣ наказаніи, изучила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и надѣливъ замужъ повыдавала, а мужскій полъ поженили у добрыхъ людей. И всѣмъ тѣмъ далъ Богъ свободны, домами своими живутъ; много въ священническомъ, и въ дьяконскомъ чину, и въ дьяцѣхъ, и въ подъячихъ и во всякихъ чинѣхъ, кто чего дородился, и въ чемъ кому Богъ благословилъ быти: ова рукодѣльничаютъ всякими промыслы; а многіе торгуютъ въ лавкахъ; мнози гостьбу дѣютъ въ различныхъ странахъ всякими торговлями. А Божіею милостію во всѣхъ тѣхъ нашихъ вскормленникахъ и въ послуживцахъ ни срамота, ни убытокъ, никакая пропажа отъ людей не бывала, ни людямъ отъ насъ ни тяжба ни съ кѣмъ не бывала....

Прочитать нѣсколько главъ изъ Домостроя (по христоматіи Буслаева или Скопина), обращая вниманіе на примѣненіе христіанской морали къ семейной жизни, причемъ опредѣлить обстановку жизни женщины въ домашнемъ кругу; ея обыденныя занятія, ея отношенія къ слугамъ, качества хорошаго слуги.

(Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ Николаевскаго въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1868. февр. и апр.).

Пѣсни калинъ перехожихъ.

Русское странничество. — Пѣсенный типъ калики. — Дѣйствительный типъ странника. — Апокрифическія книги. — Стихъ о голубиной книгѣ и Бесѣда іерусалимская. — Стихъ объ Егоріи Храбромъ. — Пѣсни нищихъ.

Книжные идеалы, имѣвшіе огромное вліяніе на людей грамотныхъ и набожныхъ, мало по малу переходили и въ народную безграмотную массу, преимущественно черезъ стран-

никовъ-богомольцевъ, которые слыли подъ именемъ *каликъ-перехожихъ*. Странничество у насъ является вмѣстѣ съ христіанствомъ и, какъ въ западной Европѣ въ средніе вѣка, сильно распространяется между набожными людьми. Какъ однѣ натуры находили удовлетвореніе своимъ высшимъ духовнымъ стремленіямъ въ монашеской жизни, такъ другія искали его въ странничествѣ. Разсказы о святыхъ мѣстахъ сильно дѣйствовали на воображеніе, еще болѣе возбуждали религіозное чувство и влекли туда, гдѣ можно было созерцать святыню чувственными очами. При началѣ христіанства, пока у насъ не было своихъ національныхъ святынь, странничество направлялось къ святынямъ византійскимъ и палестинскимъ. Сюда русскіе люди отправлялись толпами, на что между прочимъ указываетъ и народная пѣсня «Сорокъ каликъ со каликою (Хр. Скоп. и Кен.). По народному представленію эти бродячія толпы, питающіяся на дорогѣ милостынею, сохраняютъ въ себѣ еще много богатырскаго, какъ будто бы типъ калики перехожаго образовался изъ типа бродячаго богатыря, поленицы удалаго. Христіанство какъ будто бы дало опредѣленную цѣль броженію ихъ силъ, которыя долго не могли осѣсться, подчинившись какимъ либо законамъ. Судя по остаткамъ пѣсенныхъ описаній платья и наружности каликъ, мы можемъ заключить, что у нихъ было много общаго съ западными странниками, съ которыми они могли встрѣчаться въ Палестинѣ и у которыхъ заимствовали то, что имъ казалось удобнымъ. Унося съ собою пальмовыя вѣтви, съ которыми присутствовали при богослуженіи въ праздникъ входа въ Іерусалимъ, они подобно западнымъ странникамъ усвоивали себѣ эпитетъ *паломниковъ* (пальмовниковъ—palmieri). Самое имя *фряги*, относящееся къ западнымъ народамъ, въ особенности къ итальянцамъ, могло быть занесено къ намъ только изъ Палестины, передѣлавшись изъ *френги* *), имени, подъ которымъ западные народы были извѣстны туркамъ.

Отъ XI стол. мы знаемъ о странникѣ Антоніи, міряниинѣ изъ Любеча, пробывшемъ нѣсколько времени среди Афонскихъ

---

*) Носовой звукъ *ен* долженъ былъ въ русскомъ произношеніи перейти въ *я*.

святынь и положившемъ потомъ первое основаніе Печерскому монастырю. Отъ XII стол. какой-то игуменъ Даніилъ—паломникъ оставилъ даже описаніе своего хожденія къ Палестинскимъ святынямъ, интересное въ особенности тѣмъ, что изъ него можно извлечь типическія черты тогдашнихъ русскихъ странниковъ. Проникнутые однимъ только религіознымъ чувствомъ, они смотрятъ на труды своего странствія какъ на богоугодное дѣло; зато уже ничѣмъ больше и не развлекаются; все другое кромѣ святыни не привлекаетъ ихъ вниманія; вся ихъ любознательность направлена лишь къ тому, что можетъ питать ихъ чувство; они словоохотны только тогда, когда рѣчь заходитъ о видѣнной ими святынѣ, разсказываютъ въ простотѣ сердечной съ монашеской скромностью, съ самоуниженіемъ, чтобы не подать повода думать, будто они возносятся своими трудами и подвигами. Передъ святынею они всегда помнятъ свою связь съ Русской землей, молятся за нее и за русскихъ князей.

Странничество развилось у насъ еще болѣе, когда стали появляться свои Русскія святыни. Каждая область гордилась своею мѣстною святынею, какъ величайшимъ сокровищемъ; составлялись и мѣстныя сказанія, легенды, которыя потомъ находили и грамотѣевъ для литературной обработки.

Въ житіи Прокопія устюжскаго XVI стол. говорится:

Московское царство блажитъ Петра и Алексѣя и Іону и Максима, и иныхъ множество; Псковъ же и великій Новгородъ блажатъ Варламія и Михаила юродиваго Христа-ради, Смоленскъ блажитъ князя Феодора; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію и Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія; каяждо страна своихъ блажитъ... Мы же тебе (Прокопія) яко стража и хранителя имѣемъ отчины города нашего Устюга.

Когда же всѣ сѣверныя русскія области слились въ одно Московское государство, тогда и всѣ мѣстныя святыни обратились въ общерусскія, и странники стали разносить разсказы о нихъ по всей Русской землѣ. Многіе изъ нихъ странничеству отдавали всю свою жизнь. Не имѣя ничего за душею, питаясь по-

даяніемъ, ведя полумонашескую, полумірскую жизнь, они были хорошо знакомы и съ церковною службою, и съ библейскими фактами, и съ житіями различныхъ святыхъ, и съ мѣстными легендами, и съ разными книжными толкованіями христіанскихъ таинствъ; объ иномъ они слышали отъ другихъ, иное сами вычитали, если были грамотны, и всѣмъ этимъ занимали они темный людъ на остановкахъ, на ночлегахъ; ихъ вездѣ охотно принимали и кормили какъ людей, много видѣвшихъ, знающихъ. Конечно, во всѣ ихъ разсказы входило много суевѣрнаго, много неправильно понятаго изъ христіанскихъ истинъ, много созданнаго фантазіей, принимаемаго за дѣйствительность.

Распространенію ложныхъ понятій и фактовъ много способствовали сочиненія *апокрифическія* или *отреченныя* т. е. запрещенныя церковью и весьма распространенныя между грамотными людьми того времени. *Апокрифы* (скрытыя, подложныя книги) стали появляться еще въ первыя времена христіанства на востокѣ. Фантазія человѣка, стремясь всегда представить лица въ идеальныхъ и самыхъ живыхъ изображеніяхъ, направленная христіанскими вѣрованіями, стала разрабатывать библейскіе факты сообразно съ идеальными стремленіями, перенося ихъ на почву поэтическую. Отсюда являются подробные разсказы о томъ, о чемъ въ библіи говорится мимоходомъ. Поэтическій міръ вымысловъ дѣлается обстановкой дѣйствительнаго факта; иногда примѣшиваются и понятія стараго времени, развившіяся подъ вліяніемъ прежнихъ религій, понятія, которыя христіанство еще не успѣло истребить въ массѣ. Такимъ образомъ явились повѣсти *объ Адамѣ*, о *Мельхиседекѣ*, *объ Авраамѣ*, о *Моисеѣ*, о *Соломонѣ*, о *дѣтствѣ Спасителя*, о *смерти Маріи* и многія другія. Какъ и всегда произведенія поэтическаго творчества легко читаются и быстро распространяются, такъ и эти сочиненія распространялись и переводились на другіе языки. Церковь съ самаго начала отнеслась къ нимъ очень неблагосклонно и запрещала читать ихъ, присоединивъ къ числу тѣхъ, которыя были осуждены вселенскими соборами, какъ книги *неканоническія*, выдаваемыя разными ересіархами за истинныя сочиненія апостоловъ и ихъ учениковъ, напр. евангеліе Варнавы, разныя Апостольскія дѣянія и др. Но не смотря на это, подобныя сочиненія распространя-

лись во всѣхъ новыхъ христіанскихъ земляхъ, вызывали передѣлки и подражанія, куда вносились новые образы и поэтическія представленія, согласно съ направленіемъ фантазіи и съ понятіями той или другой малоразвитой среды.—Въ русскій христіанскій міръ съ самаго начала христіанства стали переходить греческіе апокрифы въ переводахъ болгарскихъ, сербскихъ и также питали религіозно настроенное воображеніе грамотныхъ людей. Извѣстно, что у автора «Повѣсти временныхъ лѣтъ» были подъ рукою *апокрифы*, въ болгарскомъ переводѣ, приписываемыя византійскому епископу Меѳодію Патарскому (IV стол.), и изъ Палеи. Впослѣдствіи переводились съ греческаго на русскій книжный языкъ и другія сочиненія этого же рода, хотя въ то же время переводились и списки книгъ истинныхъ и ложныхъ съ запрещеніемъ читать эти послѣднія. Кругъ темъ для поэтической фантазіи еще въ византійской литературѣ значительно расширялся: житія и подвиги святыхъ, явленія и дѣйствія бѣсовъ и пр. также представляли поле для поэтическаго творчества и являлись въ такихъ изображеніяхъ, въ которыхъ церковь не могла признать ихъ согласными съ дѣйствительной исторіей. Русское творчество внесло и свои значительные труды въ поэзію этого рода. Подчинившись той единственной цивилизующей силѣ, которая у насъ нравственно направляла жизнь русскаго человѣка, оно и не могло найти себѣ другаго исхода. Усвоивъ себѣ христіанскій идеалъ, оно должно было сообразно съ нимъ разрабатывать и темы, которыя давались русскою дѣйствительностью. За отсутствіемъ положительныхъ научныхъ выводовъ о природѣ и человѣкѣ, обыкновенно даетъ отвѣты фантазія на всѣ вопросы ума о причинѣ разныхъ явленій въ природѣ и объ отношеніяхъ къ ней человѣка. Большая часть народныхъ суевѣрій не что иное, какъ отвѣты на эти вопросы. Они живутъ въ народѣ до тѣхъ поръ, пока удовлетворяютъ его умъ, вѣчно спрашивающій человѣка: отчего это, отчего то? Они успокоиваютъ его пытливость и тотчасъ же пропадаютъ, лишь только явятся другіе отвѣты, которые покажутся ему естественнѣе и удовлетворительнѣе. Очень понятно, что эти суевѣрія, доставшіяся отъ языческой старины, которая въ фантазіи пріискала многіе отвѣты, должны были смѣшаться съ христіанскими вѣрованіями, которыя въ подробности не могли отвѣчать на во-

просы, разрѣшаемые только наукою. Отсюда и въ русской повѣсти явились вмѣстѣ съ христіанскимъ идеаломъ многіе образы, созданные русской фантазіей до христіанскаго времени. Народность представленій сообщала какъ бы народный колоритъ самымъ повѣстямъ, а христіанскіе идеалы или мораль сообщали имъ тотъ интересъ, котораго искали грамотные люди въ чтеніи. Отсюда понятно, что такія сочиненія должны были сильно распространяться, не смотря даже на то, что многіе изъ нихъ излагались довольно тяжелымъ и искуственнымъ языкомъ. (*Историч. очерки рус. народ. словесности Буслаева т. II. «Памятники древнерусской духовной письменности»*).

Съ XVI стол. у насъ стали появляться даже передѣлки и переводы западныхъ повѣстей преимущественно чрезъ Польшу. Этимъ же путемъ къ намъ переходили разные *альманахи*, *календари*, наполненные невѣжественными гаданьями и предсказаніями, астрологическими замѣтками, которыми любили пользоваться въ средніе вѣка на западѣ. Въ числѣ книгъ, служившихъ отвѣтами на самые обыкновенные вопросы ума о природѣ и человѣкѣ, былъ *Луцидарій* (просвѣтитель), переведенный съ латинскаго или нѣмецкаго языка и весьма распространенный на западѣ. Написанный въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ учителя и ученика, онъ наполненъ разнообразными объясненіями явленій природы, гдѣ истина смѣшивается съ народной фантазіей, христіанское вѣрованіе съ языческимъ преданіемъ, свѣдѣнія географическія, историческія съ разными баснями. Матерьялъ Луцидарія выбранъ изъ разныхъ книгъ, на что и указываютъ первыя его строки.

Въ сей же книзѣ обрящемъ велія учительства, яже во иныхъ книгахъ сокровена суть, въ сей же книзѣ явнѣйши обрящемъ, тако же разумъ имѣй.

Вотъ образецъ бесѣды изъ Луцидарія:

Ученикъ: Откуду приходятъ вѣтры? *Учитель:* Вѣтры есть четыре, именуемы кардиналесъ, и отъ коегождо исходятъ прочихъ по два вѣтра колела тералесъ (collaterales) си рѣчь со страны; сіи возмущаютъ море отъ четырехъ конецъ ко дну и волны сражаются вмѣсто; сіе бываетъ

отъ бури вѣтреныя и егда 4 вѣтра высоко на воздусѣ вмѣсто сражаются, аще бываютъ волненія, тако же и другій воздухъ вонъ выражаетъ другіе вѣтры, иже приходятъ по вся дни у насъ. *Ученикъ:* Откуду бываетъ земли трясеніе? *Учитель:* Егда вѣтри внидутъ въ скважни земныя и паки не могутъ оттуду вонъ прорватися, тогда трясется земля. *Ученикъ:* Како же земля трясется, идѣже скважни не суть? *Учитель:* Идѣже земля жестока есть, тамо есть на всяко время вода высподи есть, сице бываетъ часто, та вода двизается подъ землею и егда вонъ выразитися не можетъ, терзаетъ землю съ великою силою и ту страна двизаетъ: *Ученикъ:* Что мы видимъ, яко звѣзды спадающе съ небеси? *Учитель:* Прежде повѣдахъ ти, яко звѣзда едина падетъ, поразитъ весь міръ; нѣсть се звѣзда, но случается часто, зане на аерѣ бываетъ буря велія отъ вѣтровъ и воздухъ одолѣетъ и въ воздухѣ огонь испущаетъ подъ звѣздами искры и егда искра отскочитъ долу по воздуху, и людіе мнятъ видяще яко звѣзда падаетъ. *Ученикъ:* Откуду тма въ день приходитъ? *Учитель:* Егда луна дойдетъ прямо солнцу отъ земли и не можетъ блистати, отъ солнца бо пара исходитъ и покрываетъ луну, того ради и тма бываетъ, донележъ солнце обоняетъ луну; иногда жъ бываетъ тма: есть облакъ теменъ ходитъ предъ солнцемъ, и гдѣ станетъ, ту бываетъ тма, и то не всегда. *Ученикъ:* Откуду бываетъ громъ и молнія? *Учитель:* Сіе бываетъ отъ сраженія облаковъ, егда 4 вѣтры отъ моря придутъ и сразятся на аеръ и смѣсится огнь вкупѣ и бываетъ буря сильна, еже и воздухъ растерзати, и бываетъ стукъ великъ, его же мы слышимъ громъ; бываетъ же въ то время молнія, и исходятъ на землю падающе стрѣлки громныя и топорки сероведны, и сіе бываетъ на устрашеніе демономъ, зане бо демони наблюдаютъ тогда, на кую страну Богъ казнь напуститъ.

Точно также предлагаются вопросы: откуда градъ, снѣгъ, падающіе камни, отчего громъ и градъ бываютъ только лѣ-

томъ, отчего море солоно, какія бываютъ животныя и пр. Описанія животныхъ составляли даже предметъ особыхъ книгъ, называемыхъ *бестіаріями*, гдѣ вмѣстѣ съ наблюденіями надъ свойствами разныхъ животныхъ смѣшиваются чудесныя о нихъ повѣствованія, созданныя фантазіей. Противъ всѣхъ этихъ сочиненій, заходившихъ къ намъ съ запада, вооружался Максимъ Грекъ, упрекая католиковъ, что они увлеклись внѣшнимъ просвѣщеніемъ и совѣтуя не переводить ихъ книги на русскій языкъ. Онъ же въ насмѣшку замѣчаетъ, что *Луцидаріусу* приличнѣе называться Тенебраріемъ—(темнителемъ вм. просвѣтителя). Домострой также совѣтуетъ не читать подобныхъ книгъ. Но всѣ эти совѣтники не могли въ замѣнъ дать ничего, что отвѣчало бы на пытливые вопросы ума о всемъ окружающемъ человѣка. Вотъ отчего всѣ совѣты и запрещенія не могли остановить приливъ книгъ такого рода. Изъ нихъ разныя толкованія переходили даже въ сочиненія духовныхъ писателей и наконецъ въ *пѣсни* каликъ перехожихъ.

Изъ числа наиболѣе распространенныхъ пѣсень слѣдуетъ обратить вниманіе на *Стихъ о Голубиной книгѣ*, такъ какъ намъ хорошо извѣстенъ и апокрифическій его источникъ. Онъ перенесенъ къ намъ изъ Греціи или изъ Болгаріи подъ названіемъ *Бесѣды трехъ святителей*. Здѣсь Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ бесѣдуютъ между собой о началѣ и концѣ всего существующаго. Въ отвѣтахъ на предлагаемые вопросы встрѣчается смѣшеніе поэтическихъ или миѳическихъ представленій съ христіанскими:

Отчего луна сотворена бысть? Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня. Отчего громъ и молнія сотворена бысть? Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ и ангелы громная приставлена. Отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? Отъ восьми частей: отъ земли—тѣло, отъ камня—кости, отъ Чермнаго моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облакъ—мысль, отъ востока дыханія—власы, отъ свѣта—духъ.

Очень понятно, что сочиненіе съ такими вопросами должно было распространяться между грамотными людьми. Но распро-

страняясь, оно въ то же время и передѣлывалось уже согласно съ русскими представленіями и творчествомъ народной фантазіи. Въ новой редакціи оно явилось подъ именемъ *Бесѣды іерусалимской* или *Повѣсти града Ерусалима*. Тамъ вмѣсто трехъ святителей бесѣдуютъ Волотъ Волотовичъ и Давидъ Іессеевичъ на горѣ Синайской «посторонь града Іерусалима»:

Въ великую было субботу съѣзжались къ церкви къ литоргіи 42 царя: большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ, второй у нихъ царь Моисей Моисеевичъ, третій у нихъ былъ царь Елисей Елисеевичъ, четвертый у нихъ былъ царь Давидъ пророкъ Іессеевичъ. И они всѣ цари къ литоргіи пріѣхали и отслушали литоргію. Рече имъ царь большой Волотъ Волотовичъ: ой вы цари и князи благовѣрные! скажите вы мнѣ, не утайте: ночесь вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не могите вы утаить отъ меня, мнѣ повѣдайте. И всѣ цари молчатъ....

Волотъ Волотовичъ разсказываетъ свой сонъ и спрашиваетъ:

Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? И тутъ цари умолчали всѣ; единъ отъ нихъ выступалъ царь Давидъ пророкъ Іессеевичъ и зговоритъ таково слово: государь ты нашъ первый царь Волотъ Волотовичъ! далеча намъ грѣшнымъ до Рима и до Іакова брата Господня, тотъ бы сонъ твой отгадалъ и азъ тебѣ про него скажу, и тотъ сонъ сбудется во второмъ на десять году.

Давидъ отгадываетъ сонъ и предлагаетъ Волоту вопросы:

Отчего у насъ свѣтъ свѣтится, и отчего солнце сіяетъ, и отчего заря занимается, на чемъ у насъ небо ходитъ, на чемъ земля стоитъ? Отвѣща большой царь Волотъ Волотовичъ царю Давиду: я про то тебѣ скажу: свѣтъ у насъ свѣтится отъ господнихъ очей, а солнце сіяетъ отъ святыя ризы

его, а заря занимается отъ солнца краснаго, а небо ходитъ на воздусѣхъ, а земля стоитъ на осьмидесяти китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ большихъ. А ты мнѣ царь Давидъ про то скажи: кой градъ градомъ мать? и какая церковь церквамъ мать?... и кое дерево древомъ мать? кая трава травамъ и пр... И рече царь Давидъ: «я тебѣ про то скажу: Градомъ мать градъ Іерусалимъ... церковь церквамъ мать соборная Софія премудрости Божія... рѣка рѣкамъ мать Іорданъ... а древо древомъ мать древо кипарисъ, кедръ, потому что отъ нихъ идетъ благоуханіе; отъ нихъ же родится ладонъ, идетъ на всю землю свѣторусскую: потому древомъ мать; а трава травамъ мать плакунъ трава—какъ жидове Христа распинали, и Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать; а птица птицамъ мать таврукъ птица, не велика, съ русскую галку; и живетъ она у гремячева кладязя у теплаго моря; а звѣрь звѣрямъ мать единорогъ; коли на земли была засуха, и въ тѣ поры дождя на землю не было, тогда въ рѣкахъ и въ озерахъ воды не было, только во единомъ озерѣ вода и была, и лежалъ великій змій и не давалъ людямъ воды пить, и никакому потекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей, а коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змій лютый заслышитъ и побѣжитъ отъ звѣря того за три дни, и въ ту пору запасаются водою люди; а озеро озерамъ мать Ильмень озеро, что подъ Кіевомъ градомъ, потому что взяло въ себя триста рѣкъ: а море морямъ мать океанъ море великое, потому что въ немъ стоитъ церковь Клемента папы римскаго; а рыба рыбамъ мать китъ рыба великая; какъ та рыба китъ взыграется, и пойдетъ во глубину морскую, тогда будетъ свѣту представленіе»...

Бесѣда заключается отвѣтомъ Волота на допросъ Давида:

кому на второмъ пришествіи не будетъ суда?—еретикамъ и чародѣямъ, которые безъ суда будутъ посланы въ вѣчную муку.

(Памятники старинной русской литературы, выпускъ II.—Руская проповѣдь въ XV и XVI вѣк.—Жур. Мин. Нар. Пр. 1868 г.).

Эта повѣсть въ свою очередь передѣлалась въ Стихъ о Голубиной книгѣ, куда еще болѣе вошло мифическихъ представленій, какъ напр. происхожденіе частей міра отъ частей человѣческаго тѣла и на оборотъ, также заимствованій изъ *бестіаріевъ*, какъ о Стратимъ-птицѣ (страусѣ), объ Индрикѣ (единорогѣ) и др. Въ стихѣ вмѣсто Волота является Волотоманъ, а по другимъ редакціямъ Владиміръ-князь, который и предлагаетъ Давиду всѣ вопросы.

Прочитать стихъ о Голубиной книгѣ, раздѣлить на части, сравнить съ Бесѣдою іерусалимскою, разсмотрѣть, не выказалась-ли въ чемъ сторона народная, какъ разработана тема о правдѣ и неправдѣ.

Большая часть пѣсень каликъ перехожихъ разрабатываетъ темы, связанныя съ жизнію святыхъ, гдѣ мученичество за вѣру и аскетизмъ составляютъ главныя черты идеала; болѣе другихъ поются: стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, объ Іосафѣ царевичѣ, о двухъ Лазаряхъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ стихъ объ *Егоріи Храбромъ*, гдѣ народныя мифическія представленія связываются съ христіанскимъ мученикомъ Егоріемъ (Георгіемъ) и гдѣ все православное отождествляется съ русскимъ.

Прочитать стихъ о Егоріи Храбромъ, отдѣлить мифическія черты образа отъ христіанскихъ.

(Историческіе очерки Буслаева, т. I. Волотъ Волотовичъ т. II. О народной поэзіи въ древнерусской литературѣ.—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ Пыпина).

Эти пѣсни въ настоящее время поются слѣпцами-нищими и извѣстны въ народѣ подъ именемъ *стиховъ*. Можно полагать, что нѣкоторые изъ стиховъ, судя по ихъ содержанію, сложились въ средѣ нищенства, такъ какъ въ нихъ выражаются болѣе интересы людей, живущихъ мірскимъ подаяніемъ. Цѣль ихъ возбудить милосердіе и состраданіе въ другихъ, представить, что эти-то чувства и приводили людей въ рай. Нищенство у насъ тѣсно соединялось съ религіозными стремленіями. Его взяла подъ свое покровительство церковь при самомъ на-

чалѣ христіанства на Руси. Оно сдѣлалось даже необходимымъ для христіанъ, которымъ безпрестанно проповѣдывалось: продай имѣніе и раздай нищимъ; на милостыню указывали какъ на одно изъ основныхъ средствъ спасенія, а кому же было и подавать ее какъ не нищимъ. Нищіе, понимая усиліе церкви въ ихъ пользу, всегда и тѣснились въ церкви, гдѣ молящіеся подъ религіознымъ вліяніемъ охотнѣе и подавали имъ. Опираясь на церковь, они считали свое дѣло святымъ, какъ-бы небеснымъ предназначеніемъ, что ясно и выразилось въ Стихѣ о Вознесеніи Христовѣ. Христосъ, возносясь на небо, утѣшалъ нищихъ, «свою меньшую братію, которая съ плачемъ говорила ему: «батюшка нашъ, царь небесный, на кого ты насъ покидаешь, кто будетъ насъ поить, кормить, отъ темной ночи укрывать?» Онъ обѣщаетъ имъ оставить золотую гору съ садами, плодами, съ небесной манной. Отъ нея-то они будутъ и сыты, и одѣты, и обуты, и укрыты. Іоаннъ, услыша это, не совѣтуетъ Христу оставлять такое наслѣдство нищей братіи, у которой отнимутъ гору сильные, ничего не оставивъ имъ:

Дадимъ мы нищимъ и убогимъ
Имя твое святое.
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя Христа величати,
Въ каждый часъ прославляти:
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты
И отъ темной ночи пріукрыты.

Этотъ стихъ служитъ какъ бы отвѣтомъ на вопросъ: отчего нищіе просятъ *Христа ради*. При такомъ спеціальномъ назначеніи нищихъ—величать Христа и быть средствомъ спасенія для христіанъ,—разумѣется, нищенство развелось сильно, и ни одно доброе дѣло, проповѣдуемое церковью, такъ не утвердилось, какъ милостыня. Извѣстно, что въ Москвѣ цари, бояре и богатые купцы давали нищимъ обѣды въ тѣ дни, которые хотѣли ознаменовать добрымъ дѣломъ. Къ нищенству примыкало въ большинствѣ и странничество, отчего впослѣдствіи и названіе каликъ перешло на нищихъ.

Хожеліе за три моря Афанасія Никитина.

Русскіе путешественники.—Описаніе путешествій.—Общеевропейское значеніе.—Хоженіе Никитина.—Содержаніе его записокъ.

Русскіе люди издавна заходили въ чужія земли, какъ западныя, такъ и восточныя по разнымъ обстоятельствамъ: одни какъ плѣнные продавались въ рабство на восточныхъ базарахъ, и бывали случаи, что удавалось нѣкоторымъ изъ нихъ возвращаться на родину; другіе въ качествѣ странниковъ-богомольцевъ бродили по землямъ византійскимъ и палестинскимъ; третьи какъ послы или посольскіе люди являлись то въ той, то въ другой странѣ отъ имени московскаго великаго князя или царя; четвертые наконецъ, отличаясь предпріимчивостью, отправлялись въ иноземные города и государства съ торговою цѣлью. Извѣстна обширная заморская торговля Новгорода съ ганзейскими городами. Рано начались у насъ торговыя сношенія также съ Греціею и съ востокомъ, на что указываютъ многія арабскія и персидскія слова въ нашемъ старинномъ языкѣ; они сохранились за тѣми предметами, которые мы могли получать только съ востока, какъ напр. *жемчугъ, алмазъ, бирюза, парча, шелкъ*. Черезъ такихъ бывалыхъ людей могли являться въ нашемъ языкѣ и мѣстныя названія странъ, которыя мы не могли заимствовать изъ греческихъ книгъ, какъ напр. *Грузія* или *Гурзы*, *Рахманы* (Брахманы—индѣйцы), *Шамаха* (шелкъ шамаханскій). Было уже сказано, что нѣкоторые изъ паломниковъ составляли описанія своихъ путешествій; точно то же дѣлали и нѣкоторые изъ торговыхъ людей; послы же обязаны были вести записки о всемъ, что имъ приходилось дѣлать, видѣть, слышать въ чужихъ земляхъ. Всѣ эти описанія имѣютъ общій интересъ, представляя русскаго человѣка извѣстной эпохи среди чуждой ему обстановки, нравовъ, обычаевъ, иногда даже религіи, какъ онъ нашелся въ этой средѣ, на что обратилъ вниманіе, какія мысли вызывались въ немъ, все это имѣетъ для насъ свое историческое значеніе. Изъ описаній путешествій, дошедшихъ до насъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ записки тверскаго купца Афанасія Никитина о стран-

ствіяхъ его по Персіи и Индіи съ 1466 по 1472 г. Онѣ замѣчательны уже тѣмъ, что авторъ ихъ былъ въ Индіи въ то время, когда въ западной Европѣ искали морскаго пути въ эту страну, который и былъ найденъ португальскимъ мореплавателемъ Васко-де-Гамою въ самомъ концѣ XV стол. Объ Индіи по Европѣ ходили только самые темные слухи. Прежде Аѳанасія Никитина изъ европейцевъ, оставившихъ свои записки, былъ итальянецъ Николо-ди-Конти; но по подробностямъ описанія онъ долженъ уступить нашему путешественнику. Такимъ образомъ его «Хоженіе за три моря» уже получаетъ интересъ обще-европейскій.

Аѳанасій Никитинъ, провѣдавъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ III снаряжаетъ своего посла къ шамаханскому владѣтелю, рѣшился воспользоваться случаемъ и отправиться съ своимъ товаромъ въ Шамаху. Русскій посолъ долженъ былъ предшествовать послу шамаханскому, который возвращался отъ московскаго двора. Съ нѣсколькими товарищами снарядивъ два судна, Никитинъ отправился по Волгѣ; но уже не могъ догнать русскаго посла и потому въ Нижнемъ-Новгородѣ присталъ къ послу шамаханскому. Плаваніе по Волгѣ было благополучно; только предъ Астраханью на нихъ напали татары и отбили два судна. Выйдя въ море, въ половину ограбленные, они должны были вытерпѣть сильную бурю и лишились еще одного судна, которое вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими захватили горцы. Никитинъ спасся отъ плѣна, перейдя на посольское судно, которое кое-какъ и добралось до Дербента. Здѣсь Никитинъ нашелъ русскаго посла, который, узнавъ о происшествіи, сталъ просить Шамаханскаго владѣтеля вступиться за плѣнныхъ русскихъ. Тотъ исполнилъ просьбу и черезъ его посредство плѣнники прибыли въ Дербентъ уже свободными. Но шахъ отказался дать имъ средства возвратиться домой. «Заплакавъ, разошлись мы, кто куда, говоритъ Никитинъ; у кого что есть на Руси, пошелъ на Русь; а у кого были долги, тотъ пошелъ, куда очи понесли; одни остались въ Шамахѣ, другіе отправились на заработки къ Бакѣ». Съ послѣдними былъ и Никитинъ, только онъ не хотѣлъ оставаться тамъ, а увлекаемый, какъ видно, духомъ предпріимчивости отправился за море. Это и есть *первое* море Дербентское, *дорія-Хвалитское*—Каспійское. Въ Персіи пробылъ онъ болѣе года, проживая въ каждомъ большомъ городѣ по мѣсяцу, ко-

нечно, изъ торговыхъ видовъ, но объ этомъ времени въ его Записки внесено слишкомъ мало извѣстій; по всей вѣроятности мысль записывать все видѣнное и достойное замѣчанія ему пришла уже во время дальнѣйшаго путешествія. Весною 1469 г. изъ Ормуза Никитинъ направился по морю къ индѣйскому берегу. Это *второе* море—Индѣйское, дорія *Гиндустантское* (языкомъ *парсейскимъ*—персидскимъ). Въ Индіи онъ пробылъ около трехъ лѣтъ; переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, онъ объѣхалъ значительную часть западнаго полуострова, записывая все, что ему казалось интереснымъ. Его замѣтки отличаются отрывочностью и касаются описанія мѣстностей, природы, ея произведеній, нравовъ, обычаевъ и вѣрованій народа, его управленія, султанской жизни, походовъ и проч. Какъ купецъ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на товары, какими богата та или другая мѣстность, на цѣнность ихъ, на ярмарки, на разстояніе между торговыми пунктами; особенное вниманіе обращаетъ на морскія пристани, откуда ведется торговля моремъ. Самая цѣль его *хожения* повидимому была комерческая: узнать, какіе индѣйскіе товары были пригодны для русской торговли. Какъ купецъ, въ своихъ переѣздахъ онъ не упускалъ случая и самому нажиться, перекупая и перепродавая то, что могло доставить выгоду. Его русская рѣчь въ запискахъ нерѣдко перерывается словами и выраженіями индѣйскими и персидскими; видно, что при обращеніи съ туземцами эти языки были имъ нѣсколько усвоены. Никитинъ не разъ говоритъ о своихъ бесѣдахъ съ индѣйцами, которыхъ между прочимъ распрашивалъ объ ихъ вѣрѣ, съ которыми однажды ходилъ даже на богомолье въ ихъ священный городъ Парватъ, слѣдовательно они понимали его. Въ этомъ случаѣ русскій купецъ рѣзко отличается отъ русскаго паломника, который въ своей религіозной сосредоточенности мало обращаетъ вниманія на все то, что не входитъ въ кругъ его созерцаній. Но нельзя сказать, что Никитинъ равнодушенъ къ своей вѣрѣ, нѣтъ, были случаи, гдѣ ему приходилось за нее выносить притѣсненіе, но ему и въ мысль не приходило покривить передъ своею совѣстью; во всѣхъ его взглядахъ, разсужденіяхъ и чувствахъ выказывается твердый христіанинъ, который не измѣнитъ своей вѣрѣ, еслибы даже пришлось положить за нее свою голову. Но безпрестанное обращеніе съ иновѣрцами возбуждаетъ въ немъ любознательность, вмѣсто омерзенія, которое выказы-

ваютъ крайне религіозные люди; онъ хладнокровно и даже съ видимымъ интересомъ описываетъ религіозные обряды индѣйцевъ безъ всякаго желанія осудить ихъ или выказать враждебное къ нимъ чувство. Въ своихъ описаніяхъ онъ не всегда является очевидцемъ: кое-что разсказываетъ онъ и по слухамъ, отчего нѣкоторыя описанія его отличаются сказочнымъ характеромъ. Впрочемъ большею частію онъ представляетъ свои собственныя наблюденія, останавливаясь иногда на подробностяхъ тамъ, гдѣ предметъ особенно поражаетъ какою либо оригинальностью. Такъ описывая главный городъ *Бедеръ*, онъ преимущественно говоритъ о роскоши султанской жизни:

Въ Бедерѣ торгуютъ конями, камкой, шелкомъ и другимъ подобнымъ товаромъ, да черными людьми, съѣстнымъ, овощами, а для Русской земли товара тамъ нѣтъ. И люди все черные, все злодѣи, а жены ихъ безчестны; и всюду чародѣйство, воровство, обманъ, отравы; зельемъ морятъ жены и мужей своихъ. Бедеръ—столица бусурманскаго Гундустана; городъ большой, людей много. Дворъ бедерскаго султана окруженъ стѣнами съ семью воротами, въ воротахъ сидятъ по сту сторожей, да по сту писцовъ, которые записываютъ имена всѣхъ входящихъ и выходящихъ; иностранцевъ не пускаютъ. Дворъ чудесный, все въ немъ на вырѣзѣ, да на золотѣ, послѣдній камень изваянъ да покрытъ золотомъ. Ночью городъ стерегутъ тысяча человѣкъ изъ воиновъ намѣстника: они ѣздятъ на коняхъ въ доспѣхахъ, со свѣточами въ рукахъ... А вотъ какъ выѣхалъ султанъ въ прогулку (теферичь) во время байрама: онъ выѣхалъ съ двадцатью везерей великихъ. Съ ними выѣхали триста слоновъ, наряженныхъ въ булатные доспѣхи и въ окованные городки; на каждомъ изъ слоновъ по шести человѣкъ въ доспѣхахъ съ пушками и пищалями; а на великомъ слонѣ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ два большихъ прапорца (знамени); къ клыкамъ ихъ привязаны огромные мечи вѣсомъ по кентарю, а къ рыламъ по три желѣзныхъ гири; промежду ушей посаженъ человѣкъ въ доспѣхи, съ большимъ желѣзнымъ крюкомъ,

для управленія слономъ. Кромѣ слоновъ выѣхали съ султаномъ тысяча коней безъ всадниковъ, всѣ въ золотѣ, сто верблюдовъ съ нагарами (барабанами), триста трубачей, триста плясуновъ, триста женъ. Султанъ ѣхалъ верхомъ на конѣ, убранномъ въ золото, на золотомъ сѣдлѣ; на султанѣ кафтанъ весь саженъ яхонтами; на его шапкѣ-шишакѣ большой алмазъ; сагайдакъ (лукъ) его изъ золота съ яхонтами, три сабли его кованы золотомъ. Передъ султаномъ скакалъ пѣшій кафаръ (индѣецъ), играя теремцомъ (зонтикомъ) и за нимъ много пѣшихъ; тутъ и благой слонъ, весь наряженный въ камку съ желѣзною цѣпью во рту, идетъ и обиваетъ коней и людей, чтобы кто не приступилъ близко къ султану. Братъ султана выѣхалъ на золотой кровати (подъ бархатнымъ балдахиномъ), теремъ оксанитенъ съ золотой маковкой, украшенной яхонтами; его несли двадцать человѣкъ... Еженедѣльно по вторникамъ и четвергамъ султанъ выѣзжаетъ на потѣху съ тремя везерями, матерью и женою. Съ нимъ выходитъ тогда десять тысячъ конниковъ, пятьдесятъ тысячъ пѣшихъ, двѣсти слоновъ въ золотыхъ доспѣхахъ, а передъ нимъ сто трубачей, сто плясуновъ, триста коней осѣдланныхъ въ золотѣ, сто обезьянъ... Братъ султана выѣзжаетъ на потѣху по понедѣльникамъ. Тогда выѣзжаютъ съ нимъ двѣ тысячи женъ на коняхъ и на золоченыхъ кроватяхъ, а предъ ними сто коней, осѣдланныхъ въ золотѣ, очень много пѣшаго народа, два везеря, десять везыреней, пятьдесятъ слоновъ въ суконныхъ попонахъ, по четыре человѣка на каждомъ нагишомъ, только въ платьѣ на бедрахъ и много женщинъ пѣшихъ и нагихъ съ водою для питья и обмыванья.

Какъ русскій человѣкъ, Никитинъ скоро сталъ скучать по родинѣ, которая манила его къ себѣ, и уже на второмъ году своего пребыванія въ Индіи онъ сталъ сбираться на Русь. Но могъ выбраться оттуда только черезъ годъ по причинѣ военныхъ дѣйствій между нѣкоторыми сильными азіатскими владѣ-

телями. Переѣхавъ на торговомъ суднѣ въ Ормузъ, отсюда уже знакомой дорогой отправился онъ черезъ Персію. Въ последнемъ индѣйскомъ городѣ Добылѣ онъ приписалъ въ своихъ замѣткахъ:

Ту окаянный азъ рабище Афанасіе Бога вышняго Творца небу и земли, возмыслихся по вѣрѣ по христіанской и по крещеньи Христовѣ и по говѣйнѣхъ святыхъ отецъ устроенныхъ и по заповѣдѣхъ апостольскихъ и устремихся умомъ пойти на Русь.

Болѣе полугода пространствовалъ Никитинъ, прежде чѣмъ добрался до Чернаго моря. Это *третье* море—*дорія Стамбульское.* Не безъ препятствія перебрался онъ и черезъ море въ Крымъ къ Балаклавѣ и направился къ Кафѣ. Здѣсь и оканчиваются его записки. Сколько земель ни видалъ онъ, сколько хорошаго ни представляла ему природа, но родина оттого не сдѣлалась хуже въ его глазахъ. «Русская земля—да сохранитъ ее Богъ, восклицаетъ онъ въ одной замѣткѣ, Боже сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны; да устроится Русская земля!».

Неизвѣстно, какою дорогою воротился Никитинъ на Русь, но до родной Твери онъ не доѣхалъ; въ Смоленскѣ онъ умеръ, а вмѣсто него пошли странствовать по Руси его Записки, которыя съ любопытствомъ читались русскимъ грамотнымъ людомъ, и попадали въ русскія лѣтописи (Софійскій временникъ, Русскій лѣтописецъ).

Прочитать (по Хрестоматіи Буслаева) отрывокъ изъ Хоженія А. Никитина и указать на черты, по которымъ можно узнать въ немъ русскаго человѣка.

(Срезневскаго Хоженіе Аф. Никитина въ Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, книга II, выпускъ II).

Рукописное и книгопечатное дѣло.

Порча книгъ.—Дѣятельность Максима Грека.—Его враги.—Отношеніе московскихъ силъ къ наукѣ.—Митрополитъ Макарій.—Начало книгопечатанія.—Судьба первыхъ типографщиковъ и справщиковъ.

Въ первое время христіанства въ Русской землѣ списываніе книгъ, преимущественно церковныхъ, считалось богоугоднымъ подвигомъ; имъ занимались въ монастыряхъ, также княгини и княжны въ своихъ теремахъ, жертвуя свои труды въ разныя церкви. Съ теченіемъ времени, когда число церквей значительно стало увеличиваться, этихъ трудовъ было уже недостаточно. Въ московскій періодъ, когда грамотность сдѣлалась потребностью не только людей религіозныхъ, но и администраціи, когда вслѣдствіе этого явилось особенное грамотное сословіе — дьяковъ и подьячихъ, списыванье книгъ сдѣлалось прибыльнымъ ремесломъ, которымъ и занялись, какъ подьячіе, такъ и другіе грамотники. Конечно въ этой работѣ уже не могло быть той тщательности, съ какою обыкновенно совершался религіозный подвигъ.

Работая изъ прибыли, переписчики не заботились о точности и о вѣрности текста, дѣлали въ своемъ письмѣ ошибки, которыя потомъ повторялись и въ другихъ спискахъ, списанныхъ съ неисправныхъ; къ нимъ присоединялись и новыя. Такимъ образомъ книги портились все болѣе и болѣе. Сюда же присоединилось и вредное вліяніе списковъ болгарскихъ и сербскихъ, которые въ концѣ XIV стол. московскій митрополитъ Кипріанъ привезъ съ собою въ Москву, тогда еще весьма бѣдную книжнымъ просвѣщеніемъ, сравнительно съ Новгородомъ, Псковомъ и другими старыми городами. Самъ митрополитъ, родомъ сербъ, много занимаясь переводами съ греческаго на русскій языкъ, и не зная хорошо порусски, вносилъ въ свои переводы много сербскихъ выраженій, неясныхъ для русскихъ читателей. Всѣ такія выраженія изъ сербскихъ и болгарскихъ списковъ, изъ рукописей Кипріана переходили въ другія книги; переписчики передѣлывали ихъ по своему, желая сдѣлать удобопонятнѣе, и тѣмъ искажали текстъ еще болѣе. Наконецъ, когда среди неученыхъ москвичей явился

ученый человѣкъ и сталъ сравнивать русскія книги съ греческими, то не могъ не замѣтить множества грубыхъ ошибокъ, которыя совершенно извращали смыслъ писанія. Этотъ ученый былъ знаменитый Максимъ Грекъ.

Родомъ изъ Албаніи, Максимъ много учился въ юности, путешествовалъ по Европѣ, слушалъ лекціи въ Венеціи, во Флоренціи, въ парижскомъ университетѣ, изучилъ нѣсколько языковъ и литературъ, но не поддался на западѣ вліянію католичества, не хотѣлъ остаться среди него, а поселился на горѣ Афонской и постригся тамъ въ монахи, не покидая и дѣла ученаго. Занимаясь преимущественно богословіемъ, здѣсь онъ изучалъ византійскихъ писателей въ то время, какъ изъ Москвы въ 1515 году пришла на Афонъ грамата отъ великаго князя Василія Ивановича къ настоятелямъ монастырей. Московскому князю нужно было разобрать свою библіотеку, доставшуюся ему послѣ отца, въ которой оказалось большое собраніе греческихъ рукописей.

Въ Москвѣ не нашлось никого, кто бы могъ разсмотрѣть ихъ и дать о нихъ свѣдѣнія. Василій Ивановичъ просилъ прислать ему съ Афона искуснаго книжнаго переводчика. На это приглашеніе и былъ отправленъ въ Москву Максимъ, какъ человѣкъ годный къ толкованію всякихъ книгъ церковныхъ и эллинскихъ. Еще на дорогѣ онъ сталъ учиться пославянски, и прибывъ въ Москву, тотчасъ же занялся дѣломъ, для котораго былъ призванъ. Богатое собраніе греческихъ книгъ въ великокняжеской библіотекѣ удивило его; сдѣлавъ подробное ихъ описаніе, онъ составилъ и списокъ тѣхъ, которыхъ еще не было въ славянскомъ переводѣ. Затѣмъ занялся и самыми переводами, но такъ какъ порусски онъ зналъ еще недостаточно, то и переводилъ на латинскій языкъ, съ котораго перелагали на книжный русскій уже другіе. Между тѣмъ, продолжая заниматься русскимъ языкомъ, онъ сравнивалъ русскія церковныя книги съ греческими и не могъ не замѣтить множества искаженій въ русскихъ спискахъ, на что и указывалъ великому князю, который весьма любилъ бесѣдовать съ нимъ, какъ съ человѣкомъ ученымъ и бывалымъ. Кончивъ свой трудъ, Максимъ сталъ проситься домой на Афонскую гору, но великій князь удержалъ его и просилъ заняться исправленіемъ испорченныхъ церковныхъ книгъ. За такимъ дѣломъ ученый грекъ провелъ

девять лѣтъ; но живя въ невѣжественномъ обществѣ, онъ не могъ ограничиться только этимъ трудомъ. Онъ стоялъ въ уровень съ европейскою наукою и въ тоже время воспитанный въ правилахъ византійскаго православія, онъ смотрѣлъ на жизнь и ея явленія совершенно особымъ взглядомъ. Какъ человѣкъ православный, онъ не согласенъ былъ съ многими взглядами міра католическаго, какъ человѣкъ ученый, не могъ одобрить и многихъ явленій русскаго православнаго міра. Здѣсь по его взгляду цивилизующая сила православія много ослаблялась узкимъ ея пониманіемъ, суевѣріемъ, которое не очищалось наукою. Отъ этого религіозное просвѣщеніе дѣлалось крайне одностороннимъ, гдѣ духъ христіанства уступалъ мѣсто одной обрядности, гдѣ недостатокъ правильнаго толкованія его, основаннаго на наукѣ, производилъ разныя ереси; а онѣ волновали русскій міръ, вызывая власти вступаться въ такое дѣло, противъ котораго могла дѣйствовать только сила науки. Не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ всего этого честный христіанинъ и дѣятельный человѣкъ; здѣсь все вызывало его на особенный трудъ, на который не способенъ былъ ни одинъ человѣкъ изъ всего московскаго государства. Не только искаженіе книгъ, но и искаженіе христіанскихъ понятій, искаженіе науки, искаженіе здраваго смысла видѣлъ онъ даже среди тѣхъ, которые призваны были въ руководители массы. Нужно было очищать ту цивилизующую силу силою науки, нужно было и эту наравнѣ съ первою положить въ основаніе развитія, слить ихъ въ одно и такимъ образомъ направить дѣятельность ума на болѣе вѣрную дорогу. Все это хорошо понялъ Максимъ, зналъ, что у науки только одно оружіе—убѣдительное слово, и отсюда вытекаетъ его разнообразная литературная дѣятельность. Онъ пишетъ или переводитъ толкованія св. писанія, пишетъ противъ иновѣрныхъ ученій, несогласныхъ съ духомъ православія и вызывавшихъ у насъ ереси, противъ суевѣрій, которыя мѣшали развиваться правильнымъ христіанскимъ взглядамъ, пишетъ множество поученій, основанныхъ на истинной христіанской морали, противъ апокрифовъ, распространенныхъ въ русскомъ грамотномъ мірѣ; составляетъ сочиненіе о грамматикѣ, необходимое для того, чтобы литературно владѣть словомъ. Все это вызывалось тѣмъ или другимъ случаемъ изъ русской дѣйстви-

тельности, все это имѣло въ виду русскихъ людей, бродившихъ какъ въ лѣсу и въ религіозной, и въ нравственной сферѣ, безъ твердыхъ научныхъ основаній.

Довольно привести только заглавія нѣсколькихъ сочиненій, чтобы видѣть связь Максима съ русской дѣйствительностью:

Бесѣда ума съ душею о лихоиметвѣ; посланіе инокинямъ о томъ, что можно спастись и въ мірѣ; къ тѣмъ, которые безъ вины оставляютъ женъ и идутъ въ монастырь; два слова къ тѣмъ, которые думаютъ спастись только чтеніемъ каноновъ; о внутреннемъ постѣ; поучительныя главы начальствующимъ; о нестроеніи и безчиніи властителей; слово противъ прозрѣнія звѣздочетовъ и о свободѣ воли; слово объ исправленіи книгъ и пр.

Кромѣ того Максимъ дѣйствовалъ и устнымъ словомъ на нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые въ послѣдствіи съ гордостью называли себя его учениками. Между ними былъ и князь Курбскій, который вспоминалъ о Максимѣ даже въ изгнаніи, развивая тамъ любовь къ наукѣ, возбужденную въ немъ его учителемъ въ Москвѣ.

Но съ другой стороны много и враговъ въ особенности изъ среды духовенства вызвалъ онъ своею дѣятельностью. Привыкшіе къ старинѣ, способные только принимать на вѣру одну книжную букву, они не понимали безкорыстныхъ стремленій ученаго грека; любя неподвижность, они недовѣрчиво смотрѣли на все, что имъ казалось новизною; многимъ уже не нравилась перемѣна обычаевъ, происшедшая съ Софіею Палеологъ при Иванѣ III. «Москва замутилась съ иностранцами» говорили они; а теперь является новый иностранецъ, на все нападаетъ; все хочетъ исправлять. Кромѣ того иныя личности были оскорблены осужденіями Максима, иныя завидовали близости его къ великому князю; иныя опасались его вліянія на князя. Словомъ произошло то-же, что и всегда, когда проповѣдуемая истина затрогиваетъ многіе интересы. Противъ нея тотчасъ же образовалась сила и вступила въ ожесточенную борьбу съ противникомъ; но не въ открытомъ бою, не равнымъ оружіемъ хотѣла побѣждать его; а употребила клевету и возбудила противъ него власти, чтобы вѣрнѣе и легче погубить его. Противъ Максима стали взводить разныя обвиненія; когда не удавались одни, придумывали другія. Когда же Максимъ высказалъ свое мнѣ-

ніе противъ расторженія брака великаго князя съ первою его супругою, тогда постарались настроить противъ него и самого. князя, такъ что Максимъ потерялъ всякую силу при дворѣ, гдѣ стала господствовать партія Глинскихъ. Не трудно было тогда направить противъ Максима власти. Его обвинили въ ереси, которую будто бы онъ хотѣлъ ввести мнимымъ исправленіемъ книгъ. На соборѣ въ 1525 году онъ былъ осужденъ какъ еретикъ, намѣренно портившій св. писаніе, и сосланъ въ Волоколамскій монастырь, откуда черезъ шесть лѣтъ опредѣленіемъ новаго собора былъ переведенъ въ Отрочь монастырь въ Твери. Такой поступокъ съ Максимомъ опредѣлилъ отношеніе московскихъ силъ къ наукѣ. Обвиненіе въ ереси оказалось самымъ дѣйствительнымъ противъ всякой новой силы, опиравшейся на науку и несогласной со стариною. Это впослѣдствіи и повторялось нѣсколько разъ.

Живя въ заточеніи, подъ строгимъ надзоромъ, терпя всякую нужду, Максимъ не оставлялъ своихъ литературныхъ трудовъ. Иванъ Васильевичъ Грозный очень уважалъ его; но не рѣшался освободить его и уступить его просьбѣ—отпустить на Аѳонъ. Двадцать лѣтъ безвыходно провелъ онъ въ Отрочемъ монастырѣ и наконецъ переведенъ былъ въ Троицко-сергіевскій, гдѣ и умеръ въ 1556 году. Пострадалъ онъ въ неравной борьбѣ, но живая мысль его не могла безслѣдно погибнуть, она отозвалась въ нѣкоторыхъ личностяхъ и выразилась на Стоглавомъ соборѣ (1551 г.).

Главнымъ дѣятелемъ здѣсь былъ митрополитъ Макарій. Онъ вышелъ изъ Новгорода, гдѣ книжное просвѣщеніе было распространено значительно болѣе чѣмъ въ Москвѣ, и гдѣ не могло развиться такого самодовольнаго отношенія къ настоящему, основанному будто бы на старинѣ. Въ немъ не было развито того узкаго взгляда, которымъ отличался предшественникъ его, митрополитъ Даніилъ, главный врагъ Максима Грека; а потому и на исправленіе книгъ онъ смотрѣлъ какъ на дѣло первой важности.

По его представленію соборъ опредѣлилъ: протопопы и благочинные должны наблюдать, дабы по церквамъ не были употребляемы книги, неисправно написанныя, а если на торгахъ будутъ продаваться испорченныя книги, отбирать ихъ въ страхъ невѣждамъ-писцамъ. Но такая мѣра оказалась недѣйствитель-

ною уже потому, что въ рукахъ протопоповъ не было исправленныхъ книгъ, съ которыми они могли бы сравнивать другія; да и сколько времени нужно было употребить для сличенія каждой рукописи. Но это соборное опредѣленіе было только подготовленіемъ другой мѣры, которую обдумывалъ Макарій. Единственно вѣрнымъ и удобнымъ средствомъ противъ порчи книгъ ему казалось книгопечатаніе, быстро распространившееся въ западной Европѣ. Онъ уговорилъ царя принять эту новизну и въ Москвѣ. Былъ выписанъ изъ Даніи типографщикъ; съ его помощію устроена типографія, гдѣ подъ его же руководствомъ и занялись печатаніемъ болѣе грамотные—дьяконъ Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславцевъ. Но никто изъ нихъ не былъ приготовленъ для такого дѣла. Чтобы отыскать исправные списки, съ которыхъ бы дѣлать книгопечатный наборъ, нужно было сравнить ихъ съ греческимъ текстомъ; а погречески не зналъ никто изъ москвичей. Выбрали одинъ изъ списковъ *дѣяній апостольскихъ*, который показался лучшимъ, и съ него началось типографское дѣло въ московскомъ государствѣ, но сначала шло оно крайне медленно. Макарій не дождался и первой книги, которая вышла уже послѣ его смерти въ 1564 году и надъ которою трудились цѣлыя десять лѣтъ. Но новизна не была встрѣчена одобрительно очень многими. Однимъ не нравилась она какъ новизна, другіе, какъ напр. переписчики, видѣли въ ней ущербъ своимъ интересамъ.

«Озлобленіе, говоритъ Иванъ Федоровъ, случилось отъ многихъ священноначальниковъ и учителей; изъ зависти они умыслили на насъ многія ереси, желая благое превратить во зло и погубить въ конецъ Божіе дѣло, по обычаю людей злонравныхъ, неученыхъ, не навыкшихъ въ грамматическихъ хитростяхъ, не исполненныхъ духовнаго разума, но всуе приносящихъ злое слово».

Такимъ образомъ въ Москвѣ снова закричали объ *ереси* и этимъ крикомъ взволновали невѣжественный народъ въ то время, когда въ 1565 году приготовлялась къ выпуску изъ типографіи другая книга *часовникъ*. Народъ толпою напалъ на типографію, сжегъ ее, а типографщики едва успѣли спастись бѣг-

ствомъ, пробравшись въ Литву. Там воспользовались ихъ искусствомъ и благодаря москвичамъ, явились типографіи въ Вильнѣ, а потомъ въ южной Руси, въ Острогѣ и въ Львовѣ. Но и въ Москвѣ типографское дѣло не совершенно погибло, хотя имъ и пользовались очень мало. По окончаніи всѣхъ московскихъ смутъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ снова принимаются за изданіе печатныхъ книгъ. Въ *справщики*, которымъ поручалось исправленіе и печатаніе книгъ, выбираются самые грамотные и начитанные, даже знакомые съ грамматическими правилами, какіе только могли найтись въ московскомъ духовенствѣ. Но и имъ иногда приходилось страдать отъ людей, для которыхъ буква, освященная стариною, была драгоцѣннѣе всего. Такъ въ 1617 году пострадалъ извѣстный всей Русской землѣ защитникъ Троицко-сергіевскаго монастыря, архимандритъ Діонисій. Онъ вмѣстѣ съ сергіевскимъ монахомъ Арсеніемъ-глухимъ по указу царя занимался исправленіемъ требника. Ихъ обвинили въ намѣренномъ искаженіи текста; шесть недѣль держали въ дымной избѣ, томили голодомъ, били и подвергали эпитеміи съ лишеніемъ сана. И послѣ всего этого они были оправданы и снова приставлены къ тѣмъ же должностямъ. Такое обращеніе съ самыми добросовѣстными справщиками конечно внушало прочимъ страхъ, который и вредилъ самому дѣлу. И вотъ наконецъ при патріархѣ Іосифѣ оно попало въ руки людей, хотя и весьма религіозныхъ, но нисколько не ученыхъ, какъ напр. протопопа Аввакума, дьякона Федора, священника Лазаря и др. Для нихъ старина имѣла силу неизмѣннаго закона, а исправленіе книгъ они считали дѣломъ еретическимъ. Изъ типографіи стали выходить книги съ такимъ же искаженнымъ текстомъ, съ какимъ были и рукописныя. Патріархъ ввѣрился такимъ справщикамъ и даже удалилъ въ Соловецкій монастырь единственнаго ученаго человѣка, который могъ бы быть полезенъ своими совѣтами, Арсенія—грека, который рѣзко порицалъ разныя богослужебныя неправильности, допущенныя въ московскихъ церквахъ. Въ этомъ случаѣ не обращали вниманія даже и на то, что Арсеній повторялъ лишь порицанія іерусалимскаго патріарха Паисія, съ которымъ пріѣхалъ онъ въ Москву и который оставилъ его здѣсь по просьбѣ царя. Вслѣдъ за этимъ наступаетъ время Никона, а съ нимъ и новое направленіе московскаго образованія при

участія новой цивилизующей силы, какая представляется въ наукѣ.

Кіевскіе ученые и ихъ московскіе ученики.

Соединеніе двухъ частей Русской земли.—Борьба юга съ польскими іезуитами.—Еллинно-славянская школа и Петръ Могила.—Кіево-могилянская коллегія.—Схоластическія науки.—Кіевскіе ученые въ Москвѣ.—Враги ихъ.—Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій.—Ученики ихъ.—Братья Лихуды.—Заиконо-спасская академія.—Неудачи и торжество кіевскихъ ученыхъ.

Съ половины XVII столѣтія въ Москвѣ стали являться русскіе ученые изъ Кіева; они находили покровительство въ московскихъ властяхъ, которыя уже начинали сознавать необходимость оживить жизнь новою силою. Соединивъ науку пока съ одними интересами религіозными, они и стали дѣйствовать сначала только въ этихъ интересахъ. Здѣсь по необходимости они должны были столкнуться съ тѣми силами, которыя въ наукѣ видѣли еретичество, съ тѣми дѣятелями, которые всю мудрость полагали въ знаніи старины и всѣхъ дѣдовскихъ обычаевъ. Отсюда произошло сильное волненіе умовъ, которое и повело къ громадному расколу. Такими послѣдствіями сопровождалось соединеніе двухъ разрозненныхъ частей русской земли. Около трехъ столѣтій развивались онѣ отдѣльно при разныхъ историческихъ условіяхъ. Сѣверовосточныя области, напрягая всѣ свои силы на свержевіе татарскаго ига, постепенно сростались въ одно государство подъ исключительнымъ нравственнымъ вліяніемъ православія, но чуждыя умственнаго развитія, вызываемаго наукою. Отъ этой односторонности стала наконецъ страдать и чистота христіанскаго ученія, такъ какъ къ нему грубая фантазія, не сдерживаемая наукою, примѣшивала многое, что даже не относится и къ религіозной сферѣ, какъ напр. старинные обычаи, привычки и проч. Религіею стали освящать и покрой платья, и бороды, и разные хозяйственные порядки, что ясно видно изъ Домостроя. Такимъ образомъ все исключительно національное сливалось съ рели-

гіознымъ, и само, дѣлаясь неподвижнымъ, ослабляло въ тоже время благодѣтельное дѣйствіе силы религіозной. Югозападныя области, соединившись съ Польшею, столкнулись съ другою національностью и съ другимъ вѣроисповѣданіемъ, и наконецъ должны были напречь всѣ свои силы, чтобы отстаивать свое православіе вмѣстѣ съ національностью. Обстоятельства здѣсь вызвали не только физическія силы, выказывавшіяся въ военныхъ подвигахъ казачества, но и силы умственныя, которыми нужно было отражать такія же силы противниковъ.

Іезуиты, стараясь овладѣть воспитаніемъ юношества въ исключительныхъ интересахъ католичества, ревностно учреждали школы, какъ въ Польшѣ, такъ и въ большихъ русскихъ и литовскихъ городахъ съ намѣреніемъ нравственною силою привлекать въ католичество некатоликовъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ: дѣйствуя силою убѣжденія на юные умы, и нападая на православіе, которое не могло имъ давать значительнаго отпора по невѣжеству неразвитыхъ дѣятелей въ своей средѣ, они легко достигали цѣли и дѣлали изъ своихъ учениковъ не только ревностныхъ католиковъ, но и жестокихъ враговъ всего православія. Сначала они обратили вниманіе на русскихъ князей, составлявшихъ часть богатой польской аристократіи и важную силу въ русской средѣ. Нѣкоторые изъ болѣе развитыхъ и образованныхъ русскихъ вельможъ, преданныхъ вѣрѣ своихъ отцовъ, хорошо проникали въ скрытыя Іезуитскія намѣренія и ясно видѣли, куда могутъ повести ихъ усилія. Понимая, что въ этомъ случаѣ успѣшная борьба требуетъ равнаго оружія, они стремились вызвать умственную дѣятельность въ русской средѣ, вооружить православныхъ защитниковъ вѣры оружіемъ, которое даетъ наука, чтобы имъ отражать ученыхъ противниковъ. Другаго исхода въ усиленной защитѣ дѣйствительно не было. Здѣсь русское духовенство да и вообще народъ, болѣе развитые и менѣе односторонніе чѣмъ въ Москвѣ, не могли такъ враждебно относиться къ наукѣ, какъ относились тамъ. Между русскими здѣсь нерѣдко являлись люди, образовавшіеся въ польскихъ училищахъ и въ европейскихъ университетахъ и не измѣнявшіе православію. Они доказывали собою, что наука не враждебна православной вѣрѣ, что напротивъ эта послѣдняя можетъ находить себѣ даже опору въ первой. Да и вообще при взаимныхъ отношеніяхъ двухъ націо-

нальностей, въ слабѣйшей изъ нихъ менѣе цивилизованной не можетъ развиться той односторонности и нетерпимости, какія развиваются въ замкнутомъ существованіи. Такимъ образомъ ввести науку въ интересы русскаго православія не представляло особеннаго труда, не угрожало раздѣленіемъ православнаго міра и борьбою между его частями. Тутъ можно было разсчитывать только на усиленіе его средствъ, а никакъ не на ослабленіе. Понимая все это, нѣкоторые изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ задали себѣ задачу усиливать дѣйствительныя средства русскаго православія противъ католичества: они заводили школы, типографіи, распространяли сочиненія, которыя могли быть твердою опорою въ защитѣ вѣры. Здѣсь самымъ умнымъ и дѣятельнымъ изъ нихъ явился знаменитый князь Константинъ Острожскій. Тѣмъ онъ и прославилъ себя, что всю свою жизнь противодѣйствовалъ порывамъ іезуитовъ и удерживалъ ихъ успѣхи въ православной средѣ.

Замѣчательно, что и Москва ненамѣренно участвовала въ этой же самой борьбѣ своими силами. Но только эти силы она считала какъ бы негодными, вредными для себя и вытѣсняла ихъ изъ своей среды. Зато онѣ находили себѣ трудъ и полезную дѣятельность среди своихъ югозападныхъ собратій: таковы были князь Курбскій и первые московскіе типографщики Федоровъ и Мстиславцевъ, о которыхъ было уже говорено. Но со смертью всѣхъ этихъ ревностныхъ защитниковъ вѣры успѣхи іезуитовъ до того усилились, что даже собственные сыновья Острожскаго и Курбскаго по убѣжденію перешли въ католичество, и, отрекшись отъ своей національности, слились съ польскими панами. Точно также ополячились почти всѣ изъ знатныхъ русскихъ. Тогда іезуиты, не предполагая уже значительнаго отпора со стороны ослабленнаго русскаго православія, стали дѣйствовать еще рѣшительнѣе и склонивъ на свою сторону нѣкоторыхъ изъ высшаго русскаго духовенства, сочинили извѣстную *унію*, думая черезъ нея провести всѣхъ православныхъ въ католики. Эта мѣра взволновала весь югозападный русскій край и вызвала на борьбу новыя силы. Теперь уже не отдѣльныя личности стали отстаивать православіе, а цѣлыя массы являлись подъ именемъ *братствъ*, приписанныхъ къ той или другой церкви. Это были городскія общины, которыя до сихъ поръ мирно занимались ремеслами и торгов-

лею, пользуясь своими общественными правами, вытекавшими изъ извѣстнаго *магдебургскаго права*.

Но когда наконецъ были затронуты ихъ высшіе интересы жизни—религіозные и національные, они не могли оставаться въ томъ же мирномъ состояніи и, соединившись съ низшимъ духовенствомъ, также стали искать оружія для отраженія враговъ народной вѣры. Каждое братство сбирало пожертвованія отъ всѣхъ своихъ членовъ, на нихъ заводило школы, типографіи, распространяло книги, и такимъ образомъ въ массахъ началось умственное движеніе и развитіе. Объемъ ученія въ школахъ значительно расширился: тамъ стали преподавать, кромѣ языковъ русскаго, славянскаго и польскаго, латинскій и греческій, и всѣ тѣ школьныя науки, которыя въ образованной Европѣ составляли предметъ общаго образованія, какъ грамматика, риторика, діалектика, нравственное богословіе.

Такія школы являлись во всѣхъ значительныхъ русскихъ городахъ и поддерживались усиліями братствъ. Онѣ готовили духовное оружіе въ то время, когда казачество уже вооруженною силою почти поголовно отражало дерзкое насиліе приверженцевъ уніи и жестоко мстило за оскорбленіе своей вѣры и національности. Надъ всѣми этими школами обстоятельства возвысили «Школу эллино-славянскаго и латино-польскаго письма», учрежденную въ 1589 году братствомъ при Богоявленской церкви въ Кіевѣ. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ былъ митрополитъ югозападной Руси Петръ Могила. Сынъ молдавскаго воеводы, въ юности учился онъ въ парижскомъ университетѣ, затѣмъ служилъ въ польскихъ войскахъ, но не только не измѣнилъ православію, а напротивъ сдѣлался жаркимъ его поборникомъ. Онъ постригся въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, черезъ годъ (1626 г.) былъ поставленъ въ архимандриты того же монастыря, а черезъ пять лѣтъ сдѣланъ митрополитомъ. Ему пришла мысль устроить высшее училище, изъ котораго бы выходили люди съ значительнымъ запасомъ учености и силъ, нужныхъ для успѣшной борьбы съ учеными іезуитами. Но такъ какъ для этого дѣла прежде всего нужны были знающіе и добросовѣстные наставники, то онъ и выбралъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей, преимущественно изъ монаховъ и послалъ ихъ для высшаго образованія въ лучшія западныя академіи. Сперва онъ намѣревался устроить это новое училище при

Печерскомъ монастырѣ; но богоявленское братство, узнавъ объ его намѣреніи, просило его принять подъ свое покровительство Школу эллино-славянскаго и латино-польскаго письма и преобразовать ее въ высшую школу, согласно его цѣлямъ. Петръ Могила принялъ это предложеніе и по возвращеніи посланныхъ имъ молодыхъ людей, устроилъ изъ прежней незначительной богоявленской школы высшее училище подъ именемъ Кіевомогилянской коллегіи. Очень понятно, что образцомъ для нея должны были послужить подобныя же европейскія заведенія: такъ-же раздѣлились науки на высшія—богословіе и философія, и низшія—грамматика, риторика, піитика, діалектика; такъ же латинскій языкъ долженъ былъ занимать первое мѣсто; такъ-же на немъ читалась большая часть наукъ; тѣ же методы и всѣ пріемы преподаванія. Только надъ всѣмъ этимъ господствовалъ другой духъ: здѣсь приготовлялись будущіе защитники православія, проповѣдники и просвѣтители русскаго народа.

Все, что перешло въ Кіево-могилянскую коллегію, на западѣ развилось еще въ средніе вѣка. Тамъ наука сначала существовала также въ интересахъ исключительно религіозныхъ, за предѣлы которыхъ она не смѣла и переходить. Она была наслѣдіемъ отъ классическаго міра и состояла изъ логики, основанной на ученіи Аристотеля, и риторики, развитой также Аристотелемъ, Цицерономъ и Квинтиліаномъ. Умъ, направленный религіозно, находилъ себѣ дѣятельность въ логическихъ доказательствахъ христіанскихъ истинъ, принятыхъ прежде на вѣру; онъ пріискивалъ силлогизмы, съ тѣмъ, чтобы въ заключеніи явилась извѣстная принятая истина, которую хотѣли доказывать. Истины не искали, она уже существовала въ христіанскомъ ученіи, ее только доказывали въ опредѣленныхъ формахъ силлогизма и тѣмъ самымъ какъ бы оправдывали. Но при этомъ, чтобы оградить ее отъ всѣхъ возможныхъ возраженій, обыкновенно придумывали эти возраженія и опровергали ихъ въ такихъ же формахъ силлогизма. Отсюда получаетъ особенное значеніе *діалектика* т. е. умѣнье вести споръ, знаніе тѣхъ пріемовъ, какими вѣрнѣе можно опровергать и поражать противника. Отсюда же и важное значеніе диспутовъ въ средневѣковыхъ высшихъ школахъ. Отсюда наконецъ и особенное значеніе формы, независимо отъ содержанія; она предлага-

лась уже готовая; нужно было только умѣть вмѣщать въ нее данное содержаніе. Такъ какъ ученіе о формѣ излагала *риторика,* то и она дѣлается важною и необходимою наукою. Изъ такого направленія ума возникли двѣ новыя—высшія науки: философія и богословіе; онѣ были въ самой тѣсной связи между собою; первая стремилась доказывать логически христіанскія истины, вторая приводила въ строгую систему христіанскіе догматы. Всѣ эти науки вмѣстѣ и составляли то полное школьное ученье, которое въ средніе вѣка называлось *схоластикой.* Конечно, сюда примѣшивалось и все то, во что вѣрили въ тогдашнее время и чѣмъ нерѣдко увлекалось воображеніе средневѣковаго человѣка, такъ напр. разныя сказанія изъ бестіаріевъ, изъ космографій, переполненныхъ ложью, даже изъ астрологій. Многіе не пренебрегали ничѣмъ, лишь бы только добыть вѣрное на взглядъ доказательство какого-нибудь заранѣе поставленнаго положенія, которое сперва на вѣру принималось за несомнѣнно истинное. Наука не учила, какъ искать новыхъ истинъ, какъ изучать многосторонне и во всей глубинѣ каждый предметъ и явленіе и какъ отсюда *пріобрѣтать* содержаніе для своей рѣчи; она учила только какъ *изобрѣтать* мысли, чтобы что нибудь сказать о предметѣ, т. е. указывала на готовые *общіе* источники, откуда брать матеріалъ, какъ напр. время, мѣсто, сравненіе, уподобленіе, примѣръ, противуположность и проч. При этихъ общихъ условіяхъ сущность предмета всегда оставалась неизслѣдованною; и въ рѣчи о немъ общая мысль скорѣе обстанавливалась разными другими мыслями, чѣмъ правильно и послѣдовательно развивалась, чтобы сообщить существенныя познанія о предметѣ.

Вотъ чѣмъ преимущественно отличается схоластическая наука отъ науки новѣйшаго времени. Но не смотря на видимую ея безплодность, такъ какъ сумма знаній черезъ нея не увеличивалась, она все-таки приносила въ средніе вѣка большую пользу. Умъ человѣка, стѣсненный одностороннимъ вліяніемъ католичества, находилъ себѣ дѣятельность въ такихъ упражненіяхъ, изощрялся, не тупѣлъ, не впалъ въ совершенный застой, не поддался полному невѣжеству, и наконецъ таки нашелъ въ себѣ силы переступить за этотъ тѣсный кругъ католичества, критически отнестись къ тѣмъ положеніямъ, которыя прежде такъ усердно доказывалъ искусно составленными силлогизмами.

Слѣдствіемъ всего этого была реформація, которая хотя и казалась католичеству ересью и расколомъ, но этотъ расколъ произошелъ отъ развитаго и изощреннаго доказательствами ума, а не отъ невѣжества. Въ XVII стол. схоластика уже отживала свое время, ее смѣняла другая, живая наука, которая занимала болѣе сильные умы, и которая не силлогизмами, а индуктивнымъ способомъ пріобрѣтала много новыхъ истинъ, касающихся природы и человѣка. Но не эта наука перешла въ первоначальныя русскія школы; проникнуть сюда пока ей было еще невозможно. Здѣсь чувствовалась потребность науки только въ интересахъ религіозныхъ для защиты вѣры; слѣд. нужна была ученость такая же, какою отличались противники этой вѣры. Такимъ образомъ и русскій умъ начинаетъ изощряться надъ тою же схоластикой и дѣйствовать доказательствами и опроверженіями противъ іезуитовъ, которые мало по малу стали встрѣчать уже сильныхъ противниковъ, вооруженныхъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Ученіе православной церкви стало также приводиться въ систему подъ именемъ православнаго богословія; печатались сочиненія полемическія противъ католичества, лютеранства, іудейства, мусульманства, раздавались искусно составленныя проповѣди, разумѣется, по стариннымъ правиламъ риторики, издавались учебники, словомъ началась довольно оживленная литературная дѣятельность, проникнутая однимъ и тѣмъ же духомъ. Учебники учили:

Проповѣдникъ прежде всего долженъ взять изъ Св. писанія тему, какъ фундаментъ сочиненію. Въ проповѣди три части: ексордіумъ (начатокъ), наррація, (повѣсть) и конклюзія (конецъ). Эксордіумъ составленъ изъ приступа и пропозиціи (предложенія) т. е. указанія предмета, о которомъ будетъ говориться; здѣсь же проповѣдникъ проситъ Бога или пречистую Дѣву о помощи, а слушателей о вниманіи. Наррація повѣдаетъ то, что проповѣдникъ обѣщалъ повѣдать; эта часть наибольшая, ибо въ ней собственно и заключается проповѣдь... Конклюзія кратко повторяетъ изложенное въ нарраціи и увѣщеваетъ слушателей сохранить рѣчь въ памяти... Толкованіе имени даетъ обильный матеріялъ при развитіи темы.

Пользуясь однимъ этимъ способомъ, можно написать цѣлую проповѣдь. Правило объясняется примѣромъ. Въ день недѣльный (воскресенье) прилично повѣдать, что Творецъ міра называется *Богомъ* или отъ *бога*тства милосердія... или отъ *бога*тства мудрости... Христофоръ значитъ Христоносецъ, такъ какъ онъ постоянно носилъ Христа въ своемъ сердцѣ; Василій—царь, такъ какъ онъ въ земной жизни царствовалъ надъ своими страстями, а теперь царствуетъ на небесахъ. Николай—побѣдитель, такъ какъ онъ одержалъ побѣду надъ тремя врагами души: міромъ, тѣломъ и дьяволомъ, и послѣ такой побѣды торжествуетъ въ царствѣ вѣчности... Откуда заимствовать матерьялы для проповѣди?... Читай библію, житія святыхъ, творенія отцовъ церкви, исторію и хроники, книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, древахъ, травахъ, каменьяхъ, водахъ. Вычитанное прилагай къ своей рѣчи. *)

Всѣ эти правила риторики дѣйствительно и прилагались къ тогдашнимъ рѣчамъ, отчего и произошло *риторическое* краснорѣчіе. Здѣсь особенно заботились объ украшеніи слога помощью разныхъ сравненій, уподобленій, метафоръ; такой искуственный наборъ фразъ удалялъ языкъ отъ простоты и естественности. Самыя заглавія сочиненій кіевскихъ ученыхъ достаточно характеризуютъ риторичность ихъ слога, какъ напр. *Перла многоцѣнная*, *Рай мысленный*, *Ключъ разумѣнія*, *Новое небо съ новыми звѣздами* (Галятовскаго), *Мечь духовный*, *Трубы словесъ* (Барановича), *Огородокъ* (садъ) *Маріи Богородицы*, *Руно орошенное* (Димитрія Ростовскаго) и др. **) Впрочемъ византійскою риторичностью уже давно пользовались нѣкоторые изъ нашихъ писателей, доводя свой слогъ до крайней вычурности, что мы уже видѣли. Кіевскіе ученые, подражая западнымъ, только расширили ея источники, прибавивъ къ сравненіямъ и метафорамъ библейскимъ еще и другія, заимствованныя изъ исторій, сказочныхъ книгъ *о звѣряхъ, птицахъ, травахъ* и проч.

*) Ист. Рус. слов. Галахова, ч. I, стр. 184.
**) Отрывки изъ этихъ сочин. см. въ историч. хрестоматіи Буслаева.

Кромѣ успѣшной защиты православія схоластика принесла и другую пользу русской жизни, хотя и не вносила въ нее никакихъ новыхъ истинъ, занимаясь только изложеніемъ тѣхъ, которыя всегда существовали въ православномъ ученіи. Служа средствомъ для защиты православія, схоластическая наука тѣмъ самымъ уже заставляла любить и уважать себя: является въ нѣкоторыхъ уваженіе къ наукѣ, что конечно очень важно для интересовъ образованія. Отсюда постепенно смягчается и тотъ строгій аскетизмъ, которымъ отличались всѣ идеалы прежней жизни. Совершенство идеала стали ставить уже не въ строгомъ отчужденіи отъ міра, а въ духовномъ просвѣщеніи ума тѣми науками, которыя помогали служенію религіознымъ интересамъ. Подъ вліяніемъ этой науки идеалъ высшей духовной жизни перерождается и мало по малу вноситъ въ жизнь новыя стремленія. Съ такимъ уваженіемъ къ наукѣ, съ такимъ стремленіемъ просвѣщать русскихъ людей и являются кіевскіе ученые въ Москвѣ, послѣ того какъ Кіевъ съ Малороссіею былъ присоединенъ къ Московскому государству. Главная роль ихъ въ Кіевѣ была уже кончена, тамъ уже не нужно было отражать враговъ православія. Но за то имъ открывалась обширная дѣятельность въ Москвѣ, которая сдѣлалась центромъ всего русскаго міра. Имъ предстояло соединить съ православіемъ новую цивилизующую силу, вступить въ борьбу съ другимъ врагомъ, котораго они назвали *невѣжествомъ*.

Такимъ образомъ соединеніе двухъ частей Русской земли было не только внѣшнее, политическое, но и духовное: то, что онѣ развивали до сихъ поръ порознь, теперь должно было соединиться, чтобы выработать новую жизнь. Соединеніе сначала произошло только съ московскими властями, которыя прежде другихъ сознали необходимость науки. Развитію этого сознанія способствовали, во первыхъ, неудачныя военныя столкновенія съ западными силами, вооруженными искуствомъ и знаніемъ, во вторыхъ, частыя ереси, которыя волновали массу, въ третьихъ, неудачное исправленіе церковныхъ книгъ. При такомъ сознаніи оставался непобѣжденнымъ страхъ учиться у иновѣрцевъ, которые могли имѣть религіозное вліяніе на своихъ учениковъ и слѣд. производить новыя ереси. Примѣръ Бориса Годунова, пославшаго нѣсколько молодыхъ русскихъ учиться на западъ, былъ у всѣхъ на виду: никто изъ посланныхъ не воз-

вратился на родину; всѣ были совращены западнымъ ученіемъ. Самыя ереси являлись по большей части отъ вліянія иновѣрныхъ ученій: умъ, не направленный наукою, задавалъ себѣ многіе вопросы, искалъ исхода и удовлетворенія въ разныхъ толкованіяхъ, къ которымъ примѣшивалъ и свои собственныя гаданія и выводы, сдѣланные изъ одностороннихъ или невѣрныхъ наблюденій. Очень понятно, что люди, по природѣ болѣе способные къ мышленію, искали пищи уму, увлекались вопросами вѣры и доходили часто до нелѣпыхъ выводовъ. Но какъ бы ни были грубы всѣ эти ереси, онѣ всегда сопровождались умственнымъ движеніемъ и стремленіемъ улучшить нравственную сторону жизни. Даже самые ревностные и неумолимые преслѣдователи ересей должны были сознаваться, что главные еретики всегда отличались нравственною чистотою. Все это доказываетъ, что болѣе дѣятельные умы увлекались исканіемъ истины, но не находили ея, по недостатку познаній. Ясно, что въ наукѣ оказывалась настоятельная потребность. Она выказывалась и въ призывѣ иностранцевъ для спеціальныхъ потребностей государства. Призывы эти начинаются у насъ съ Ивана III и постепенно увеличиваются, такъ что при Михаилѣ Федоровичѣ въ Нѣмецкой слободѣ однихъ протестантскихъ семействъ насчитывалось до тысячи. Но изъ боязни ереси москвичи не допускались къ нимъ въ науку. Все это ставило правительственныя лица въ безъисходное противорѣчіе: съ одной стороны они сознают важность и необходимость ученья; съ другой боятся учителей, которые могли повредить чистотѣ православія. Изъ этого затрудненія вывели ихъ кіевскіе ученые, которые занимались наукою въ интересахъ православной вѣры и слѣдовательно нѣсколько могли удовлетворять потребностямъ времени. Ближній бояринъ царя Алексѣя Михаиловича Ртищевъ въ 1649 году вызвалъ изъ Кіева нѣсколько ученыхъ монаховъ и съ ихъ помощью основалъ въ Москвѣ школу. Враги невѣжества, всѣ эти ученые высокомѣрно отнеслись къ невѣжественному московскому духовенству и осудили книгопечатный трудъ справщиковъ московской типографіи, указавъ на многія искаженія въ текстѣ. Имъ поручено было духовными властями заняться новымъ исправленіемъ книгъ. Тогда прежніе справщики, считавшіеся знающими и лучшими людьми, опозоренные передъ всѣми, горячо вступились за себя и за свое дѣло. Съ одной стороны личное оскорбленіе,

съ другой, фанатическая привязанность къ старинѣ заставляли ихъ кричать во всеуслышаніе, что кіевскіе ученые заражены сами латынью, что они хотятъ вносить въ церковь новизны и слѣдовательно ересь. Тоже самое обвиненіе направлено было и на пріѣзжихъ ученыхъ грековъ, которые также относились неодобрительно къ русскому невѣжеству. Заговорили, что православіе пошатнулось и у грековъ: они сами учатся въ западныхъ католическихъ училищахъ, сами печатаютъ книги въ латинскихъ типографіяхъ. И не остался голосомъ въ пустынѣ голосъ такихъ личностей, каковы были протопопъ Аввакумъ, священникъ Лазарь, дьяконъ Федоръ и другіе, занимавшіеся печатаніемъ книгъ. Отъ Аввакума до насъ дошла автобіографія, которую онъ написалъ уже въ концѣ своей жизни, вытерпѣвъ множество невѣроятныхъ мученій отъ властей за свою фанатическую привязанность къ старинѣ. По ней мы можемъ судить, какіе это были люди; сколько силъ физическихъ и нравственныхъ было соединено въ нихъ, и до какого богатырства могли доходить они въ борьбѣ. Такихъ людей нельзя было запугать ничѣмъ. Они выработались подъ вліяніемъ тѣхъ силъ, которыя вѣками развивались въ московскомъ государствѣ: они были послѣдней крайностью этого развитія, и потому съ необыкновенной энергіей должны были отражать всякое покушеніе разрушить или ослабить эти силы. Съ рѣзкимъ словомъ являлись они среди толпы, осуждая и кіевскихъ ученыхъ и власти, которыя поддерживали ихъ; писали длинныя и оскорбительныя сочиненія противъ церковныхъ измѣненій и исправленій патріарха Никона, опиравшагося на ученыхъ пришельцевъ. И огромныя толпы народа брали ихъ сторону, одушевлялись ихъ энергіей, повторяли ихъ обвинительныя слова. Тогда власти употребили противъ нихъ силу; но это еще болѣе воспламенило ихъ и явилась идея мученичества, на которое они шли восторженно, радуясь, что страдаютъ за вѣру. Масса еще болѣе привязалась къ нимъ и расколъ получилъ свое начало. Послѣдующіе соборы не только не подавили его, но еще усилили: они осудили многія постановленія Стоглаваго собора, который въ массѣ имѣлъ авторитетъ неопровержимый. Слово «невѣжество» загремѣло уже не изъ устъ отдѣльныхъ личностей, а отъ цѣлаго собора и поражало всѣхъ членовъ прежнихъ соборовъ:

Писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавѣ и клятва безъ разсужденія и неправедно положена: мы, православные патріархи и весь освященный соборъ, ту неправедную и безразсудную клятву разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ соборъ не въ соборъ и клятву не въ клятву и ни во что вмѣняемъ, какъ бы ея вовсе и не было, потому что Макарій митрополитъ и бывшіе съ нимъ мудрствовали *невѣжествомъ своимъ безразсудно*, восхотѣли сами собою, не согласясь съ греческими и съ древними харатейными славенскими книгами, со вселенскими святыми патріархами не посовѣтовались и не спросили ихъ *).

Понятно, какое впечатлѣніе должны были произвести такія слова на приверженцевъ старины. Всѣ прежніе національные авторитеты были объявлены невѣждами, отцы, дѣды, предки—невѣжи, потомки—невѣжи. Оскорблялось и чувство религіозное, и національное, и личное. Озлобленіе усилилось и сближеніе сдѣлалось невозможнымъ. Власти, какъ гражданскія такъ и духовныя, уже потеряли силу авторитета въ глазахъ такихъ людей, и вотъ двѣ части одного и того же народа, въ одномъ и томъ же государствѣ пошли особыми путями, одна вслѣдъ за властями, возставшими противъ невѣжества старины и изъ всѣхъ силъ старавшимися вырваться изъ нея, другая съ авторитетомъ старины, путаясь въ разныхъ толкованіяхъ и дробясь на мелкія части. Таковы должны были быть послѣдствія вѣковаго односторонняго развитія и за тѣмъ внесенія новыхъ началъ цивилизаціи.

Расколъ вызвалъ со стороны кіевскихъ ученыхъ много опровержeній и обличеній, которыя издавались цѣлыми книгами и на которыя раскольничьи учителя отвѣчали въ свою очередь опроверженіями и новыми обличеніями. Такимъ образомъ полемическое направленіе ученой литературы утвердилось и въ Москвѣ. Кромѣ того вооруженные словомъ «невѣжество», ученые громили многіе застарѣлые пороки и недостатки московской жизни, которые были имъ виднѣе, чѣмъ москвичамъ, и

---

*) Исторія Соловьева т. XIII, стр. 147.

постоянно призывали всѣхъ къ ученію. Все шаталось и требовало новыхъ началъ жизни.

Изъ кіевскихъ ученыхъ въ особенности замѣчательны двѣ личности: Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій—оба ученые монахи и трудолюбивые дѣятели, хотя и не сходные ни по характерамъ, ни по образу жизни. Епифаній былъ призванъ въ 1649 г. въ Москву для школьныхъ занятій и для переводовъ съ греческаго языка. Хорошо знакомый съ этимъ языкомъ, онъ углублялся въ него, какъ истинный ученый, изслѣдовалъ самъ всѣ спорные вопросы, пріискивая объясненія и доказательства; онъ любилъ жизнь уединенную, келейную, за постоянным трудомъ, которому былъ преданъ всѣмъ сердцемъ; любилъ вдаваться въ мистическія представленія, отыскивать разные символы; но не любилъ споровъ, въ которыхъ былъ не находчивъ—діалектика на практикѣ не давалась ему, хотя онъ былъ и не прочь отъ тихой бесѣды о какомъ либо ученомъ предметѣ. Зная хорошо и по латыни, онъ не былъ пристрастенъ ни къ этому языку, ни къ латинскимъ книгамъ. Зато имъ переведено множество богословскихъ книгъ съ греческаго языка. Онъ же принималъ дѣятельное участіе и въ Никоновскомъ исправленіи книгъ. Современники о немъ отзывались такимъ образомъ: «въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ (учитель), искуснѣйшій въ эллинно-греческомъ и славянскомъ діалектахъ».

Симеонъ Полоцкій прибылъ въ Москву въ 1664 году, вращался болѣе въ боярской, чѣмъ въ монашеской сферѣ, умѣя привлекать къ себѣ лица своею сообщительностью, многими познаніями, примѣненіемъ своей учености къ дѣйствительнымъ потребностямъ жизни. Онъ отдавалъ предпочтеніе латинскому языку передъ греческимъ, читалъ и переводилъ много латинскихъ книгъ и всегда извлекалъ изъ нихъ то, что ему могло быть полезно для собственныхъ трудовъ: или для богословскаго разсужденія, или для проповѣди, или даже для стихотворенія. Въ этомъ случаѣ онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: ни басней, ни какимъ нибудь стариннымъ разсказомъ; у него все шло въ дѣло какъ у записнаго краснобая. При большой школьной учености у него всетаки не было самостоятельнаго труда, хотя онъ и умѣлъ пользоваться діалектическими пріемами и вмѣщать содержаніе въ обдуманную и обработанную форму.

Труды его чрезвычайно разнообразны, но всѣ они направлены противъ современнаго невѣжества, представлявшагося также въ разнообразныхъ формахъ въ московской жизни. То онъ является какъ богословъ, то какъ проповѣдникъ-моралистъ, то какъ обличитель раскольниковъ, то какъ учитель и воспитатель, прозаикъ, стихотворецъ, сценическій писатель, но вездѣ практикъ, а не теоретикъ, вездѣ съ добрыми намѣреніями, вездѣ съ попытками соединить науку, какъ новую цивилизующую силу съ прежнею, и очистить ей путь для развитія посредствомъ добраго воспитанія и училищъ. Вращаясь въ высшихъ кругахъ, онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстный лоскъ, утонченность, ловкость, и всѣми этими качествами обратилъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который сдѣлалъ его воспитателемъ своего старшаго сына, наслѣдника престола, Феодора. Симеонъ, заботясь о нравственномъ образованіи царевича, умѣлъ внушить къ себѣ любовь его и довѣріе, которыя и дали ему особенную силу и значеніе, когда Федоръ сдѣлался царемъ. Даже патріархъ Іоакимъ, не слишкомъ жалуя кіевскихъ ученыхъ и подозрѣвая въ Симеонѣ нѣкоторыя латинскія заблужденія, не могъ ему ничего сдѣлать. Чтобы не имѣть съ нимъ столкновенія при печатаніи своихъ книгъ, Симеонъ завелъ при дворцѣ особую типографію, гдѣ безпрепятственно занимался изданіемъ своихъ сочиненій.

Какъ у Епифанія Славинецкаго, такъ и у Симеона Полоцкаго, у каждаго былъ кругъ своихъ учениковъ, съ которыми каждый и занимался по своему: Епифаній училъ погречески, знакомя съ богословіемъ по византійскимъ писателямъ; Симеонъ—полатыни, обучая латинской схоластикѣ. Но между собою оба учителя жили въ согласіи, не питая вражды ни къ латинскому, ни къ греческому образованію. Совсѣмъ не то произошло послѣ ихъ смерти между ихъ учениками. Ученики Славинецкаго стали относиться враждебно ко всему латинскому, тогда какъ ученики Полоцкаго ни во что ставили ученье греческое. Образовались двѣ партіи уже изъ новыхъ московскихъ ученыхъ, которыя скоро и выступили на борьбу между собою. Представителемъ партіи греческой былъ монахъ Евфимій, латинской же монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ; первый не зналъ полатыни, другой—погречески. Отсюда и сочувствіе ихъ учителей къ тому или другому предмету у нихъ уже перешло въ крайность.

Хотя на сторонѣ Евфимія былъ патріархъ, но Сильвестръ сначала оказался сильнѣе его, во первыхъ умѣньемъ вести споръ, которое Симеонъ развилъ въ немъ и котораго не могъ развить Епифаній въ своихъ ученикахъ; во вторыхъ, тою поддержкою, какую онъ находилъ въ кіевскихъ ученыхъ. Произошелъ богословскій споръ объ одномъ догматѣ христіанства. Медвѣдевъ основывался на мнѣніи своего учителя, сходномъ со взглядомъ католическимъ; дерзкій и заносчивый, онъ видимо торжествовалъ въ своихъ спорахъ надъ Евфиміемъ, который назвалъ его толкованіе ересью. Тогда патріархъ на помощь Евфимію рѣшился вызвать изъ Греціи ученыхъ грековъ. И скоро къ спору присоединились два брата, Іоанникій и Софроній Лихуды, присланные въ Москву іерусалимскимъ патріархомъ Досифеемъ.

Лихуды, древняго княжескаго рода, обѣднѣвшаго отъ турецкаго раззоренія, учились въ Венеціи и въ Падуѣ высшимъ схоластическимъ наукамъ, и потомъ постригшись въ Греціи, исправляли разныя учительскія должности въ городахъ. Наконецъ, принявъ предложеніе ѣхать въ Россію въ 1683 г., они оставили Константинополь и послѣ разныхъ затрудненій на пути, почти черезъ два года, прибыли въ Москву. Здѣсь они тотчасъ же начали свои учоные споры противъ всѣхъ положеній, несогласныхъ съ православными догматами. Сильвестръ Медвѣдевъ кромѣ того увидѣлъ въ Лихудахъ своихъ счастливыхъ соперниковъ въ дѣлѣ объ училищѣ, открытомъ при московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Съ этимъ училищемъ связалась новая борьба, и борьба неслучайная, а вытекавшая естественно изъ всего предшествовавшаго развитія Москвы. Она рѣшала споръ объ образованіи латинскомъ и греческомъ, какому изъ нихъ должно было преобладать въ Русскомъ царствѣ. Съ одной стороны вѣковая наша связь съ Греціею и частыя сношенія съ восточными патріархами въ XVII столѣтіи выставляли на видъ необходимость православной Россіи держаться образованія греческаго; съ другой стороны кіевскіе ученые съ латинскимъ образованіемъ постоянно увеличивались въ числѣ, и оказавъ дѣйствительныя услуги русской церкви, пріобрѣтали важное значеніе и въ московскомъ образованіи. Отсюда необходимо долженъ былъ возникнуть правительственный вопросъ, на чью сторону склониться въ дѣлѣ обученія, лишь только явилась мысль объ основаніи высшей школы въ Москвѣ.

Восточные патріархи, посѣщая Москву, не разъ указывали причину всѣхъ московскихъ религіозныхъ смутъ и на средство прекратить ихъ—глубокое невѣжество и противодѣйствіе ему, школы. Не разъ о томъ же и писали они какъ царю такъ и московскому патріарху. Наконецъ, опасаясь за греческія училища въ самой Греціи, гдѣ нужно было вести неравную борьбу съ турками, остановились на мысли основать греческую школу въ независимой православной землѣ, гдѣ можно было поддерживать греческое просвѣщеніе. Та же мысль внушена была и царю Феодору, который и поспѣшилъ открыть школу при типографіи, гдѣ въ учителя были назначены два грека. Онъ много заботился объ успѣхахъ школы и поддерживаемый Симеономъ Полоцкимъ, рѣшился сдѣлать ее, подъ именемъ академіи, высшимъ училищемъ. Бывшій воспитатель царя поспѣшилъ составить и грамату, которая опредѣляла обширный кругъ академическаго ученья и давала большія преимущества преподавателямъ. Имъ вмѣнялось въ обязанность не только заниматься обученіемъ, но и наблюдать вообще надъ всѣми, духовными и мірянами. Они дѣлались цензорами общественной нравственности, что должно было имъ дать большую силу. Все это было вызвано тогдашними обстоятельствами и народными смутами, сопровождавшими расколъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что Симеонъ руководствовался уставами западныхъ академій и университетовъ, думая по ихъ образцу устроить московскую академію. Царь назначилъ Заиконоспасскій монастырь для помѣщенія академіи и приписалъ къ ней для ея содержанія много монастырей съ селами; но онъ не успѣлъ утвердить грамату и скончался вскорѣ послѣ Симеона Полоцкаго, которому также не пришлось дожить до открытія академіи. Смуты послѣ смерти Феодора еще нѣсколько лѣтъ помѣшали заняться этимъ дѣломъ. Особенно много хлопоталъ объ открытіи Сильвестръ Медвѣдевъ, настоятель Заиконоспасскаго монастыря, думая, что онъ будетъ назначенъ и ректоромъ академіи. Но онъ обманулся въ своемъ разсчетѣ: патріархъ Іоакимъ, болѣе расположенный къ греческому образованію, опасался кіевскихъ ученыхъ. По его вліянію назначены были наставниками прибывшіе въ Москву Лихуды, и съ 1685 года начинается дѣятельность Эллино-греческой ака-

демін *), прозванной въ народѣ Заиконоспасскою академіею или Спасскими школами.

Смотря на Лихудовъ, какъ на людей, ставшихъ ему поперегъ дороги, Медвѣдевъ тѣмъ съ большею яростью защищалъ свои мнѣнія, доказывая ересь грековъ и учениковъ Епифанія; но эти послѣдніе на соборѣ 1690 г. восторжествовали. Кіевскіе ученые и ученики Симеона Полоцкаго были совершенно устранены, отъ участія въ академическомъ обученіи, нѣкоторые должны были даже оставить Москву. Образованіе греческое предпочтено латинскому. Ученые кіевляне заподозрѣны въ ереси; противъ нихъ въ тогдашней литературѣ раздавались такіе голоса:

Гдѣ вы, новые мудрецы, взяли сей разумъ, еже токмо нолатински поучитеся вамъ *a*, *be*, *ce*, *de*, и отъ такія науки возстаете, яко отъ превысокія некоея, толь величавы, укорительны же и дерзки яко всякій санъ и преимущества ни во что вмѣняете, аще архіерея, аще священника или искусна и вѣдуща силу святаго писанія и всѣхъ *неуками, невѣждами* нарицаете. Мы хвалимъ свободныя науки, но чрезъ таковыхъ же людей бываемыя и чрезъ таковаго человѣка дѣйствуемыя, иже со страхомъ самъ слушаетъ и дѣлаетъ велѣнія божественныя, а иже въ безстрашіи пребываетъ и въ сластѣхъ, таковаго не только не пользуютъ науки схоластическія, но и вреждаютъ весьма; по преизлиху бо тогда въ таковомъ свирѣпѣетъ помыслъ, вращаяся на безмѣстная, и таковый схоластикъ бываетъ по преизлиху пакостникъ церковный и ересеизобрѣтатель, нежели неученый.... Кіевляне аще и отъ святыя горы пріемша монастырскій уставъ, но отъ ближняго сосѣдства поляковъ измѣниша отъ смиреннаго на гордое, отъ скромнаго на пышное, какъ въ одеждахъ и прочихъ поступкахъ и нравахъ латиноподобно... коликая полнота писаній обрѣтается на эллинскомъ языкѣ и

*) Съ 1700 года она стала называться Славяно-латинскою академіею, съ 1775 года Славяно-греко-латинскою.

нѣсть намъ нужны до латинниковъ никоея же; мощно и премощно намъ быти безъ нихъ; всуя льстятъ насъ они, не Богъ ихъ посылаетъ на насъ, но сатана на прельщеніе, а не на исправленіе.

Отсюда ясно видно, чѣмъ особенно кіевскіе ученые вооружили противъ себя москвичей. Но и Лихуды не долго могли удержаться на своемъ мѣстѣ; не смотря на блистательные успѣхи своихъ учениковъ, они не вполнѣ удовлетворяли торжествующую партію. Воспитанники западныхъ академій, они не съ такимъ презрѣніемъ относились къ латинскому языку, съ какимъ требовалось односторонними эллинистами: учили своихъ учениковъ на обоихъ языкахъ. Это не нравилось не только нѣкоторымъ москвичамъ, но и восточнымъ патріархамъ, которые хотѣли утвердить въ Русской землѣ исключительно греческое образованіе. Видя, что присланные ими же дѣйствуютъ несогласно съ ихъ видами, они признали ихъ отступниками отъ общаго дѣла и въ своихъ письмахъ старались очернить Лихудовъ передъ патріархомъ и царемъ. Къ этому же присоединились и другія ихъ неудовольствія на ученыхъ братьевъ, которыми патріархъ Адріанъ и долженъ былъ пожертвовать. Обвиненные несправедливо въ политическомъ преступленіи, они были удалены изъ Москвы въ Ипатьевскій монастырь. Хотя съ этимъ вмѣстѣ преподаваніе латинскаго языка въ академіи и было совершенно устранено, но греческое образованіе не могло утвердиться въ Москвѣ. Большее сближеніе царя Петра съ западною наукою опять вызвало къ дѣятельности кіевскихъ ученыхъ, которые стали занимать высшія духовныя мѣста и взяли въ свои руки академическое образованіе. Вопросъ объ образованіи греческомъ хотя еще и имѣлъ своихъ приверженцевъ, но уже потерялъ всякое значеніе. Преобразовательная эпоха всему дала новое направленіе. Кіевская коллегія, переименованная въ академію, вмѣстѣ съ Московскою стали высылать Петру людей, нужныхъ ему для новаго дѣла.

(Исторія Кіевской академіи Макарія Булгакова. Исторія Славяно-греко-латинской академіи Смирнова. Братья Лихуды Образцова — Жур. Мин. народ. просвѣщенія 1867 г. сентябрь).

Преобразовательная эпоха.

Силы Петра Великаго. — Его помощники. — Переводы иностранныхъ книгъ. — Типографіи. — Вѣдомости. — Школы и Академія наукъ.—Противники преобразованія.—Феофанъ Прокоповичъ и Феофилактъ Лопатинскій.

Подъ вліяніемъ Симеона Полоцкаго воспитаніе дѣтей царя Алексѣя Михайловича во многомъ отступало отъ старины: здѣсь была уже рѣчь о наукѣ, объ обученіи женщины. Вокругъ нихъ группировались лица съ явнымъ расположеніемъ къ западному просвѣщенію. Вся нѣмецкая слобода постоянно была готова къ царскимъ услугамъ: лѣкаря, аптекари, литейщики, оружейники, капитаны, каждый со своей спеціальностью представлялъ знаніе полезное или необходимое для жизни государственной или частной. Хотя большинство изъ нихъ были далеко не изъ лучшихъ европейски просвѣщенныхъ людей, но каждый по своимъ понятіямъ и познаніямъ стоялъ выше всякаго русскаго, каждый могъ разсказать о жизни просвѣщенныхъ европейскихъ земель много хорошаго, назвавъ невѣжествомъ русскіе нравы и одностороннее развитіе. Понятно, какое направленіе должны были получить молодые и болѣе сильные умы при такой обстановкѣ. Изъ царской семьи вышли царевна Софья и царь Петръ. Путешествіе по чужимъ землямъ еще болѣе сближаетъ Петра съ европейской цивилизаціей, еще рѣзче представляетъ ему невѣжество русскихъ, и вопросъ о наукѣ былъ рѣшенъ окончательно. Она вмѣстѣ съ трудомъ представлялась Петру основаніемъ европейской цивилизаціи, и онъ начинаетъ трудиться въ потѣ лица какъ простой работникъ, примѣняя науку къ русской государственной жизни и требуя труда отъ каждаго въ интересахъ государственныхъ. Онъ принялъ въ наслѣдство тотъ идеалъ царя, который постепенно развивался въ народномъ сознаніи во весь московскій періодъ и выражалъ свою силу во многихъ фактахъ, между прочимъ въ борьбѣ съ Никономъ, въ уничтоженіи разрядныхъ книгъ. Авторитетъ его признавался всѣмъ народомъ, всѣ силы котораго соединились въ немъ. Только съ такимъ

авторитетомъ и можно было приступить къ подвигу, который совершенъ Петромъ.

Къ такой нравственной силѣ присоединился еще геніальный умъ, и передъ ними оказались безсильными всѣ враждебныя силы, какія могла только выставить исключительная старина, отказавшаяся отъ этого авторитета. Петръ повелъ далѣе развитіе идеала царя: онъ хотѣлъ быть не только московскимъ царемъ, но и европейскимъ монархомъ, для чего нужно было усвоить и европейскую цивилизацію. Всѣ силы народа были подняты для этой цѣли, всѣ труды были направлены къ одной работѣ, и наконецъ явилась *имперія*, которая такъ рѣзко отличалась отъ прежняго царства, что даже историки долгое время не могли найти между ними естественной исторической связи: все дѣло приписывали одному Петру, за силами народа не признавали никакого труда.

Наука представлялась Петру не иначе, какъ въ примѣненіи къ государственной жизни; она въ лицѣ ученыхъ и знающихъ людей пока должна была служить нуждамъ государства. Помощниковъ себѣ онъ нашелъ въ иностранцахъ и ученикахъ Кіевской и Московской академій. Первые давали европейскія формы русскому сырому матерьялу, вторые передавали европейскія идеи русскою рѣчью, являясь переводчиками и учителями. Петръ однихъ русскихъ посылалъ въ науку за границу, другихъ хотѣлъ учить дома. Для этого онъ приказывалъ переводить съ иностранныхъ языковъ разныя спеціальныя сочиненія и заводилъ училища. Хотя переводныя книги большею частью оставались лежать въ типографіи нераспроданными, но это не останавливало Петра: онъ назначалъ къ переводу новыя—математическія, инженерныя, военныя, политическія и др. Онъ же обратилъ вниманіе на самый печатный шрифтъ, начертаніе котораго сближалъ съ латинскимъ, исключивъ изъ прежняго лишнія буквы и сократительные знаки; увеличилъ число типографій, далъ привиллегію голландцу Тесингу печатать въ Голландіи русскія книги, кромѣ религіозныхъ, и привозить ихъ на продажу въ Россію; наконецъ съ 1703 года приказалъ печатать русскія вѣдомости. Въ XVII стол. при московскомъ дворѣ составлялось нѣчто въ родѣ вѣдомостей подъ иностраннымъ именемъ *курантовъ*, которыя наполнялись разными извѣстіями, выбранными изъ иностранныхъ газетъ, въ

рукописи представлялись царю, а за нимъ и нѣкоторымъ изъ близкихъ вельможъ. Петръ приказалъ печатать для всѣхъ такія извлеченія вмѣстѣ съ собственными распоряженіями и издавать въ неопредѣленные сроки. Заводя разныя спеціальныя училища и первоначальныя или цифирныя школы, Петръ въ концѣ своей жизни обработалъ проэктъ для основанія академіи наукъ, которой предоставлялись заботы о развитіи науки и объ общемъ образованіи русскаго юношества. Открыта она была уже послѣ его смерти и въ рукахъ иностранцевъ приняла совсѣмъ другое направленіе.

Очень понятно, что охотниковъ учиться явилось очень не много. Масса чувствовала на себѣ лишь одну тяжесть преобразованій, которыя требовали отъ нея особыхъ напряженій силъ, особыхъ пожертвованій, при долговременной войнѣ, присильномъ политическомъ ростѣ государства. Никто лично для себя пока не видѣлъ пользы отъ ученія. Съ другой стороны ее пугали разные бродячіе монахи, сочувствовавшіе расколу и видѣвшіе во всѣхъ новизнахъ близкое пришествіе антихриста. Обыкновенно рѣзкія перемѣны въ понятіяхъ, а съ ними и въ государственныхъ учрежденіяхъ вызываютъ противниковъ изувѣровъ, которые въ своихъ сопротивленіяхъ стараются придать борьбѣ характеръ религіозный; тѣмъ болѣе такихъ противниковъ должно было найтись въ средѣ, которая развивалась подъ исключительно религіознымъ вліяніемъ, и которая съ религіей стала смѣшивать національные обычаи. Такіе противники являлись изъ всѣхъ сословій; они увеличили число раскольниковъ, но не успѣли поднять всей массы противъ силы Петра, который безпощадно каралъ ихъ. Раскольники же окончательно разорвали нравственную связь не только съ властями, духовными и свѣтскими, но и со всѣмъ остальнымъ міромъ и заявили свой протестъ пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Пришло времячко гониме:
Народился злой антихристъ;
Въ сію землю онъ вселился,
На весь миръ вооружился.
Стали его волю творити:
Усы, брады стали брити,
Латинскую одежду носити,
Трепроклятую траву пити.
Умирайте, мои свѣты,

За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову.

Училища, заводимыя Петромъ, доставляли работниковъ для государственной службы, но не ученыхъ. Эти послѣдніе выходили изъ Кіевской и Московской академій, которыя были оставлены на прежнихъ основаніяхъ. Не смотря на схоластическое направленіе, онѣ многостороннѣе и глубже развивали духовныя силы, давая болѣе общее образованіе. Между учеными помощниками Петра, стремившимися дѣйствовать на понятія и убѣжденія русскихъ людей, самое видное мѣсто занимаетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Ученикъ кіевской академіи, онъ довершилъ свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, особенно въ Римѣ, и затѣмъ выказалъ въ себѣ реформаторскія стремленія на поприщѣ преподавателя Кіевской академіи, прежде чѣмъ Петръ узналъ о немъ. Умный, хитрый, многосторонне образованный, честолюбивый, дѣятельный, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ натуръ, которыя ищутъ жизни въ движеніи впередъ, которыя создаютъ лучшіе идеалы для будущаго и стремятся къ нимъ всѣми силами своей души. Несмотря на всѣ старанія образованнѣйшихъ іезуитовъ, которые въ Римѣ истощили много убѣжденій, чтобы привлечь молодаго русскаго на свою сторону, онъ не поддался ихъ вліянію. Ища жизни, а не схоластики, ее сковывающей, онъ не полюбилъ всѣхъ схоластическихъ мудрствованій и занялся изученіемъ писателей древнихъ и христіанскихъ. На ряду съ отцами церкви, онъ знакомился съ Демосѳеномъ, Цицерономъ, Виргиліемъ, Овидіемъ и со многими классическими поэтами, сатириками, ораторами, историками, внимательно разсматривалъ памятники древности и не только не увлекся «папежскимъ духомъ» (какъ называлъ онъ католичество), которымъ его хотѣли увлечь, но напротивъ, развилъ въ себѣ сатирическій духъ и наконецъ явился въ Кіевскую академію самостоятельнымъ дѣятелемъ. Отвергнувъ прежнюю систему богословскаго изложенія, заимствованную изъ западной литературы, Прокоповичъ хотѣлъ основываться только на священномъ писаніи и отцахъ церкви. Скоро его слушатели съ восторгомъ стали разсказывать объ урокахъ новаго учителя. Дошло это и до Москвы, и ужаснулись московскіе богословы смѣлости кіевскаго іеромонаха и единогласно осудили его въ

сообществѣ съ лютеранскими богословами. Въ другое время, конечно, онъ былъ бы задавленъ, не смотря на всю свою энергію; но реформаторскій духъ Петра далъ ему опору въ борьбѣ и направленіе его наклонностямъ. Уже въ то время сатирической и презрительной насмѣшкой поражалъ онъ ханжество и невѣжество поповъ и монаховъ. Первая встрѣча двухъ сильныхъ личностей, столь родныхъ по духу, была въ 1706 г., когда Ѳеофанъ въ качествѣ префекта академіи встрѣчалъ царя въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ привѣтственною рѣчью. Петръ, умѣвшій такъ хорошо угадывать способныхъ людей, не могъ и тогда не замѣтить такой личности какъ Ѳеофанъ. Впослѣдствіи царь имѣлъ возможность ближе узнать и оцѣнить его. Но по мѣрѣ того, какъ проповѣдникъ сближался съ царемъ, все болѣе и болѣе расходился съ высшими представителями своего сословія. Въ 1712 г. онъ написалъ книгу объ Игѣ неудобоносимомъ, которая сталкиваетъ его съ прежнимъ школьнымъ его товарищемъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и ставитъ обоихъ во взаимныя враждебныя отношенія. Эта враждебность потомъ обращается въ борьбу на смерть, когда оба сходятся на одной дорогѣ въ главѣ русскаго духовенства, какъ первые члены синода. Они учились вмѣстѣ въ Кіевѣ и за границей, потомъ вмѣстѣ учили въ Кіевской академіи, но совершенно расходились въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Ѳеофилактъ также былъ человѣкъ умный и ученый, но не имѣлъ той страстности, той изворотливости, какими былъ одаренъ Прокоповичъ, а главное, былъ чуждъ всякихъ реформаторскихъ стремленій, держался старыхъ порядковъ, признавая авторитетъ старины. Не чуждый честолюбивыхъ увлеченій, онъ былъ въ то же время кротокъ, довѣрчивъ, простъ и считалъ своимъ священнымъ долгомъ защищать православіе отъ всякихъ нападковъ и искаженій. Явившись дѣятелемъ въ ту эпоху, когда иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій наполняли войска и исправляли разныя государственныя должности, когда раскольники предъявляли свои толки, когда между самыми православными получали силу нѣкоторыя мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ богословскою наукою, когда самъ царь показывалъ полную религіозную терпимость, Ѳеофилактъ съ совершенною добросовѣстностью, безъ всякой задней мысли хотѣлъ быть стражемъ церкви. Но онъ не запятналъ себя доносами, обычными въ то время, а вооружался литера-

турнымъ оружіемъ, думая сочиненіями остановить развитіе ложныхъ ученій. И въ предѣлахъ литературныхъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ силенъ: но онъ по своей простотѣ не предвидѣлъ, что въ то время литературная полемика легко доводила до тайной канцеляріи, обращаясь въ политическое дѣло. Внѣ литературы Феофилактъ былъ не способенъ на борьбу по своей прямотѣ и недальновидности. Въ этомъ случаѣ онъ и Прокоповичъ были совершенною противоположностью одинъ другому. Феофилактъ возвысился, пока подъ защитою Петра, могъ дѣйствовать въ литературной сферѣ. Петръ, пользуясь его богословскою ученостью, поручалъ ему писать нѣкоторыя религіозныя сочиненія и былъ доволенъ какъ ими, такъ и его проповѣдями, въ которыхъ оправдывались царскія дѣла и поражалось невѣжество. Еще бывъ ректоромъ Московской академіи, Феофилактъ считалъ не совсѣмъ православнымъ богословское ученіе Прокоповича, и на книгу «Иго Господне неудобоносимо» написалъ другую «Иго Господне—благо». Этотъ трудъ ясно показалъ Феофану враждебное отношеніе къ нему московскаго духовенства за его реформаторскія стремленія. Оно еще сильнѣе обнаружилось, когда черезъ четыре года Феофанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы вѣдать духовными дѣлами псковской эпархіи. Взволновалось не только духовенство, но вся партія стараго порядка, всѣ сторонники царевича, какъ будто предугадывая новую силу, которая шла въ союзъ съ Петромъ. И не обманулись. Прокоповичъ сразу нашелъ, гдѣ ему нужно искать точки опоры. Онъ не задумался стать на сторону Петра и слилъ съ его стремленіями свои реформаторскія стремленія. Попавъ въ эту струю, онъ долженъ былъ отстаивать всѣ ея интересы, понявъ очень хорошо, что съ ними соединяется его собственное «быть или не быть». И вотъ въ Петербургѣ Феофанъ говоритъ рѣчь за рѣчью, объясняя благодѣтельное значеніе царевой реформы. Онъ сравниваетъ новую Россію со старою, отдавая первой преимущество во всемъ; доказываетъ пользу путешествія по образованнымъ землямъ, выставляя важное значеніе путешествія самого царя; враждебно относится ко всѣмъ старымъ идеаламъ жизни и съ увлеченіемъ рисуетъ новые, возникшіе на европейской почвѣ, принесшіе съ собою интересы науки и искусства; доказываетъ, что все это не противорѣчитъ вѣрѣ, а напротивъ подкрѣпляетъ ее.

Въ немъ выразилось ясное сознаніе, что отнынѣ наука должна сдѣлаться цивилизующей силой въ русской жизни. Дѣйствительно, новымъ словомъ, новымъ духомъ вѣетъ отъ всѣхъ его проповѣдей, не смотря на ихъ искусственную риторическую оболочку, хотя и въ ней значительно ослаблены всѣ схоластическіе пріемы. Свои доказательства, логическіе выводы ораторъ нерѣдко смѣняетъ насмѣшкой, сатирой, не стѣсняясь никакими картинами, никакими выраженіями. Онъ сразу заявилъ въ себѣ энергическую силу, о которой только по слухамъ до тѣхъ поръ знали приверженцы старины. Нельзя было мѣшкать, нужно было какъ нибудь подавить ее.

И вотъ почти все высшее духовенство и во главѣ его самъ блюститель патріаршаго престола, старикъ Стефанъ Яворскій, знаменитый авторъ книги «Камень вѣры», направленной противъ лютеранъ, заговорили вслухъ, что богословское ученіе Прокоповича не православное, а лютеранское, что онъ хочетъ внести въ нашу церковь ересь. Составилось донесеніе самому царю, которому выставилось на видъ, что Феофанъ самъ «наложилъ на себя препятствіе ко святому великому архіерейскому сану, проповѣдуя въ Кіевѣ ученіе, несогласное съ православной церковью». Феофанъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, но съ помощью царя обвинители его оффиціально отказались отъ своихъ обвиненій, и въ 1718 г. онъ былъ посвященъ въ санъ псковскаго епископа. Враги его явно обнаружились, онъ затаилъ свою злобу, которой впослѣдствіи далъ широкій просторъ. Теперь онъ только воспользовался начавшимся судомъ надъ царевичемъ, въ дѣло котораго оказались замѣшанными Стефанъ Яворскій и нѣкоторые другіе изъ высшаго духовенства. Онъ написалъ «Слово о власти и чести царской», которымъ поражалъ противниковъ своихъ и Петровыхъ съ явными намеками на личности.

Петръ хорошо понялъ реформаторскій духъ Феофана Прокоповича и никому другому, а ему поручилъ составить Духовный регламентъ, который долженъ былъ преобразовать церковное управленіе. Хотя патріарха у насъ не было ужъ почти двадцать лѣтъ, но праздный престолъ его существовалъ, и въ средѣ духовенства стараго порядка идея о патріаршествѣ не исчезала. Феофанъ въ началѣ регламента поразилъ своихъ недоброжелателей въ самое сердце, напавъ на идею патріаршества, до-

казывая, что нѣтъ нужды возстановлять его въ Россіи, и все это представилъ въ такихъ ловкихъ формахъ, какъ будто имѣлъ только въ виду разъяснить предѣлы власти правительствующаго синода. Здѣсь онъ нерѣдко даже впадаетъ въ сатирическій тонъ, намекая на разныя личности.

Можно представить, какое озлобленіе противъ Феофана копилось во всѣхъ врагахъ новыхъ порядковъ. Прежнее обвиненіе его въ лютеранствѣ ходило изъ устъ въ уста и переходило въ народъ; стали являться тайныя сочиненія и пасквили, направленныя противъ его личности.

Но при Петрѣ ему нечего было опасаться; при Екатеринѣ I онъ даже занялъ первое мѣсто въ синодѣ; зато при Петрѣ II, когда реакція стала брать верхъ и враги его усиливались, много нужно было употребить усилія, чтобы отражать ихъ нападенія, и едва ли бы восторжествовалъ онъ, еслибы не быстрая перемѣна царствованія, которая повела къ гибели сильныхъ приверженцевъ старины. Здѣсь Феофанъ явился такимъ же страстнымъ въ мщеніи, какимъ былъ въ утвержденіи новыхъ основъ русской цивилизаціи.

Все это показываетъ, какимъ драматическимъ характеромъ отличалась самая литературная дѣятельность той эпохи, когда новыя начала жизни вызвали личности на открытую борьбу, гдѣ старыя понятія должны были отстаивать себя съ такимъ же усиліемъ, съ какимъ новыя стремились вторгнуться въ жизнь.

(*Наука и литература при Петрѣ Великомъ Пекарскаго*).

(Кантемиръ 1709—1744 г.).

Вліяніе новой цивилизующей силы на отдѣльныя личности.—Воспитаніе Кантемира.—Отношеніе его къ партіямъ.—Первая сатира.—Отношеніе писателя къ обществу.—Форма и стихъ сатиры.—Подражаніе иностраннымъ образцамъ.—Новая мораль.—Занятія въ Лондонѣ и Парижѣ.—Разрѣшеніе теоретическихъ вопросовъ.—Авторитетъ писателя.—Значеніе трудовъ Кантемира.

Наука, введенная Петромъ Великимъ въ интересы государственные и административные, должна была имѣть вліяніе и на отдѣльныя личности, которыя въ свою очередь должны

были вводить ее въ интересы всей русской жизни. Сдѣлавшись цивилизующею силою, она стала давать направленіе духовнымъ силамъ русскихъ людей. Она вызвала къ дѣятельности и тѣхъ, которые понимали ея благотворную силу, и тѣхъ, которые старались уничтожить ее, видя въ ней только силу разрушительную. Литература, какъ выразительница высшихъ духовныхъ интересовъ человѣка, теперь должна была расширить свои предѣлы. Развиваясь прежде исключительно въ интересахъ религіозныхъ, теперь она должна была дѣйствовать и въ интересахъ другой силы, возбуждавшей уже новые вопросы. Поприще литератора отдѣлилось отъ поприща проповѣдника, законоучителя и богослова, съ которымъ прежде сливалось. Нѣсколько такихъ новыхъ литературныхъ дѣятелей уже воспитала эпоха Петра. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ князь Антіохъ Кантемиръ своими сатирами.

Сынъ молдавскаго господаря, человѣка умнаго, дѣятельнаго и образованнаго, на третьемъ году возраста, въ 1711 году, послѣ неудачнаго Прутскаго похода Петра, онъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ былъ перевезенъ отцомъ въ Россію. Условія для его умственнаго и нравственнаго развитія были весьма благопріятны. Онъ развивался подъ впечатлѣніемъ русской жизни и въ то же время былъ охраняемъ отъ вреднаго ея вліянія образованною семьею. Мальчикъ занимался языками и науками подъ надзоромъ отца, который, замѣтивъ въ немъ способности къ ученію, старался развивать ихъ. Какъ много господарь цѣнилъ научное образованіе, видно изъ его духовнаго завѣщанія: въ немъ онъ назначалъ наслѣдникомъ своихъ имѣній, подаренныхъ ему Петромъ, того изъ своихъ четырехъ сыновей, кто окажетъ болѣе успѣховъ въ наукахъ, и возлагалъ особенныя надежды на младшаго—Антіоха; приговоръ этотъ должна была произнести императорская власть, когда всѣ братья достигнутъ совершеннолѣтія.

Лишившись отца въ 1723 году, четырнадцатилѣтній Кантемиръ уже начерталъ себѣ самый широкій планъ ученія и просилъ царя отпустить его учиться въ чужія земли. Хотя Петръ всегда съ большимъ удовольствіемъ принималъ такія просьбы, хотя лично зналъ юнаго Кантемира и его любовь къ наукамъ, но, неизвѣстно почему, оставилъ его просьбу безъ исполненія: было ли тому причиною несовершеннолѣтіе Кан-

темира или, можетъ быть, у царя были въ виду другія соображенія: въ это время онъ рѣшалъ вопросъ объ основаніи въ Петербургѣ академіи наукъ, которая, между прочимъ, должна была заботиться и о высшемъ образованіи русскаго юношества. Она, какъ извѣстно, была открыта уже послѣ смерти Петра, и Антіохъ дѣйствительно является ученикомъ первыхъ членовъ академіи, иностранцевъ, приглашенныхъ изъ за границы. Ихъ уроки, по собственному его сознанію, принесли ему большую пользу. Образованіе его было дѣйствительно основательное: знаніе языковъ и литературъ древнихъ и новыхъ, близкое знакомство съ священнымъ писаніемъ, большая начитанность, развившаяся любовь къ наукамъ, все это выдвигало его передъ всѣми въ томъ высшемъ кругу, къ которому принадлежалъ онъ по рожденію. Нравственное направленіе, развитое въ немъ съ дѣтства отцомъ его, онъ выражалъ впослѣдствіи:

Стыдливымъ, боязливымъ и всегда собою
Недовольнымъ быть во мнѣ природы рукою
Втиснено, иль отческимъ совѣтомъ изъ дѣтства *).

Развившійся на европейской наукѣ и на древнихъ писателяхъ, онъ не могъ питать никакого уваженія ко всѣмъ старымъ формамъ русской жизни, чуждымъ ему даже и по семейнымъ преданіямъ. Онъ былъ человѣкъ совершенно новый въ русской средѣ, но и не иностранецъ, поступившій въ русскую службу изъ личныхъ разсчетовъ и интересовъ. Онъ хорошо понималъ, что Россія стала его родиной, въ которой онъ долженъ явиться дѣятелемъ не какъ иноземный наемникъ. Интересы науки прежде всего охватили душу юноши и опредѣлили сразу его отношенія къ двумъ партіямъ, которыя тогда боролись между собою—приверженцамъ старины и европейскаго просвѣщенія. Первая при Петрѣ II брала верхъ надъ послѣднею; но онъ не присоединился къ торжествующей. Мы видимъ его въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, самымъ страстнымъ послѣдователемъ преобразованій и слѣдовательно непримиримымъ врагомъ старой партіи. Достигнувъ

*) Сатира VIII, стих. 58—60.

совершеннолѣтія, Кантемиръ имѣлъ полное основаніе надѣяться, что завѣщаніе его отца будетъ выполнено въ его пользу. Но случилось иначе. Верховный тайный совѣтъ, управлявшій государствомъ за малолѣтствомъ императора, передалъ все отцовское наслѣдство второму брату его Константину, женатому на дочери князя Димитрія Михайловича Голицына, сильнаго вельможи и члена того же совѣта. Антіохъ остался съ скуднымъ содержаніемъ поручика преображенскаго полка. Такая несправедливость тѣмъ болѣе не могла расположить его къ старой партіи, къ которой принадлежалъ и Голицынъ. Антіохъ Кантемиръ считалъ себя ограбленнымъ, нищимъ и могъ надѣяться на улучшеніе своего состоянія только при торжествѣ другой партіи, къ которой принадлежалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и большая часть иностранцевъ. Такимъ образомъ на самомъ себѣ онъ чувствовалъ всю тягость этого времени, когда реакція видимо брала перевѣсъ, когда некому было сдерживать всѣхъ интригъ, замысловъ и происковъ сильныхъ людей, между которыми интересы науки не имѣли никакого значенія, не смотря на то, что Петръ такъ горячо вносилъ ихъ въ русскую государственную жизнь. Болью должно было отозваться такое положеніе науки въ сердцѣ юноши, который понялъ, что безъ науки нѣтъ и не могло быть дальнѣйшаго развитія, что невѣжество легко можетъ погубить весь народъ, что труды Петра Великаго такъ скоро могутъ погибнуть.

Все это бросаетъ особенный свѣтъ на первую сатиру, написанную двадцатилѣтнимъ юношею въ послѣднее время царствованія Петра II. Здѣсь онъ не является исключительнымъ сторонникомъ той или другой партіи. Его мы можемъ назвать сторонникомъ одной науки, въ чемъ и видимъ тѣсную его связь съ эпохою. Наука, сдѣлавшись цивилизующею силою, должна была теперь стать и живымъ интересомъ для литературы и не случайно вошла въ первое произведеніе писателя, который образовался въ эту самую эпоху. Здѣсь Кантемиръ представилъ намъ очерки типовъ старыхъ и новыхъ, съ идеалами прежней и новой жизни. Какъ ни мало похожи они съ перваго взгляда, но у нихъ была самая существенная черта общая: невѣжество, непониманіе науки и враждебное къ ней отношеніе. Часть общества, подчинившись требованіямъ Петра Великаго, приняла формы европейской жизни, увлекаясь ея внѣшностью, и хотѣла

*

считать себя европейскимъ обществомъ; но самая сущность и основаніе европейской цивилизаціи—наука и трудъ не были ими приняты, отсюда и содержаніе самой жизни сдѣлалось крайне пусто. Прежнее невѣжество только прикрылось новою блестящею формою; стали вырабатываться новые идеалы, но они были далеко не идеалы европейскіе, потому что въ основаніе ихъ полагались только внѣшнія достоинства. Такимъ образомъ невѣжество новыхъ людей равнялось невѣжеству старыхъ. Внѣшность, форма у тѣхъ и у другихъ составляли все, потому что только эти качества прежде всего поражаютъ внѣшнія чувства и прельщаютъ или отвращаютъ ихъ, а до умозрѣнія дѣло доходитъ не такъ скоро. Отсюда и крайне матеріальный взглядъ на религію, на науку, на жизнь; отсюда и развитіе грубаго эгоизма, а съ нимъ и безнравственныхъ отношеній между людьми. Конечно, не этого хотѣлъ Петръ Великій и тѣ немногіе изъ его приверженцевъ, которые искренно помогали ему. Но по историческому ходу это должно было случиться, наука могла только постепенно прочищать себѣ дорогу и входить въ общественное сознаніе, а для этого нужно было значительное время. Кантемиръ очень наглядно представилъ всю ту обстановку, среди которой приходилось развиваться новой силѣ, чтобы повести русскій народъ къ новой цивилизаціи. Обстановка эта была крайне для нея неблагопріятна, начиная съ самыхъ высшихъ общественныхъ слоевъ. По собственному сознанію автора, онъ представлялъ рѣчи людей *непростыхъ*, и разные толки о наукѣ, приводимые въ сатирѣ, не выдуманы имъ, а подслушаны въ разныхъ кругахъ. И дѣйствительно здѣсь довольно опредѣленно представляется тогдашнее общество, расшевеленное Петромъ: оно занято многими вопросами по отношенію къ наукѣ, которая пока ему представлялась болѣе какъ сила разрушительная: вопросъ о чистотѣ вѣры, о святости старыхъ обычаевъ и нравовъ, о монастырскихъ имѣніяхъ, о пользѣ наукъ, объ отношеніи ихъ къ матерьяльному довольству и счастію человѣка, о правѣ на почетъ и уваженіе; всѣ эти вопросы рѣшались односторонне и не въ пользу науки; ихъ же въ свою очередь должна была рѣшать и новая литература, опровергая ложныя понятія. При этомъ нужно было новому писателю еще завоевать себѣ право говорить съ обществомъ, такъ какъ оно до сихъ поръ привыкло слышать рѣчь во имя

вѣры или царскаго авторитета, а не во имя другой какой либо независимой силы. Все это опредѣляетъ и отношеніе тогдашняго писателя къ обществу.

Кантемиръ сдѣлалъ вѣрную характеристику своей сатирѣ со стороны формы слѣдующимъ четырехстишіемъ:

Что далъ Горацій, занялъ у француза:
О коль собою бѣдна моя Муза!
Да вѣрно, ума хоть предѣлы узки,
Что взялъ попольски, заплатилъ порусски.

Т. е. форму сатиры авторъ взялъ у Буало, французскаго писателя XVII столѣтія, который въ свою очередь подражалъ Горацію; въ образецъ же стиха взятъ хотя не имъ, а его предшественниками-стихотворцами силлабическій стихъ польскій; наконецъ содержаніе вѣрно изображаетъ русскую современность.

Русскій силлабическій стихъ впервые явился въ Кіевѣ въ то время, когда кіевскіе ученые, усвоивая себѣ схоластическую науку, стали заниматься и піитикой, которая излагала правила стихосложенія. Гнушаясь всѣмъ народнымъ, какъ невѣжественнымъ, они не обратились къ стиху, которымъ слагались русскія народныя пѣсни, а взяли себѣ въ образецъ стихъ польскій, основанный на счетѣ слоговъ въ каждомъ стихѣ и названный поэтому силлабическимъ. Изъ польскаго же стиха перешла къ нашимъ ученымъ и двусложная или женская рифма, какъ необходимая принадлежность стиха. Такое-то стихотворство на нѣкоторое время и утвердилось у насъ подъ именемъ *виршъ* (versus). Не нужно говорить, что въ этихъ виршахъ не было и тѣни поэзіи. Вся сила ихъ заключалась въ подборѣ разныхъ риторическихъ фразъ на крайне искуственномъ языкѣ, составленномъ изъ смѣси словъ церковнославянскихъ, русскихъ, польскихъ и даже латинскихъ. Содержаніе ихъ было преимущественно религіозное, впрочемъ и другія сферы жизни не остались нетронутыми. Гимнъ, ода, (канта и псалмъ) и элегія (плачъ) были главными формами, въ которыхъ упражнялись ученые. Все это вытекало изъ подражанія западнымъ стихотворцамъ. Въ Москвѣ явились вирши вмѣстѣ съ схоластической литературой. Усерднымъ слагателемъ ихъ былъ Симеонъ Полоцкій. Въ нихъ онъ нашелъ средство педагогиче-

ское передавать разныя нравственныя идеи, посредствомъ примѣровъ, сравненій, аллегорій. Кромѣ того онъ передалъ стихами весь Псалтырь, желая ими замѣнить польскій стихотворный переводъ, который иногда слышался въ пѣніи русскихъ людей. Въ эпоху Петра стихотворство развилось еще болѣе, но ни форма, ни языкъ его нисколько не улучшились. Не имѣя другихъ образцовъ, Кантемиръ долженъ былъ взять этотъ стихъ и примѣнить его къ сатирѣ, которою не занималось схоластическое стихотворство. Такъ какъ сатира по своему содержанію чуждается восторженности и возвышеннаго тона рѣчи, то отсюда и самый стихъ долженъ былъ нѣсколько упроститься, хотя и остался попрежнему крайне неуклюжъ; только однѣ риѳмы могли удостовѣрить, что это стихъ, а не безобразная проза.

Подражаніе образцовымъ иностраннымъ писателямъ также находится въ тѣсной исторической связи съ тогдашней эпохою. Принимая науку и цивилизацію запада, мы должны были принимать и тѣ формы, въ которыхъ онѣ тамъ развивались. Среди личностей, оцѣнившихъ эту цивилизацію, обаяніе отъ нея было такъ сильно, что никому не могло придти и на умъ критически отнестись ко всѣмъ формамъ, слѣдственно не могло быть и мысли вырабатывать формы оригинальныя. Русскій писатель торопился служить наукѣ и родинѣ уже испытанными средствами цивилизаціи, считая ихъ общимъ достояніемъ. Слава представлялась ему въ большомъ сходствѣ съ образцомъ, которому подражалъ онъ. Отсюда является не только подражаніе, но и заимствованія картинъ и выраженій у извѣстныхъ западныхъ писателей. Кантемиръ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сатирамъ нерѣдко указываетъ на Горація, Овидія, Ювенала, Виргилія, Буало и др., которыми онъ пользовался. Отсюда же и всѣ классическіе боги являются у тогдашнихъ стихотворцевъ, какъ необходимая принадлежность поэзіи; въ образѣ Музъ и Аполлона Кантемиръ представляетъ науки и искуства.

Двоякое заглавіе, данное авторомъ сатирѣ, указываетъ на ея содержаніе и форму: «На хулящихъ ученіе» и «Къ своему уму». Въ обращеніи къ своему уму (форма) онъ изображаетъ лица, враждебныя наукѣ (содержаніе). Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе сторонники науки съ большимъ сочувствіемъ встрѣтили литературный трудъ Кантемира. Одобренный ими, онъ въ те-

ченіи трехъ лѣтъ написалъ еще нѣсколько сатиръ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразилась русская дѣйствительность въ противоположности съ новыми идеалами, которые у него вырабатывались на основаніи морали, развитой европейскими писателями. Эта мораль, разумѣется, рѣзко противорѣчила старымъ взглядамъ на жизнь и тѣмъ нравственнымъ правиламъ, какимъ у насъ еще держались по старинѣ. Кантемиръ постоянно указываетъ на естественныя права человѣка и на нихъ хочетъ основать отношеніе между людьми.

Въ извѣстной исторіи избранія на русскій престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны Кантемиръ также принималъ участіе, держа сторону противниковъ верховнаго совѣта. По просьбѣ дворянства, онъ даже написалъ общее прошеніе къ избранной императрицѣ царствовать самодержавно, по примѣру ея дяди и дѣда. Хотя и не многіе выиграли отъ такого поспѣшнаго дѣйствія, гдѣ играли болѣе страсти, чѣмъ благоразуміе, хотя всѣмъ и пришлось склонить голову подъ позорной властью чуть не самодержавнаго Бирона, однако положеніе Кантемира значительно измѣнилось къ лучшему. На его долю досталось нѣсколько деревень, а въ 1731 году при содѣйствіи князя Черкасскаго и другихъ сильныхъ лицъ восторжествовавшей партіи двадцати двухлѣтній юноша былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ. Съ радостью принялъ онъ это назначеніе, такъ какъ оно давало ему возможность продолжать образованіе въ просвѣщенныхъ земляхъ. Отдаваясь дѣятельности политической, онъ не забывалъ и занятій литературныхъ ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, куда въ 1738 году онъ былъ переведенъ въ званіи посланника.

Имѣя постоянно въ виду пользы русскаго просвѣщенія, онъ заботился о разработкѣ русскаго стиха, переводя пѣсни Анакреона и посланія Горація и примѣняясь къ размѣру ихъ стиховъ. Въ то же время къ прежнимъ сатирамъ прибавилъ три новыя, усовершенствовавъ силлабическій размѣръ: въ него онъ ввелъ цезуру, которою раздѣлялъ стихъ на двѣ половины, и въ каждой назначалъ по одному сильному ударенію—въ первой на пятомъ или на седьмомъ слогѣ, во второй на предпослѣднемъ. Отъ этого стихъ его сдѣлался нѣсколько звучнѣе прежняго. Какъ въ сатирахъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ Кантемиръ вездѣ старался провести одну и ту же мораль: по его

убѣжденію, главное счастіе въ жизни состоитъ въ душевномъ спокойствіи, котораго чаще всего лишаютъ насъ собственныя страсти; слѣд. чтобы достигнуть его, нужно научиться сдерживать страсти и довольствоваться умѣренностью. Жить въ тишинѣ, наблюдать правила добродѣтельной жизни, умѣрять свою волю, развлекаться и прогонять скуку дружескою бесѣдою, чтеніемъ лучшихъ книгъ и научными занятіями, наблюдать надъ жизнію другихъ и дѣлать изъ того себѣ нравственные выводы—вотъ идеальное представленіе земнаго блаженства. Въ противуположность этому онъ изображаетъ людей, которые въ своихъ стремленіяхъ къ обычнымъ цѣлямъ—богатству, власти, почестямъ удаляются отъ этого блаженства, не находя себѣ покоя. За таковой тяжелый трудъ, говоритъ онъ, приходится слишкомъ малая плата:

«Лучшая наша украса есть добродѣтель; при ней тишина ума и своя воля мнѣ всего драгоцѣннѣе; этихъ трехъ благъ долженъ лишиться тотъ, кому выпало на долю богатство или слава. Глупо мы привыкли отъ младенчества бояться нищеты, презрѣнія; отъ того мы бѣжимъ въ другую крайность; а должно-бъ въ вещахъ знать прямую мѣру; всякое дѣло имѣетъ свой предѣлъ; кто его перейдетъ, кто недойдетъ, одинако шалѣетъ».

Нельзя не замѣтить, что на развитіе морали Кантемира имѣлъ большое вліяніе Горацій, который проповѣдовалъ ту же средину во всемъ, ту же умѣренность; но только философія римскаго поэта не всегда согласовалась съ его жизнію; о Кантемирѣ же нельзя сказать этого; онъ дѣйствительно съ тѣми же стремленіями является и въ жизни; у него слово не противорѣчитъ дѣлу. Кантемиръ постоянно восхваляетъ уединеніе и мечтаетъ о немъ; но уединеніе для него немыслимо безъ занятій наукою и литературою, которыя по его взгляду составляли первую потребность русской жизни. Съ каждымъ научнымъ или литературнымъ трудомъ у него непремѣнно соединяется мысль о пользѣ для русскаго образованія. Такъ еще въ Москвѣ онъ переводитъ извѣстное популярное сочиненіе французскаго писателя Фонтенелля «О множествѣ міровъ» (De la pluralité des mondes) съ цѣлью распространить истинныя понятія о солнечной системѣ и тѣмъ противодѣйствовать разнымъ невѣжественнымъ предразсудкамъ и суевѣріямъ. Изучая Горація, онъ убѣдился, что всѣ его сочиненія полезны «какъ наставленіемъ,

такъ и примѣрами къ исправленію нравовъ» и изъ нихъ выбралъ для перевода посланія, «для того что они больше всѣхъ его других сочиненій обильны нравоученіемъ». Желая благотворно дѣйствовать на образованіе юношества, онъ переводилъ исторію Юстина и Корнелія Непота. Словомъ вездѣ у него выражаются одни и тѣже стремленія. Истинныя потребности русской жизни, которыя въ то время понимали очень немногіе, вызывали его на эту дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для нея было слишкомъ мало дѣятелей, хотя она и должна была выдвинуться впередъ въ этой новой жизни. Слѣд. нельзя сказать, что его мораль была не пригодна для новой русской жизни. Думая объ уединеніи, возставая противъ житейской суеты, Кантемиръ имѣлъ въ виду не безплодныя мечтанія, а такую дѣятельность, которая въ то время требовала особенной обстановки.

Выработавъ себѣ новую теорію стиха, Кантемиръ уже не могъ безъ исправленія пустить въ печать свои первыя пять сатиръ, написанныя имъ еще въ Россіи, но еще не напечатанныя. Онъ принялся за передѣлку, сгладилъ многіе намеки на личности, придавъ имъ болѣе типическихъ чертъ. Вотъ почему первыя его сатиры являются у насъ въ двухъ редакціяхъ: первоначальной или рукописной и приготовленной имъ самимъ къ печати.

Занимаясь разработкою сатиры, Кантемиръ старался теоретически выяснить ея значеніе какъ формы совершенно новой для русскихъ людей. Въ то время каждому русскому писателю приходилось задумываться о разныхъ теоретическихъ вопросахъ, касающихся литературы, такъ какъ по этой части у насъ еще ничего не было разработано, а безъ разрѣшенія того или другаго вопроса почти нельзя было браться за перо. Такъ вопросы объ языкѣ, о слогѣ, о стихѣ и друг. были тогда вопросами первой важности. Стихотворство привлекало къ себѣ всѣхъ талантливыхъ людей, выбиравшихъ литературное поприще. Стихи болѣе прозы привлекали также и читателей, слѣд. стихи должны были быть и первыми проводниками новыхъ европейскихъ понятій, съ которыми необходимо было знакомить русское общество. Мы видимъ, что вопросъ о стихосложеніи привлекалъ и Кантемира. Но стихъ ему служилъ преимущественно для сатиры; вопросъ о ней не могъ также не занять его:

«Сатиру назвать можно такимъ сочиненіемъ, которое забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе; потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна; но слогъ ея, будучи простъ и веселый, читается охотнѣе, а обличеніе ея тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другаго наказанія боимся».

Онъ не признаетъ за сатирою права выставлять личности; она должна хулить только злые нравы, слѣд. и личности перерабатывать въ типы. Онъ сравниваетъ сатирика съ искуснымъ рудометомъ, который пускаетъ кровь больному для его облегченія, наблюдая при этомъ особенную осторожность:

Когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.

Отъ писателя онъ требуетъ чистой совѣсти, безпристрастія, безкорыстія, изученія нравовъ, умѣнья отличать вредъ отъ пользы, выбора труда по силамъ и внимательной обработки тиха. Въ отвѣтъ на предлагаемый вопросъ отъ общества, кто поставилъ писателя надъ нимъ судьею, Кантемиръ указываетъ только на правду, какъ на единственный авторитетъ, на который можетъ опереться писатель.

Все, что я пишу, говоритъ онъ, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ.

Здѣсь онъ употребляетъ слово гражданинъ уже не въ прежнемъ значеніи «горожанинъ», а въ смыслѣ общественнаго дѣятеля, проникнутаго не личными, а общими интересами. Это уже понятія новыя, не входившія въ мораль старинной руской жизни, понятія, безъ которыхъ невозможно правильно устроиться обществу. Преобладаніемъ личныхъ интересовъ надъ общественными отличалась вся эта старая жизнь. Съ новымъ идеаломъ жизни вносится новое понятіе о гражданинѣ, а слѣд. должно явиться и новое воспитаніе. И на этомъ вопросѣ останавливается Кантемиръ (VII сат.), показывая, какъ нужно воспитать человѣка для новой жизни, отказавшись отъ старыхъ преданій и воспитательныхъ пріемовъ.

Труды, какъ дипломатическіе, такъ и литературные разстроили и безъ того слабое здоровье Кантемира, и уже никакія лѣчебныя средства не могли помочь ему. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1744 году на тридцать пятомъ году жизни, къ общему сожалѣнію всѣхъ своихъ друзей, между которыми были люди, прославленные въ Европѣ, какъ напр. знаменитый французскій писатель Монтескье или извѣстный математикъ Мопертюи. При его жизни очень не многіе изъ его литературныхъ трудовъ были напечатаны (Разговоры о множествѣ міровъ Фонтенелля—1740 г., Десять посланій Горація съ разсужденіемъ о русскомъ стихосложеніи—1743 г.). Даже сатиры его были изданы черезъ восемьнадцать лѣтъ послѣ его смерти (1762 г.) Большая же часть сочиненій до послѣдняго времени оставалась въ рукописяхъ. Такимъ образомъ литературное вліяніе его на современное общество было очень небольшое; тѣмъ не менѣе для насъ остается онъ представителемъ своей эпохи, съ новымъ идеаломъ русскаго человѣка, уже связаннымъ съ интересами европейскаго просвѣщенія, человѣка съ новыми стремленіями, съ новою оцѣнкою дѣйствительности. Труды его имѣютъ для насъ значеніе и по тѣмъ темамъ, которыя онъ вносилъ въ нашу литературу и которыя потомъ развивались другими въ XVIII стол.

Раздѣлить на крупныя части Первую сатиру и разсмотрѣть подробности каждой части: какъ представляется отношеніе тогдашняго общества къ писателю? Какое главное достоинство ставится въ идеалъ государя? Какія типическія черты выражены въ Критонѣ—отношеніе науки къ религіи, вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ. Съ какой точки зрѣнія смотритъ на науку Сильванъ и отчего относится къ ней враждебно? Какіе доводы представляетъ онъ противъ наукъ? (запомнить характеристическія выраженія). Изъ чего вытекаетъ враждебное отношеніе Луки къ наукѣ? Какія отличительныя черты выразились въ Медорѣ какъ типѣ новаго времени? Чѣмъ противорѣчитъ онъ дѣйствительному европейскому идеалу, усвоенному сатирикомъ? Какая связь этой части сатиры съ послѣдующею? Съ какою цѣлью авторъ представляетъ епископа, судью и др. и какія главныя черты выставляетъ въ нихъ? Что общаго между идеалами старымъ и новымъ? Какія главныя достоинства цѣнились въ жизни? Какая идея въ заключительной части сатиры? Какъ можно, по мнѣнію автора, заниматься наукою при неблагопріятной для нея обстановкѣ? Въ чемъ заключается интересъ исторической стороны сатиры? Опредѣлить отношеніе къ ней моральной стороны. Откуда вытекаетъ элегическое настроеніе автора? Въ слогѣ его обратить вниманіе на значеніе классическихъ

образовъ, на ироническія мѣста, на выраженія, подходящія къ пословицамъ, на выраженія искуственныя, на формы не удѣлѣвшія въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ.

Ломоносовъ (1711—1765 г.).

Борьба для науки.—Первая ода.—Новый стихъ.—Новый языкъ.—Русскій патріотизмъ.—Академія наукъ.—Тредьяковскій.—Значеніе трудовъ Ломоносова.—Ода.—Отношеніе къ властямъ и народу.—Отношеніе къ Петру Великому.—Рѣчи.—Выраженіе религіознаго чувства.—Примѣненіе науки къ жизни.—Литературно-теоретическіе вопросы.—Развитіе литературнаго языка.—Языкъ Ломоносова.—Борьба за науку.

Литературная дѣятельность Ломоносова, подобно Кантемировой, вытекаетъ изъ преобразовательной эпохи, которою она только и опредѣляется. Разница въ томъ, что Ломоносовъ посвятилъ ей одной всю свою жизнь, приложилъ исключительно къ одной задачѣ тѣ геніальныя силы, которыя дала ему природа. Вотъ отчего вопросъ о наукѣ и объ ея отношеніи къ разнымъ сферамъ жизни можно считать основнымъ вопросомъ не только литературныхъ его трудовъ, но и самой его жизни. Вся она прошла въ борьбѣ *для* науки и *за* науку. Въ юности ему нужно было безпрерывно бороться съ разными препятствіями, чтобы самому овладѣть силами науки; въ зрѣлые годы—чтобы дать имъ жизненную силу въ сферѣ русской жизни.

Рыбацкому сыну Михаилу Ломоносову въ годъ смерти Петра Великаго было четырнадцать лѣтъ. Изъ роднаго села Денисовскаго (на Сѣверной Двинѣ близь Холмогоръ) онъ съ своимъ отцомъ ѣзжалъ въ Архангельскъ и отсюда въ Бѣлое море на рыбный промыселъ; также перевозилъ разные казенные запасы въ приморскія мѣстечки; слышалъ разсказы о царѣ Петрѣ, который въ юности плавалъ по Двинѣ и Бѣлому морю. Все это должно было развивать его и давать мысли извѣстное направленіе.

Внукъ дьякона по матери, онъ не могъ не научиться грамотѣ, которая далась ему очень скоро. Своимъ бѣглымъ и яснымъ чтеніемъ въ мѣстной сельской церкви онъ уже привлекалъ вниманіе взрослыхъ и возбуждалъ зависть въ сверстникахъ.

Особое положеніе Двинскаго края могло благопріятствовать свободному развитію сильной натуры болѣе, чѣмъ какая либо другая русская область. Съ одной стороны здѣсь не было развито ни помѣстное, ни крѣпостное право, слѣд. личность сельскаго жителя не была порабощена произволомъ сильнаго. Съ другой стороны отдаленность края отъ московскаго центра, такъ сказать, захолустье, малонаселенность не привлекали къ себѣ особеннаго вниманія тогдашней администраціи, которая въ своихъ отдѣльныхъ личностяхъ была тяжела народу разными незаконными поборами и несправедливымъ судомъ. Не даромъ здѣсь основалось много раскольниковъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Здѣсь они могли жить свободнѣе чѣмъ гдѣ либо, отдаваясь своимъ религіознымъ толкамъ. Приморское положеніе края и скудные его урожаи вызывали жителей на морскіе промыслы, слѣд. и на борьбу съ моремъ, что должно было развивать въ нихъ предпріимчивость, отвагу, находчивость, т. е. качества, которыми вообще отличаются поморяне. Понятно, что среди такой обстановки натура страстная съ умомъ весьма сильнымъ отъ природы должна въ себѣ еще болѣе развить всѣ эти качества, а та или другая случайность должна направить ее на извѣстный путь. Натуру Ломоносова нельзя назвать спеціальною, какъ бы предназначенною для одного опредѣленнаго поприща. Онъ могъ направить свои силы на всѣ поприща, гдѣ только представлялось свободное развитіе и увлеченіе какою либо идеею. При этихъ двухъ условіяхъ онъ былъ способенъ вести всякую борьбу и своею энергіею побѣждать многія препятствія. При другихъ обстоятельствахъ онъ могъ бы быть отличнымъ мореходцемъ, промышленникомъ, реформаторомъ, миссіонеромъ. Все зависѣло отъ того, что первоначально займетъ его умъ и что вызоветъ его страсть. Обыкновенно удивляются, какимъ образомъ въ такомъ захолустьѣ, среди людей промышленныхъ, но невѣжественныхъ, между которыми не могло быть и рѣчи о наукѣ, могъ явиться юноша съ такими жаркими къ ней стремленіями. Конечно, первые вопросы о наукѣ возбудили въ немъ не люди, а сама природа. Съ пылкимъ воображеніемъ, свободно развиваясь посреди разныхъ явленій сѣверной природы, такой пытливый умъ, какой былъ у Ломоносова, не могъ не останавливаться на нихъ съ обыкновенными вопросами: отчего это, откуда то. Не находя себѣ отвѣтовъ, всякій

другой умъ успокоился бы на какихъ нибудь суевѣрныхъ объясненіяхъ: но Ломоносова они уже не могли удовлетворить; у него къ прежнимъ вопросамъ только присоединялись новые. Когда же онъ узналъ, что кромѣ церковныхъ книгъ есть еще другія, гдѣ говорится о разныхъ мудростяхъ, когда онъ узналъ, что великій Петръ заводилъ школы, гдѣ обучаютъ этимъ мудростямъ, тогда его стремленіе къ природѣ опредѣлилось яснѣе, перейдя въ стремленіе къ наукѣ, и обратилось въ неудержимую ничѣмъ страсть. Что его юную душу дѣйствительно тревожили разные вопросы, доказательствомъ этому можетъ служить переходъ его въ расколъ, гдѣ онъ думалъ найти то, чего не могла дать ему собственная его среда. Понятно, что раскольничьи религіозные толки не могли удовлетворить его, и онъ поспѣшилъ оставить своихъ учителей. Но напрасные поиски истинныхъ познаній не охладили его. Оставались еще книги, по которымъ учились въ московскихъ школахъ и которыя попались ему въ руки: грамматика Мелетія Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго были первыми вратами его учености, какъ онъ самъ выразился впослѣдствіи. По нимъ онъ могъ только убѣдиться, что наука дѣло мудреное и не легкое, и не смотря на то, страсть къ ученью въ немъ все болѣе усиливалась. Съ этимъ вмѣстѣ начинается и борьба его для науки. Очень естественно, что никто не могъ понять его страсти. Разбирая книги и удаляясь отъ домашнихъ работъ, онъ долженъ былъ прослыть за нерадиваго, беззпечнаго и лѣниваго работника. Эти качества всего болѣе замѣтны были его мачихѣ, какъ хозяйкѣ дома, которая въ правѣ была требовать отъ члена семьи участія въ домашнихъ трудахъ. Она враждебно отнеслась къ его книжнымъ занятіямъ и, не видя въ нихъ никакого добра, вооружала противъ нихъ и своего мужа. Семейный раздоръ не смутилъ Ломоносова, а только обнаружилъ въ немъ сильный характеръ съ тѣми чертами, которыя отличаютъ поморца. Рѣшимость, смѣлость, находчивость помогаютъ въ немъ развиться мысли бросить отцовскій домъ и идти въ Москву учиться. Незнаніе дороги, недостатокъ средствъ для пропитанія, зимнее время, трескучіе морозы, ничто не затрудняетъ его. И вотъ онъ уже въ Москвѣ среди рыбныхъ обозовъ, къ которымъ присталъ на дорогѣ, а черезъ нѣсколько времени шестнадцатилѣтній юноша сидитъ на одной школьной скамьѣ съ малыми ре-

битрами въ московской академіи. Изъ жажды къ ученью онъ ни передъ чѣмъ не останавливается, прибѣгаетъ даже къ самозванству, назвавъ себя поповскимъ сыномъ, такъ какъ классы академіи оказались недоступными для крестьянскихъ дѣтей. Какую внутреннюю борьбу долженъ былъ здѣсь вынести Ломоносовъ, это онъ самъ вѣрно описалъ немногими словами:

Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ *) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку **) хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали, съ другой стороны школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться.

Не смотря на всѣ лишенія и тяжести, Ломоносовъ чувствовалъ, что попалъ въ свою сферу, отъ которой ничто не могло отвратить его. Жадно принялся онъ не только за школьное ученье, но и за чтеніе книгъ, какія могла дать ему академическая библіотека. Но нельзя сказать, что духъ его здѣсь совершенно успокоился, хотя онъ и дѣлалъ быстрые успѣхи, обгоняя своихъ товарищей и удивляя своихъ учителей. Его ясный

*) Алтынъ—три копейки.
**) Денежка—самая мелкая монета—½ коп.

умъ не удовлетворялся одной схоластикой: она не давала ему отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые сама природа возбуждала въ немъ чуть не въ дѣтствѣ. Онъ искалъ книгъ, говорящихъ объ этой природѣ и объ ея законахъ; но такія книги, кромѣ недѣ-ныхъ средневѣковыхъ космографій и бестіаріевъ, рѣдко заходили въ академію. Не удовлетворенный тѣмъ, что она давала, юноша просится на нѣкоторое время въ Кіевскую академію въ надеждѣ тамъ найти больше, но и тамъ все то же. Онъ спѣшитъ возвратиться въ Москву, и вдругъ здѣсь совершенно случайно и неожиданно попадаетъ на ту тропу, которую уже давно искалъ. Въ числѣ лучшихъ учениковъ его берутъ для изученія естественныхъ наукъ въ Петербургскую академію, гдѣ академики по уставу Петра, обязаны были заниматься образованіемъ русскаго юношества. Здѣсь Ломоносовъ, если и не нашелъ прилежныхъ профессоровъ, которые бы занялись имъ, за то нашелъ книги, которыя могли удовлетворить его стремленіямъ. Новый случай помогъ ему еще болѣе. Потребовалось послать за границу нѣсколько молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла, которое было у насъ еще въ младенчествѣ, не смотря на обиліе рудъ, открываемыхъ въ горахъ. Въ числѣ троихъ избранныхъ былъ и Ломоносовъ, какъ самый способный. Академія поручила ихъ надзору знаменитаго въ то время марбургскаго профессора философіи и математики Вольфа. Въ концѣ 1736 года русскіе студенты начали свой курсъ въ Марбургѣ. Здѣсь страстная натура Ломоносова не могла удержаться отъ увлеченій разгульной жизни, которою въ то время отличалось нѣмецкое студенчество. Но и при этомъ наука не была забыта: Ломоносовъ находилъ время для того и для другаго, между тѣмъ какъ его товарищи, неумѣренно пользуясь развлеченіями, обращали на себя вниманіе только однимъ буйствомъ. Занимаясь математикой, физикой, химіей, Ломоносовъ находитъ время исполнять и другія предписанія академической инструкціи, по которой русскіе студенты должны были изучать языки нѣмецкій, французскій, совершенствоваться въ латинскомъ и упражняться въ русскомъ. Въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ академіи Ломоносовъ представлялъ въ томъ и дѣйствительныя доказательства. Такъ въ 1740 году академія получила отъ него разсужденіе о новой теоріи русскаго стиха вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина (Истор. Хр. Гал.), которая

блистательно доказывала, что русскій студентъ самостоятельно занимается русскимъ языкомъ и прилежно изучаетъ нѣмецкую поэзію. Это же доказываетъ, что умъ Ломоносова не могъ ограничиться какою нибудь одною спеціальностью. Онъ искалъ себѣ широкой дѣятельности во всемъ, въ чемъ проявляла себя европейская цивилизація. Изучая нѣмецкій языкъ и знакомясь съ нѣмецкой литературою, Ломоносовъ особенно остановился на стихахъ Гюнтера, который считался лучшимъ германскимъ поэтомъ. Въ то время господствующей формою была ода, какъ выраженіе сильныхъ чувствъ въ связи съ какимъ либо дѣйствительнымъ фактомъ. Она развилась изъ подражанія греческому поэту Пиндару, восхвалявшему побѣдителей на играхъ въ честь разныхъ божествъ классическаго міра. Подражаніе и сюда, какъ во всѣ произведенія поэзіи того времени, внесло ложь: поэты, слѣдуя своимъ классическимъ образцамъ, продолжали выводить миѳологическіе образы, потерявшіе свой прежній смыслъ, пристрастились къ гиперболическимъ изображеніямъ героизма, ставившимъ личности въ неестественныя отношенія ко всему окружающему, составили себѣ одностороннее понятіе о поэтическомъ воспѣваніи, которое будто бы требовало высокаго паренія духа. Отсюда явились разныя мелочныя правила для высокаго слога, которыя обращали поэзію въ риторическія упражненія. Крайняя искуственность, неестественность, натянутая идеализація, напыщенность сдѣлались какъ [бы принадлежностью оды. Умѣнье обработать слогъ по извѣстнымъ правиламъ въ звучномъ стихѣ и согласно съ требованіями тогдашняго вкуса доставляло имя поэта, который и ставился въ образецъ другимъ начинающимъ. Такимъ образцовымъ поэтомъ у французовъ считался Буало. Въ такіе же образцы у нѣмцевъ попалъ Гюнтеръ, начавшій свои стихотворныя упражненія подражаніемъ первому.

Вѣсть о побѣдѣ русскихъ войскъ надъ турками, тогда все еще страшными для Европы, вѣсть о взятіи турецкой крѣпости Хотина въ 1739 году достигла въ Марбургъ до Ломоносова и пробудила въ немъ патріотическое чувство: оно въ скоромъ времени обратилось у него въ страсть, которая и дала направленіе всей его дѣятельности. Имѣя въ виду оды Гюнтера, Ломоносовъ сложилъ оду во славу русскаго оружія. Въ ней правды только самый фактъ побѣды русскихъ и патріо-

тизмъ автора, все же прочее ложь, основанная на теоріи, здѣсь является и Пиндъ съ кастальскимъ ключемъ и съ Музами:

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.

Здѣсь и придуманныя сравненія въ формѣ вопросовъ и восклицаній для изображенія ужасовъ битвы, которой авторъ никогда не видалъ:

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ,
И съ сѣрою кипя клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы *)
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ,
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ.

Здѣсь и явленіе въ облакахъ *героевъ*—Петра Великаго «съ мечемъ, умытымъ кровью враговъ», и «смирителя странъ казанскихъ» Іоанна Грознаго, «одѣяннаго страшнымъ громомъ вкругъ»:

Герою молвилъ тутъ герой:
Не тщетно я съ тобой трудился,
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ россовъ цѣлый свѣтъ страшился!
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.

Здѣсь для изображенія воинскаго геройства патріотизмъ автора превращаетъ русскіе полки въ орловъ, которымъ нѣтъ преградъ въ ихъ быстромъ полетѣ:

Чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.

---

*) Турки и татары, которые считались потомками Агари, рабы и жены Авраама.

Чрезъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины
Глухія степи — равенъ путь:
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.

Для возвеличенія подвига русскихъ и бѣгство татаръ представлено такъ же гиперболически:

Крутитъ рѣка татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми . . . и пр. (строфы 13 и 14).

Несмотря на всю искуственность этой оды, несмотря на ея многія неясныя мѣста, которыя говорятъ о трудной борьбѣ автора съ языкомъ, она все же имѣла въ свое время важное значеніе. Она окончательно разрѣшала вопросъ о русскомъ стихосложеніи, надъ которымъ уже трудились Кантемиръ и Тредьяковскій. Послѣдній еще въ 1735 году теоретически доказывалъ, что русскій стихъ долженъ усвоить себѣ размѣръ по удареніямъ, который онъ и назвалъ *тоническимъ*; но на практикѣ онъ не могъ доказать этого удачными примѣрами: собственные стихи его выходили слишкомъ тяжелы и неуклюжи. Ломоносовъ пріучилъ свое ухо къ нѣмецкимъ стихамъ, также тоническимъ, и оправдалъ теорію Тредьяковскаго. По стиху Ломоносова легко было убѣдиться въ громадной разницѣ между новымъ и старымъ (силлабическимъ) размѣромъ. Музыкальность перваго была доступна уху каждаго, еслибы онъ даже и не понималъ смысла оды. Доказательство было такъ ясно, что съ этого времени силлабическій стихъ пропадаетъ въ нашей литературѣ.

Другое важное достоинство той же оды Ломоносова—очищеніе русскаго литературнаго языка отъ излишнихъ церковно-славянскихъ формъ, которыя до того времени у насъ смѣшивались съ русскими. Ломоносовъ удержалъ только нѣкоторыя причастныя формы церковно-славянскія, дѣлая при томъ и осторожный выборъ самыхъ словъ изъ прежняго литературнаго языка, переполненнаго славянизмами и разными чужеземными словами.

Все это доказываетъ, что Ломоносовъ не шутя принимался

за дѣло, не какъ за развлеченіе на досугѣ, а серьезно смотрѣлъ на него, вдумываясь въ потребности новаго времени.

Изъ Марбурга Ломоносовъ переѣхалъ въ Фрейбергъ для изученія металлургіи и горнаго дѣла, а для практическихъ занятій ѣздилъ въ Гарцъ, гдѣ посѣщалъ горные заводы и рудники. Ученыя его занятія подвигались впередъ, а борьба его для науки все еще не окончилась. Въ началѣ 1741 года онъ увидѣлъ себя въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Петербургская академія наукъ съ самаго начала была крайне неисправна въ высылкѣ денегъ на содержаніе и ученіе русскихъ студентовъ. Черезъ это они привыкали жить безрасчетно, въ долгъ, расплачиваясь тогда, когда получали свое жалованье. Дѣло кое какъ шло, пока Ломоносовъ былъ въ Марбургѣ подъ надзоромъ Вольфа; когда же перешелъ къ другимъ профессорамъ въ Фрейбергъ и въ Гарцъ, то тѣ спокойно отсчитывали себѣ полныя суммы изъ того, что присылала академія, не думая, много ли останется тѣмъ, за кого они получали. Остатки были самые ничтожные, а Ломоносовъ, увлекшись страстью, женился и имѣлъ уже дочь; на содержаніе семьи потребовалось расходовъ значительно болѣе прежняго; долги возрастали, платить ихъ было нечѣмъ; заимодавцы грозили тюрьмою, въ которой пришлось бы просидѣть Богъ знаетъ сколько времени. Непріятная будущность представлялась человѣку, который уже сознавалъ въ себѣ окрѣпшія силы, чтобы служить дѣлу просвѣщенія роднаго края. Одинъ только выходъ изъ такой крайности представился Ломоносову. Онъ требовалъ смѣлости, рѣшимости, находчивости, но у сѣвернаго ли поморца могло недоставать такихъ качествъ; съ ними онъ и прежде счастливо достигалъ своей цѣли. И вотъ, не простившись ни съ женою, ни съ дочерью, онъ бѣжитъ отъ своихъ заимодавцевъ по направленію къ Голландіи, чтобы оттуда моремъ переплыть въ Петербургъ. Но изъ одной бѣды вдругъ неожиданно онъ попадаетъ въ другую, едва ли не худшую. На дорогѣ, близъ Дюссельдорфа, прусскіе вербовщики, замѣтивъ въ немъ молодаго, рослаго и статнаго человѣка, годнаго для прусскихъ военныхъ парадовъ, рѣшились изъ усердія къ королю завербовать его въ рекруты, что обманомъ имъ и удалось. Ломоносовъ очутился прусскимъ солдатомъ въ крѣпости Везель. Теперь у него уже явился вопросъ о жизни и смерти. Не такому человѣку, какъ онъ, мож-

но было примириться съ настоящимъ положеніемъ. Не для того до сихъ поръ боролся онъ съ жизнію, чтобы служить въ прусской арміи, Богъ знаетъ для какого дѣла. Хоть ему и извѣстно, какая участь ждетъ дезертера, но онъ не затрудняется въ своей рѣшимости. Чего бы то ни стоило, нужно бѣжать, и онъ бѣжитъ, преслѣдуемый погонею. Но она не поспѣла настигнуть его до границы; а за прусскою границею онъ былъ уже безопасенъ и благополучно добрался до Амстердама. Отсюда русскій посланникъ графъ Головкинъ отправилъ его въ Петербургъ.

Такимъ образомъ кончились странствія Ломоносова, кончилась и борьба его для науки. Онъ овладѣлъ ею и явился на судъ академіи. Хотя она и была недовольна преждевременнымъ его возвращеніемъ, однако по испытаніи убѣдилась, что не напрасно даны ему похвальные аттестаты отъ заграничныхъ профессоровъ. Ломоносовъ былъ принятъ на службу въ академію съ званіемъ адъюнкта. Здѣсь начинается новая борьба его уже за науку.

Тридцать лѣтъ было ему, когда онъ явился для самостоятельной дѣятельности, но за то явился съ огромнымъ запасомъ силъ, съ закаленнымъ характеромъ, съ страстнымъ желаніемъ служить интересамъ русской жизни, слѣдовательно всему русскому народу. Въ важный моментъ русской исторіи попалъ Ломоносовъ въ Петербургъ. Русскіе торжествовали свою политическую побѣду надъ горстью нѣмцевъ, завладѣвшихъ правительственною силою. Рѣдко бывалъ такъ возбужденъ патріотизмъ какъ въ то время, когда на русскій престолъ вступила дочь Петра Елизавета. Никогда и ненависть къ иностранцамъ не выражалась такъ рѣзко, какъ въ эту эпоху, когда даже проповѣдники въ церквахъ предавали проклятію поименно всѣхъ тѣхъ, которые составляли правительство предшествовавшихъ царствованій. Теперь на высшихъ ступеняхъ государственной службы явились русскіе люди, возвышенные изъ разныхъ сословій. Хотя у всѣхъ ихъ было много недостатковъ, но всѣ они понимали русскіе интересы, не вдаваясь и въ исключительную національность. Для нихъ былъ святъ завѣтъ Петра, что Русская земля должна быть страною европейскою. Только въ академіи наукъ оставались господствующими иностранцы съ своекорыстными интересами, съ высокомѣрнымъ

взглядомъ на самихъ себя, съ презрительнымъ отношеніемъ ко всему русскому. Немногіе изъ русскихъ лицъ, бывшихъ на службѣ въ академіи, не имѣли никакого голоса. Самый ученый и трудолюбивый изъ нихъ профессоръ Тредьяковскій, рвавшійся дѣйствовать на пользу русскаго просвѣщенія, при самомъ началѣ своего поприща, въ качествѣ писателя, долженъ былъ вынести неравную и страшную борьбу; она надломила и запугала его, такъ что въ новое время онъ уже сталъ неспособнымъ представителемъ русскихъ интересовъ въ ученой средѣ.

Сынъ бѣднаго священника, ученикъ московской академіи, и послѣ разныхъ случайностей основательно образовавшій себя въ аудиторіяхъ парижскаго университета, Тредьяковскій еще при Петрѣ II является дѣятелемъ въ Петербургской академіи наукъ. Сознавая, что онъ русскій, онъ касается только такихъ вопросовъ, которые доступны были лишь русскому человѣку и вытекали изъ потребностей тогдашняго времени: иностранцы не могли разрѣшать ихъ, какою бы ученостью ни отличались. Это вопросы о русскомъ стихѣ, о русскомъ языкѣ, о примѣненіи общей теоріи къ произведеніямъ русской литературы. Бѣда была въ томъ, что онъ создалъ себѣ идеалъ писателя по французскому идеалу, думая, что писатель въ русской средѣ можетъ играть такую же почетную роль, какъ въ парижскомъ обществѣ. Онъ не понялъ отношенія тогдашняго русскаго общества къ писателю, который являлся съ рѣчью только во имя новой цивилизующей силы, признанной законною лишь самымъ ограниченнымъ меньшинствомъ. Онъ не понялъ, что такое общество не сразу дастъ должное мѣсто новому человѣку, если онъ не отличается тѣми качествами, по которымъ прежде оцѣнивался человѣкъ. Тредьяковскій не могъ ничего предъявить ему кромѣ своей учености и стремленія дѣйствовать съ пользою для общества въ духѣ европейской цивилизаціи. И вмѣсто того, чтобы ограничиться сферою ученыхъ вопросовъ, онъ увлекся славолюбіемъ поэта, чувствомъ, вызваннымъ у насъ новою цивилизаціею, увлекся безъ всякаго поэтическаго таланта, такъ что поставилъ себя въ ложное положеніе передъ всѣмъ его окружающимъ. Понявъ общественные интересы, онъ не понялъ своихъ силъ и жестоко пострадалъ за это. Въ царствованіе Анны, добившись званія при-

дворнаго поэта (пінты) съ обязанностью сочинять стихи на торжественные праздники; писатель нашелъ себѣ мѣсто не въ гостинныхъ знатныхъ господъ, какъ было бы въ Парижѣ, а въ ихъ переднихъ съ раззолоченою челядью. Снося оскорбленія отъ разныхъ милостивцевъ, онъ долженъ былъ притупить въ себѣ чувство гордости человѣка; но не самолюбія писателя. Оно довело бѣднаго стихотворца до того, что кабинетъ-министръ Волынскій избилъ его до полусмерти, какъ самаго послѣдняго раба, *) и никто не поставилъ ему того въ преступленіе. Вотъ какъ мало была ограждена личность писателя въ обществѣ.

Понятно, что избитый Тредьяковскій, перенесшій множество оскорбленій, не могъ играть важной роли въ академіи, не смотря на свои честныя ученыя стремленія. Тамъ не всегда ему удавалось даже печатать свои собственные труды, которые оставались лежать въ рукописяхъ.

И вотъ теперь, когда русскій патріотизмъ былъ такъ сильно возбужденъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества, является русская живая сила и въ той сферѣ, которой предназначалось распространять просвѣщеніе въ интересахъ русской жизни. Ученый сынъ рыбака, съ многостороннимъ сильнымъ умомъ, съ необыкновенною энергіей, съ предпріимчивымъ и смѣлымъ духомъ, Ломоносовъ проникается до страсти тѣмъ же патріотизмомъ и сразу находитъ путь, по которому слѣдовало направить его. Онъ понялъ тѣ высшіе интересы народа, къ которымъ, послѣ подвиговъ Петра, Россіи необходимо было стремиться, понялъ цивилизующую силу науки, которая отнынѣ должна была проникнуть во всѣ сферы русской жизни и лечь ей въ основаніе. Съ этимъ вмѣстѣ патріотизмъ его нашелъ себѣ достойный подвигъ, которому онъ вполнѣ сознательно и отдаетъ всю свою жизнь.

Любовь къ отечеству и ясное сознаніе того, что безъ науки Россіи нѣтъ развитія, нѣтъ ни силы, ни славы, ни жизни, легли въ основаніе его дѣятельности; а собственныя громадныя его силы сдѣлали его гигантомъ своего вѣка. Хотя онъ и съ любовью занимался естественными науками, преимущественно химіей и

---

*) См. въ сочинен. Тредьяковскаго Рапортъ его въ академію наукъ.

физикой, но его нельзя разсматривать только какъ специалиста въ томъ или другомъ дѣлѣ. Труды его нельзя дробить на отдѣльныя специальности и въ каждой изъ нихъ изучать его, то какъ ученаго, то какъ поэта, то какъ оратора и пр. Съ такой узкой мѣркой нельзя подступать къ нему, чтобы вѣрно оцѣнить его; съ нею можетъ намъ показаться слава его незаслуженною и подвиги его преувеличенными.

Въ самомъ дѣлѣ, по нашимъ понятiямъ объ истинной поэзiи, онъ въ своихъ искуственныхъ стихахъ не можетъ назваться великимъ поэтомъ, или въ своихъ риторическихъ похвальныхъ рѣчахъ великимъ ораторомъ; ученые труды его, хотя и представляютъ нѣкоторые новые взгляды и даже новыя открытiя, но они не столь важны въ наукѣ, чтобы въ исторiи поставить его наравнѣ съ генiальными учеными, которые открывали новые способы для научныхъ изслѣдованiй или создавали новыя системы, расширяя путь науки.

Ограничившись этими отдѣльными сферами, мы не поймемъ Ломоносова и съ сомнѣнiемъ отнесемся къ вопросу: въ чемъ же высказались его громадныя силы и чѣмъ же такъ прочна его слава? Дѣло въ томъ, что онъ представляется намъ великимъ только въ совокупности всѣхъ своихъ трудовъ въ связи съ своею жизнiю и съ тою идеею, съ которою онъ вездѣ являлся, не дробясь по частямъ. Идея эта—благоденствiе и счастiе русскаго народа. И то и другое находятся въ тѣсной связи съ довольствомъ, источникъ котораго заключается въ самыхъ нѣдрахъ Русской земли; много богатствъ скрывается въ ней; нужно только умѣть извлечь ихъ оттуда; а это сдѣлать можетъ только наука; она должна приложить свои силы къ землѣ и къ народу, обогатить и просвѣтить ихъ и дать прочное основанiе общему счастiю. Дѣло истиннаго патрiота приводить въ общественное сознанiе необходимость и пользу науки, опредѣляя направленiе трудовъ, которые предстоятъ наукѣ въ русской сферѣ, расширять ей путь, устраняя условiя, неблагопрiятныя для ея развитiя, приготовлять русскихъ способныхъ дѣятелей для этого поприща. Вотъ за какое дѣло взялся Ломоносовъ, явившись заразъ и ученымъ, и ораторомъ, и стихотворцемъ, и учителемъ, и даже фабрикантомъ. Литературное поприще представилось ему самымъ доступнымъ и надежнымъ для человѣка съ его силами и въ его положенiи, и онъ выбираетъ

это поприще, какъ средство для достиженія своей великой цѣли. Не будучи поэтомъ, онъ берется за стихи, потому что эта форма рѣчи была привлекательнѣе для тѣхъ, на убѣжденіе которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, и у него достало силы, чтобы не только примѣнить къ русскому дѣлу выработанную въ Европѣ теорію поэзіи, но и надолго прослыть великимъ поэтомъ, сдѣлавшись на полъ столѣтія образцомъ для другихъ стихотворцевъ. Но самъ онъ не прельщался славою поэта, и смотрѣлъ на поэзію не какъ на цѣль, а какъ на средство для достиженія высшихъ интересовъ жизни. Каждою литературною формою онъ занимался какъ бы мимоходомъ, насколько было нужно для его главнаго дѣла. Онъ взялъ оду, потому что она была выработана въ европейской литературѣ, и изъ всѣхъ стихотворныхъ формъ оказалась для него самою удобною. Здѣсь онъ могъ идеально представлять тѣ лица, въ рукахъ которыхъ была власть и отъ воли которыхъ много зависѣла участь народа и судьба науки.

Съ перваго взгляда его похвалы монархамъ легко могутъ показаться лестью, но это не та наглая лесть, которая пороки и дурныя страсти силится обратить въ добродѣтели. Лесть Ломоносова есть не что иное, какъ литературный пріемъ, который вытекалъ изъ отношенія тогдашняго писателя къ властямъ. Онъ не могъ прямо указывать на ихъ недостатки, не могъ давать имъ совѣты иначе, какъ признавая за ними тѣ качества и намѣренія, которыя желалось видѣть въ нихъ. Онъ хотѣлъ, такъ сказать, вызвать въ нихъ достойныя качества и тѣмъ направить ихъ силу къ народному благу. Желаемое онъ представлялъ въ дѣйствительности, въ настоящемъ. Иначе писателю невозможно было и дѣйствовать тамъ, гдѣ всѣ силы народа сосредоточивались въ одномъ лицѣ, и гдѣ направлять ихъ можно было только черезъ это лицо. Отсюда развивается и особое направленіе въ литературѣ, которая обращается ни къ народу, ни къ обществу, а къ извѣстной личности, развиваетъ не идеалъ общечеловѣческій, а идеалъ монарха, указывая ему на его настоящее назначеніе и цѣли.

Не смотря на всю искуственность одъ Ломоносова, которая объясняется тогдашнею теоріей, въ рѣдкой изъ нихъ мы не найдемъ мысли о благѣ и счастіи народа или указанія на

условія, безъ которыхъ они развиться не могутъ. Вотъ отчего *щедрость* или *щедроты* и *доброта* являются самою важною чертою въ идеалѣ Ломоносова. Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли одного, эти качества дѣйствительно очень важны для примѣненія науки къ народной жизни и для поощренія полезныхъ трудовъ:

Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней, *(Елизаветѣ)*
И весь твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти я твоей.
Твои любезныя доброты
Влекутъ ко мнѣ мои щедроты....
Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
И отъ меня віянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ праведный,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить (*ода 2*).

Ты судъ и милость сопрягаешь
Повинныхъ *съ кротостью* казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь (*ода 7*).

На отческій престолъ всхожу (*Елизавета*)
Спасти отъ злобы утѣсненныхъ
И *щедрой* властью покажу
Свой родъ, *умножу просвѣщенныхъ*.
Моей державы *кротка мочь*
Отвергнетъ смертной казни ночь.
Владѣть хочу зефира *тише.*
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля, данная мнѣ свыше —
Въ уста прощенье, въ сердце Богъ (*ода 16*).

Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внемлите,

Сіе глаголетъ вамъ Господь....
Храните праведны заслуги
И милуйте сиротъ и вдовъ,
Сердцамъ не лживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ...
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду.
Взирайте на Петрову дщерь....
Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Прострите вашъ усердный трудъ,
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, паствой, блескомъ рудъ.
Пути всѣ отворю къ *блаженству*
Къ желаній вашихъ совершенству (*ода 13*).

Съ именемъ наслѣдника престола Петра Феодоровича Ломоносовъ вездѣ соединяетъ желаніе видѣть въ немъ развитіе тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя нужны для блага народа.

Премудрость сядетъ въ судъ съ тобою,
Изгонитъ лесть и кровь съ хулою,
И *мужество* твои чресла
Скрѣпитъ *для общей нашей чести,*
Защититъ насъ въ противныхъ мести,
Дабы исторгнуть корень зла (*ода 4*).

Петръ силою своей десницы
Россійски распрострётъ границы
И въ нихъ *спокойство* утвердитъ.
Дражайшія его супруги
Вездѣ прославятся заслуги,
И свѣтъ щедрота удивитъ.
Онъ *добродѣтель чрезъ награду*
Въ народѣ будетъ умножать,
Она предстательствомъ *отраду*
Потщится бѣднымъ подавать (*ода 5*).

Полагая въ основаніе народнаго благоденствія просвѣщеніе, понятно, Ломоносовъ не могъ особенно восхвалять военные подвиги, которыми въ старыя времена пріобрѣталась героическая слава. Онъ оправдываетъ войну только для защиты отъ нападеній непріятеля и для возстановленія нарушеннаго спокойствія. Миръ, по его взгляду, способствуетъ развитію науки

и вмѣстѣ народнаго довольства, отсюда заботы о мирѣ ставитъ онъ монархамъ въ особенную похвалу. Но между тѣмъ прежнія побѣды русскихъ являются ему залогомъ силы и могущества Россіи и служатъ какъ бы опорою его патріотической надеждѣ на счастливое будущее русскаго народа. Такъ у него олицетворенный Союзъ народовъ говоритъ Войнѣ:

Мечи твои и копья вредны
Я въ *плуги и серпы* скую:
Пребудутъ всѣ *поля безбѣдны*,
Отвергнувъ люту власть твою:
На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты своя разсыплетъ Флора... (*ода 2*).

Представляя новорожденному великому князю Павлу въ примѣръ прежнихъ монарховъ въ особенности же Петра Великаго, Ломоносовъ прибавляетъ:

Примѣръ въ его великой дщери (*Елизаветѣ*).
Широко та отверзла двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ,
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше какъ грозою
Въ Россійской царствуетъ странѣ (*ода 12*).

Великая Елизаветъ
И силу кажетъ и державу;
Но въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу,
И выше какъ военный звукъ
Поставить красоту наукъ.
По мнѣ, хотя бъ руно златое
Я могъ какъ Язонъ получить,
То бъ Музамъ *) для житья въ покоѣ
Не усумнился подарить.
Въ войну кипитъ съ землею кровь,
И суша съ моремъ негодуетъ;
Владѣетъ въ мирны дни любовь
И вся натура торжествуетъ;
Тамъ заглушаетъ мысли шумъ,
Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ... (*ода 16*).

---

*) Подъ именемъ Музъ Ломоносовъ всегда разумѣетъ *науки*.

Въ прусскую войну Ломоносовъ встрѣчаетъ извѣстіе о побѣдѣ русскихъ войскъ надъ прусскими слѣдующими стихами:

О Боже, *мира* Богъ возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной своей (ода 15).

И посреди мира Ломоносовъ поручаетъ наукѣ важную работу:

О вы, прелестныя науки,
Прилежны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину
И степи, и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій *), и вершину,
И саму высоту небесъ.... и др. (Ист. Хр. Гал. Ода Благодарств. имп. Елизаветѣ строф. 18—23).

Всѣ эти стихи ясно показываютъ, что мысль Ломоносова всегда была направлена къ русскому народу и что науку онъ понималъ какъ основаніе новой цивилизаціи, изъ которой должно вытекать общенародное довольство и счастіе. Этимъ онъ какъ бы указывалъ, какое направленіе долженъ принять настоящій патріотизмъ русскихъ людей.

Императрица Елизавета возбуждала въ Ломоносовѣ, какъ въ патріотѣ, искреннія чувства, такъ какъ своимъ восшествіемъ на престолъ она выразила торжество русской силы надъ иноземною и вызвала общій патріотизмъ. Здѣсь Ломоносовъ тѣсно связывается съ своимъ вѣкомъ и представляетъ общее его настроеніе. Вотъ отчего изъ *девятнадцати* похвальныхъ его одъ *семь* соединяются съ днемъ восшествія на престолъ и коронаціи Елизаветы и *три* съ днемъ ея рожденія и тезоименитства. Въ первыхъ онъ постоянно вспоминаетъ ея заслугу— избавленіе русскихъ отъ иноземной власти:

Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки,

---

*) Уральскія и сибирскія горы.

И купно *на свои оковы,*
На сильну власть *чужой* руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякій разъ взывала
Къ тебѣ, защитницѣ своей...
Покрой отечески законы,
Полки противныхъ отжени,
И святости твоей короны
Чужимъ коснуться возбрани,
Отъ церкви отврати налоги....

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей ночи сидѣлъ,
Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ,
И бысть! О твари обладатель!
Ты паки свѣта намъ создатель,
Что возвелъ на тронъ Елисаветъ!
О день блаженный, день избранный
Для счастія полночныхъ странъ!

Велико дѣло есть и знатно
Сердца народовъ привлещи,
И странно всѣмъ и непонятно
Полъ свѣта взять въ одной нощи (ода 6).

Впослѣдствіи въ одѣ на восшествіе на русскій престолъ Екатерины II Ломоносовъ выразилъ страхъ и стыдъ русскихъ патріотовъ за униженіе русскаго имени въ кратковременное царствованіе Петра III:

Слыхалъ-ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ? *)
О стыдъ! о странный оборотъ!
Чтобъ кровью купленны трофеи

---

*) Намекъ на союзъ Петра III съ прусскимъ королемъ и на разрывъ съ Австріей, которой помогала Елизавета.

И победителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасный даръ,
И данную залогомъ вѣру,...

Здѣсь-же онъ смѣло возглашаетъ наставленіе тѣмъ, которые-бы вздумали измѣнить своему народу:

Услышьте судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,—
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите *съ правдою щедроту,*
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Съ этимъ вмѣстѣ онъ даетъ урокъ и иностранцамъ, такъ часто оскорблявшимъ патріотическое чувство русскихъ, и хочетъ поставить ихъ въ правильныя отношенія къ русскимъ въ русской-же средѣ:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство, вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпрепятственно приносить:
На толь склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей....
Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ:
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

Это былъ достойный отвѣтъ русскаго патріота тѣмъ иностранцамъ, которые думали подчинить Россію собственнымъ корыстнымъ видамъ, отвѣтъ не хвастливый, а справедливый, основанный на ясномъ сознаніи русскихъ силъ физическихъ и нравственныхъ.

Воцарившуюся Екатерину II онъ встрѣчаетъ привѣтомъ и надеждою патріота:

Осьмнадцать лѣтъ ты украшала *)
Благословенный домъ Петровъ,
Елизаветѣ подражала
Въ монаршихъ высотѣ даровъ.
Освобождая утѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ —
Отъ злой судьбы тебя избавить **),
Надъ нами царствовать поставить
И отереть намъ токи слезъ.

Науки нынѣ торжествуйте:
Взошла Минерва на престолъ;
Пермесски воды ликовствуйте,
Шумя крутитесь въ злачный долъ;
Вы въ рѣки и въ моря спѣшите,
И нашу радость возвѣстите
Лугамъ, горамъ и островамъ;
Скажите, что *для просвѣщенья*
Повсюду утвердить ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ... (*ода 18*).

Оды Ломоносова сопровождались разными громкими постановленіями и учрежденіями на общую пользу: уничтоженіе смертной казни, основаніе московскаго университета и академіи художествъ, снаряженіе ученыхъ экспедицій при Елизаветѣ; первые годы царствованія Екатерины II были какъ бы отвѣтомъ на его требованія. Она дѣйствовала въ духѣ того идеала, который развивалъ онъ: умѣла находить и дѣятелей,

---

*) Съ 1744 года, когда она принцессою Ангальтъ-Цербтскою прибыла въ Петербургъ, какъ невѣста наслѣдника русскаго престола Петра.

**) Намекъ на униженное положеніе Екатерины при Петрѣ III.

согласныхъ съ ея стремленіями. Она хотѣла продолжать царствованіе Петра Великаго: и въ этомъ полагала свою славу— Ломоносовъ считалъ патріотическою задачею русскаго монарха—развивать то, что Петръ положилъ въ основаніе русской жизни. Въ его глазахъ Петръ Великій сдѣлался русской святыней, тѣмъ богатыремъ, въ которомъ соединились громадныя русскія силы, направленныя къ одной цѣли—славѣ, счастію и благоденствію всего народа. Петръ Великій какъ бы не умиралъ въ воображеніи Ломоносова, который постоянно видѣлъ передъ глазами гигантскій его образъ, и этотъ образъ приняло все русское общество и иначе не представляло его, какъ въ томъ видѣ, въ какомъ изображалъ Ломоносовъ. Этотъ образъ оно передало и слѣдующимъ поколѣніямъ, которыя узнавали о Петрѣ не по исторіи, еще не коснувшейся его, а по художественному представленію русскаго патріотическаго духа. Выраженіемъ «дщерь Петра», «внукъ или внука Петра» Ломоносовъ хотѣлъ представить близкое родство не только по плоти, но и по духу, чтобы тѣмъ вдохновить его потомковъ. Въ рѣдкомъ изъ произведеній Ломоносова мы не встрѣтимъ рѣчи о Петрѣ Великомъ; о чемъ бы ни заговорилъ онъ, все сводилось къ этому образу; въ немъ онъ видѣлъ начало всему; его имя послужило какъ бы знаменемъ русскаго просвѣщенія, знаменемъ, около котораго Ломоносовъ хотѣлъ собрать всѣ русскія живыя силы и идти съ ними впередъ противъ враговъ его. И мы должны сказать, что онъ дѣйствительно является достойнымъ знаменоносцемъ Петра Великаго; онъ сильною рукою поднялъ это знамя, которое называлось русскимъ знаменемъ, и вокругъ него сгруппировались лучшіе русскіе люди-патріоты, на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Вотъ въ чемъ заключается геніальный подвигъ Ломоносова — онъ не потерялъ для насъ живаго значенія и въ настоящее время.

Признавъ за наукою цивилизующую силу, Ломоносовъ ясно понималъ, какіе были существенные вопросы его времени. Мы уже знаемъ, какъ самое огромное большинство общества относилось къ наукѣ, держась еще прежнихъ на нее взглядовъ. Нужно было безпрестанно, при каждомъ случаѣ доказывать ему пользу науки въ жизни, убѣждать его такъ, чтобы оно измѣнило свои суевѣрныя отношенія къ ней. И Ломоносовъ постоянно ставилъ этотъ вопросъ на первый планъ. Вотъ отчего онъ

предпочитаетъ для своихъ ученыхъ статей форму рѣчи или ораторскаго слова. Онъ пользуется только обстоятельствами, которыя давали ему средства дѣйствовать на умы въ пользу науки. Кругъ читающей публики былъ у насъ еще такъ ничтоженъ, что нельзя было довольствоваться одной печатью съ желаніемъ распространять тѣ или другія идеи. Въ Академіи наукъ былъ обычай устраивать въ царскіе дни торжественныя собранія и приглашать на нихъ публику. Для этого приготовлялись академиками ученыя рѣчи, между которыми замѣчательныя, конечно, были рѣчи Ломоносова. Излагая свои научныя изслѣдованія, онъ въ то же время не упускалъ случая доказывать пользу наукъ, соединяя ихъ съ патріотическими цѣлями и каждый разъ восхваляя Петра Великаго за то, что онъ —

по окончаніи тяжкихъ трудовъ военныхъ, по укрѣпленіи со всѣхъ сторонъ безопасности цѣлаго отечества, первое имѣлъ о томъ попеченіе, чтобы основать, утвердить и размножить въ немъ науки. Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли. Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою за нимъ, за него и за отечество проливали и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и очи цѣловалъ помазанными своими устами! . . . .

Таковы его Слова о пользѣ химіи, о явленіяхъ воздушныхъ, о происхожденіи свѣта, о рожденіи металловъ, и наконецъ два похвальныя слова—Петру Первому и Елизаветѣ Петровнѣ (Ист. хр. Гал.), которыя отличаются тою же крайнею искусственностью, какъ и его оды, но въ которыхъ выражаются тѣ же самыя патріотическія стремленія и цѣли.

Масса публики была въ то время такъ мало развита умственно, что привлечь ее къ серьезному труду было невозможно, не указавъ на удовольствіе, которое изъ него вытекаетъ. Отсюда является и особый способъ доказательствъ, усвоенный Ломоносовымъ и другими литературными дѣятелями того времени. Нужно было соединять пользу съ удовольствіемъ, съ пріятностью, убѣждать, что научный трудъ приноситъ не только пользу, но и увеселеніе. Такимъ образомъ подбирались доказа-

тельства двухъ родовъ, выбиралась и литературная форма, болѣе пріятная, легкая и доступная большинству. Такъ Тредьяковскій писалъ разсужденіе о русской орѳографіи въ формѣ разговора между русскимъ и чужестраннымъ человѣкомъ, пересыпая его разными шуточками неидущими къ дѣлу; Ломоносовъ доказывалъ пользу стекла въ стихотворной эпической формѣ (Ист. хр. Гал.); извѣстный академикъ Миллеръ издавалъ съ 1755 года первый русскій журналъ подъ названіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія, *къ пользѣ и увеселенію* служащія». Тоже самое встрѣчаемъ мы и во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова. Другой важный вопросъ того времени былъ вопросъ объ отношеніи науки къ вѣрѣ. Нужно было убѣждать массу, что наука не враждебна религіи, не источникъ раскола и ересей, согласно со взглядомъ старины. Этого вопроса касались уже Ѳеофанъ Прокоповичъ и Кантемиръ; его же постоянно имѣлъ въ виду и Ломоносовъ. Онъ вѣрно угадалъ, что въ своихъ стремленіяхъ ему лучше всего дѣйствовать на религіозное чувство русскихъ и въ связи съ чувствомъ патріотическимъ дать ему должное направленіе, слить съ прежней цивилизующей силой новую, указавъ имъ на одну и ту же цѣль. Уже изъ приведенныхъ нами стихотвореній видно, какъ онъ соединяетъ съ божескою силою все лучшее, что ему хочется вызвать въ русской жизни; свои идеалы онъ переводитъ въ сферу божественную и этимъ опредѣляетъ героямъ ихъ. Собственное его религіозное чувство выразилось въ одиннадцати «духовныхъ одахъ», изъ нихъ первыя восемь составляютъ переложеніе псалмовъ, девятая — подражаніе Іову, и двѣ оригинальныя — Утреннее и Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ (Ист. хр. Гал.). Въ послѣдней онъ касается связи науки съ религіей. Этому же вопросу посвящается цѣлое разсужденіе въ прибавленіи къ статьѣ: «Явленіе Венеры на солнцѣ». Имѣя въ виду, какихъ людей нужно убѣждать, онъ выбираетъ доказательства изъ священнаго писанія и святыхъ отцовъ и выводитъ, что наука и религія — дружныя родныя сестры (Ист. хр. Гал.).

Заботясь прежде всего о жизни, Ломоносовъ и въ наукѣ искалъ преимущественно практическихъ цѣлей — примѣненія ихъ къ жизни. Въ этомъ случаѣ естественныя науки особенно соотвѣтствовали стремленіямъ его практическаго ума, изслѣдуя законы природы, которыми человѣкъ можетъ пользоваться

*

для удовлетворенія своихъ нуждъ. Онъ понималъ, что изученіе природы ставитъ человѣка въ болѣе правильныя къ ней отношенія и уничтожаетъ въ немъ тѣ суевѣрія и предразсудки, которые разрушительно дѣйствуютъ на его жизнь. Многостороннія его научныя познанія дали ему возможность провѣрить условія всей русской жизни и указать, которыя изъ нихъ неблагопріятны для достиженія довольства, благосостоянія и счастія: онъ вникаетъ въ жизнь крестьянина, купца, ремесленника, солдата, священника, монаха, разсматриваетъ неблагопріятную обстановку ея, неправильное отношеніе къ нимъ властей, совѣтуетъ держаться кротости и льготъ въ ихъ управленіи; словомъ и здѣсь руководитъ имъ одна и та же основная идея — общая польза (Ист. хр. Гал. О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа). Такое знаніе русской жизни, какое замѣтно въ немъ, онъ могъ пріобрѣсти только въ дѣтствѣ и въ первой юности, когда самъ жилъ тою же жизнію. Это показываетъ, какъ рано развилась въ немъ необыкновенная наблюдательность, и какъ умѣлъ онъ пользоваться впечатлѣніями всей своей жизни въ неуклонномъ стремленіи къ цѣли, которую уже разъ избралъ себѣ.

Но нельзя сказать, что только однѣ естественныя науки привлекали къ себѣ трудъ его. Работы его въ этой сферѣ были виднѣе, потому что были, такъ сказать, хлопотливѣе, требовали многихъ опытовъ, при которыхъ, случалось, подвергалась опасности самая жизнь, какъ напр. въ опытахъ надъ дѣйствіемъ грозы, при чемъ поплатился жизнію товарищъ и другъ его, профессоръ Рихманъ (Ист. хр. Гал. Письма къ Шувалову — 8.). Стремленіе *убѣдить* русскихъ людей въ пользѣ науки и въ цивилизующей ея силѣ вызвало Ломоносова и на ученые труды другаго рода. Нужно было позаботиться о тѣхъ способахъ и средствахъ, которыми только и можно было убѣждать: языкъ и умѣнье имъ пользоваться, логическое развитіе мысли, распредѣленіе доказательствъ, литературные пріемы и формы, все это нужно было или изслѣдовать, или примѣнять къ русской рѣчи, чтобы дѣйствовать сильнѣе и вѣрнѣе на русскіе умы. Разъяснить литературно-теоретическіе вопросы было также неизбѣжной потребностью того времени, безъ чего новая литература не могла достигать своей главной цѣли. Мы видѣли, что Кантемиръ, изображая недостатки русской жизни,

въ то же время съ теоріей стиха разрабатывалъ и теорію сатиры. Главные труды Тредьяковскаго относятся къ разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ — объ языкѣ, о стихѣ, о литературныхъ формахъ. При Академіи наукъ въ тридцатыхъ годахъ устроилось даже особое общество изъ образованныхъ русскихъ съ цѣлію совершенствовать русскій языкъ. Въ немъ главнымъ дѣятелемъ и авторитетомъ былъ Тредьяковскій; онъ предлагалъ слѣдующія работы обществу: составить русскую грамматику и словарь, риторику, піитику, и заняться переводами съ иностранныхъ языковъ. Въ вопросѣ объ языкѣ переводы въ то время играли весьма важную роль: переводами думали сдѣлать языкъ способнымъ передавать всѣ тѣ идеи, которыя развивались въ образованныхъ литературахъ, для него онъ еще не былъ разработанъ. Въ этомъ выражалось сознаніе необходимости связать высшіе интересы русской жизни съ интересами обще-европейскими, что могло быть чрезъ усвоеніе европейскихъ идей. Съ этой же цѣлью и Кантемиръ переводилъ разныя сочиненія, при чемъ ему приходилось много бороться съ русскимъ языкомъ, еще не способнымъ передавать философскія мысли. Ничего изъ предположеннаго не сдѣлало академическое общество за малостью наличныхъ силъ; и почти все это сдѣлалъ одинъ Ломоносовъ между множествомъ другихъ дѣлъ. Такое сравненіе достаточно знакомитъ насъ съ его громадными силами. Въ исторіи называютъ его преобразователемъ языка. Отсюда является вопросъ: въ чемъ же заключались эти преобразованія?

Религіозныя идеи, исключительно составлявшія высшіе духовные интересы старорусской жизни, перешли къ намъ на языкѣ, который мы называемъ церковнославянскимъ, хотя не роднымъ, но болѣе или менѣе доступнымъ русскимъ людямъ. Эти идеи сдѣлали господствующимъ въ нашихъ книгахъ языкъ церковнославянскій. Разумѣется, живая русская рѣчь должна была имѣть на него вліяніе, особенно тамъ, гдѣ приходилось излагать интересы національные или частные, какъ напр. въ лѣтописяхъ, въ граматахъ, въ законахъ. Отсюда произошло смѣшеніе словъ и формъ и образовался особый, искуственный книжный языкъ, который можно назвать славянорусскимъ языкомъ. Время отъ времени онъ портился разными рукописями, привозимыми къ намъ изъ Сербіи и Болгаріи: изъ нихъ черезъ

переписчиковъ переходили въ нашъ книжный языкъ искуственныя и неясныя выраженія и отдаляли его еще болѣе отъ простой русской рѣчи. Искуственности его способствовала и византійская риторичность, которая была усвоена нашими граматѣями съ самаго начала письменности.

Въ XVII стол. кіевскіе ученые имѣли сильное вліяніе на книжный языкъ и, надо сказать, не къ лучшему. Родомъ малоруссы и бѣлоруссы, воспитанные подъ вліяніемъ польской рѣчи и латинской схоластической литературы, они незамѣтно вносили въ свои сочиненія слова малороссійскія, бѣлорусскія, польскія, обороты латинскіе, и обрабатывали свою рѣчь по схоластической риторикѣ. Искуственность книжной рѣчи въ это время развилась до крайности; неученые стали подражать ученымъ, такъ что очень не многіе изъ писателей XVII стол. отличаются ясностью и нѣкоторою простотою рѣчи. Съ эпохой преобразованія иноземное вліяніе на языкъ, а съ этимъ вмѣстѣ и порча его еще болѣе усиливаются. Чужія понятія, переносимыя къ намъ, вводили и чужія слова, дикія для русскаго уха. Петръ Великій любилъ даже безъ нужды употреблять иностранныя слова. Извѣстно, что онъ часто подписывалъ свое имя поголландски «Piter», называлъ побѣду *викторіей*. Языкъ нашъ наводнили слова почти изъ всѣхъ европейскихъ языковъ: явились слова шведскія, голландскія, англійскія, французскія, итальянскія, нѣмецкія, не говоря уже о греческихъ, латинскихъ и польскихъ, которыя еще прежде вошли въ употребленіе. Съ другой стороны множество переводовъ на русскій языкъ, которые заказывалъ Петръ русскимъ ученымъ, вносили несвойственные нашему языку обороты рѣчи: латинизмы, германизмы, галлицизмы до того обезсилили нашъ книжный языкъ, что пропали самыя главныя качества всякаго языка — ясность и опредѣленность: онъ сдѣлался почти недоступенъ русскимъ людямъ. Вотъ образецъ изъ *Регламента кригскоммисаріату*:

Когда будутъ въ полкахъ *офицерскіе плацвакансы* и на тѣ мѣста будутъ присылать указы отъ *генералъ-фельдмаршаловъ* и тѣ указы принимать и по онымъ въ заплатѣ исполнять отъ нижняго *офицера* даже до подполковника, тожно въ окладахъ смотрѣть, чтобъ *авансирующій* на *вакансъ* чрезвычайнаго оклада не получилъ, кромѣ [illegible]-

жихъ иноземцевъ, которые въ его царскаго велич. службу по *капитуляціямъ* призываны... Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ г-дъ *офицеровъ* не употреблялъ какъ *драгуна* такъ и *солдата* и всего даннаго изъ казны царскаго величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради *фискалы* должны въ томъ *обсервовать* и противу тѣхъ у *коммисаріату протестовать* и по *протестаціи* помянутыхъ *фискаловъ* во отлученіе главнаго *коммисаріату*, *оберкригскоммисаръ* долженъ доношеніе имѣть главному *командующему*, дабы того, на кого *протестація* подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до *коммисарства* и потому соверша *инквизицію*, требовать *офицеровъ* къ *кригсрехту*, а по тому дѣлу окончаніе чинить какъ *сентенція* будетъ подписана. Будетъ же дѣло великому *валеру* и знатному убытку состоитъ: отписываться съ главнымъ *коммисаріатомъ*; а ежели къ тому розыску обязана будетъ *генеральная персона*, то принявъ *фискала протестацію*... писать también до главнаго *коммисаріата*.

Такія и подобныя слова явились не только въ правительственномъ языкѣ того времени, но даже въ самыхъ проповѣдяхъ, не говоря уже о переводныхъ сочиненіяхъ, какъ напр. у Ѳеофана Прокоповича: *баталія*, *викторія*, воинская *регула*, *машкара*, *арматура*, *амуниція*, *перегринація*, *физическіе эксперименты*, *экземпли*, *кабинеты* и множ. друг. Ко многимъ изъ этихъ словъ наше ухо давно привыкло, но тогда всѣ они были новыя и дико звучали въ ушахъ русскихъ людей. На складъ ученой рѣчи имѣлъ вліяніе языкъ латинскій: у насъ явились длинные искуственные періоды съ неестественной разстановкой словъ. Съ учрежденія же Академіи наукъ дѣлается замѣтнымъ вліяніе нѣмецкой рѣчи, особенно въ тогдашнихъ газетахъ, такъ какъ право издавать ихъ принадлежало Академіи; а она наполняла ихъ преимущественно извѣстіями изъ нѣмецкихъ газетъ. Такимъ образомъ является у насъ и нѣмецкая фраза.

Изъ всего этого видно, что въ нашемъ книжномъ языкѣ смѣ-

шались, но не слились три стихіи: русская или національная, церковнославянская и иноземная. Русская рѣчь выражала интересы національные и развивалась въ разговорѣ, слѣд. синтаксическая ея сторона, при всемъ этимологическомъ богатствѣ, не могла достаточно развиваться въ короткой фразѣ, какая употребляется въ разговорномъ языкѣ. Церковно-славянская рѣчь, выражая интересъ религіозный, слѣд. общій, развивалась исключительно въ письмѣ и потому болѣе синтаксически, такъ что наконецъ дошла до крайности въ длинныхъ искуственныхъ выраженіяхъ и вслѣдствіе особыхъ вліяній опредѣлилась въ замкнутой латино-нѣмецкой фразѣ. Задача теперь состояла въ томъ, чтобы опредѣлить отношенія между этими стихіями и выработать языкъ, способный ясно выражать кромѣ религіозныхъ и другіе общіе интересы, которые съ преобразованіемъ стали входить въ русскую жизнь. Они застали языкъ въ расплохъ: онъ былъ не готовъ для выраженія этихъ новыхъ стремленій, что ясно доказывается тѣмъ хаосомъ, какой явился въ нашемъ письменномъ языкѣ при Петрѣ Великомъ. Новые писатели какъ Кантемиръ, Тредьяковскій дѣлали только опыты, чтобы образовать что нибудь изъ этихъ смѣшанныхъ стихій и скорѣе представляютъ не совсѣмъ удачную борьбу съ языкомъ, чѣмъ какіе либо образцы новаго языка. Латинизмы у нихъ смѣнялись галлицизмами, языки русскій и церковный также не приведены въ ясныя отношенія. Тредьяковскій въ «Разговорѣ о россійскомъ правописаніи» критически разсмотрѣлъ русскую азбуку и оправдалъ измѣненія и сокращенія, сдѣланныя въ ней Петромъ Великимъ. При этомъ же онъ хотѣлъ положить въ основаніе русской орѳографіи произношеніе вмѣсто словопроизводства, и тѣмъ прервать всякую историческую связь новаго языка со старымъ. Но его попытки, возобновляемыя и впослѣдствіи, послѣ него, остались безъ успѣха.

Ломоносовъ взялъ въ основаніе письменнаго языка формы русскія, удержавъ изъ церковнославянскаго только необходимыя для синтаксическаго развитія фразы, т. е. тѣ формы причастныя, соотвѣтственныхъ которымъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ. Разобравъ такимъ образомъ формы, онъ разобралъ и самыя слова въ обоихъ языкахъ, найдя, что нѣкоторыя изъ нихъ употребительны въ томъ и другомъ языкѣ, другія — только въ русскомъ, третьи въ одномъ церковнославянскомъ. Изъ по-

слѣднихъ одни остались понятны для русскихъ людей, другія требуютъ толкованій, или иначе обветшали. Эту уже совершенно мертвую часть онъ исключилъ изъ литературнаго языка, равно какъ и слова русскія, оскорбляющія нравственное чувство. Всѣ же остальныя должны были составить словарь языка литературнаго, который долженъ былъ служить и оплотомъ противъ чрезмѣрнаго наплыва словъ иностранныхъ. Употребленіе ихъ предоставлялось уже разсужденію и вкусу каждаго. Русскому писателю было изъ чего выбирать и даже создавать новыя рѣченія для выраженія общихъ интересовъ жизни, науки и искуства, не прибѣгая къ чужимъ словамъ, разумѣется, за исключеніемъ общепринятыхъ научныхъ терминовъ. Черезъ такой разборъ словъ Ломоносовъ получилъ возможность удовлетворить и требованіямъ тогдашней риторики, которая дѣлила языкъ на три слога. Все это отношеніе церковнославянскаго языка къ русскому Ломоносовъ и разсмотрѣлъ въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ». Русскій языкъ, какъ мы уже сказали, не имѣлъ пока возможности вполнѣ развить свою синтаксическую сторону, слѣд. не могъ представлять и законовъ литературнаго построенія фразы; трудно было еще рѣшить, какой строй рѣчи ему болѣе свойственъ, такъ какъ разговорная короткая фраза, переходя иногда и въ письмо, не могла отвѣчать на этотъ вопросъ. Ломоносову оставалось удержать тотъ строй, въ которомъ уже прежде опредѣлилась русская письменная рѣчь; остальное же предоставить времени, когда мало по малу выработается и эта часть, обнаруживъ въ своемъ свободномъ развитіи, что болѣе ей свойственно. Такимъ образомъ и у Ломоносова по необходимости явилась та-же латино-нѣмецкая фраза. Все это у него слилось въ одинъ чистый, звучный, сильный, живой языкъ, который сдѣлался способенъ выражать интересы общіе съ національными, который тотчасъ вошелъ какъ въ науку, такъ и въ искуство. Вслѣдъ за Ломоносовымъ другіе уже съ успѣхомъ стали разрабатывать этотъ новый языкъ въ разныхъ спеціальныхъ сферахъ. Нельзя не сознаться, что нуженъ былъ творческій духъ, чтобы создать эту главную силу для развитія просвѣщенія, духъ, который бы угадалъ и потребности, и средства данной минуты—что живаго изъ наличнаго, накопленнаго матерьяла она можетъ дать и что слѣдуетъ предоставить дальнѣйшему развитію. Если развитіе про-

изошло въ самомъ дѣлѣ (а въ этомъ кто же можетъ сомнѣваться), то значитъ, Ломоносовъ вложилъ въ свое созданіе жизнь, на что конечно нужно геніальное творчество. Какъ ни далеко ушелъ нашъ литературный языкъ отъ Ломоносовскаго, но нельзя не замѣтить въ нихъ родства, нельзя и теперь, въ томъ уже устарѣломъ языкѣ, не чувствовать присутствія сильнаго духа творца его. Но однимъ этимъ еще не довольствовался его практическій умъ: не только создать для себя новую силу, но и научить другихъ ею пользоваться для общаго дѣла просвѣщенія—вотъ была его задача. Естествоиспытатель по своему спеціальному образованію и по профессіи принимается за филологическіе труды, и въ 1755 году печатаетъ первую русскую грамматику, имѣя подъ рукою самые незначительные труды другихъ, которыми онъ могъ пользоваться. Самая большая часть его работы состояла въ собственныхъ наблюденіяхъ и выводахъ.

Не будемъ исчислять всѣхъ сочиненій Ломоносова, которыя только подтверждаютъ наши заключенія о немъ. Но всю широту его дѣятельности необходимо имѣть въ виду, чтобы понять и оцѣнить ту борьбу, какую пришлось ему вести за науку до самой смерти. Хотя онъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи, хотя знакомился съ наукою и просвѣщеніемъ чрезъ иностранцевъ, но всегда оставался русскимъ человѣкомъ, понималъ, что русскимъ и не должно быть другими, на какой бы высотѣ просвѣщенія ни стояли они. Онъ смотрѣлъ на науку какъ на нѣчто общее, которое должно входить во всѣ національности не уничтожая ихъ, а только очищая отъ предразсудковъ невѣжества и отвлекая отъ односторонностей. Не смотря на все свое уваженіе къ Петрову дѣлу, онъ не былъ столько ослѣпленъ, чтобы не замѣтить той крайности, которая вытекала изъ подвига Петра. Онъ видѣлъ, какъ во имя науки чужеземное одолѣвало русское, какъ выписывали нѣмцевъ, чтобы объяснять русскимъ даже русскую исторію, чуждую объяснителямъ. Онъ видѣлъ, что вмѣсто просвѣщенія, вмѣсто общаго человѣческаго, чего онъ желалъ для Россіи, въ ней составилось общество нѣмецкихъ ученыхъ со своими особенными стремленіями; онъ видѣлъ этихъ ученыхъ пріѣзжавшихъ только за деньги въ Россію безъ всякаго къ ней сочувствія, видѣлъ, что они нисколько и не думали заботиться объ ея просвѣ-

щеніи и между тѣмъ забирали въ руки всѣ средства просвѣщенія, видѣлъ, что ихъ дѣятельность не переходитъ въ русскія силы, и остается имъ чуждою. Не науку распространяли они между русскими, какъ того хотѣлъ Петръ Великій, а только подъ именемъ науки утверждали свои нѣмецкіе порядки, кичились ими, высокомѣрно относились ко всему русскому, считали только себя способными обладателями науки и не учили даже тѣхъ, кого обязаны были учить по условію; поддерживали другъ друга всѣми силами, давая ходъ бездарности во вредъ русскимъ силамъ, словомъ то общее, для котораго они и были только призваны, замерло въ ихъ дѣятельности, а вмѣсто него выступали впередъ одни нѣмецкіе интересы во вредъ русскимъ. Ломоносовъ понималъ просвѣщеніе для русскихъ въ обширномъ смыслѣ, но не какъ нѣмецкую цивилизацію, чего не могли понять наши академическіе просвѣтители. Они не поняли даже смысла той борьбы, какую повелъ противъ ихъ дѣятельности великій сынъ Русской земли. Они приписывали все его личному раздраженію, его самолюбію, его желанію всѣмъ властвовать, заносчивости его и грубому нраву; тогда какъ онъ имѣлъ въ виду только русское дѣло — хотѣлъ ввести въ надлежащія границы ту крайнюю односторонность, которая необходимо вытекала изъ преобразованій Петра, хотѣлъ спасти національное дѣло отъ иноземныхъ силъ, которыя его подавляли. И силы эти были не маленькія, такъ какъ онѣ были необходимымъ слѣдствіемъ историческаго хода, почему подчиняли себѣ даже многія русскія отдѣльныя личности. Отсюда и борьба вышла крайне тяжелая для Ломоносова. Онъ одинъ вооружился противъ всего академическаго состава. Противниками его явились всѣ «противоборники наукъ россійскихъ» и на нихъ то онъ нападалъ съ ожесточеніемъ. Онъ иронически удивляется, что наполнивъ академію нѣмцами, не велѣли изъ-за моря выписывать и самыхъ студентовъ. Въ письмѣ къ Теплову, который именемъ президента Разумовскаго управлялъ академіею, Ломоносовъ съ горечью замѣчалъ:

Одобряйте, чтобъ академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія, или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ акаде-

нія, отнимите льщеніе опасныхъ противоборниковъ наукъ россійскихъ, не употребляйте *Божьяго дѣла* для своихъ пристрастій, дайте возрастать *свободно* насажденію Петра Великаго; тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству. Что же до меня надлежитъ, то я къ сему *себя посвятилъ* чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться.... Повѣрьте, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣстное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть: она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.... Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ ничего инаго не ищу, какъ только, чтобъ закоренѣлое несчастіе академіи пресѣклось.... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и *противъ отца своего роднаго* возстать за грѣхъ не ставлю.

Изъ этихъ искреннихъ и гнѣвныхъ словъ видно, какое дѣло онъ считалъ дѣломъ своей жизни, своего призванія, наконецъ Божьимъ дѣломъ въ Русской землѣ. И въ юности еще закаленный характеръ его служилъ ему поддержкою въ его борьбѣ. Но въ этомъ же характерѣ противники его находили и слабыя стороны, которыя обращали въ оружіе противъ него. Его страстность, впечатлительность, вспыльчивость они умѣли выводить изъ границъ законности разными мелочами, безпрестанными булавочными уколами, которыми можно легко вывести изъ терпѣнія. Поставивъ такимъ образомъ своего неумолимаго и горячаго противника въ отвѣтственность передъ за-

конторъ, они и отдавали его во власть закона, то за непристойныя выходки, то за дерзкія выраженія, то за оскорбленіе какой либо личности. Ломоносовъ подвергался разнымъ взысканіямъ, но ничто не могло смирить, а тѣмъ болѣе унизить его. Онъ сознавалъ свое значеніе и имѣлъ право отвѣчать съ гордостью на угрозу отставить его отъ академіи: скорѣе придется отъ меня отставить академію. Но не смотря на сознаніе своихъ силъ, онъ нерѣдко чувствовалъ, что борьба тяжело ложилась ему на душу. О состояніи его духа можно судить по псалмамъ, которые онъ передѣлывалъ въ русскій стихъ: большая часть изъ нихъ представляетъ голосъ страдальца, который взываетъ къ Богу о помощи противъ одолѣвающихъ враговъ:

Ты видѣлъ, Господи, ихъ мерзость,
Отмсти и злобнымъ не стерпи,
Отмсти безсовѣстную дерзость
И отъ меня не отступи.
Не дай имъ въ злобѣ похвалиться
И мнѣ въ ругательство сказать:
О какъ въ насъ сердце веселится,
Что мы могли его пожрать! (пс. 34)

Среди оскорбленій отъ иноземцевъ патріотическое чувство всегда развивается до крайней щекотливости; то же самое было и съ Ломоносовымъ: его щекотливый патріотизмъ иногда вооружалъ его даже противъ лицъ, которыя хотѣли служить русскому просвѣщенію, но которыя, по малому знакомству съ предметомъ, не всегда правильно относились къ нему. Такъ онъ нападалъ на академика Миллера, издателя перваго русскаго журнала и многихъ историческихъ актовъ:

Не токмо въ Ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи, напр., описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя мимо многія истинныя ея украшенія.

Точно также нападалъ онъ на Шлецера, впослѣдствіи извѣстнаго добросовѣстнаго критика Несторовой лѣтописи, за стран-

ное: производство русскаго слова князь; выравнились единымъ рѣчью:

Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина.

Всѣ эти частности, сами по себѣ односторонnія, сводятся къ одной и той же коренной борьбѣ; ею только и объясняются.

Но нельзя сказать вообще, что онъ былъ врагомъ всѣхъ иностранцевъ; тѣ, которые трудились только для науки, не оскорбляя русскаго патріотизма, удалялись отъ интригъ противъ русскихъ интересовъ, тѣ были его друзьями, какъ напр. знаменитый математикъ Эйлеръ, который весьма уважалъ его и, удалившись изъ Петербурга, продолжалъ вести съ нимъ переписку.

Желая направить русскія силы на науку, Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ академическомъ преподаваніи, которое безъ него было въ самомъ жалкомъ положеніи. Онъ приготовилъ нѣсколькихъ хорошихъ профессоровъ для московскаго университета. Главный основатель этого высшаго училища И. И. Шуваловъ много поддерживалъ Ломоносова въ его борьбѣ и трудахъ, и Ломоносовъ нисколько не затруднялся называть его меценатомъ. Хотя въ сущности меценатство и оскорбительно для достоинства трудящихся въ области науки и искуства, потому что ставитъ человѣка въ неестественныя отношенія къ собственному его труду, къ свободной его оцѣнкѣ, къ богатству и силѣ другихъ; но изъ многихъ писемъ Ломоносова къ Шувалову (Ист. хр. Гал.) мы можемъ заключить, что нашъ писатель не поддался этимъ отношеніямъ во вредъ своему нравственному достоинству. Какъ къ своимъ врагамъ, такъ къ покровителямъ и друзьямъ, онъ относился съ одинаковой гордостью и самоуваженіемъ: «Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей, писалъ онъ, куракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ».

Совершенно безукоризненною и свѣтлою представлялась бы намъ великая личность Ломоносова, если бы не одинъ порокъ, который и свелъ его въ могилу. Впрочемъ этотъ порокъ въ

прошедшемъ столѣтіи считался только слабостью и былъ распространенъ во всѣхъ слояхъ общества, то — неумѣренная страсть къ вину. Она давала его врагамъ поводъ чернить и осуждать его, иногда давала имъ перевѣсъ въ борьбѣ и минутное торжество надъ нимъ. Но и эта страсть вытекала изъ его страстной натуры, а безъ нея не было бы у насъ и Ломоносова. Вотъ чѣмъ мы можемъ смягчить впечатлѣніе, производимое причиною его смерти. Онъ умеръ въ 1765 году, въ то время, когда уже новое поколѣніе русскихъ дѣятелей выступало на сцену, воспитанное его вліяніемъ и его духомъ. Заслуги его уже могли оцѣнить русскіе люди.

Для ближайшаго знакомства съ Ломоносовымъ предлагаются къ подробному изученію три слѣдующія его сочиненія: 1) О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ: 2) VIII Похвальная ода на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны; 3) Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія (Истор. христом. Галахова, част. I). Въ нихъ преимущественно выразились тѣ главныя стремленія его, которыя указаны въ этомъ очеркѣ.

I. Изъ разсужденія О пользѣ книгъ церковныхъ извлечь главныя мысли, которыя развиваетъ авторъ и которыя опредѣляютъ его взглядъ на русскій литературный языкъ: объ отношеніи русскаго языка къ церковному и къ греческому классическому и какая польза для него отъ такого отношенія? какими способами русскій языкъ можетъ удовлетворить стилистическимъ требованіямъ? Какую пользу въ прошедшемъ церковнославянскій языкъ оказалъ всему русскому языку, не только письменной рѣчи? Какую пользу въ церковномъ языкѣ найдетъ для себя каждый русскій писатель? Съ какой цѣлью слѣдуетъ изучать свой родной языкъ? Чѣмъ доказывается связь языка съ народною славою? Въ какую связь авторъ приводитъ свое разсужденіе съ патріотическимъ чувствомъ? Выразить въ самой сжатой формѣ развитіе главной мысли Ломоносова. Обратить вниманіе на строй фразы Ломоносова.

II. Разсмотрѣть *по строфамъ* содержаніе VIII оды, имѣя въ виду, что авторъ хвалитъ здѣсь событіе изъ дѣйствительности — миръ со шведами, который заключила Елизавета при своемъ вступленіи на престолъ. Какихъ добрыхъ слѣдствій отъ мира ищетъ авторъ, какая связь мира съ Елизаветою, по какому поводу заключенъ онъ, въ какомъ видѣ представляется ему Елизавета въ моментъ заключенія мира, какія чувства вызвала она своимъ воцареніемъ? Какъ авторъ относится къ сво-

имъ собственнымъ силамъ и какъ настраиваетъ читателя? Какъ ему представляется Петръ Великій и къ чему онъ вводитъ Петра въ оду; какіе подвиги приписываетъ ему; какъ смотритъ на смерть Петра? Какъ онъ относился къ Екатеринѣ I, какой переходъ дѣлаетъ къ Елизаветѣ и какія стремленія приписываетъ ей? Какъ онъ смотритъ на военную славу и къ чему говоритъ о ней? Какія преимущества славы мира? Какіе плоды можетъ принести наука во время мира? Какими чертами авторъ описываетъ Россію и какое поприще она представляетъ наукамъ? Какое обращеніе дѣлаетъ онъ къ русскимъ силамъ? Какъ онъ хвалитъ науку? Чѣмъ заключается ода? Разсмотрѣвъ подробности содержанія, раздѣлить оду на крупныя части и показать связь между частями; опредѣлить главный предметъ рѣчи автора и главное его чувство; отсюда въ немногихъ словахъ выразить сущность оды. Обратить вниманіе на литературные пріемы и стилистическія особенности: въ чемъ состоитъ идеализація лицъ, въ чемъ проявляется вліяніе классической поэзіи, какъ дѣлаются переходы отъ одного предмета къ другому, какія фигуральныя и описательныя выраженія употребляетъ авторъ; по какимъ признакамъ слогъ его долженъ назваться высокимъ? Замѣтить синтаксическія особенности въ языкѣ и стихотворныя *вольности*, т. е. неправильности, допущенныя по требованію стихотворнаго размѣра.

III. Разсмотрѣть по частямъ оду «Вечернее размышленіе». Зачѣмъ автору было нужно представлять захожденіе солнца и картину ночи? Какое положеніе мыслящаго человѣка среди этой обстановки и что ему говоритъ наука? Какой переходъ авторъ дѣлаетъ къ сѣверному сіянію и какъ оно описывается? Какіе вопросы возникаютъ при видѣ этого явленія? Какъ авторъ принимаетъ отвѣты ученыхъ? Какъ наука способствуетъ лучше понимать могущество и величіе Творца.

Сумароковъ (1718 — 1777 г.) и начало русскаго театра

Начало сценическихъ представленій. — Мистеріи. — Нѣмецкія и французскія представленія. — Классическая трагедія. — Трагедія Сумарокова.—Ярославскіе актеры.—Основаніе русскаго театра.—Борьба Сумарокова съ обществомъ.—Его характеръ.

По воцареніи императрицы Елизаветы двадцатидвухлѣтній юноша Сумароковъ является адъютантомъ пожалованнаго въ графы Разумовскаго. До этого онъ учился въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, основанномъ Минихомъ въ 1731 г. Тамъ онъ познакомился съ иностранными языками, съ нѣкоторыми

науками, отчасти съ французскою литературою; тамъ же пробовалъ свои силы въ стихотворствѣ, и подражая французскимъ поэтамъ, писалъ чувствительные романсы, идиліи, элегіи, чѣмъ сначала и обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе. Въ это время дворъ восхищался представленіемъ французскихъ трагедій, комедій и итальянскихъ оперъ. Сценическія представленія впервые начались у насъ еще въ XVII стол. въ средѣ кіевскихъ ученыхъ. Они сочиняли піесы религіознаго содержанія, которыя разыгрывались кіевскими студентами. Образцомъ для нихъ служили западныя *мистеріи*, развившіяся въ католическомъ мірѣ еще въ средніе вѣка. Западные монахи, знакомые съ римскими драматическими произведеніями, нашли, что въ такой формѣ можно сильно дѣйствовать на воображеніе массы въ религіозныхъ интересахъ. Для этого они стали представлять въ лицахъ небольшія дѣйствія изъ жизни Христа. Эти-то церковныя представленія сначала на латинскомъ языкѣ и назывались *мистеріями*. Впослѣдствіи онѣ стали развиваться и видоизмѣняться. Содержаніе для нихъ брали уже не только изъ евангельскихъ разсказовъ, но вообще изъ библіи и житій святыхъ; въ дѣйствіе стали вводить участіе дьявола, сначала въ страшномъ, а потомъ и въ смѣшномъ видѣ, латинскій языкъ сталъ замѣняться мѣстными языками. При такомъ развитіи представленіе нужно было удалить изъ церквей сперва на церковныя ограды, а наконецъ и совсѣмъ вывести на площадь, прервавъ всякую связь съ церковью. Изъ рукъ монаховъ мистерія перешла въ руки свѣтскихъ лицъ, которыя составляли изъ себя труппы актеровъ и давали представленія по городамъ въ большіе праздники. Такъ какъ драматическій интересъ мистеріи былъ крайне слабъ, то нужно было привлекать зрителей разными эфектными дѣйствіями, блестящею обстановкою, чѣмъ и стали отличаться мистеріи. Обыкновенно сцена дѣлилась на три яруса—въ верхнемъ представлялось дѣйствіе въ раю, въ среднемъ—на землѣ, въ нижнемъ—въ аду; всѣ актеры помѣщались въ глубинѣ сцены, откуда и выходили на авансцену тѣ, которымъ въ данный моментъ нужно было принимать участіе въ разговорѣ. Если нужно было проливать кровь на сценѣ, то подвязывали подъ платья пузыри съ кровью, и когда нужно, прокалывали ихъ: кровь лилась обильно. Зрители, не зная всѣхъ актерскихъ штукъ, приходили въ ужасъ. Особенно силь-

но на религіозное воображеніе дѣйствовали муки Христа, и случалось, приводили фанатическую толпу въ ярость. Въ Парижѣ мистеріи поставлялись на сцену съ большою роскошью. Съ XVI стол. любовь къ нимъ стала ослабѣвать; на мѣстѣ ихъ стали являться другія представленія; а онѣ перешли въ забаву семинаристовъ и студентовъ.

Кіевскіе ученые, познакомившись съ мистеріей въ Польшѣ, сочиняли свои мистеріи на тогдашнемъ книжномъ языкѣ, и затѣмъ перенесли ихъ въ Москву. Здѣсь при дворѣ Алексѣя Михайловича онѣ разыгрывались дворовыми людьми извѣстнаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Здѣсь же Симеонъ Полоцкій написалъ стихотворную комедію *) «О трехъ отроцѣхъ» съ похвалою православному царю. (Хр. Бус.) Петръ Великій, стараясь вводить увеселенія по образцамъ западнымъ, покровительствовалъ нѣмецкимъ труппамъ комедіантовъ, которыя появлялись въ Москвѣ и Петербургѣ съ представленіемъ разныхъ фарсовъ. Имъ подражали и разночинцы изъ русскихъ, передавая публикѣ піесы нѣмецкаго издѣлія въ грубомъ русскомъ переводѣ.

При дворѣ императрицы Анны содержались труппы нѣмецкая, итальянская и балетная. Нѣмцы играли драмы и комедіи, по большей части, неискуснаго сочиненія кого либо изъ актеровъ своей труппы; иногда составлялись піесы на случай. Тредьяковскій переводилъ съ французскаго разныя оперы, интермедіи и дѣлалъ экстракты изъ комедій. Нѣкоторыя изъ нихъ разучивались придворными дамами и кавалерами и разыгрывались на придворномъ театрѣ вмѣстѣ съ оригинальными сценами, содержаніе для которыхъ бралось изъ русскихъ сказокъ, какъ напр. *Баба-яга*, *Илья-богатырь*. Въ это время для шутки еще любили вспоминать тотъ фантастическій міръ, подъ вліяніемъ котораго было проведено дѣтство: русская пляска также была въ почетѣ какъ при дворѣ, такъ и въ знатныхъ домахъ. При Елисаветѣ Петровнѣ такія представленія уже не возобновлялись. Вмѣсто нихъ явились комедіи Мольера, трагедіи Корнеля, Ра-

---

*) *Комедіями*, по тогдашней теоріи, назывались такія литературныя произведенія, которыя оканчивались счастливымъ событіемъ; и на оборотъ *трагедіи*—произведенія съ концомъ плачевнымъ.

сина. Вольтера съ блестательною обстановкою, съ искусною декламаціей. Елизавета любила французскій языкъ и французовъ и измѣнила характеръ придворныхъ увеселеній: полкъ шутовъ былъ прогнанъ, на всемъ засіяла блестящая французская лакировка; нѣмецкій языкъ, господствовавшій при дворѣ Анны, смѣнился французскимъ, и всѣ заговорили пофранцузски. Здѣсь-то Сумароковъ увлекся французскою драмою и задумалъ по образцу ея написать русскую трагедію.

Французская трагедія того времени называлась *классическою*, такъ какъ она развилась изъ подражанія древнеклассическимъ образцамъ. Мы уже видѣли, что такое подражаніе вносило въ искуство ложь. Какъ лирическій поэтъ, сочиняя оду, воображалъ, что онъ *поетъ*, молится музамъ и Апполлону, въ которыхъ не вѣритъ, какъ поэтъ эпическій сочинялъ разныя сверхъестественныя событія и лица, выдавая ихъ за дѣйствительныя, все потому, что произведенія древнихъ отличались подобными же изображеніями, согласно съ ихъ понятіями о жизни и съ ихъ религіозными вѣрованіями, такъ поэтъ драматическій изображалъ лица съ идеалами своего времени и выдавалъ ихъ за героевъ древности. Полнымъ разладомъ между содержаніемъ и формою отличаются всѣ такія произведенія. Основаніемъ борьбы во французской драмѣ было сознаніе своего долга, обязанностей, которымъ человѣкъ долженъ оставаться вѣренъ всю жизнь, чтобы быть честнымъ не только въ глазахъ другаго, но и въ своихъ собственныхъ. Но природа даетъ человѣку страсть, которая увлекаетъ его къ тѣмъ или другимъ приманкамъ жизни; съ нею человѣкъ часто связываетъ мысль о собственномъ счастіи; отдаваясь страсти, онъ думаетъ въ то же время устроить себѣ счастіе. Хорошо, если эти стремленія страсти не противорѣчатъ его долгу, слѣд. не тревожатъ его совѣсти. Но если совѣсть усмотритъ противорѣчіе между ними, если счастіе можно купить только цѣною измѣны долгу? Честный человѣкъ долженъ задуматься надъ этимъ. Страсть, увлекая его, должна произвести въ немъ самомъ борьбу, гдѣ противодѣйствующею силою будетъ сознаніе долга, стремленіе удержаться въ предѣлахъ, которые онъ предписываетъ. Исходъ борьбы одинаково можетъ быть гибеленъ: давъ верхъ долгу надъ страстью, человѣкъ видитъ разбитымъ свое счастье, и жизнь дѣлается ему не милою; онъ не хочетъ жить

и ищетъ себѣ смерти; отдавшись страсти, человѣкъ скоро чувствуетъ, что заговорившая совѣсть отравляетъ его счастіе; онъ мучится, терзается, и не зная, какъ выдти изъ такого положенія, въ отчаяніи губитъ себя. Такое столкновеніе страсти съ долгомъ можетъ ставить человѣка въ разнообразныя положенія, которыя и разрабатывала французская трагедія. Это она выработала сама по вліянію жизни; но самую борьбу выражала въ формѣ искуственной, взятой изъ другой сферы, независимо отъ содержанія.

Ссылаясь на ученіе Аристотеля, теоретики требовали для всякой трагедіи *трехъ* непремѣнныхъ *единствъ*: дѣйствія, мѣста и времени. По первому требованію всѣ сцены должны обусловливаться только развитіемъ извѣстной страсти, никакихъ эпизодовъ, или отступленій не позволялось; все должно быть направлено къ страсти, какъ сила противодѣйствующая или содѣйствующая. Это конечно мѣшало полному развитію характеровъ: являлись лица главныя только въ моментъ, когда въ нихъ говорила страсть, или лица второстепенныя—блѣдныя, безхарактерныя, чтобы только вызвать главное лицо на какую нибудь страстную рѣчь. Притомъ же единство мѣста и времени требовали непремѣнно представить всѣ сцены въ одномъ мѣстѣ и ограничить развитіе дѣйствія суточнымъ временемъ. Это значительно ослабляло драматическій интересъ французской трагедіи: приходилось *разсказывать* о многомъ, что на томъ же самомъ мѣстѣ не могло случиться, вмѣсто того, чтобъ представлять это въ дѣйствіи передъ глазами зрителей. Отсюда развивается болѣе чѣмъ должно, во вредъ драмѣ, эпическая сторона; отсюда являются и длинные монологи, въ которые вмѣщаются разсказы. При недостаткѣ дѣйствія, чтобы удержать вниманіе зрителей, должны были прибѣгать къ эфектной неестественной декламаціи, что также повело ко лжи— на сценѣ стали разсказывать такъ, какъ никто никогда въ дѣйствительности не разсказываетъ. Главною страстью въ драмѣ является любовь. Въ этомъ мы уже видимъ вліяніе не классической, а средневѣковой литературы, которая, согласно съ стремленіями рыцарской жизни, развивала преимущественно интересы чувства любви между рыцаремъ и дамою. Но рыцарскую любовь стали въ драмѣ переносить и на классиче-

скихъ героевъ, которыхъ любили представлять французскіе трагики.

Сумароковъ, приглядѣвшись къ французской трагедіи и усвоивъ ея теорію, написалъ въ 1747 году *Хорева,* заимствовавъ имена дѣйствующихъ лицъ изъ лѣтописнаго сказанія о Кіевѣ. Этимъ онъ хотѣлъ придать трагедіи характеръ народно-историческій. Въ дѣйствительности же кромѣ именъ въ ней ничего не оказалось русскаго. Она обратила на себя вниманіе только въ 1750 году, когда кадеты шляхетнаго корпуса, знакомые съ придворными французскими представленіями, вздумали разыграть трагедію Сумарокова. Авторъ, восхищенный ихъ игрою, не замедлилъ увѣдомить о томъ своего начальника, графа Разумовскаго, черезъ котораго наконецъ узнала о новости сама императрица. Она пожелала видѣть представленіе у себя во дворцѣ, и какъ говорятъ, сама убирала голову юноши-актера, который долженъ былъ играть роль княжны Оснельды. Игра ихъ понравилась. Такимъ образомъ узнали о трагедіи Сумарокова и не замедлили сравнить его съ Расиномъ. Въ подражательный періодъ литературы всегда дѣлается сближеніе именъ писателей съ именами образцовъ: такъ Ломоносова у насъ называли сѣвернымъ Малербомъ; Сумарокова впослѣдствіи по его баснямъ стали считать за сѣвернаго Лафонтена. Ободренный успѣхомъ, онъ поспѣшилъ поставить на сцену другую трагедію *Гамлетъ*, написанную черезъ годъ послѣ первой, и затѣмъ трагедія за трагедіей выходили изъ-подъ пера его. Какъ ни искуственны онѣ по своей формѣ, но все же между ними и современностью есть связь, на которую и слѣдуетъ обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что современники съ большимъ сочувствіемъ относились къ автору. Не выходя изъ предѣловъ, предписанныхъ французскою теоріею, Сумароковъ могъ и въ этой тѣсной формѣ найти средства дѣйствовать на мысль своихъ современниковъ. Онъ вездѣ представлялъ борьбу личной страсти съ *общественнымъ* долгомъ, что пришлось очень кстати для тогдашняго общества, гдѣ личные интересы еще не допускали яснаго сознанія интересовъ общественныхъ. Прояснять эти идеи, вытекавшія изъ новаго образованія, было полезно и даже необходимо русскимъ людямъ, чтобы дѣйствовать на ихъ нравственную сторону, а прояснять въ дѣйствіи было вѣрнѣе, чѣмъ въ какой либо рѣчи или въ отвлеченномъ разсуж-

денія. Изображая величіе борьбы, гдѣ долгъ торжествуетъ, гдѣ страсть сама себя побѣждаетъ изъ сознанія святости этого долга, онъ приносилъ большую пользу общественной жизни. Съ другой стороны, выставляя людей съ возвышенными характерами, авторъ имѣлъ возможность влагать имъ въ уста мысли, которыя облагораживали человѣка и проясняли ему понятія объ истинныхъ обязанностяхъ. Конечно, намъ эти мысли могутъ показаться общими мѣстами, но для того времени онѣ имѣли свой смыслъ, какъ прекрасныя поученія, и многіе зрители слушали ихъ не хладнокровно, а напротивъ, нерѣдко сопровождали рукоплесканіями, что служитъ вѣрнымъ знакомъ близкаго отношенія монологовъ къ современности. Цѣль Сумароковской трагедіи была по собственному опредѣленію автора:

Принудить чувствовать чужія намъ напасти
И къ добродѣтели направить наши страсти. *)

Этой цѣли она вполнѣ достигла тою чувствительностью, какую трагическіе герои высказывали въ своихъ напастяхъ; принявъ къ сердцу ихъ жалобныя слова, зрители должны были сострадать несчастнымъ, что уже смягчало сердце. Свидѣтельство, что нѣкоторые зрители плакали, слушая трагедію, для насъ очень важно: оно убѣждаетъ, что общественное совершенствованіе отъ искуства было возможно.

Два главные идеала чаще всего представляетъ Сумароковъ— идеалъ человѣка и народнаго правителя. Оба они выработались на европейскихъ понятіяхъ объ отношеніи между людьми. Идеальный человѣкъ долженъ былъ олицетворять идею самаго строгаго долга; у него общественное благосостояніе должно занимать первое мѣсто и смолкать всякая личная страсть, если она не можетъ назваться добродѣтелью. Этотъ идеалъ находитъ себѣ честь только въ одномъ исполненіи долга, за него готовъ вытерпѣть всѣ страданія и муки, и даже смотритъ на нихъ какъ на что то пріятное. Такъ въ трагедіи Синавъ и Труворъ, говоритъ Гостомыслъ:

Гдѣ должность говоритъ или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду,

---

*) Эпистола о стихотворствѣ.

Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ;
Страдая за нее, *когда онъ помнитъ то,*
За что онъ мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна.

Этотъ идеалъ страшится уже одной мысли подать подозрѣніе, что личная страсть взяла верхъ надъ долгомъ, какъ напр. выражается Гамлетъ Сумарокова:

Умри!... но что потомъ въ несчастной сей странѣ
Подъ тяжкимъ бременемъ народъ речетъ о мнѣ?
Онъ скажетъ, что любовь геройство побѣдила
И мужество мое тщетою учинила,
Что я мнѣ данну жизнь безславно окончалъ
И малодушіемъ токъ крови проливалъ,
Котору за него пролить мнѣ должно было.
Нельзя мнѣ умереть — исполнить надлежитъ,
Что совѣсти моей днесь истина гласитъ.

Этотъ идеалъ во имя долга обязанъ безпрестанно бороться съ людьми и со страстьми; слѣдственно отличительнымъ качествомъ его долженъ быть героизмъ, основанный не на физической силѣ, а на лучшихъ качествахъ души—истинѣ, правдѣ, добродѣтели, любви и проч.

Любовь къ отечеству есть перва добродѣтель;
И нашей честности не споримый свидѣтель.
Не только можно быть героемъ безъ нея,
Не можно быть никакъ и честнымъ человѣкомъ.

Кто хочетъ помнить долгъ, не можетъ быти злобенъ.

Гдѣ только человѣкъ печется о себѣ,
Жилища тамо нѣтъ, о истина, тебѣ.

Обязанность идеальнаго человѣка приводить въ гласность неправду и поступки людей, противорѣчащихъ идеалу:

Кто слышачи молчитъ о мерзостныхъ дѣлахъ,
Не добродѣтеленъ, но лютъ въ моихъ глазахъ,

Разбойникъ такъ, какъ тотъ, кого кто умерщвляетъ,
И тотъ, кто вѣдая, ту тайну сокрываетъ.

А вотъ въ чемъ идеальный человѣкъ находитъ себѣ успокоеніе, награду и утѣшеніе за свою постоянную борьбу:

Забавы, счастіе преходятъ такъ, какъ тѣнь,
И весь нашъ краткій вѣкъ минется такъ, какъ день,
А если въ животѣ мы чѣмъ себя прославимъ,
Мы имя симъ свое надолго жить оставимъ.
Не вѣчно въ свѣтѣ жить родится человѣкъ;
Но вѣчно будетъ тотъ иль очень долго славенъ,
Кто въ злополучіи и въ счастіи былъ равенъ.

Во злополучіи никто хоть намъ не льститъ,
Но добродѣтели и молча всякій чтитъ.

Отъ этого идеала заимствуетъ свои черты и идеалъ народнаго правителя:

Царь мудрый есть примѣръ всей области своей,
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ
И всѣ свои на ней уставы созидаетъ,
То помня завсегда, что кратокъ смертныхъ вѣкъ,
Что онъ въ величествѣ такой же человѣкъ,
Рабы его ему любезныя суть чады,
Отъ скипетра его ліется токъ отрады,
Милъ праведнымъ на немъ и страшенъ злымъ вѣнецъ,
И не приблизится къ его престолу льстецъ.

Двѣ черты царственнаго идеала особенно выдаются передъ прочими во всѣхъ описаніяхъ Сумарокова—это любовь къ отечеству, соединенная съ самою строгою правдою, и безпощадная кара людямъ, вреднымъ общественному благосостоянію. Явныя и грубыя злоупотребленія среди русскаго общества внушили Сумарокову убѣжденіе, что только одна строгая казнь можетъ очистить это общество отъ злодѣевъ, торгующихъ тѣми священными правами, на которыхъ основываются общественное счастіе и спокойствіе. Мысль эту Сумароковъ развивалъ во многихъ сочиненіяхъ. Ее внушала ему любовь къ отечеству и къ ближнему. Но въ то же время онъ даетъ своему идеалу сердце милостивое и заставляетъ его отличать человѣческія

слабости отъ грубыхъ пороковъ; за первыя онъ вступается и проситъ имъ снисхожденія и милости; на вторые указываетъ какъ на язву, которую необходимо уничтожать съ корнемъ. Въ эпистолѣ къ великому князю Петру Федоровичу, описывая идеалъ царя, котораго сердце наполнено щедротами и жалостью, онъ прибавляетъ:

Но съ слабостію я злодѣйство не мѣшаю:
И беззаконниковъ я симъ не утѣшаю:
Рождаются они ко общему вреду
И подвергаются строжайшему суду...
И тако тяжкій грѣхъ злодѣя извинить,
Но тяжче грѣхъ еще за слабости казнить.

Точно также говоритъ и Семира Олегу (въ траг. Семира).

Въ судѣ противъ бездѣльствъ, имѣя сердце твердо,
Взирай на слабости людскія милосердо.

Къ числу злодѣевъ Сумароковъ относитъ и льстецовъ:

Льстецы не обществу работать осуждены,
Льстецы боготворятъ ласкательствомъ царей,
О пользѣ не его пекутся, о своей....
Не сынъ отечества ласкатель, *но злодѣй.*
Коль хочетъ наказать царя когда Создатель,
Льстецами окружитъ со всѣхъ сторонъ его:
Не зритъ онъ вѣрнаго раба ни одного,
И будетъ онъ врагамъ своимъ щедротъ податель.

Въ 1755 году въ одномъ парижскомъ журналѣ была разобрана трагедія Сумарокова «Синавъ и Труворъ» и поставлена на ряду съ лучшими французскими трагедіями. Тамъ между прочимъ обращаютъ вниманіе на нравственныя разсужденія автора и много имъ сочувствуютъ:

Должно благодарить автора, говорится въ одномъ мѣстѣ, что онъ при этомъ случаѣ такъ храбро ополчается противъ неправды и свирѣпости ненавистныхъ пороковъ, которыми отечество его неоднократно въ жертву приносимо бывало. Преподавать Россіи правосудіе и человѣколюбіе есть ничто иное, какъ вспомоществовать августѣйшему примѣру, который она имѣетъ отъ владѣющей

ныне государыни и *для того нужно здѣсь слушать автора, а не князя Трувора.*

Между тѣмъ какъ кадеты разыгрывали трагедіи Сумарокова, новый случай еще усилилъ дѣятельность его для театра. Въ 1752 году привезены въ С.-Петербургъ ярославскіе актеры Федоръ Волковъ съ братьями и товарищами. Молодой человѣкъ съ горячей натурой, съ пылкимъ умомъ, съ артистическими стремленіями, учившійся нѣкоторое время въ московской академіи и слѣд. нѣсколько уже знакомый съ наукою, преданный искуству до страсти, музыкантъ, живописецъ, актеръ, Волковъ—личность весьма замѣчательная въ нашей исторіи прошедшаго столѣтія. Сынъ костромскаго купца пристрастился къ искуству въ самомъ раннемъ возрастѣ, учась самоучкою владѣть кистью и рѣзцомъ, играть на нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ, вдали отъ столицы, въ Ярославлѣ, и притомъ въ такой средѣ, которая требовала отъ него дѣятельности другаго рода, торговой смышленности и увертливости, купеческихъ счетовъ и разсчетовъ; не пренебрегая насущнымъ дѣломъ, онъ постоянно находилъ время упражняться и въ своихъ любимыхъ занятіяхъ—натура широкая, съ сильной волей! Увлеченный театральными представленіями, онъ устроилъ въ Ярославлѣ скромный театръ по тѣмъ планамъ, которые онъ составилъ, воспользовавшись бесѣдою съ иностранными актерами въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ на короткое время по дѣламъ вотчима. Этимъ самымъ онъ уже выдвинулъ себя изъ толпы и явился человѣкомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ. Отдаваясь своей благородной страсти, онъ одушевлялъ и свою маленькую труппу, собранную изъ юношей, его пріятелей. Изъ нихъ одинъ впослѣдствіи подъ именемъ Дмитревскаго былъ славою русскаго театра. Сбирая труппу, Волковъ на своемъ маленькомъ театрѣ былъ и архитекторомъ, и машинистомъ, и директоромъ, и живописцемъ, и режисеромъ, и первымъ актеромъ—на все достало у него таланта.

Молва объ ярославскомъ театрѣ дошла до дворца. Елизавета, любя театральныя представленія, приказала доставить труппу въ Петербургъ, которая и разыграла на царскосельскомъ придворномъ театрѣ нѣсколько трагедій Сумарокова. Четверо изъ нея понравились императрицѣ: она приказала помѣстить ихъ

при кадетскомъ корпусѣ для обученія языкамъ и декламаціи. Къ нимъ были присоединены нѣсколько молодыхъ придворныхъ пѣвчихъ, спадшихъ съ голосовъ. Всѣ они должны были упражняться на кадетской и на придворной сценахъ.

Сначала женскія роли разыгрывались молодыми людьми, а потомъ стали являться дѣйствительныя актрисы изъ балетной труппы и изъ посторонних личностей. Конечно Сумароковъ не могъ не принимать сильнаго участія въ образованіи руской труппы; въ особенности же подружился онъ съ Волковымъ, который въ скоромъ времени успѣлъ отлично образовать себя. Императрица, оцѣнивъ страсть Сумарокова къ театру, назначила его директоромъ русскаго театра, объ основаніи котораго и было возвѣщено въ 1756 г. Этимъ указомъ правительство во первыхъ, признавало заслуги писателя, во вторыхъ, давало законное мѣсто въ Россіи искусству, открывая поприще людямъ, которыхъ природа надѣлила артистическими талантами. Этотъ фактъ имѣетъ не маловажное значеніе въ нашей исторіи.

Сумароковъ съ жаромъ принялся за устройство театра, найдя себѣ дѣятельнаго помощника въ Волковѣ, который былъ названъ первымъ актеромъ руской труппы. Въ то время въ большинствѣ публики смотрѣли на артиста, какъ на простаго комедіанта или фигляра, почему и личность его не была ограждена отъ оскорбленій и обидъ каждаго дерзкаго человѣка, который полагалъ человѣческое достоинство во внѣшнихъ отличіяхъ, преимущественно же въ чинѣ. Имѣя это въ виду, Сумароковъ выхлопоталъ придворнымъ артистамъ право носить шпаги, право, которое принадлежало только дворянамъ. Для того времени этотъ поступокъ былъ весьма важною услугою рускимъ артистамъ, которые и наружно были возвышены въ глазахъ толпы.

Понимая, какое высокое назначеніе можетъ имѣть театръ для русскаго общества, какъ училище нравственности и добродѣтели, Сумароковъ старался увеличить репертуаръ новыми разнообразными піесами: кромѣ трагедій изъ подъ его пера стали являться комедіи въ подражаніе Мольеровскимъ, оперы, аллегорическія и патріотическія драмы. Въ 1759 году онъ нашелъ возможнымъ послать часть руской труппы въ Москву, гдѣ

также былъ открытъ театръ. Такимъ образомъ современники не даромъ связали съ его именемъ имя отца русскаго театра.

Въ качествѣ писателя Сумароковъ долженъ былъ выдержать сильную борьбу съ обществомъ. По своей живой впечатлительной натурѣ, которая направляла его къ какой то лихорадочной дѣятельности, онъ не довольствовался однимъ сценическимъ вліяніемъ въ столицахъ. Встрѣчаясь съ разными явленіями жизни, не согласными съ тѣми нравственными понятіями, которыя онъ усвоилъ себѣ на основаніи европейской цивилизаціи, онъ раздражался и часто не могъ владѣть собою; при этомъ онъ уже не затруднялся въ формѣ: комедія, нравоученіе, басня, сатира, письмо, разговоръ, сонъ, воспоминаніе, все у него носитъ одинъ характеръ; минута ему давала и содержаніе и форму. Вотъ отчего часто нѣтъ никакой обдуманности и порядка въ его мелкихъ статьяхъ. Все это было слѣдствіемъ дѣятельной и живой натуры, которая всегда торопилась высказаться такъ, какъ ей было сподручнѣе. Нападками на неправосудіе, на взяточниковъ, казнокрадовъ, съ ясными намеками на личности, Сумароковъ нажилъ себѣ много враговъ, которые на каждомъ шагу сторожили его, чтобы дѣлать ему всевозможныя непріятности. Съ ними онъ долженъ былъ сталкиваться по управленію театромъ, особенно въ отчетности суммъ. Ему дѣлали разныя придирки, озлобляли его; онъ же своею запальчивостью и раздражительностью еще болѣе портилъ дѣло и мстилъ за себя новыми сатирами, которыми въ 1759 году наполнялъ собственный журналъ «Трудолюбивая Пчела». Но Сумароковъ не могъ утѣшиться тѣмъ, чѣмъ бы долженъ былъ утѣшаться сатирикъ. Борьба его ясно доказывала, что стрѣлы его мѣтко достигали своей цѣли, что голосъ его не былъ голосомъ въ пустынѣ, что онъ нашелъ себѣ нѣкоторый отголосокъ въ обществѣ, а въ литературѣ пробилъ самую живую струю, которая тотчасъ соединила ее съ обществомъ. Въ этомъ случаѣ торжество писателя состояло въ числѣ его враговъ, злобившихся на ѣдкость его пера, а не въ побѣдѣ надъ ними; побѣда съ перваго раза была тѣмъ невозможнѣе, чѣмъ болѣе было ихъ. Но Сумароковъ не хотѣлъ видѣть всего этого: самолюбіе его сильно страдало. Признавая за собою заслуги перваго драматическаго писателя среди русскихъ, основателя русскаго театра, образователя русскихъ

артистовъ, опираясь на похвалы иностранныхъ критиковъ, на мнѣніе Лейпцигской академіи, которая выбрала его въ число своихъ членовъ, онъ считалъ себя униженнымъ въ своемъ отечествѣ. Онъ не разъ рѣшался высказать передъ публикой собственный взглядъ на достоинство своихъ трудовъ, напоминать ей о своихъ заслугахъ и искать суда въ общественномъ мнѣніи. Обида ему казалась столь сильною, что онъ не замѣчалъ собственной нескромности и самохвальства, которыя нерѣдко ставили его самого въ комическое положеніе. Безграничная самоувѣренность, подстрекаемая столь же безграничною злобою враговъ, не хотѣвшихъ признать за нимъ заслугъ, наконецъ произвели въ немъ какое-то самообожаніе, которое соединилось съ нетерпимостью. Благородныя стремленія въ немъ были все тѣ же, несокрушимая рѣшимость бороться съ врагами общественнаго благосостоянія и истиннаго образованія также оставалась все та же, но не умѣряя своей страсти благоразуміемъ, онъ часто сталъ выказывать ее въ смѣшныхъ формахъ: предметъ ненависти однихъ мало по малу сталъ дѣлаться предметомъ смѣха для другихъ, и чѣмъ болѣе дальнѣйшая борьба ослабляла его, тѣмъ яснѣе выказывались его комическія стороны. Лучшіе люди того времени продолжали уважать его за прекрасныя стремленія; но они же нерѣдко и смѣялись надъ его странностями, соединенными съ чрезмѣрною запальчивостью. Такимъ образомъ личный характеръ Сумарокова, неустановившійся, какъ не установилось и все общество, много повредилъ достоинству его борьбы. Въ началѣ царствованія Екатерины II онъ долженъ былъ оставить свою театральную службу, лишившись и своего друга Волкова, который умеръ отъ простуды, устраивая вмѣстѣ съ Сумароковымъ народныя зрѣлища въ Москвѣ во время коронаціи. Впрочемъ Екатерина постоянно благоволила ему и, гдѣ могла, поддерживала его.

Сумароковъ со своимъ характеромъ вполнѣ явился представителемъ того общества, гдѣ бродили разныя силы и сталкивались разные идеалы, не имѣя возможности согласиться или слиться: съ одной стороны крайнее увлеченіе новыми формами жизни, въ которыхъ видѣли европейское образованіе, съ другой желаніе жить по старинѣ; наконецъ въ меньшинствѣ лучшихъ людей является сознаніе, что отказываясь отъ невѣже-

ства, не слѣдуетъ отказываться отъ національности и отъ прошедшаго—что же удержать изъ народной жизни, согласно съ требованіями истиннаго европейскаго просвѣщенія и что принять изъ европейской, чтобы не сгладить въ себѣ всѣхъ слѣдовъ національности—этой задачи пока никто не могъ рѣшить, и отсюда выказывается колебаніе, шаткость, неопредѣленность и противорѣчія въ понятіяхъ и въ дѣйствіяхъ. Новыя нравственныя основы жизни еще не выработались и вполнѣ не опредѣлились, старыя были уже поколеблены и наполовину отвергнуты; отсюда дѣло безпрестанно было не согласно съ словомъ. Неумѣнье владѣть собою и сдерживать себя влечетъ нерѣдко къ паденію или униженію: все это показываетъ невыработанность характера и всѣмъ этимъ отличался не одинъ Сумароковъ. Желая соединить въ себѣ человѣка европейскаго и русскаго, онъ въ тоже время не забываетъ, что онъ боярскаго рода, русскій дворянинъ и чиновникъ. Слѣды дурнаго боярскаго воспитанія не могутъ въ немъ сгладиться даже подъ вліяніемъ европейскихъ понятій, въ духѣ которыхъ онъ хотѣлъ дѣйствовать. Онъ ссорится съ Ломоносовымъ, съ Тредьяковскимъ и съ молодыми начинающими писателями изъ желанія играть первую роль, быть насильно для всѣхъ авторитетомъ, изъ нетерпимости къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его взглядами. Съ другой стороны поклоненіе передъ авторитетами иностранными ставило его во враждебное отношеніе къ каждой литературной новизнѣ, на которую онъ нападалъ съ ожесточенной бранью. Такъ на московской сценѣ появилась въ переводѣ драма Бомарше «*Евгенія*». Написанная противъ всѣхъ правилъ французской трагедіи, она не имѣла никакого успѣха въ Парижѣ: послѣ трагическихъ героевъ зрителямъ казалось дико и неприлично видѣть на сценѣ лицо изъ обыкновенной ежедневной жизни. Но за первой хотя и неудачной попыткой послѣдовали другія, и стали мало по малу пріучать зрителей къ новымъ драмамъ. Онѣ отличались чувствительностью, приводившею слабонервныхъ въ слезы, отчего и были названы слезливыми драмами (drame larmoyante). Москвичамъ съ перваго раза понравилась «Евгенія». Но Сумароковъ видѣлъ въ этомъ порчу вкуса и паденіе искуства; разумѣется, онъ не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ: онъ кричалъ, сердился, бранился. Въ то же время онъ послалъ письмо къ

Вольтеру и желалъ слышать его мнѣніе о новомъ драматическомъ родѣ, появившемся въ Парижѣ. Вольтеръ отвѣчалъ ему длиннымъ письмомъ и согласился съ его мнѣніемъ, называя писателей слезливыхъ или *мѣщанскихъ* драмъ бездарными и обвиняя ихъ въ искаженіи искуства. Это письмо придало Сумарокову еще болѣе самоувѣренности, онъ еще смѣлѣе сталъ нападать на новую драму. Злобясь на Бельмонти, содержателя московскаго театра, который въ это время перешелъ въ частныя руки, онъ запретилъ ему играть свои трагедіи и даже взялъ отъ него письменное обязательство, за неисполненіе котораго Бельмонти долженъ былъ отвѣчать всѣмъ сборомъ, какой окажется въ театральной кассѣ въ день представленія. Этимъ онъ уже не въ первый разъ предъявлялъ права на литературную собственность, которая въ то время еще не была защищена закономъ. За нее Сумарокову пришлось вытерпѣть новую борьбу. Бельмонти соединился съ врагами Сумарокова; продолжалъ давать его трагедіи, съ намѣреніемъ искажая ихъ до смѣшнаго, чтобы поразить въ самое сердце писателя. Сторону Бельмонти взялъ и московскій губернаторъ графъ Салтыковъ. Наконецъ сама императрица Екатерина, зная раздражительный характеръ Сумарокова, но не зная, что все дѣлалось нарочно въ обиду автору, не дала большой цѣны его жалобамъ и не взяла его подъ свою защиту. Такимъ образомъ пришлось ему сознаться въ собственномъ безсиліи, чѣмъ и оканчивалась почти каждая борьба Сумарокова. Онъ возненавидѣлъ общество, предался въ уединенной жизни тому же пороку, за который прежде рѣзко нападалъ на Ломоносова, и умеръ въ 1777 году. Но не смотря на такую жизнь и неудачную борьбу, сочиненія Сумарокова, въ особенности его трагедіи и басни, пользовались большимъ уваженіемъ даже у слѣдующихъ поколѣній.

Разсмотрѣть статьи Сумарокова «Четыре отвѣта» и «Сонъ — счастливое общество» (Ист. Хр. Гал.), опредѣлить сторону идеальную и сатирическую въ связи съ современностью.

Разобрать басни Сумарокова (Хр. Гал.), соотвѣтствуютъ ли онѣ теоріи басни, и какія черты современности представляются въ нихъ?

Фонвизинъ (1744—1792 г.).

Вліянія на развитіе таланта Фонвизина. — Комедія Бригадиръ. — Наказъ Екатерины II. — Воспитательная система Бецкаго. — Отношеніе къ крѣпостному праву. — Недоросль Фонвизина. — Направленіе въ прочихъ сочиненіяхъ.

Въ концѣ своей жизни Фонвизинъ задумалъ написать свою біографію подражая отчасти Жанъ-Жакъ Руссо. Этотъ извѣстный французскій писатель XVIII стол. задалъ себѣ задачу прослѣдить собственное развитіе съ самаго дѣтства, какъ оно выразилось въ его дѣлахъ, мысляхъ и чувствахъ, не скрывая ничего, даже самыхъ дурныхъ наклонностей и пороковъ. Все это и составило содержаніе его обширной исповѣди Les confessions. Фонвизинъ впрочемъ отличилъ себя отъ Руссо по цѣли своего труда:

«Я хочу, говоритъ Руссо, *показать человѣка во всей истинѣ природы*, избравъ одного себя.... Но я (Фонв.), приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, прошедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи трудною болѣзнію, нахожу, что едвали остается мнѣ время на покаяніе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ *раскаянія христіанскаго*: чистосердечно открою тайны сердца моего и беззаконія моя возвѣщу. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое.

Съ такимъ религіознымъ настроеніемъ Фонвизинъ началъ писать «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», изъ котораго только мы и знаемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ его жизни. Но сочиненіе это далеко не кончено; въ немъ изображены только дѣтство и юность автора. Конечно, его признаніе не можетъ идти въ сравненіе съ исповѣдью Руссо, который, такъ сказать, анатомируетъ себя во всѣхъ мелочахъ; такого анализа нѣтъ у Фонвизина; онъ довольно бѣгло про-

слѣдилъ два періода своей жизни, чтобы опредѣлить главныя черты своего характера и указать постороннія вліянія на его развитіе. Главное вліяніе въ дѣтствѣ было со стороны отца, котораго онъ хвалитъ за здравый разсудокъ, честность, кротость, набожность и самостоятельный характеръ. Хотя онъ «не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ», но читалъ всѣ русскія книги и хорошіе переводы нравоучительныхъ сочиненій. Подъ вліяніемъ этихъ нравоученій и чувствительныхъ разсказовъ развивался и сынъ его, впечатлительный и умный по природѣ. Чувствительность и остроуміе, два необходимыя свойства каждаго сатирика, высказывались въ немъ еще съ дѣтства. Отецъ же позаботился развить въ немъ и набожность, заставляя его при домашнемъ богослуженіи читать церковныя книги:

«Сему обязанъ я, прибавляетъ нашъ писатель, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе, ибо читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно.... Отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ не въ состояніи будучи нанимать для меня учителя для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ (въ московскую университетскую гимназію), какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Все это показываетъ, что новыя начала воспитанія понемногу проникали въ нѣкоторыя русскія семьи: дѣятельность писателей Елизаветинскаго времени не была напрасна. Другое вліяніе на развитіе юнаго Фонвизина было со стороны школы. Правда, онъ представляетъ гимназическое ученіе довольно карикатурно (Ист. хр. Гал.): но все же при этомъ замѣчаетъ, что долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ, въ которомъ онъ получилъ основаніе своимъ познаніямъ и развилъ вкусъ «къ словеснымъ наукамъ». Здѣсь между прочимъ научился онъ по-нѣмецки и сталъ упражняться въ переводахъ

на русскій языкъ, что и повело его къ литературнымъ занятіямъ. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ числѣ лучшихъ учениковъ его возили въ Петербургъ для представленія основателю университета, Шувалову. Здѣсь онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ двора и его увеселеніями, въ особенности же театромъ: «комедію, говоритъ онъ, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе» (Истр. хр. Гал.). Все это конечно должно было дѣйствовать на развитіе способностей мальчика и давать имъ извѣстное направленіе. Столкновеніе съ людьми имѣло также вліяніе на развитіе будущаго сатирика. Одни вызывали въ немъ наблюдательность; другіе обращали его вниманіе на его собственные недостатки; такъ еще въ ранней юности онъ изучилъ подлинникъ Бригадирши, одно изъ лицъ своей будущей комедіи; а насмѣшки надъ нимъ одного изъ молодыхъ баричей за то, что онъ не зналъ пофранцузски, заставили его учиться этому языку и обратиться къ переводамъ съ французскаго. Стихотворный его переводъ трагедіи Вольтера «Альзира» доставилъ ему даже нѣкоторую литературную извѣстность.

Переходя къ разсказу о своей юности, Фонвизинъ такимъ образомъ изображаетъ свой характеръ:

Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе; отъ матери головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію; напримѣръ въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано по-

явилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей.... Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть, и я, вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли. Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую нибудь несправедливость и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, если бы одинъ изъ соучениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой соученикъ весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихами его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но такъ какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я всею моею остротою не могъ проникнуть, для чего онъ меня такъ хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ.

Навыкъ въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ доставилъ Фонвизину и служебныя мѣста, сперва въ иностранной коллегіи, потомъ при кабинетъ-министрѣ, Елагинѣ, который самъ былъ писателемъ и поощрялъ молодые литературные таланты.

Французская литература того времени также имѣла вліяніе на развитіе Фонвизина. Господство французскаго языка при дворѣ Елизаветы Петровны развивало и нѣкоторую любовь къ

чтенію книгъ, доступныхъ и забавныхъ для полуобразованнаго общества. Таковы были тогдашніе французскіе романы, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ; изображая жизнь, они воспламеняли воображеніе, дѣйствовали на страсти, но мало заботились о томъ, чтобы опредѣлить твердыя основанія нравственной стороны жизни. Люди, болѣе развитые и образованные осуждали такія книги, но большинство читало ихъ съ жадностью. Фонвизинъ называетъ ихъ *соблазнительными* и весьма сожалѣетъ, что онѣ преждевременно попались ему въ руки, развративъ его юное воображеніе и возмутивъ душу. Но не одними соблазнительными романами развращались въ то время. Общество, воспитанное на томъ, что вся старина—одно *невѣжество*, что просвѣщеніе только въ идеяхъ запада, легко отказывалось отъ всѣхъ прежнихъ началъ жизни и легко принимало отъ западныхъ мыслителей всѣ тѣ выводы, которые требовали съ одной стороны повѣрки, съ другой собственнаго труда, чтобы выработать себѣ новыя нравственныя начала. Но ни повѣрки, ни труда не употребляли они, а съ какой-то легкомысленной радостью повторяли мысли, которыя освобождали ихъ отъ религіознаго страха за свою разнузданную и безпутную жизнь, отчего развивалось крайнее вольнодумство и кощунство. А между тѣмъ самые-то труды мыслителей не имѣли въ виду развить такое направленіе. Научныя изслѣдованія природы и человѣка въ XVII и XVIII столѣтіяхъ коснулись всѣхъ условій жизни, понятій и формъ, выработанныхъ предшествующими вѣками: религія, политика, нравственность, отношеніе человѣка къ природѣ, способности человѣка и права его, воспитаніе, все было подвергнуто строгому анализу и о всемъ были сдѣланы выводы, несогласные съ прежними понятіями и взглядами. Средневѣковыя формы жизни были осуждены, схоластическая наука отвергнута, нравственныя начала признаны односторонними, состояніе большинства людей унизительнымъ, оскорбляющимъ человѣческое достоинство, все было поколеблено и взамѣнъ представлялась лишь сила ума, которому приходилось только въ будущемъ выработать новыя начала. Понятно, что при тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя только успѣла добыть наука изъ своихъ наблюденій надъ жизнію и природою, должно было явиться множество новыхъ заблужденій, которыя, хотя и подрывали прежнія, но сами тѣмъ не

менѣе вели къ односторонним взглядамъ и выводамъ. Люди мыслящіе, разумѣется, строго обсуживали ихъ, но немыслящее большинство принимало ихъ *на вѣру*, хотя и повторяло мысли о силѣ ума, о безсиліи авторитетовъ и проч. Этому много способствовало то общедоступное изложеніе выводовъ, какимъ отличались французскіе писатели, стараясь сдѣлать науку достояніемъ большинства и поражать предразсудки и суевѣрія старины. Такими трудами, не смотря на многія заблужденія, они оказали большую пользу образованію. Исторія показываетъ, что до истины обыкновенно доходили путемъ многихъ заблужденій, слѣдовательно они оказываются неизбѣжными въ умственномъ развитіи человѣчества. Заблужденія, можетъ быть, и гибельныя для однихъ, вели другихъ къ новымъ изслѣдованіямъ, отчего конечно только выигрывала истина. Умъ, вырвавшись изъ средневѣковаго застоя, сталъ стремиться все далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ, убѣдившись въ необходимости постояннаго развитія. Понятно, что русское молодое общество съ увлеченіемъ бросилось на все европейское изъ страха быть обвиняемымъ въ невѣжествѣ, которымъ корили его отвсюду; оно принимало все, что было ему подъ силу; простое же отрицаніе тѣхъ или другихъ началъ и вѣрованій не требовало ни большаго развитія, ни научнаго приготовленія. И вотъ полуученые и недоученые русскіе люди, желая слыть за просвѣщенныхъ европейцевъ, повторяютъ за ними всѣ новыя идеи, не считая нужнымъ даже вдуматься въ ихъ общую связь. Они не отрицали того, что имъ было выгодно, какъ напр. крѣпостное право, разныя привилегіи своего сословія; зато изощряли свое остроуміе надъ предметами религіозными и надъ всѣмъ, что составляло святыню старины. Здѣсь выполнялся извѣстный историческій законъ: одна крайность производитъ другую. Этотъ періодъ нужно было пережить русскому обществу вслѣдствіе исторической необходимости. Не многіе даже и читали о томъ, чѣмъ такъ усердно хвалились: они только по наслышкѣ повторяли вольнодумныя мысли, которыя въ нѣкоторыхъ кружкахъ имѣли лишь значеніе моды. Естественно, что они такъ же скоро и отказывались отъ своихъ модныхъ мыслей, лишь только являлась какая либо гроза, которая могла пугнуть ихъ воображеніе. Они, по отзыву одного современника, были даже не невѣрующіе, а только желали,

чтобъ ихъ считали невѣрующими, «либо вмѣняютъ себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія».

Такой кружокъ описываетъ Фонвизинъ въ своемъ Признаніи:

...Вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ и вошелъ въ общество, о коемъ донынѣ безъ ужаса вспомнить не могу, ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено ....Графъ*** былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ, надѣясь найти въ немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное, но совсѣмъ тѣмъ поколебали душу мою.

Фонвизину было тогда всего двадцать лѣтъ отъ роду и онъ поддался вліянію кружка, хотя и не надолго. Умъ его, развившійся подъ религіозными впечатлѣніями, набожность, развитая заботами отца, вызвали въ его душѣ борьбу, которая нѣсколько времени не давала ему покоя. Это много говоритъ въ пользу его сильнаго ума, который не можетъ быстро мѣнять свои основныя убѣжденія. Онъ не можетъ принимать на вѣру чужія мысли, не изслѣдовавъ ихъ самъ и не убѣдившись въ истинѣ. Съ помощью собственныхъ разсужденій и чтенія Фонвизинъ наконецъ отстоялъ свою вѣру, но не впалъ и въ другую крайность, не возставалъ противъ европейскаго просвѣщенія, какъ поступали иные, онъ только раскаявался въ собственномъ легкомысленномъ увлеченіи, что поддерживало его

религіозность и впослѣдствіи вызвало его чистосердечное признаніе.

Въ это же время онъ написалъ комедію «Бригадиръ», которую съ искуствомъ читалъ при дворѣ и въ гостиныхъ вельможъ (Чистосерд. Призн. въ Ист. Хр. Гал.). Она доставила ему славу талантливаго комика. Не смотря на каррикатурность положенія дѣйствующихъ лицъ, на недостатокъ дѣйствія и мѣстами натянутый комизмъ, она можетъ назваться первою русскою комедіею нравовъ, а авторъ ея достойнымъ образованнымъ представителемъ своего времени. Съ нею связываются нѣсколько фактовъ, которые имѣютъ значеніе въ нашей исторіи. Указъ Петра III о вольности дворянства освобождалъ дворянъ отъ обязательной государственной службы, оставляя за ними ихъ помѣстья и обязательный трудъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ военныхъ, дослужившись до почетнаго бригадирскаго чина, поспѣшили выдти въ отставку и удалиться въ свои помѣстья, чтобы тамъ распоряжаться посолдатски съ крестьянами. Указъ Екатерины II о строгомъ преслѣдованіи лихоимства и взяточничества удалилъ отъ службы многихъ судей, которые уже успѣли нажиться прежде; въ чинѣ совѣтника они переселились въ нажитыя деревни и такъ продолжали благоденствовать, обирая своихъ крестьянъ. Эти-то два типа и представилъ Фонвизинъ въ лицѣ Бригадира и Совѣтника. Къ нимъ онъ присоединилъ женскую личность Бригадирши, и во всѣхъ ихъ представилъ самыя узкія понятія, доставшіяся отъ старины и крайне уродливо выражавшіяся среди новыхъ стремленій жизни, но при всемъ томъ типы эти нельзя назвать старыми; въ прежнее время такихъ не было. Новое время и на нихъ имѣло вліяніе. Такъ табель о рангахъ успѣлъ глубоко вкорениться въ нихъ, развить особенныя понятія о чести и достоинствѣ человѣка, основанныхъ на чинопроизводствѣ, и опредѣлить мѣсто человѣку въ отношеніи къ Богу и людямъ по его чину.

Въ противоположность имъ въ лицѣ Совѣтницы и Иванушки представлены крайности новаго направленія, гдѣ честь и достоинство человѣка основаны были на просвѣщеніи, но только просвѣщеніе понималось самымъ уродливымъ образомъ, обращаясь въ какое-то безсмысленное обезьянство. Еще прежде Сумароковъ смѣялся надъ этимъ жалкимъ идолопоклонствомъ

передъ непонятымъ просвѣщеніемъ Европы, но у Фонвизина типическія черты выставлены рѣзче и остроумнѣе. Въ Иванушкѣ слышится отголосокъ новыхъ идей, развивавшихся въ серьезныхъ сочиненіяхъ французской литературы, идей о нравственности, о равенствѣ, о естественныхъ правахъ человѣка и проч., но дошедшихъ до него по слухамъ, изъ пятыхъ и шестыхъ устъ, слѣд. непонятыхъ, изуродованныхъ, сдѣлавшихъ изъ него какую-то каррикатуру на новыя стремленія русскаго человѣка. Здѣсь странно только то, что въ семьѣ Бригадира могла явиться такая личность, какъ Иванушка, въ семьѣ, гдѣ не давали никакой цѣны новому воспитанію, гдѣ скорѣе можно было бы ожидать воспитанія, основаннаго на старинныхъ началахъ. Подобныя лица являлись въ иныхъ семьяхъ, жившихъ въ столицахъ и на европейскій ладъ. Но какъ ни страннымъ кажется это, здѣсь есть одна черта, вѣрная дѣйствительности; между тѣми и другими лицами было духовное родство: одно направленіе у насъ въ самомъ дѣлѣ производило другое, одно могло уживаться съ другимъ, даже оба вмѣстѣ соединиться въ одномъ лицѣ. Два нравственныя лица комедіи Фонвизина, Софья и Добролюбовъ, не рѣшили важнаго вопроса, какимъ долженъ быть новый идеалъ русскаго просвѣщеннаго человѣка. Они только указали на тѣ начала, безъ которыхъ этотъ идеалъ не можетъ торжествовать въ жизни или успѣшно прилагаться къ ней—разумное воспитаніе и строгое правосудіе; безъ нихъ лица въ родѣ Бригадира и Совѣтника всегда будутъ брать верхъ своею силою, а люди съ истинными нравственными стремленіями всегда будутъ ихъ жертвами. Но въ чемъ должно заключаться разумное воспитаніе русскаго человѣка, какъ водворить строгое правосудіе—рѣшеніемъ этихъ вопросовъ была уже занята Екатерина, которая и стала направлять нашу литературу, согласно съ своими видами.

Еще великою княгинею при дворѣ Елизаветы, Екатерина прилежно занималась чтеніемъ современныхъ французскихъ писателей—Вольтера, Монтескье, Дидро, д'Аламбера, Жанъ-Жакъ Руссо и др. Хотя въ своихъ взглядахъ и направленіяхъ они расходились, но между ними было и общее: всѣ они анализировали современную жизнь изъ любви къ истинѣ, одушевленные желаніемъ человѣку добра и счастія; всѣ они были не

довольны современнымъ порядкомъ жизни и искали для нея другихъ основаній; но далѣе въ самыхъ теоріяхъ, въ самыхъ средствахъ иного развитія они не могли сойтись. Вліяніе ихъ на Европу было такъ сильно, что даже нѣкоторыя коронованныя лица стали прилагать ихъ идеи къ народному управленію, стараясь смягчить прежнія суровыя отношенія власти къ подчиненнымъ, и возвысить души сознаніемъ истиннаго человѣческаго достоинства. Таковы были Фридрихъ великій, Іосифъ II и др. Съ такими же стремленіями явилась на престолъ и Екатерина.

Она хотѣла нравственно преобразовать дворянское общество, которое до сихъ поръ исключительно служило государству, и создать еще новое общество, которое свободнымъ трудомъ служило бы обогащенію государства, назвавшись *третьимъ сословіемъ* по образцу французскаго *tiers états*. Для этого она остановилась на двухъ силахъ—законахъ и воспитаніи. Задумавъ собрать коммисію для составленія новаго уложенія или законовъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ областей Русской земли, она собственноручно пишетъ для нея «Наказъ» или наставленіе, какихъ основаній должна держаться коммисія и въ какомъ видѣ должно явиться Руское государство при новыхъ законахъ. Наказъ былъ изданъ въ 1767 году и представилъ много идеально-привлекательнаго, къ чему должны были, такъ сказать обязательно стремиться руские люди (Истор. христ. Гал.), хотя въ немъ собственно для Европы не было ничего новаго, всѣ мысли и положенія заимствованы въ немъ изъ европейскихъ писателей: въ особенности изъ сочиненія Монтескье Esprit des lois и италиянскаго писателя аббата Бекарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ»; но всѣ они удачно связаны въ одну систему въ примѣненіи къ извѣстному государству, такъ что въ этомъ видѣ Наказъ даже Европѣ показался заслуживающимъ вниманія просвѣщеннаго міра: онъ переводился на иностранные языки и вездѣ вызывалъ одобренія. Самое важное въ немъ было то, что онъ стремился положить въ основаніе руской жизни тѣ философскія начала, которыя вырабатывались въ Европѣ на основаніи новѣйшей науки, начала, проникнутыя человѣколюбіемъ, желаніемъ облагородить нравственный образъ человѣка, расширить его гражданскія права.

Въ этихъ стремленіяхъ Екатерины дѣйствительно былъ зна-

чительный шагъ впередъ после Петра Великаго. Но чтобы все это могло прочно лечь въ основаніе русской жизни, нужны были новые люди, воспитанные на строгихъ началахъ нравственности. Екатерина задумала образовать *новую породу людей* посредствомъ новаго воспитанія и поручила это дѣло Бецкому.

Рожденный и воспитанный за границей, Бецкій до этого времени мало жилъ въ Россіи, проводилъ большую часть жизни въ путешествіяхъ и слѣд. былъ чуждъ всѣхъ предразсудковъ, привычекъ и преданій русскаго общества. Хорошо образованный и съ артистическими наклонностями, онъ въ то же время отличался филантропическими стремленіями и въ первые же годы царствованія Екатерины нашелъ возможность примѣнить ихъ къ дѣлу въ широкихъ размѣрахъ. Онъ былъ уже въ арѣлыхъ годахъ; знакомый въ подробностяхъ съ разными воспитательными системами и педагогическими трактатами, и потому разсудительно, но какъ артистъ, принялся вырабатывать въ дѣйствительности идеалъ новаго человѣка. Выходя изъ той мысли, что необразованная семья имѣетъ дурное вліяніе на воспитаніе новаго поколѣнія, передавая ему всѣ предразсудки и суевѣрія старины, развращая его дурными примѣрами, онъ задумалъ отдѣлить малолѣтнее поколѣніе отъ семьи, воспитывать и направлять его такъ, чтобы впослѣдствіе оно могло составить общество настоящихъ гражданъ, людей способныхъ служить государству и обществу не изъ однихъ личныхъ интересовъ, а изъ нравственныхъ побужденій. Для этого предполагалось устроить особыя воспитательныя заведенія, куда помѣщать дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ и гдѣ содержать ихъ до совершеннолѣтія, позволяя только разъ въ недѣлю видѣться съ родными и не допуская никакого сообщенія съ остальнымъ міромъ. Въ основаніе такого воспитанія полагались выводы извѣстныхъ европейскихъ писателей, каковы были *Локкъ* (англ.), *Фенелонъ и Жанъ-Жакъ-Руссо*. Въ особенности первый изъ нихъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе воспитательной системы Бецкаго. Труды Локка относятся еще къ XVII столѣтію; они вносили новый взглядъ на духовное развитіе человѣка и дали основаніе ученію, которое называлось *сенсуализмомъ*. Онъ отвергалъ прежнее ученіе *о врожденныхъ идеяхъ*, развиваемое еще въ древности

философомъ *Платономъ* и принятое въ средніе вѣка. Локкъ доказывалъ, что идеи пріобрѣтаются человѣкомъ по впечатлѣнію отъ внѣшняго міра, съ которыхъ связываютъ его *внѣшнія чувства*, поэтому и при воспитаніи нужно стараться о благопріятныхъ впечатлѣніяхъ, чтобы ими развить въ человѣкѣ стремленія *къ истинѣ, добру, правдѣ, изящному,* что прежде считалось врожденнымъ человѣку. Эти стремленія составляютъ его нравственный міръ, слѣдовательно и нужно заботиться объ ихъ гармоніи, окруживъ ребенка всѣмъ тѣмъ, что можетъ посредствомъ впечатлѣнія дѣйствовать на душу нравственно. Здѣсь первое мѣсто должны занимать хорошіе примѣры, т. е. безукоризненно-нравственное поведеніе людей окружающихъ, разумно-нравственныя бесѣды и наставленія. Все это принято и Бецкимъ при основаніи новыхъ воспитательныхъ заведеній—«Общества благородныхъ дѣвицъ» (Смольнаго монастыря), Коммерческаго училища, Воспитательныхъ домовъ, или при преобразованіи прежнихъ—Шляхетнаго корпуса, Академіи художествъ. Но съ этимъ онъ сдѣлалъ двѣ важныя ошибки: не позаботился предварительно о спеціальномъ приготовленіи нужныхъ воспитателей, которыхъ у насъ совсѣмъ не было, и не далъ наукѣ того воспитательнаго значенія, какое въ ней заключается. Жизнь дѣйствительно иногда представляла людей, хорошо обученныхъ, которыхъ называли весьма образованными, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякихъ нравственныхъ основаній, готовыхъ рѣшиться на всякій низкій поступокъ изъ эгоистическихъ или корыстныхъ разсчетовъ. Такіе примѣры послужили къ ложному выводу, будто наука безсильна нравственно развивать человѣка, и потому въ воспитаніи стали давать ей не важное мѣсто—учили *слегка, чему нибудь и какъ нибудь,* чтобы только наполнить праздное время; но не разсуждали о томъ, что безъ науки нѣтъ прочнаго основанія для нравственности, которая тверда только тогда, когда ея начала будутъ ясно сознаны и обратятся у человѣка въ убѣжденія. Начала же истинной нравственности разъясняетъ лишь наука, опредѣляя настоящія, правильныя отношенія человѣка къ природѣ и обществу. Человѣкъ, воспитанный одними нравственными наставленіями безъ научнаго матерьяла, будетъ казаться нравственнымъ только подъ строгимъ надзоромъ другихъ, которые отстраняютъ отъ него всякіе соблазны и

сдерживают его увлеченія. Но предоставленный самому себѣ, онъ нерѣдко теряется и легко отдается страсти, не находя въ себѣ нравственныхъ силъ бороться съ нею.

Въ странахъ образованныхъ, гдѣ наука уже утвердилась издавна, какъ напр. въ Англіи, такой взглядъ на науку не могъ принести большаго вреда; но у насъ было совсѣмъ другое дѣло. У насъ нужно было особенно ухаживать за наукой, чтобы привлечь къ ней жизненныя силы, а этихъ то заботъ о ней и не доставало въ новой системѣ воспитанія. Отсюда и произошло, что она не произвела той новой породы, которой ожидали: люди наиболѣе образованные и дѣятельные выходили изъ другихъ заведеній, гдѣ наукою развивались духовныя силы; они оправдывали стремленія Ломоносова и составляли главныя силы русскаго просвѣщенія. Какъ бы то ни было, но такая система воспитанія, признанная въ наше время совершенно несостоятельною, при Екатеринѣ была принята за лучшую и съ полною вѣрою въ ея силу и способность образовать новую желанную породу людей.

Принимая такія заботы о преобразованіи общества посредствомъ законовъ и воспитанія, Екатерина одушевляла лучшихъ людей и вызывала ихъ къ дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ видѣли и важную ошибку съ ея стороны—она имѣла въ виду не всѣ сословія, составляющія русскій народъ и русскую силу: крестьянское сословіе, самое огромное, не вводилось въ эти новые интересы жизни, лишенное гражданскихъ правъ, оставаясь при прежнихъ отношеніяхъ къ власти и высшему сословію. Екатерина старательно обходила вопросъ о крѣпостномъ правѣ, не замѣчая, что оно имѣетъ самое вредное, безнравственное вліяніе на всѣ сословія, что это такая враждебная сила противъ всѣхъ ея заботъ о нравственности, просвѣщеніи, которой нельзя ослабить никакими постановленіями и законами, совершенно не уничтоживъ ее. Она не видѣла противорѣчія между этою растлѣвающею силою и началами, положенными въ основаніе Наказа. Правда, она старалась нѣсколько смягчить тягостное положеніе крестьянъ нѣкоторыми постановленіями, поручая намѣстникамъ слѣдить, чтобы помѣщичій произволъ не доходилъ до грубаго тиранства надъ людьми; но это помогало очень мало, такъ какъ невозможно было услѣдить за всѣми. Такимъ образомъ столкнулись новые идеа-

лы жизни съ прежними учрежденіями, которыя и обезсиливали ихъ. Масса всѣхъ сословій не могла совершенствоваться и улучшаться нравственно. Зато отдѣльныя личности, усвоивъ себѣ этотъ идеалъ, поняли противъ какого врага они должны были бороться и посмѣлили указать на него, пойдя въ этомъ случаѣ далѣе, чѣмъ хотѣла Екатерина. Но они развивали только ея собственныя начала, не останавливаясь на половинѣ дороги; они стремились дѣйствовать въ ея духѣ—облагороженія человѣка, понимая, что его не можетъ быть тамъ, гдѣ рабскія отношенія между людьми признаются закономъ, что въ этомъ случаѣ не слѣдовало начинать и рѣчи о человѣчествѣ, о счастіи народа. Нѣкоторые писатели того времени старались живыми красками представлять, какія уродливыя явленія производитъ въ русской жизни крѣпостное право и какъ оно уничтожаетъ всѣ благія стремленія правительства. Того же самаго коснулся и Фонвизинъ въ другой комедіи «Недоросль» (1782 г.), занявшей одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ русской литературѣ.

Хотя въ ней и восхваляются всѣ стремленія Екатерины, которымъ Фонвизинъ искренно сочувствовалъ, хотя въ параллель съ фактами, взятыми изъ дѣйствительной жизни, и выставляются учрежденія и постановленія императрицы, направленныя противъ закоренѣлаго зла, но сила крѣпостнаго права изображена въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что производитъ трагическій ужасъ, несмотря на комизмъ многихъ сценъ. Вы чувствуете, что этотъ комизмъ вытекаетъ изъ случайностей, которыя автору приходится придумывать, чтобы удержать дѣйствіе въ комической сферѣ; оно готово каждый мигъ перейти въ сферу трагическую. Вы чувствуете, что въ дѣйствительности такими трагическими сценами чаще всего и сопровождалась жизнь. Здѣсь вся природа человѣка охватывается этимъ гнуснымъ правомъ; оно направляетъ и умъ, и чувства, и страсти человѣка, и наконецъ до того пріучаетъ къ произволу, что никакіе законы не могутъ сдержать его. Оно вноситъ произволъ во всѣ отношенія между людьми даже и не крѣпостными, а по закону равными, если только одни физически слабѣе другихъ. Правительство только силою можетъ удерживать отдѣльныя личности, какъ въ лицѣ Правдина удержало наконецъ Простакову; но не можетъ удержать вреднаго нрав-

ственнаго вліянія самаго крѣпостнаго права. Здѣсь нечего думать о противодѣйствіи посредствомъ хорошаго воспитанія, которое въ такой средѣ только случайно можетъ быть хорошимъ: нечего думать о развитіи законности, объ уваженіи правъ человѣка, о чести, о добродѣтели, все это можетъ развиться опять таки случайно, въ отдѣльныхъ личностяхъ, но никакъ не войти въ общія понятія большинства. Съ другой стороны совершенное непониманіе общихъ интересовъ поглощало всѣ силы человѣка интересами личными и направляло его къ дѣятельности во вредъ другимъ. Такъ какъ заботы объ общихъ интересахъ считались только правомъ высшаго правительства, то понятно, что помѣщикъ, поселившійся въ средѣ своихъ крестьянъ и занявшійся своимъ хозяйствомъ, могъ думать только о себѣ; онъ видѣлъ въ крестьянствѣ лишь одну рабочую силу, которую и стремился направить исключительно въ свою пользу. Въ этомъ случаѣ чѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ сильнѣе и страстнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ большее число жертвъ должно было приноситься его интересамъ.

Вотъ значеніе комедіи Недоросль. Вѣрная дѣйствительности, она раскрывала смыслъ тогдашней жизни, показывая въ живомъ типѣ, какое направленіе должны получать природныя силы человѣка въ данной обстановкѣ, при данныхъ условіяхъ жизни. Вотъ почему она и заслуживаетъ самаго подробнаго изученія.

Пересказать подробно комедію сцену за сценою, излагая содержаніе и интересъ каждой изъ нихъ въ связи съ предыдущими и послѣдующими. Опредѣлить главный интересъ каждаго дѣйствія. Въ чемъ заключается завязка дѣйствія? Что нужно было опредѣлить автору прежде завязки? Въ какія отношенія ставятся лица завязкою? Какая борьба представляется Простаковой? Какія чувства при этомъ въ ней выказываются и въ какія противорѣчія она ставитъ себя? Въ чемъ заключается комизмъ ея положенія? Какое значеніе первыхъ сценъ втораго дѣйствія между Правдинымъ и Милономъ? На какую только борьбу оказывается способнымъ Скотининъ и чѣмъ онъ не похожъ на сестру? Опредѣлить комизмъ положенія Простаковой въ этомъ дѣйствіи. Значеніе разговоровъ между Стародумомъ и Правдинымъ въ третьемъ дѣйствіи. Какія силы скопляются противъ Простаковой? Въ какое положеніе ставитъ ее первая встрѣча съ Стародумомъ? Въ какія противорѣчія безпрестанно впадаетъ она и въ чемъ тутъ выказалась комическая сторона. Комизмъ сцены ученія. Какая связь съ общимъ ходомъ дѣйствій бесѣды Стародума съ Правдинымъ

и Милономъ? Комизмъ сцены экзамена. Какъ дѣйствуютъ на Простакову препятствія въ борьбѣ? Возможно ли было съ ея стороны продолженіе комической борьбы? Значеніе бесѣды Стародума съ Правдинымъ въ общемъ ходѣ дѣйствія. Какія новыя силы вызываетъ противъ себя Простакова? Комизмъ ея положенія. Какой исходъ остается ей для удовлетворенія страсти? Въ чемъ заключается развязка всей борьбы? Всѣ ли наказанія въ дѣлѣ Простаковой неизбѣжно вытекали изъ обстоятельствъ, и потому всѣ ли они имѣютъ значеніе нравственное? Въ чемъ заключается *сущность* содержанія всей комедіи и что составляетъ идеальную сторону.

При этомъ разборѣ имѣется въ виду преимущественно сторона драматическая и комическая; что же касается до опредѣленія характеровъ, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросы, означенные при самой комедіи «Недоросль», изданной для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ *). Тамъ указаны и заимствованія Фонвизина у другихъ писателей, галлицизмы въ языкѣ и связь нѣкоторыхъ мыслей съ Наказомъ.

Направленіе Фонвизина ясно выразилось въ Недорослѣ. Онъ можетъ считаться представителемъ того небольшаго кружка, который образовался подъ вліяніемъ Ломоносова, Сумарокова и Наказа. Имъ руководитъ сознаніе интересовъ общественныхъ; оно направляетъ его мысли къ анализу общественнаго состоянія и условій жизни. Нѣкоторые изъ такихъ лицъ заявили себя уже въ собраніяхъ Коммисіи для составленія новаго уложенія, гдѣ разсуждалось о многихъ общественныхъ вопросахъ, между прочимъ и о крѣпостномъ правѣ. Въ большей части сочиненій Фонвизина видно стремленіе разъяснить условія, при которыхъ можетъ лучше сложиться гражданская жизнь, а съ нею улучшиться и народная нравственность. Это выражается и въ извѣстныхъ его Вопросахъ, напечатанныхъ въ 1783 г. въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова», вопросахъ, которые могли быть написаны *гражданиномъ* по преимуществу. Они касаются гласности судопроизводства, общественной службы, справедливой оцѣнки заслугъ отечеству, общественной нравственности, законодательства, опредѣленія національнаго характера и пр. Екатерина поспѣшила предупредить подробные

*) Недоросль, комедія Фонвизина и Горе отъ ума, ком. Грибоѣдова съ примѣчаніями и вопросами, для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ. Редакція Стоюнина 1879 г.

отвѣты съ чьей либо стороны, и коротко сама отвѣчала на каждый вопросъ въ томъ же журналѣ. Въ ея словахъ видна съ одной стороны крайняя уклончивость отъ прямаго отвѣта, съ другой неудовольствіе на автора, который вызывалъ на анализъ всего строя русской общественной жизни. Это, можетъ быть, было причиною, что ему въ 1788 г. не было дозволено изданіе сатирическаго журнала, для котораго онъ уже приготовилъ нѣсколько острыхъ статеекъ, осмѣивая нелѣпое воспитаніе, лихоимство, безнравственную службу. И писалъ онъ ихъ уже больной въ параличѣ, который поразилъ его въ 1785 году, лишивъ употребленія лѣвой руки и ноги. Болѣзнь заставила его для лѣченья отправиться за границу. Это путешествіе по Европѣ было третье. Впослѣдствіи уже послѣ его смерти были напечатаны нѣкоторыя изъ его заграничныхъ писемъ къ его роднымъ и къ графу Петру Ивановичу Панину, братъ котораго министръ Никита Ивановичъ былъ его начальникомъ въ иностранной коллегіи. Болѣе интересныя изъ нихъ—письма изъ Франціи отъ перваго путешествія, 1777 года. Въ нихъ ярко выказываются остроуміе и склонность къ каррикатурѣ, видныя особенности таланта Фонвизина. Ему прежде всего бросались въ глаза слабыя или смѣшныя стороны жизни, которыя онъ и спѣшилъ выставить на видъ. Эта способность доводила его до односторонняго взгляда на явленія чужой жизни, которую ему некогда было анализировать, чтобы видѣть въ ней наравнѣ хорошія и дурныя стороны. Много хорошаго отъ него ускользало, а разныя мелочи возбуждали его остроуміе и представлялись въ каррикатурѣ. Съ другой стороны по этимъ же письмамъ мы можемъ судить, какъ медленно все еще вырабатывался идеалъ русскаго человѣка даже у лучшихъ и мыслящихъ людей того времени. Крайнее увлеченіе французскою жизнію, какъ недостатокъ эпохи, вызывалъ въ нихъ противодѣйствіе и осужденіе. Но осуждая, они сами впадали въ крайность, не отдѣляя общечеловѣческаго отъ національнаго. Они порицали обычаи чужой страны, и относились какъ къ чему-то идеальному, къ обычаямъ и привычкамъ своей собственной жизни. Такъ Фонвизинъ осуждаетъ французскихъ слугъ, которые сидятъ, когда проходятъ господа, или небогатыхъ французскихъ дворянъ, которые ходятъ безъ лакеевъ, или экономію хозяекъ въ дровахъ, которыя во Фран-

ціи очень дороги. Все это и подобное приводитъ Фонвизина къ выводу, что въ Москвѣ жить лучше. «Клянусь тебѣ, по чести моей, пишетъ онъ къ сестрѣ, что какъ ты живешь своимъ домкомъ, т. е. какъ ты пьешь и ѣшь, такъ здѣсь живутъ первые люди, а твоего достатка люди рады-бъ къ тебѣ въ слуги пойти».

Путешествіе Фонвизина не возвратило ему здоровья. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ разбитый параличомъ въ томъ настроеніи духа, которое высказалось въ его Чистосердечномъ признаніи, и умеръ 48 лѣтъ отъ роду.

Сочиненія, письма и избранные переводы Фонвизина. Изданіе 1866 г. «Фонвизинъ» кн. Вяземскаго 1848 г.

Державинъ (1743—1816).

Время его славы.—Вліяніе воспитанія.—Первыя произведенія.—Фелица.—Поэзія и служба.—Ода Богъ.—Попытки въ другихъ видахъ поэзіи.

Сорокъ лѣтъ было Державину, когда онъ сдѣлался извѣстенъ своимъ поэтическимъ талантомъ, благодаря «Фелицѣ», на которую обратили вниманіе и императрица Екатерина II и всѣ любители литературы. Фелица была напечатана безъ согласія автора въ 1783 г. на первыхъ страницахъ новаго журнала «Собесѣдникъ любителей русскаго слова», который сталъ издаваться отъ имени только что основанной Россійской академіи, подъ редакціей ея президента, княгини Дашковой. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого Державинъ, уже знаменитый, превознесенный поэтъ, подражая Горацію, въ стихотвореніи Памятникъ, написалъ свою собственную характеристику, какъ поэта и за тѣмъ проводивъ въ гробъ Екатерину, не прибавилъ ничего къ своей славѣ хотя и писалъ значительно больше прежняго; талантъ его вмѣстѣ съ нимъ старѣлъ, слабѣлъ и былъ славенъ только прошедшимъ. Хотя онъ умеръ въ 1816 году, но литературная дѣятельность его имѣетъ значеніе только при Екатеринѣ, въ теченіе послѣднихъ тринадцати лѣтъ ея царствованія. Онъ самъ называлъ себя, его называли и другіе *пѣвцомъ Екатерины* за то, что въ своихъ одахъ

онъ прославлялъ ее, побѣды ея полководцевъ и весь внѣшній блескъ ея царствованія. Въ самомъ дѣлѣ въ его сочиненіяхъ отразился вѣкъ Екатерины II многими своими сторонами, но только отразился, а не представленъ художественно, какъ можно было бы ожидать отъ поэта съ большимъ талантомъ. Съ другой стороны въ нихъ отразились и обстоятельства его жизни, не всегда благопріятныя для развитія поэтическаго таланта. Потомокъ татарскаго мурзы Багрима, пылкій по натурѣ, съ горячимъ воображеніемъ, онъ провелъ дѣтство и юность въ бѣдности на своей родинѣ, въ Казанской губерніи, видя, какъ сосѣди и судьи тѣснятъ мать его, безпомощную вдову, несправедливо отнимая у нея послѣднее. Горе матери въ сердцѣ его перешло въ ненависть къ неправдѣ, что впослѣдствіи имѣло значеніе въ его жизни. Въ то время, мѣста, удаленныя отъ центровъ просвѣщенія, Москвы и Петербурга были крайне скудны образовательными средствами и Державинъ не имѣлъ возможности получить правильнаго научнаго образованія, хотя и учился въ казанской гимназіи, куда мать поспѣшила отдать его при самомъ ея основаніи въ 1759 году. При недостаткѣ учителей и учебныхъ пособій, ученье не познакомило его съ наукой, слѣд. не дало и основаній для выработки правильныхъ убѣжденій впослѣдствіи, чтобы оцѣнять смыслъ и явленія жизни. Недостатокъ книгъ не могъ пристрастить будущаго поэта и къ чтенію, которое бы могло сколько нибудь образовать его и направить его мысль. Онъ только выучился нѣсколько по-нѣмецки, да успѣлъ показать въ себѣ артистическія наклонности пристрастіемъ къ живописи, музыкѣ и стихотворству. Пробывъ въ гимназіи всего три года, онъ девятнадцати-лѣтнимъ юношею переселяется въ Петербургъ на службу, и въ теченіе десяти лѣтъ служитъ солдатомъ въ преображенскомъ полку. Понятно, что и здѣсь въ казарменной жизни нашлось слишкомъ мало образовательныхъ средствъ для поэтическаго таланта. Впрочемъ, иногда по ночамъ онъ изучаетъ правила для сочиненій по Тредьяковскому, и прельщаясь одами Ломоносова, подражаетъ ему, но недовольный своими трудами, рветъ и жжетъ ихъ. Въ это время по слѣдамъ Ломоносова шли уже многіе стихотворцы, подражая его внѣшнимъ пріемамъ, заботясь о высокомъ пареніи, о громкихъ фразахъ, но безъ ломоносовской силы духа, безъ

ломоносовскихъ стремленій. Каждый изъ нихъ выбиралъ себѣ мецената и пользуясь его покровительствомъ, восхвалялъ его напыщенными стихами. Державинъ хотѣлъ возвыситься надъ ними, но ему пока не удавались ни собственныя произведенія, ни переводы, которые онъ дѣлалъ съ нѣмецкаго языка, ни стихи, ни проза. Во время пугачевскаго бунта онъ участвовалъ уже въ качествѣ гвардейскаго офицера въ его усмиреніи; но не награжденный на ряду съ другими, онъ выпросилъ себѣ награду и затѣмъ долженъ былъ перемѣнить военную службу на статскую, поступивъ въ сенатъ. Съ этого времени стали появляться въ печати его произведенія безъ имени автора. Изъ нихъ двѣ оды, напечатанныя въ 1779 году въ журналѣ «С.-Петербургскій Вѣстникъ», На смерть князя Мещерскаго и На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока обнаруживаютъ въ авторѣ талантъ, который развивался подъ вліяніемъ образцовъ и классической теоріи того времени. Здѣсь сохранилась та же любовь къ олицетвореніямъ, къ гиперболическимъ изображеніямъ, къ величественнымъ картинамъ. Здѣсь же видно и вліяніе жизни екатерининской эпохи. Богатые люди, пользуясь безъ всякихъ усилій и заботъ обильными доходами отъ крѣпостнаго труда и отъ службы, развивали въ себѣ эпикурейскій взглядъ на жизнь: веселье, удовольствіе, наслажденія—вотъ цѣль жизни. Отсюда безпрестанные пиры, роскошные обѣды, забавы составляютъ, между прочимъ, внѣшній блескъ царствованія Екатерины, который поражалъ каждаго посторонняго зрителя. Мысль, что все это суета въ жизни, приходила только на мигъ, когда посреди вѣчно-пирующихъ являлась роковая смерть и похищала кого либо. Ужасъ поражалъ всѣхъ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе думали о смерти. Мнимые скептики, прикидывающіеся по модѣ невѣрующими, терялись еще болѣе; въ безсиліи разрѣшить себѣ вопросъ— гдѣ же тотъ, который еще недавно былъ веселымъ собесѣдникомъ въ ихъ шумныхъ оргіяхъ, они обращались къ какой либо ходячей морали и спѣшили успокоиться, чтобы черезъ нѣсколько времени все забыть и снова поддаться тѣмъ же оргіямъ. Всѣ эти рѣзкіе факты жизни и ихъ противорѣчія Державинъ умѣлъ выставлять въ яркихъ картинахъ, въ чемъ особенно и выразился талантъ его. Всѣ внѣшнія явленія, поражающія воображеніе своею силою или громадностью, или блескомъ,

находятъ себѣ искуснаго живописца въ Державинѣ, какъ напр. страшное дѣйствіе смерти, суровость зимы, роскошь пировъ, сила и блескъ водопада. Съ ними онъ соединяетъ и мораль, которая въ то время повторялась во всѣхъ нравственныхъ книгахъ: основаніемъ поступковъ человѣка должна быть *правда*; она ведетъ къ добродѣтели; только добродѣтельный человѣкъ можетъ назваться истиннымъ *человѣкомъ*; только его дѣла могутъ быть полезны обществу и остаться въ памяти потомства. Свидѣтель дѣйствія неправды еще въ дѣтскомъ возрастѣ, Державинъ тѣмъ болѣе долженъ былъ привязаться къ этой морали: онъ сталъ считать себя служителемъ правды. Впослѣдствіи опредѣляя поэзію *), онъ замѣчаетъ.

«Поэзія есть языкъ боговъ, голосъ истины; лирикъ— герольдъ неба, органъ истины; величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда пребываетъ и пребудетъ во вѣки; по сему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ при сладости жизни, правила любомудрія».

При такомъ стремленіи Державина къ извѣстной морали, у него все же не выработалось яснаго живаго идеала правдиваго и добродѣтельнаго человѣка; мораль у него вездѣ является или въ аллегоріи, или въ отвлеченномъ примѣненіи къ жизни; идеальные же люди выводятся изъ обыкновенной человѣческой сферы въ высшую, героическую или божескую по старой теоріи. Это всего виднѣе въ Фелицѣ, которая такъ прославила его. Идеальная сторона ея самая слабая, хотя вся цѣль поэта заключалась въ идеальномъ изображеніи Екатерины, личностью которой онъ дѣйствительно былъ въ то время очарованъ.

Поводомъ къ этой одѣ была сказка, написанная Екатериною для ея внуковъ Александра и Константина Павловичей. Императрица принималась за перо не только для сочиненія Наказа или разныхъ инструкцій по государственному управленію, она

---

*) Разсужденіе о лирической поэзіи.

нерѣдко писала сочиненія чисто литературныя съ цѣлью нравственно дѣйствовать на общество или направлять литературу. Такъ въ 1769 году подъ ея надзоромъ издавался первый русскій сатирическій журналъ «Всякая всячина», который вызвалъ много другихъ подобныхъ же журналовъ. Въ семидесятыхъ годахъ она написала нѣсколько комедій (отрывки въ христ. Гал.), направленныхъ противъ ханжества, суевѣрій, дурнаго воспитанія, безпорядковъ семейной жизни. Она же писала русскую исторію, печатая ее въ журналѣ «Собесѣдникъ»; тамъ же появлялись ея мелкія сатирическія статейки подъ общимъ именемъ Былей и небылицъ (Истор. христ. Гал.). Заботясь о воспитаніи своихъ внуковъ, и составляя самыя подробныя инструкціи ихъ воспитателямъ (Истор. хр. Гал. инструкція кн. Салтыкову), она въ то же время за недостаткомъ дѣтскихъ книгъ въ нашей литературѣ сама писала дѣтскія сказки съ цѣлью нравственнаго развитія. Въ 1782 году написана ею сказка о царевичѣ Хлорѣ, гдѣ представлено, какъ русскій царевичъ Хлоръ, по требованію киргизскаго хана, отыскивалъ розу безъ шиповъ, и какъ нашелъ ее на высокой горѣ съ помощью киргизской царевны Фелицы (Истор. хр. Гал.), которая дала ему въ спутники своего сына «Разсудокъ». Этотъ разсказъ аллегорически развивалъ слѣдующую мысль: цѣль жизни человѣка—добродѣтель (роза безъ шиповъ); ея достигаетъ человѣкъ съ помощью разсудка по указанію мудрости, правды и честности (Фелица). Воспользовавшись этою сказкою, Державинъ задумалъ представить въ образѣ Фелицы самое Екатерину среди заботъ объ общемъ благѣ. При этомъ необходимо замѣтить, что корыстныхъ разсчетовъ у него никакихъ не было, такъ какъ онъ не былъ намѣренъ печатать это произведеніе и даже испугался, когда узналъ, что оно уже напечатано безъ его вѣдома: въ то время съ литературной собственностью не очень церемонились. Причина страха заключалась въ той сатирѣ, какую онъ вводилъ въ оду, представляя недостатки приближенныхъ Екатерины, въ томъ числѣ Потемкина, Орлова и своего начальника, князя Вяземскаго. Такое небывалое соединеніе оды съ сатирою и составило новизну, которая обратила на Державина вниманіе всего литературнаго кружка. Громкія хвалебныя оды уже надоѣдали всѣмъ; здѣсь же поэтъ сталъ возвѣщать *правду въ шуткахъ, въ забавномъ*

русском слоге, возглашал *о добродетелях Фелицы*— качества, которыя сам Державин впоследствіи выставлял для характеристики своей поэзіи (Памятник). Страх его был напрасен. Екатерина взяла Державина под свое покровительство, и с этих пор он не только вступил в разряд лучших русских писателей, но и служебная карьера его была упрочена.

В то время одного литературнаго поприща было недостаточно для русскаго человѣка: литература еще не считалась настоящим дѣлом; литературныя занятія считались только досугом послѣ трудов; так смотрѣли на литературу даже лучшіе писатели, напр. Фонвизин (Челобитная россійской Минервѣ). Главным трудом для дворянина (почти всѣ писатели были из дворян) считалась государственная служба; главная честь человѣка полагалась в чинѣ; отсюда общее стремленіе к пріобрѣтенію чинов, к видной служебной карьерѣ. Большинство хотѣло основать на этом свое личное благосостояніе, и только немногіе имѣли в виду дѣйствовать для общей пользы в духѣ Наказа Екатерины.

Таким образом и императрица, чтобы достойно наградить поэта, должна была награждать его как чиновника, перенеся свои милости в чиновничью сферу его жизни; она должна была *вывести его в люди*, а под этим выраженіем разумѣли видный чин и видное мѣсто. Державин сдѣлался губернатором, сперва Олонецким, потом Тамбовским, затѣм скоро статс-секретарем и мало по малу уже при Александрѣ I дошел до мѣста министра юстиціи. Но при всем том он не понял смысла награды: его выводили в люди в поощреніе его поэтическаго таланта, с тѣм, чтобы он писал болѣе произведеній в родѣ Фелицы; он же по своей добросовѣстности и согласно с своею моралью о правдѣ, напрягал всѣ силы, чтобы быть образцовым чиновником и блюстителем правды в той сферѣ, гдѣ она должна бы господствовать. Это смѣшеніе двух разных сфер поставило чиновника-поэта в ложное положеніе, которое принесло ему много страданій и из котораго он никак не мог выбиться.

Заботясь о правдѣ, на службѣ он безпрестанно сталкивался с низшими и высшими лицами, не позволяя им отступать

отъ правды; при своей горячности не умѣя себя сдерживать, онъ не могъ руководствоваться хладнокровнымъ благоразуміемъ и осторожностію, что необходимо въ борьбѣ съ испорченной сильной массою. Онъ вредилъ и себѣ и правдѣ, и вмѣсто того, чтобы прослыть за образцоваго чиновника, прослылъ за безпокойнаго человѣка. Правда и добродѣтель у него существовали въ отвлеченныхъ идеяхъ, какъ принятая на вѣру мораль, но по ограниченности его образованія ему не доставало подробнаго анализа этихъ силъ нравственности, чтобы видѣть, какъ ихъ можно ввести въ извѣстную обстановку и какъ удачно примѣнять къ дѣйствительности. Здѣсь онъ оказался крайне непрактическимъ человѣкомъ, и не рѣдко за правду принималъ то, что въ самомъ дѣлѣ не было строгою правдою и что только другіе выдавали за правду: такъ легко было дѣйствовать на его воображѐніе, воспламенять его и запутывать его понятія. При всемъ томъ въ этой сферѣ онъ дѣйствовалъ честно, безъ корыстныхъ расчетовъ, хотя своею горячностію и доведенъ былъ до суда, который скоро утомилъ его, но не скоро оправдалъ. Оригинально наивное признаніе Державина въ собственныхъ его запискахъ, составляющихъ какъ бы лѣтопись его жизни: заботясь о своей служебной карьерѣ, онъ прибѣгалъ за помощью къ своему литературному таланту и составлялъ оды съ единственнымъ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе властей. Онъ не замѣчалъ, въ какое противорѣчіе этимъ онъ ставилъ себя; не замѣчалъ, какъ здѣсь страдаетъ правда, о которой онъ такъ много заботился, и все потому, что литература не считалась дѣломъ. Не нужно говорить, что талантъ отказывался отъ созданія подобныхъ одъ; всѣ онѣ выходили холодны, напыщены, обставленныя всѣми требованіями риторики, но безъ всякаго поэтическаго творчества. Не удовлетворилъ Державинъ ожиданіямъ Екатерины: поэтъ скрылся въ чиновникѣ, тогда какъ она хотѣла слышать только поэта. Она приблизила его къ себѣ, источнику его вдохновенія, по его собственному признанію; сдѣлала его своимъ статсъ-секретаремъ; но тутъ-то вдохновеніе его совсѣмъ пропало. Многое уже стало ему представляться совсѣмъ не въ томъ поэтическомъ видѣ, въ какомъ представлялось прежде издали. Въ этомъ онъ признается самъ въ своихъ запискахъ. Вмѣсто поэтическихъ произведеній, которыхъ отъ него ожидали, онъ

приносилъ Екатеринѣ кипы дѣловыхъ бумагъ, съ горячностью отыскивая передъ ея лицомъ правду, и утомляя ея вниманіе длинныхъ чтеніемъ тяжебныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ онъ ставилъ себя въ безпрестанныя противорѣчія и съ окружающими обстоятельствами, и съ лицами, и съ своими собственными нравственными стремленіями и даже съ своимъ талантомъ, что производило совершенно безплодную борьбу, которая только обезсиливала его и даже разрушала идеалъ, созданный имъ отвлеченно, но не перешедшій въ художественный образъ. Не много вышло изъ подъ его пера произведеній дѣйствительно поэтическихъ. Его воображеніе, воспитанное подъ впечатлѣніемъ героическихъ образовъ классической поэзіи и громкихъ блестящихъ событій царствованія Екатерины, способно было все представлять только въ громадномъ видѣ и возводило въ герои каждаго, кого нужно было похвалить. Въ этомъ случаѣ Державинъ не подражалъ Ломоносову; тотъ соединялъ свой идеалъ только съ царственными лицами, отъ которыхъ зависѣла судьба всего народа; его нельзя было упрекнуть въ намѣренной лести. У Державина попадали въ герои и такія лица, къ которымъ онъ или прежде, или потомъ относился сатирически. Отсюда главное мѣсто у него занимаютъ оды хвалебныя, въ которыхъ и представленъ внѣшній блескъ и слава царствованія Екатерины. Съ другой стороны стремленіе къ нравственнымъ разсужденіямъ произвели оды *философскія*, въ которыхъ выразилось направленіе вѣка Екатерины къ извѣстной морали. Сюда между прочимъ, относится и ода «На смерть князя Мещерскаго». Впрочемъ, у него очень часто оды философскія соединяются съ хвалебными, какъ напр. *Водопадъ* (Ист. хр. Гал.); иногда же къ нимъ присоединяется и сатира, какъ напр. Фелица, Вельможа (Ист. хр. Гал.).

Религіозное настроеніе Державина выражалось въ одахъ духовныхъ, между которыми первое мѣсто всегда давали одѣ Богъ. При оцѣнкѣ литературныхъ произведеній того времени руководствовались не столько чувствомъ эстетическимъ, которое въ обществѣ было еще слишкомъ мало развито, сколько патріотическимъ и религіознымъ. Если произведеніе затрогивало эти чувства и удовлетворяло ихъ, то его превозносили, принимая за поэзію одни стихи, а не поэтическіе образы. Это

объясняетъ, почему въ числѣ произведеній, которыми восхищался тотъ вѣкъ, мы встрѣчаемъ и такія, въ которыхъ позднѣйшая критика не нашла никакой поэзіи. Между ними ту же участь потерпѣли и нѣкоторыя произведенія Державина. Въ моральномъ отношеніи они впрочемъ приносили большую пользу своему времени, передавая въ легкой стихотворной формѣ тѣ нравственныя понятія о человѣкѣ, какія еще мало были вкоренены въ массѣ и которыя все же вытекали изъ новыхъ началъ жизни. Если поэзія Державина не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ нашего времени, то все же она была замѣтною цивилизующею силою того времени.

Самъ Державинъ мало-по-малу убѣдился, что вся сила его у Екатерины не въ службѣ, а въ стихахъ и подъ конецъ ея жизни усилилъ свою литературную дѣятельность, настойчиво называя себя пѣвцомъ Екатерины, эхомъ ея славнаго царствованія. Чтобы вознаградить время, пропавшее для поэзіи въ чиновничей борьбѣ, онъ пробуетъ свои силы въ разныхъ видахъ поэзіи, поддается вліянію Горація, Анакреона, Оссіана, то развивая мораль жизни, то изображая эпикурейское къ ней пристрастіе; но пробовать свои силы, приближаясь къ шестидесяти годамъ, было уже поздно. Вмѣсто того, чтобы ограничиться тою одою-сатирою, въ которой его талантъ оказался дѣйствительно сильнымъ, какъ напр. въ Вельможѣ, и въ которой онъ самъ и другіе признали его оригинальность, онъ хотѣлъ расширить свою дѣятельность для большей славы и ни въ чемъ больше не успѣлъ. Внѣшній блескъ двора Екатерины смѣнился суровой простотой двора Павла, а затѣмъ наступаютъ преобразовательныя стремленія Александра I. Но здѣсь уже не оказывалось удобныхъ матерьяловъ для поэзіи Державина. Она не привыкла и не умѣла анализировать жизнь, понимать внутренній смыслъ ея, она могла представлять только то, что бросалось въ глаза своею громадностью или блескомъ. Императоръ Александръ, зная Державина по его привязанности къ правдѣ, какъ на службѣ, такъ и въ стихахъ, хотѣлъ сдѣлать его участникомъ своихъ преобразованій, ввести его въ кругъ своихъ молодыхъ помощниковъ въ званіи министра юстиціи; но и здѣсь онъ оказался устарѣвшимъ для новаго дѣла. Съ малымъ образованіемъ не могъ понять смысла новаго времени шестидесятилѣтній старикъ; его лучшее

время было въ пренебреженіи, за него онъ и стоялъ. Черезъ годъ императоръ уволилъ его отъ должности. Такимъ образомъ кончилась и служебная дѣятельность Державина.

Съ направленіемъ и со всѣми особенностями стихотвореній Державина можно основательно познакомиться только посредствомъ подробнаго разбора ихъ. Здѣсь для изученія предлагаются оды Державина: *На смерть князя Мещерскаго*, *На рожденіе порфиророднаго отрока*, *Фелица* и *Богъ*.

I. Державинъ получилъ вѣсть о смерти своего друга Мещерскаго въ тотъ моментъ, когда на церковной башнѣ пробили часы (металла звонъ), которые онъ и назвалъ *глаголомъ временъ*. Князь Мещерскій былъ въ значительномъ чинѣ и отличался роскошною жизнію. Перфильевъ, генералъ-маіоръ, къ которому адресована эта ода, былъ другъ Мещерскаго и Державина. Разсмотрѣть подробности содержанія этой оды. Какую связь боя часовъ со смертью видитъ поэтъ? Въ какомъ образѣ онъ представляетъ смерть и соотвѣтствуетъ ли этотъ образъ идеѣ смерти? Какое отношеніе смерти ко всему существующему? Съ чѣмъ сравнивается жизнь человѣка? Какъ человѣкъ относится къ смерти и какое впечатлѣніе она производитъ на него? Какую противуположность видитъ авторъ въ жизни и смерти Мещерскаго и какую картину развиваетъ онъ изъ этой противуположности? Какія противуположности находитъ онъ въ самомъ человѣкѣ? Какъ авторъ смотритъ на свою собственную жизнь? Какія приманки юности и зрѣлаго возраста представляются ему? Какой выводъ о счастіи дѣлаетъ онъ? Какая мысль можетъ смягчить чувство ужаса отъ смерти? На какія части дѣлится вся ода и какая связь между частями? Какъ выразилась главная мысль оды? Согласно ли съ главною мыслію гиперболическое изображеніе смерти? Отмѣтить особенности языка и слога: метафоры, олицетворенія, противуположности, сравненія, эпитеты, повторенія.

II. Ода на рожденіе порфиророднаго отрока написана по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. Онъ родился 12 декабря. слѣд. въ зимнее солнцестояніе или, какъ было выражено при одѣ, «когда солнце начинаетъ возвратъ свой отъ зимы на лѣто». Передъ этимъ въ Петербургѣ были суровые морозы, а въ день рожденія великаго князя наступила оттепель. Этою противуположностью воспользовался Державинъ и, желая представить рожденіе необыкновеннаго младенца, сдѣлалъ натяжку, приписавъ перемѣну въ природѣ дѣйствію рожденія. Все это внесло ложь въ представленіе, что несогласно со вкусомъ нашего времени и съ нашими понятіями объ истинной поэзіи; но въ то время нравились такія эффектныя представленія, не смотря на всю ихъ неестественность.

Въ какомъ образѣ поэтъ представляетъ зиму, гдѣ заимствовалъ этотъ образъ и какъ долженъ былъ переработать его для соотвѣтствія съ рус-

своею зимою? На какія части можно раздѣлить описаніе зимы? Къ чему приведены нимфы и сатиры? Какой переходъ дѣлается къ рожденію младенца и какія представляются слѣдствія его? Въ какую высшую сферу вводится младенецъ? Идеальныя черты его, какъ царя и черта, которая должна сдѣлать его человѣкомъ. Въ какомъ видѣ представлена Россія и какъ она отнеслась къ младенцу? Чѣмъ заключается ода? На какія части можно раздѣлить ее, и какую мысль развиваетъ она? Какіе пріемы въ описаніяхъ употребляетъ авторъ?

III. Какими эпитетами сопровождается имя Фелицы и съ какою цѣлью? Какого совѣта авторъ проситъ у Фелицы и какое соединеніе противуположностей находитъ въ ней самой? Какія противуположности находитъ онъ въ самомъ себѣ, равно какъ между собою и Фелицею? Въ какую обстановку ставитъ онъ Фелицу? Изъ какихъ чертъ у него слагается идеальная личность Фелицы? Всѣ-ли черты дѣйствительно могутъ быть принадлежностью идеала и возвышаютъ нравственную сторону жизни? Какими чертами поэтъ изображаетъ свою личность (прим. въ Ист. хр. Гал.). Соотвѣтствуетъ ли этому изображенію слово *развратенъ* и есть ли дѣйствительная противуположность между идеаломъ поэта и сатирическимъ его образомъ? Чѣмъ Фелица отличается отъ своихъ приближенныхъ и какою обстановкою жизни авторъ хочетъ оправдать заблужденія слабыхъ смертныхъ? Дѣйствительно-ли они оправдываются? Какими качествами поэтъ вводитъ Фелицу въ высшую нечеловѣческую сферу? Кстати ли приведено сравненіе Фелицы съ кормщикомъ? Какія новыя качества Фелицы представляются для изображенія идеала человѣка, связаннаго съ европейскимъ просвѣщеніемъ? Какъ отсюда развивается идеалъ монарха по отношенію его къ народу? Какой взглядъ на поэзію и литературу здѣсь высказывается? Какіе видятся намеки на факты изъ жизни императрицы Екатерины, и какіе новые эпитеты придумываетъ авторъ для возведенія Фелицы въ высшую сферу? Какіе дѣлаются намеки на факты прежняго времени (прим. въ Ист. хр. Гал.), и чѣмъ отличается новое время? Какія условія, по взгляду автора, нужны для счастливой жизни народа? Какой переходъ поэтъ дѣлаетъ къ самому себѣ и въ какомъ образѣ представляетъ себя? Откуда вытекаютъ похвалы его? Значеніе молитвы къ пророку (Магомеду). Можно ли назвать удачнымъ послѣднее сравненіе.

Какіе общіе выводы можно сдѣлать изъ разбора? Если принять, что главные предметы произведенія—народъ, его правительница и вельможи, то въ какую связь авторъ хочетъ привести ихъ; какую цѣль жизни даетъ царямъ и вельможамъ, въ чемъ полагаетъ ихъ славу, которая возводитъ человѣка въ высшую сферу; въ чемъ заключается современный героизмъ по его взгляду; изъ какого взгляда на дѣйствительность вытекаетъ его сатира и какая связь ея съ идеальной и исторической стороной произведенія?

IV. Разсмотрѣть содержаніе каждой строфы оды Богъ и отмѣтить тѣ выраженія, которыя могутъ назваться живописными. Сливаются ли всѣ

описанія автора въ одинъ живой образъ божества? Въ какомъ отношеніи къ божеству представляется человѣкъ? Чѣмъ поэтъ возвышаетъ человѣка изъ ничтожества и соединеніе какихъ противуположностей находитъ въ немъ? Чѣмъ доказывается сознаніе въ человѣкѣ бытія Божія? Какое мѣсто человѣкъ долженъ занимать въ срединѣ естества, т. е. между всѣми твореніями? Какой логическій выводъ дѣлается изъ двухъ сторонъ человѣческаго существа—физической и духовной? Чѣмъ оправдывается смертность человѣка? Силы воображенія человѣческаго по отношенію къ божеству и какія средства есть у человѣка почтить Творца? Въ какихъ главныхъ частяхъ раскрывается содержаніе всей оды? Обратить вниманіе на выборъ выраженій: формы и выраженія изъ церковнославянскаго языка, выраженія отвлеченныя въ библейскомъ духѣ, богословскіе эпитеты, однозначущія слова; противуположныя по значенію слова въ одномъ общемъ соединеніи.

Карамзинъ (1766—1826 г.)

Воспитаніе. — Самообразованіе. — Дѣятельность Новикова.—Массоны.—Дружеское ученое общество.—Отношеніе къ нему Карамзина.—Его путешествіе. — Письма русскаго путешественника.—Московскій журналъ.—Направленіе идеи и слогъ Карамзина. — Отношеніе къ наукѣ.—Вѣстникъ Европы.—Историческіе труды.—Историческій слогъ.—Споры объ языкѣ.

Жизнь Карамзина не богата внѣшними разнообразными событіями; ея содержаніе заключается въ самообразованіи, въ умственной дѣятельности, въ чувствахъ—въ любви къ людямъ, къ отечеству, къ просвѣщенію, въ радостяхъ и печаляхъ о нихъ, въ думахъ о лучшей ихъ судьбѣ. Не много фактовъ можно сказать изъ его дѣтства и первой юности.

Послѣ рожденія онъ скоро лишился матери и провелъ дѣтскіе годы въ отцовской деревнѣ близъ Симбирска. Здѣсь, разумѣется, природа и сказки имѣли вліяніе на первоначальное развитіе впечатлительнаго и отчасти сосредоточеннаго мальчика; а черезъ нѣсколько времени къ образовательнымъ средствамъ присоединилось и чтеніе: тогда уже не рѣдкостью было встрѣтить въ помѣщичьей библіотекѣ вмѣсто старыхъ рукописей новыя книги, даже и въ отдаленной провинціи—это были большею частью переводные романы, исторіи—труды скромныхъ, теперь забытыхъ тружениковъ, Тредьяковскаго и его современниковъ. «Изъ такого чтенія,—по замѣчанію Ка-

рамзина,—въ нѣжной душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми начерталось слѣдствіе: и такъ любезность и добродѣтель одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ добродѣтельный всегда торжествуетъ, а злодѣй гибнетъ!.. торжество порока есть обманъ и призракъ»! Мы не знаемъ, какія обстоятельства особенно вызвали въ немъ меланхолическое настроеніе и чувствительность—качества, которыя впослѣдствіи высказались въ его сочиненіяхъ; но они проявлялись въ немъ еще въ дѣтствѣ. Въ юношескій возрастъ они пристрастили его къ чувствительнымъ сочиненіямъ Жанъ-Жакъ-Руссо и подъ ихъ вліяніемъ развились еще болѣе.

На четырнадцатомъ году Карамзина привезли въ Москву и отдали въ пансіонъ университетскаго профессора Шадена, у котораго учился логикѣ еще Фонвизинъ, отозвавшись о немъ впослѣдствіи (Чистосер. призн.) съ отличной стороны. Немногому могъ Карамзинъ научиться въ деревнѣ; за то подъ руководствомъ опытнаго педагога способности его стали быстро развиваться, и онъ легко пріобрѣталъ научныя познанія, особенно когда научился французскому и нѣмецкому языкамъ. Чтеніе хорошихъ книгъ, по выбору Шадена, и здѣсь служило для него важнымъ образовательнымъ средствомъ, такъ что на четвертый годъ своего ученія онъ уже могъ посѣщать нѣкоторыя университетскія лекціи. Но студентомъ университета онъ не былъ. Еще въ малолѣтствѣ онъ былъ записанъ въ преображенскій полкъ и восемнадцатилѣтнимъ юношей является на дѣйствительную службу. Но чувствительному, меланхолическому юношѣ, всею душою преданному чтенію и поэзіи, не могла быть по нраву военная служба съ своимъ ученьемъ, караулами, парадами. Здѣсь подружился онъ съ своимъ родственникомъ, Дмитріевымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ стихотворцемъ, который былъ нѣсколькими годами старше его, служилъ въ томъ же полку и уже начиналъ свое литературное поприще; Карамзинъ, подражая ему, также сталъ заниматься переводами и отдавать ихъ для печати книгопродавцамъ, получая вознагражденіе за трудъ книгами. Но такая жизнь продолжалась всего одинъ годъ. Узнавъ о смерти отца, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку и уѣхалъ на родину. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ праздной и разсѣянной жизни, онъ возвратился въ Москву и здѣсь сблизился съ извѣстнымъ обще-

ственнымъ дѣятелемъ того времени, Новиковымъ, который и имѣлъ сильное вліяніе на направленіе его способностей.

Новиковъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII столѣтія. Въ 1767 году въ Москву были отправлены молодые наиболѣе грамотные гвардейцы для письмоводства въ извѣстной коммисіи депутатовъ; въ числѣ ихъ былъ и двадцатитрехлѣтній Новиковъ, бывшій, но не кончившій курса, студентъ московскаго университета и не знавшій ни одного иностраннаго языка. Какъ дѣятельный членъ коммисіи, онъ долженъ былъ хорошо и въ подробностяхъ познакомиться съ *Наказомъ*, который своими человѣколюбивыми стремленіями вызывалъ къ полезной дѣятельности лучшихъ русскихъ людей того времени. Новиковъ, проникшись тѣми же стремленіями, рѣшился нравственно дѣйствовать на общество, вышелъ въ отставку и въ 1769 году принялся за изданіе сатирическаго журнала *Трутень*. Въ то время думали, что сатира—одно изъ сильныхъ средствъ для исправленія нравовъ общества. Сатирическій журналъ «Всякая всячина» подъ тайной редакціей самой императрицы вызвалъ нѣсколько подобныхъ же журналовъ, но Трутень особенно выдается между ними ѣдкостью сатиры, умѣньемъ мѣтко касаться самыхъ больныхъ мѣстъ общественнаго организма—крѣпостнаго права, помѣщичьяго злоупотребленія, жалкаго состоянія низшаго класса, произвола властей; средство «для защиты человѣчества» онъ находитъ только въ одномъ просвѣщеніи. Такая сатира не понравилась и показалась опасною многимъ сильнымъ и на слѣдующій годъ Новиковъ долженъ былъ прекратить свое изданіе. Но предпріимчивый духъ не оставилъ его безъ дѣла. Ему пришла мысль привести въ ясность литературный запасъ Русской земли; и онъ занялся собраніемъ извѣстій о писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ прежняго и настоящаго времени, плодомъ чего и былъ его—*Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*, напечатанный въ 1772 году. Конечно сюда вошла только небольшая часть того, что хранилось въ разныхъ монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ, давно забытое и никѣмъ не читаемое. Но важно уже то, что были обнаружены тѣ образовательныя средства, которыя были въ рукахъ русскихъ людей того времени и которыми они могли пользоваться. Въ томъ же году Екатерина своей комедіей «О время» вызвала вновь Новикова

на поприщѣ сатиры. Его новый сатирическій журналъ «Живо-
писецъ» пошелъ дорогою Трутня, но и онъ перешелъ тѣ гра-
ницы, которыя правительственною властью полагались для са-
тиры, хотя и возбудилъ большее сочувствіе въ публикѣ, пре-
имущественно средняго состоянія; и онъ на второй годъ дол-
женъ былъ прекратиться. Придумывая средства для распро-
страненія просвѣщенія въ противодѣйствіе нравственной пор-
чѣ, здѣсь Новиковъ между прочимъ выразилъ мысль о необхо-
димости устроить спеціальное общество изъ частныхъ лицъ,
которое бы старалось о напечатаніи и дешевой распродажѣ по-
лезныхъ книгъ преимущественно въ провинціяхъ. Нова была
для того времени эта первая мысль объ общественной пред-
пріимчивости, независимо отъ силъ правительственныхъ, ко-
торыя пока однѣ только и дѣйствовали для укрѣпленія евро-
пейской цивилизаціи въ русской жизни. Хотя никто не обра-
тилъ особеннаго вниманія на мысль Живописца, но не за-
былъ ее Новиковъ и черезъ нѣсколько лѣтъ привелъ въ испол-
неніе.

Прекративъ изданіе другаго журнала, онъ принялся за но-
вый важный трудъ, который также вызывался его временемъ.
Крайность стремленій образованнаго и правительственнаго
класса къ усвоенію чужихъ, иноземныхъ формъ жизни, и от-
сюда односторонніе идеалы жизни, легкомысленное отноше-
ніе къ ея нравственнымъ началамъ, разрывъ между образован-
ными и низшими сословіями, презрительный взглядъ на все
русское, выработанное въ прежнее время, пустота жизни, все
это хотя и было необходимымъ историческимъ слѣдствіемъ
рѣзкаго поворота къ европейскимъ началамъ жизни отъ преж-
ней исключительной національности, не могло однако удовлет-
ворить людей серьезно мыслящихъ и воспитанныхъ еще въ
старорусской обстановкѣ жизни. Они отрекались отъ всѣхъ
суевѣрій и заблужденій старины, признавали за наукою и ев-
ропейскимъ просвѣщеніемъ цивилизующую силу, но хотѣли
оставаться русскими. Правда имъ самимъ не удавалось выра-
ботать идеалъ русскаго человѣка на новыхъ началахъ; но они
постоянно искали его, недовольные тою жизнію, которая раз-
вивалась передъ ихъ глазами. Новиковъ одинъ изъ первыхъ
почувствовалъ, что русскимъ нельзя вести свою эру отъ Пет-
ра великаго, что нужно найти связь новаго времени съ преж-

нимъ, которое въ образованной средѣ совсѣмъ забывалось, нужно по фактамъ изъ прошлаго опредѣлить черты національнаго характера и ихъ уже положить въ основаніе русскаго идеала. Для начала такой работы онъ сталъ издавать письменные памятники русской старинной жизни въ особыхъ сборникахъ подъ общимъ названіемъ *Древней россійской вивліоѳики*. Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что имѣлъ въ виду указать *«щеголямъ и петиметрамъ на величіе духа ихъ предковъ, украшеннаго простотою»*. Такимъ образомъ вносился новый взглядъ на допетровскую Русь, о которой русскіе уже три четверти столѣтія повторяли сужденіе иностранцевъ, какъ о странѣ варварской.

Не говоря о многихъ другихъ изданіяхъ Новикова, въ которыхъ выразились одни и тѣ же стремленія, скажемъ, что въ 1779 году онъ перенесъ свою дѣятельность въ Москву и здѣсь расширилъ ее до значительныхъ размѣровъ. По предложенію куратора московскаго университета, Хераскова, извѣстнаго въ то время писателя, автора теперь забытой, а нѣкогда знаменитой *Россіады*, Новиковъ взялъ на откупъ университетскую типографію и книжную лавку, а съ ними и изданіе Московскихъ вѣдомостей, которыми до этого занимался самъ университетъ. Съ своею предпріимчивостію и съ образовательными стремленіями, Новиковъ повелъ дѣло такъ удачно, что въ короткое время значительно увеличилось число подписчиковъ на Вѣдомости. Однимъ этимъ оказана важная услуга просвѣщенію, потому что расширить очень небольшой кругъ читающей публики, значило усилить литературное вліяніе, которое составляетъ одно изъ важныхъ средствъ цивилизующей силы. Но этимъ Новиковъ не довольствовался. Примкнувъ къ *масонству*, онъ нашелъ возможнымъ привести въ исполненіе свою мысль дѣйствовать на распространеніе просвѣщенія въ народѣ особымъ спеціальнымъ обществомъ.

Общество франкмассоновъ или свободныхъ каменьщиковъ въ Европѣ стало развиваться еще въ средніе вѣка; въ основаніи его лежали стремленія мистическія и филантропическія. Съ одной стороны желаніе разъяснить все, еще не изслѣдованное въ природѣ и жизни человѣка, посредствомъ религіи, съ другой стремленіе успокоить свой духъ дѣлами человѣколюбія соединяли въ одно общество людей съ добрымъ сердцемъ и пытли-

нымъ духомъ, настолько несвязанымъ съ наукою, чтобы довѣряться ей и объяснять явленія естественными законами. Съ склонностью видѣть во всемъ таинственное значеніе хотѣли и дѣламъ благочестія дать особенный таинственный смыслъ. Дѣлая добро, стали представлять себѣ, что строятъ новый *храмъ Соломона* въ духовномъ смыслѣ храмъ мудрости, отсюда и самое общество уподоблялось цеху каменьщиковъ, и всѣ члены его стали называться свободными каменьщиками. Въ XVII и XVIII стол. массонство особенно усилилось, усвоивъ себѣ разные таинственные обряды и распавшись на нѣсколько системъ; но у всѣхъ ихъ сохранилась одна общая цѣль: исканіе истинной мудрости, совершенствующей нравственность. Мѣста массонскихъ собраній назывались *ложами*: всѣ ложи одной и той же системы въ одной странѣ подчинялись одной главной *ложѣ—матери* и одному *провинціальному великому мастеру*. Каждая система раздѣлялась на нѣсколько степеней, изъ которыхъ были три главныхъ: *ученикъ*, *товарищъ* и *мастеръ*; въ нихъ разрабатывалась чисто нравственная сторона жизни. Каждая степень передавала членамъ новыя истины; переходъ члена изъ низшей въ высшую сопровождался особыми обрядами. Нѣкоторые изъ массоновъ любили заниматься алхиміей, отыскиваніемъ философскаго камня, тайны дѣлать золото и проч., отсюда и нѣкоторые шарлатаны и фокусники въ XVIII столѣтіи причисляли себя къ массонамъ, чѣмъ и роняли массонство въ глазахъ многихъ.

У насъ массонство стало появляться въ семьсотъ тридцатыхъ годахъ сначала только между иностранцами, а потомъ и русскими; многіе изъ нихъ вступали въ ложи не изъ убѣжденія, не изъ потребности искать истины, а просто по модѣ. Нравственное вліяніе ложъ важно тѣмъ, что массонство въ своей средѣ признавало общее равенство, слѣд. сближало людей разныхъ сословій и состояній. Впрочемъ нѣкоторые изъ русскихъ оказывались очень дѣятельными членами и основывали новыя ложи. Екатерина II позволила распространяться имъ, но не любила ихъ за мистическое направленіе. При ней русское массонство получаетъ свой особенный характеръ. Въ его среду вступаютъ люди весьма религіозные, недовольные ученіемъ тѣхъ французскихъ философовъ, которыхъ любила императрица и которые были причиною легкомысленнаго отношенія къ ре-

лигія. Не признавая законныхъ и прежняго русскаго невѣжества, они искали успокоенія своему духу въ таинствахъ массонства, и очень понятно, должны были наконецъ стремиться нравственно дѣйствовать на массу, чтобы противодѣйствовать вліянію легкомысленныхъ людей. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и Новиковъ. Еще въ Петербургѣ онъ вступилъ въ массонскій орденъ и сталъ издавать журналъ «Утренній свѣтъ» въ массонскомъ духѣ, съ религіозно-мистическимъ направленіемъ, предназначивъ выручку отъ подписки въ пользу училищъ, основанныхъ нѣкоторыми русскими массонами для бѣдныхъ дѣтей. Въ Москвѣ Новиковъ близко сошелся съ московскими массонами и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нашелъ тѣ же самыя стремленія, которыя и его побуждали къ дѣятельности. Между ними были люди очень богатые, готовые жертвовать капиталами для общей пользы. Новиковъ далъ имъ мысль составить «Дружеское ученое общество», съ цѣлью дѣйствовать общими средствами на распространеніе образованія. Первымъ ихъ дѣломъ было учрежденіе *Педагогической семинаріи* при университетѣ. Здѣсь Новиковъ нашелъ себѣ самаго дѣятельнаго сотрудника въ профессорѣ Шварцѣ, молодомъ энергическомъ человѣкѣ, всею душою преданномъ дѣлу просвѣщенія, съ огромнымъ вліяніемъ не только на своихъ слушателей-студентовъ, но и на ихъ родителей. Онъ былъ душою педагогической семинаріи, читая тамъ лекціи о воспитаніи и распространяя здравыя о немъ понятія. Онъ сгруппировалъ около своего общества лучшія студенческія силы, направляя ихъ на серьезный трудъ, который нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ и средства къ жизни. А такого труда было довольно: для образованія массы не было у насъ никакихъ книгъ, никакихъ учебниковъ; настоятельная необходимость была пополнить этотъ недостатокъ хоть книгами переводными. Шварцъ указывалъ Новикову хорошія книги на иностранныхъ языкахъ. Новиковъ раздавалъ ихъ молодымъ людямъ для переводовъ, которые тотчасъ же и печаталъ въ своей типографіи. Онъ развивалъ книжную торговлю не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Съ каждымъ годомъ усиливалась дѣятельность Дружескаго общества, по мѣрѣ того какъ увеличивались его средства. Между студентами набиралось не много такихъ, которые бы основательно знали иностранные языки и которые бы могли хорошо переводить серьез-

ныя и полезныя книги. По плану Шварца Дружеское общество устроило при университетѣ *переводческую семинарію* и черезъ это могло усилить свою издательскую дѣятельность, давая въ то же время бѣднымъ молодымъ людямъ честныя средства къ жизни. Указъ 1783 года «о вольныхъ типографіяхъ» давалъ каждому право заводить свою типографію, тогда какъ до сихъ поръ могли быть только казенныя. Дружеское общество, воспользовавшись этимъ указомъ, завело собственныя типографіи, чтобы въ нихъ печатать исключительно свои изданія. Обставивъ себя такимъ образомъ, общество стало издавать множество книгъ для образованія и нравственнаго развитія; но въ слѣдующемъ году оно лишилось Шварца, а вскорѣ затѣмъ масоны, или какъ ихъ называли *мартинисты* стали возбуждать подозрѣніе правительства, что конечно повредило и дѣятельности Дружескаго общества.

Въ это время и пріѣхалъ Карамзинъ въ Москву изъ Симбирска. Одною изъ цѣлей общества было находить и поощрять къ дѣятельности молодыя дарованія. Конечно Карамзинъ, введенный въ тѣсный кругъ общества, тотчасъ же нашелъ себѣ работу. Новиковъ поручилъ ему занятія въ *Дѣтскомъ чтеніи*, которое издавалось листками при Московскихъ вѣдомостяхъ и наполнялось преимущественно переводными статейками. Около четырехъ лѣтъ прожилъ Карамзинъ въ кругу Дружескаго общества, и здѣсь-то особенно развились его силы въ трудѣ, въ чтеніи лучшихъ европейскихъ сочиненій, въ дѣльныхъ бесѣдахъ. Здѣсь онъ подружился съ своимъ сотрудникомъ по Дѣтскому чтенію Петровымъ, который имѣлъ на него большое вліяніе серьезнымъ направленіемъ ума, развившимся не безъ участія Дружескаго общества. Какъ важна была для Карамзина дружба Петрова, можно видѣть изъ статейки «*Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона*», написанной Карамзинымъ въ 1793 г. послѣ ранней смерти Петрова (Ист. хр. Гал.). По ней можно судить, какіе интересы жизни занимали въ то время его и небольшой кругъ его друзей. Юноша по природѣ впечатлительный, развившійся чтеніемъ подъ вліяніемъ великихъ европейскихъ умовъ, проникается пламеннымъ усердіемъ къ добру, любовью къ просвѣщенію, которое въ его глазахъ есть высшее добро для человѣчества. Чѣмъ меньше было вокругъ него, въ русской жизни этого животворящаго свѣта, тѣмъ больше любовь его должна

*

была обращаться въ страсть, и тѣмъ сильнѣе чувствовалось стремленіе въ ту просвѣтительную сферу. Чѣмъ больше его идеальный міръ расходился съ дѣйствительнымъ, тѣмъ больше меланхолическое настроеніе должно было овладѣвать имъ. Очень понятно, что при такихъ стремленіяхъ духа онъ долженъ былъ сильно пристраститься къ тѣмъ европейскимъ писателямъ, которые въ то время особенно дѣйствовали на впечатлительныя натуры, представляя счастіе человѣка не въ дѣйствительномъ, а въ мечтательномъ мірѣ и полагая, что оно заключается въ исключительной жизни сердца, въ однихъ интересахъ чувства. Отсюда и одностороннее стремленіе къ такимъ интересамъ, отсюда и болѣзненная слабость сердца, производящая слезы при всякомъ нарушеніи гармоніи сердечной жизни. Изъ всѣхъ такихъ писателей Ж. Ж. Руссо сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ на сердце Карамзина; по его собственнымъ словамъ, душа Руссо въ это время переселилась въ его душу.

Замѣчательно, что въ то время, когда у насъ образованные люди все еще продолжали увлекаться французской литературой и ея идеями, Карамзинъ, конечно, благодаря Шадену, обратился къ литературѣ нѣмецкой, которая трудами Лессинга вызвала къ дѣятельности нѣсколько замѣчательныхъ умовъ. Они ставили на разрѣшеніе иные вопросы, касаясь болѣе духовной жизни человѣка, психологической ея стороны; отвлеченность ихъ требовала и особеннаго напряженія ума, что, конечно, имѣло вліяніе на серьезное его развитіе. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій Карамзинъ переводилъ по порученію Дружескаго общества. Благодаря нѣмецкой же критикѣ, Карамзинъ обратилъ вниманіе и на Шекспира, котораго и въ Европѣ еще не многіе цѣнили; восхищаясь имъ, онъ перевелъ драму его *Юлій Цезарь*. Такими переводами Карамзинъ вырабатывалъ себѣ литературный языкъ. Въ самомъ же масонствѣ онъ не принималъ особеннаго участія, хотя глубоко уважалъ нѣкоторыхъ членовъ его, безкорыстно искавшихъ истины и преданныхъ общеполезному труду. «Я никакъ не могъ раздѣлить съ ними убѣжденія, замѣчалъ онъ впослѣдствіи, будто для этого нужна какая либо таинственность; и не могли мнѣ нравиться ихъ обряды, которые всегда казались мнѣ нелѣпыми». Занимаясь самообразованіемъ, Карамзинъ не оставлялъ мысли о путешествіи по Европѣ, и наконецъ нашелъ возможность привести ее въ испол-

влеченіе, когда по его словамъ это желаніе обратилось въ страсть души. И вотъ весною 1789 года двадцатитрехъ-лѣтній юноша надолго оставляетъ Москву, но не съ какой нибудь особенной спеціальной цѣлью: пылкій, чувствительный, мечтательный, онъ не могъ отдаться изученію какой либо одной науки, одной спеціальности; онъ уважалъ ихъ всѣ, такъ какъ онѣ всѣ ведутъ къ просвѣщенію; но онъ искалъ жизни для сердца, впечатлѣній въ той средѣ, которая цѣлыя столѣтія развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія, облагораживая образъ человѣка. Да и какая спеціальность могла разрѣшить ему вопросъ, въ это время занимавшій его: какая цѣль всеобщаго бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ? Онъ объѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, и плодомъ этого путешествія были знаменитыя его «Письма русскаго путешественника», которыя онъ напечаталъ по возвращеніи, пробывъ въ чужихъ земляхъ около полутора года. Поселившись снова въ Москвѣ, онъ не пошелъ по общей избитой тропѣ, т. е. не искалъ никакой государственной службы, а подражая Новикову, избралъ себѣ поприще, которому никто изъ русскихъ еще не посвящалъ всей своей жизни, поприще литератора. Уже однимъ этимъ онъ показалъ, что смотритъ на литературу какъ на дѣло важное, а не какъ на досугъ между дѣломъ, что служить отечеству можно на разныхъ поприщахъ и внѣ государственной службы; а онъ дѣйствительно хотѣлъ быть полезнымъ отечеству; но только хотѣлъ служить ему независимо, дѣйствуя во имя просвѣщенія.

Для этого въ 1791 году онъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ *Московскій журналъ*; въ немъ-то и печатались Письма русскаго путешественника, которыя знакомятъ насъ какъ съ прекрасной личностью автора, такъ и съ тѣми европейскими интересами жизни, которые занимали его. По нимъ мы видимъ, какъ хорошо онъ былъ приготовленъ къ тому путешествію, которое предназначилъ себѣ. Онъ нигдѣ не теряется; вездѣ у него оказывается довольно познаній, не только для того, чтобы наблюдать, но чтобы и судить о всемъ заслуживающемъ вниманія образованнаго человѣка. Въ кабинетѣ ученаго или поэта онъ умѣетъ всегда завести умный, серьезный разговоръ о важнѣйшихъ интересахъ и цѣляхъ жизни и своими сужденіями, искренностью, юношеской откровенно-

стью и любознательностью привлечь къ себѣ вниманіе ученаго собесѣдника, заинтересовать его своею личностью; вездѣ онъ высказываетъ свое близкое знакомство съ лучшими произведеніями европейской литературы, умъ пытливый, сердце самое нѣжное ко всему человѣческому; онъ восхищается чужимъ счастіемъ, равно какъ и готовъ плакать при видѣ чужаго несчастія. Россія выслала въ Европу на этотъ разъ лучшаго и образованнѣйшаго своего представителя изъ молодежи и тѣмъ показала, что для нея настаетъ уже другое время, что европейская цивилизація коснулась въ ней не только внѣшнихъ формъ жизни, что XVIII стол. прошло для насъ не безъ внутренней переработки, что для насъ сдѣлался такъ же важенъ философскій вопросъ о человѣкѣ, независимо отъ тѣхъ внѣшнихъ формъ жизни, въ которыхъ выразилась европейская цивилизація и которыя сами уже оказывались устарѣлыми, важенъ для того, чтобы наконецъ стать дѣйствительно русскими не по невѣжеству, а по образованію. Этотъ вопросъ занималъ и Карамзина, съ нимъ онъ обращался къ лучшимъ представителямъ европейскаго образованія, не щеголяя передъ ними наружностью француза, англичанина или нѣмца, чѣмъ обыкновенно отличались прежніе русскіе путешественники.

При этомъ необходимо замѣтить, что Карамзинъ не всегда могъ свободно и откровенно высказывать свои мысли въ письмахъ, имѣя въ виду усилившуюся строгость цензуры, которая была вызвана слѣдствіями французской революціи. Это событіе въ то время напугало всѣ европейскія правительства. Екатерина въ свою очередь перестала относиться къ литературѣ съ тѣмъ покровительствомъ и снисхожденіемъ, какъ прежде. Она обратила особенное вниманіе на московскихъ мартинистовъ и общество Новикова, которые уже и до этого возбуждали въ ней подозрѣніе въ политическихъ замыслахъ, оказавшееся впослѣдствіи совершенно несправедливымъ. Карамзина считали въ связяхъ съ Новиковымъ, почему и онъ подпалъ особому надзору; а его письма, встрѣченныя общимъ сочувствіемъ публики, не нашли того же самаго въ императрицѣ, хотя въ былое время она являлась первою поощрительницею всякаго новаго таланта.

Письма Карамзина были новы и интересны какъ по содержанію такъ и по формѣ. Не смотря на то, что мы почти цѣ-

ніе столѣтіе стремились за Европою, съ ея жизнію въ подробностяхъ были знакомы только очень немногіе путешественники, да и изъ нихъ большая часть узнавала только удовольствія парижской жизни. У насъ въ литературѣ не было ни одного описанія путешествія русскаго человѣка. Частныя письма Фонвизина не были еще напечатаны. Значитъ самое огромное большинство не было знакомо съ Европою, не могло и судить объ ея жизни сколько нибудь правильно; между тѣмъ интересы этой жизни давно были возбуждены. Письма Карамзина въ первый разъ съ нею знакомятъ русскихъ со многихъ сторонъ, (политической стороны жизни онъ почти нигдѣ не касается), гдѣ человѣкъ развивался подъ вліяніемъ науки, искуства, труда, природы, гдѣ выразились народные нравы, обычаи или типическія черты. Не всѣ явленія жизни вызываютъ въ немъ сочувствіе, къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ относится съ осужденіемъ, если они не согласны съ чувствительнымъ настроеніемъ его духа. При этомъ мы вездѣ видимъ русскаго наблюдателя, не отрекшагося отъ своей родины, вспоминающаго безпрестанно о своей связи съ нею. Изъ чтенія писемъ сами собою вытекаютъ слѣдующія мысли: европейская цивилизація имѣетъ въ виду счастіе человѣка, возвышая его духъ, вызывая его къ полезному труду, улучшая его жизнь, окружая ее удобствами; формы, въ которыхъ выразилась эта жизнь, не вездѣ однѣ и тѣ же; у каждаго народа есть свои, выработанныя его исторіей, согласно съ его характеромъ въ связи съ окружающею природою; но высшія стремленія духа у всѣхъ ихъ одни и тѣ же; у всѣхъ есть одна общая человѣческая цѣль, чѣмъ и выражается ихъ близкое духовное, человѣческое родство. Легко было сдѣлать дальнѣйшій выводъ изъ этихъ мыслей: вступить въ такое же родство съ этими народами мы можемъ не рабскимъ подражаніемъ всѣмъ внѣшнимъ формамъ, не отрицаніемъ всего своего, а усвоеніемъ общечеловѣческихъ стремленій, той человѣчности, которая вызываетъ любовь къ человѣку. Этотъ выводъ—въ тѣсной связи съ нашимъ прежнимъ развитіемъ, въ которомъ выразилось стремленіе усвоить европейскую цивилизацію и въ которомъ видится постоянное колебаніе въ средствахъ усвоенія, колебаніе между идеею и формою; послѣдняя чаще всего брала верхъ, а безъ усвоеннаго содержанія оказывалась мертвою или каррикатурною. Въ

дящій моментъ въ Карамзинѣ выражалось иное дальнѣйшее развитіе, связанное съ русскимъ вопросомъ объ европейскомъ человѣкѣ, для чего нужно было и многостороннее, а особенно французское, образованіе Карамзина и его любовь къ человѣку. Самая чувствительность, или, какъ ее называютъ, сентиментальность Карамзина здѣсь имѣетъ свое значеніе: она заставляла его передавать свои чувства другимъ и въ нихъ вызывать сочувствіе къ тому, что ему нравилось, или что его трогало, или возбуждало состраданіе; его же чувства вытекали всегда изъ любви къ человѣку, изъ мысли объ его счастіи. Правда его чувствительность иногда доходила до какой-то болѣзненности; но виною этому была его натура, крайне впечатлительная; она развивалась подъ вліяніемъ ранняго чтенія и при томъ современныхъ европейскихъ писателей, отличавшихся сентиментальнымъ направленіемъ и увлекательно дѣйствовавшихъ на нѣжныя сердца.

Такое стремленіе во всѣхъ случаяхъ жизни давать участіе сердцу имѣло вліяніе и на выработку его слога, которымъ онъ сразу прельстилъ большинство читателей. Мы уже видѣли, что Ломоносовъ не рѣшилъ синтаксическаго вопроса о русской литературной фразѣ. Онъ усвоилъ ее въ той неестественной формѣ, въ какой она имѣла возможность выработаться до него подъ разными вліяніями. Дальнѣйшее развитіе языка въ литературѣ должно было раскрыть его синтаксическіе законы и они дѣйствительно понемногу раскрывались. Въ восьмидесятыхъ годахъ складъ письменной рѣчи уже значительно отступалъ отъ Ломоносовскаго, не смотря на то, что въ ней еще сохранилось много искусственнаго, смѣшеніе славянизмовъ съ галлицизмами и съ русскими идіотизмами. Эти послѣдніе вводилъ особенно Державинъ, заботясь о *забавномъ русскомъ* слогѣ. Карамзинъ нашелъ возможнымъ пойти далѣе. Время, собственныя наблюденія и труды надъ языкомъ убѣдили его, что русскій языкъ въ разстановкѣ словъ рѣчи можетъ пользоваться большею свободою, соотвѣтствуя логическимъ и фонетическимъ требованіямъ. Съ другой стороны заговоривъ языкомъ сердца, какимъ до него никто не говорилъ, онъ не могъ употребить ту фразу, которая служила цѣлямъ воображенія — рисовать пышныя картины; для выраженія чувства нужно было болѣе простоты, нѣжности; чувство, стремясь выразиться

въ словѣ, не можетъ медлить и подбирать искуственныя фразы; оно спѣшитъ пользоваться простыми средствами живого разговорнаго языка. Отсюда неумѣстными явились и всѣ прежніе славянизмы, тѣмъ болѣе, что стали ослабляться и строгія теоретическія требованія высокаго слога. Такимъ образомъ время Карамзина позволило ему еще болѣе ослабить въ письменной рѣчи церковно-славянскую стихію и еще болѣе сблизить литературную фразу съ разговорною. Но отъ искуственности совершенно не могъ отдѣлаться и Карамзинъ. Онъ самъ признавался, что русская разговорная фраза еще не выработалась для выраженія всѣхъ идей, что русскому писателю невозможно ограничиваться одними наблюденіями и пользоваться фразами, которыя онъ подслушаетъ въ обществѣ, что этой фразѣ недостаетъ *вкуса*, т. е. эстетическаго начала. Слѣдовательно писатель долженъ былъ внести въ русскую рѣчь этотъ вкусъ; а вкусъ Карамзина вытекалъ изъ чувствительнаго настроенія его духа.

Отсюда является и особенная искуственность, характеризующая его слогъ; онъ любитъ все обставлять трогательными картинами, подбирать самые нѣжные эпитеты, пріискивать фигуральныя выраженія, дѣйствующія на чувства. Обработывая фразу, случается, онъ употребляетъ и галлицизмъ, незамѣтно для самого себя, чѣмъ и подтверждается, что русская фраза дѣйствительно была не вполнѣ выработана. Разговорная рѣчь нашего образованнаго общества была переполнена галлицизмами, часто самыми уродливыми, на что сильно нападала сатира того времени; но не смотря на эти нападки, даже сами сатирики впадали въ галлицизмы, какъ скоро приходилось вести серьезную рѣчь. Примѣромъ можетъ служить Фонвизинъ съ Недорослемъ, гдѣ нравственныя лица, выражаясь языкомъ автора, безпрестанно употребляютъ галлицизмы. Что же удивительнаго, если слухъ Карамзина привыкъ съ дѣтства къ такимъ выраженіямъ, и онъ нечувствительно вводитъ ихъ въ свою собственную рѣчь, положивъ ей въ основаніе разговорный языкъ. Но все это не помѣшало легкости, плавности, гармоничности, нѣжности слога Карамзина, что привлекло къ нему многихъ читателей и подражателей. Такимъ образомъ Письма русскаго путешественника составили въ нашей литера-

турѣ эпоху, съ которой стали начинать новый ея періодъ, называть Карамзина *преобразователемъ* русскаго слога.

Для изученія Писемъ русскаго путешественника удобнѣе раздѣлить ихъ на 4 части: I, Письма изъ Германіи, 2, изъ Швейцаріи, 3, изъ Франціи, 4, изъ Англіи. Здѣсь первое мѣсто должно занять опредѣленіе личности автора—тѣ мысли и чувства, которыя возбуждались въ немъ разнообразными явленіями европейской жизни, тѣ основанія, по которымъ онъ дѣлалъ оцѣнку людямъ, тѣ протесты, которые приходилось ему высказывать противъ явленій, несогласныхъ съ собственными его чувствами. Но кромѣ того каждая часть представляетъ еще свой особенный интересъ. Здѣсь можно отмѣтить нѣсколько темъ: Карамзинъ въ кабинетѣ германскаго писателя. Отношеніе его къ природѣ, преимущественно швейцарской, и въ связи съ этимъ отношеніе его къ простой идиллической жизни. Характеръ удовольствій, которыя онъ нашелъ во Франціи, и предметы, на которые онъ обращалъ тамъ особенное вниманіе. Что привлекало его въ Англію и какіе выводы онъ сдѣлалъ о ней?

Кромѣ писемъ русскаго путешественника въ Московскомъ журналѣ печатались небольшія повѣсти Карамзина въ томъ же сентиментальномъ родѣ; изъ нихъ особенное впечатлѣніе на читателей производила *Бѣдная Лиза*. На третій годъ Карамзинъ долженъ былъ отказаться отъ изданія журнала по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, хотя со стороны публики сочувствіе къ нему все усиливалось. Передъ этимъ же прекращена была и дѣятельность Дружескаго общества по распоряженію правительства: многія книги его изданія были осуждены и конфискованы; Новиковъ, какъ главный дѣятель, на которомъ болѣе всѣхъ тяготѣли подозрѣнія въ какихъ то тайныхъ замыслахъ, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда былъ освобожденъ уже при Павлѣ I. Карамзинъ вмѣсто журнала сталъ издавать отдѣльные сборники своихъ и чужихъ статей подъ разными названіями и въ неопредѣленные сроки. Въ 1794 году издана *Аглая*, а черезъ два года *Аониды*—собраніе стихотвореній Карамзина и другихъ извѣстныхъ стихотворцевъ того времени. Всѣ его статьи, очень небольшія по объему, отличаются однимъ и тѣмъ же направленіемъ—желаніемъ разъяснить вопросъ о *человѣкѣ* безъ всякаго отношенія къ внѣшней его обстановкѣ, къ національной сторонѣ его жизни, все то, что можетъ и должно принадлежать каждому человѣку, чтобы ему быть человѣкомъ, основаніе истиннаго счастія, доступнаго каждому безъ исключенія.

Чтобы яснѣе представить стремленіе Карамзина, предлагается разсмотрѣть его статейку «Что нужно автору?», гдѣ онъ изображаетъ идеалъ писателя, который потомъ легко провѣрить по его собственнымъ сочиненіямъ.

Какія положенія развиваетъ статья «Что нужно автору?» Какія качества нужны писателю? Какая главная цѣль его стремленія? Какой писатель производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе? За какимъ остается въ потомствѣ благословеніе народовъ?

Провѣрить этотъ идеалъ писателя по *Бѣдной Лизѣ*. Въ какое отношеніе здѣсь ставится человѣкъ къ природѣ? Какія качества она развиваетъ въ немъ? Всякій ли человѣкъ можетъ наслаждаться чистыми радостями, доставляемыми природою? Что можетъ вносить зло въ простую жизнь людей? Какія черты во всякое время и во всякомъ званіи возвышаютъ человѣка и могутъ служить ему оцѣнкою? Обращается ли вниманіе на національныя черты характера?

Французская революція потоками крови произвела на Карамзина сильное и тяжелое впечатлѣніе, что отразилось въ нѣсколькихъ статьяхъ. Онъ испугался за судьбу просвѣщенія, въ особенности русскаго. Многіе въ то время, не понимая смысла революціи, стали искать ея причины въ усилившемся просвѣщеніи, которое будто бы развращаетъ массу. Они находили себѣ опору въ доказательствахъ прославленнаго Жанъ-Жакъ-Руссо, который еще въ началѣ своего поприща отрицательно рѣшалъ вопросъ Дижонской академіи: способствовали ли науки и искуства къ исправленію нравовъ? Сочиненіе его въ переводѣ давно было извѣстно и у насъ. Въ правительственномъ же классѣ находилось еще довольно такихъ личностей, которыя рады были всякому случаю, чтобы повредить распространенію просвѣщенія. Наука же у насъ еще такъ не глубоко пустила корни, что опасаться за нее у Карамзина было основаніе. Въ немъ пробуждается патріотизмъ; имѣя въ виду подѣйствовать на направленіе властей, онъ пишетъ статью *Нѣчто о наукахъ*, опровергая всѣ доводы Жанъ-Жакъ-Руссо. Статья эта также заслуживаетъ изученія, такъ какъ въ ней опредѣляется отношеніе Карамзина къ наукѣ и къ искуству, и притомъ разрѣшается вопросъ *новый* для того времени. До сихъ поръ приходилось у насъ доказывать, что науки полезны и не противорѣчатъ религіи; Карамзинъ же долженъ былъ еще прибавить доказательства, что онѣ *прав-*

стяжанія т. е. неспособны развращать, а напротивъ составляетъ важную и крѣпкую опору нравственности. Припомнимъ, что въ то время у насъ не видѣли тѣсной связи между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ образованіемъ, что въ воспитательныхъ заведеніяхъ давали наукѣ далеко не первое мѣсто. Карамзинъ хочетъ соединить съ заботами о нравственности патріотическій взглядъ Ломоносова на науку и приводитъ то и другое въ тѣсную связь.

Какія положенія доказываются въ статьѣ Нѣчто о наукахъ? Какая связь искуствъ и наукъ съ нашимъ существомъ? Дѣйствительно ли они необходимы и не портятъ нравовъ? Какія сознанія они развиваютъ въ человѣкѣ и къ чему направляютъ его? Какія мысли развиваются въ обращеніи къ властямъ?

Въ царствованіе Павла I Карамзинъ долженъ былъ ограничиться изданіемъ прежнихъ своихъ сочиненій и переводами лучшихъ отрывковъ иностранныхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ—иное для идей, иное для слога, по собственному его замѣчанію. Заниматься же такою работою ему необходимо было *для кошелька,* какъ онъ самъ выразился въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву въ 1798 году. Зато съ царствованіемъ Александра I, литературная дѣятельность его значительно усиливается. Она показываетъ намъ, что и духовное развитіе его все шло впередъ. При прежнемъ стремленіи его опредѣлять человѣка съ его внутренней, моральной стороны, очень естественны его выраженія: «все народное ничто передъ человѣческимъ; главное дѣло быть людьми, а не славянами; что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ». Но когда наконецъ жизнь вызвала его изъ этой отвлеченной сферы, когда пришлось задуматься о примѣненіи идеала къ дѣйствительности, то необходимо пришлось обратиться къ внѣшней сторонѣ жизни, къ формѣ, къ обстановкѣ, особенно когда дума должна была перейти отъ отдѣльнаго человѣка къ обществу и народу. Здѣсь долженъ былъ явиться вопросъ о національности: оказалось, что дѣятельный человѣкъ безъ національности существовать не можетъ; что въ немъ должны сливаться обѣ стороны—человѣческая и національная, первая выражаясь во второй, и что не во всякой обстановкѣ жизни возможно развитіе даннаго идеала. Задумываясь объ общественной

и народной жизни и о той силѣ, которая можетъ двигать ее впередъ, согласно съ лучшимъ идеаломъ, пришлось остановиться на патріотизмѣ, какъ самой могучей силѣ, способной направить общество и народъ ко всему лучшему. Такимъ образомъ патріотизмъ и благопріятная обстановка представлялись Карамзину какъ два необходимыя условія для развитія въ жизни идеала, который вырабатывался европейскимъ просвѣщеніемъ. Но въ русскомъ народѣ измѣнять всѣ условія и обстановку жизни могло только правительство. Изъ всего этого и получаетъ особое направленіе усиленная литературная дѣятельность Карамзина. Съ одной стороны онъ хотѣлъ дѣйствовать на власти въ формѣ желаній, надеждъ, совѣтовъ, указаній, съ другой—на общество, вызывая и пробуждая въ немъ дремлющій патріотическій духъ. Это особенно и выразилось въ изданіи литературно-политическаго журнала «Вѣстника Европы», который Карамзинъ издавалъ два года: 1802 и 1803. Съ крайней осторожностью дѣйствуетъ онъ на обѣ сферы безъ осужденія, безъ сатирическаго настроенія. Не находя достаточнаго умственнаго и нравственнаго развитія въ обществѣ, онъ останавливается на тѣхъ мѣрахъ правительства Александра I, которыя сколько нибудь способствовали такому развитію. Въ каждомъ своемъ разсужденіи онъ разсматриваетъ, возможно ли развитіе при существующихъ условіяхъ жизни и какія въ нихъ есть задерживающія силы. Каждое новое явленіе въ русской жизни вызываетъ его на размышленіе и во всемъ видится одна цѣль— расширить пути къ просвѣщенію, а съ нимъ и къ общественному благосостоянію. Признавая крѣпостное право явленіемъ незаконнымъ, онъ въ то же время не видитъ возможности уничтожить его, прежде чѣмъ въ массѣ не будутъ положены твердыя основы просвѣщенію, почему съ большимъ сочувствіемъ относится къ указу о заведеніи сельскихъ школъ и обращается къ патріотизму дворянства въ вопросѣ о томъ, откуда взять учителей. *Патріотизмъ*—первое слово въ устахъ Карамзина и слово не мертвое, а выражающее дѣйствительное чувство, страсть, силу, которую онъ хочетъ пробудить и въ другихъ. Для этого онъ пріискиваетъ разныя средства: «Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ, провозглашаетъ онъ, надобно питать любовь къ отечеству и чувство народное» и совѣтуетъ дѣйствовать здѣсь посредствомъ искуства, сдѣлать органами

патріотизма не только историка и поэта, но и живописца и ваятеля. «Тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, прибавляетъ онъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ *человѣчества* въ его славномъ теченіи къ цѣли *нравственнаго и душевнаго* совершенства». Соединяя патріотизмъ тѣсно съ политическою жизнью народа, Карамзинъ не могъ безъ вниманія оставить и этой стороны, стараясь пробудить политическіе интересы въ своихъ читателяхъ и вводя ихъ въ кругъ тогдашней европейской политики, душою которой былъ первый консулъ французской республики, готовившійся стать императоромъ.

Чтобъ познакомиться съ направленіемъ мысли Карамзина за это время предлагаются для изученія двѣ статьи: «*О любви къ отечеству и народной гордости*» и «*Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени*».

I. Раздѣленіе на части разсужденія: О любви къ отечеству. Главное положеніе и доказательство каждой части. Откуда вытекаетъ патріотизмъ и почему не во всѣхъ людяхъ можетъ проявляться онъ? Связь его съ личнымъ счастіемъ человѣка и народной гордостью. Доказательства, что русскіе смѣло могутъ стать на ряду съ другими. Въ какихъ главныхъ моментахъ въ нашей исторической жизни высказалась сила русскаго духа? Причины, помѣшавшія развитію русскаго патріотизма въ XVIII ст. Какія достоинства русскіе умѣли выказать въ себѣ и чего имъ недостаетъ, чтобы сравниться съ другими? Отношеніе къ наукѣ, къ труду, къ русскому языку. Условіе, необходимое для нравственнаго существованія человѣка. Въ чемъ должно высказываться подражаніе? Выразить въ немногихъ словахъ общую мысль сочиненія.

II. Общая характеристика современности въ статьѣ *Пріятные виды*. Исходъ французской революціи. Ея вліяніе на правительство и народы. Переходъ къ Россіи: свѣтлыя и темныя ея стороны. На какіе недостатки указываетъ патріотизмъ? Требованіе въ сферѣ законодательной. Возможно ли разумное воспитаніе при современныхъ условіяхъ жизни. Состояніе домашняго хозяйства. Вредъ роскоши. Чего Россія можетъ требовать отъ своихъ гражданъ и какого рода удивленія отъ иностранцевъ они могутъ добиваться? Въ чемъ должна состоять служба отечеству? Вывести логическую связь между мыслями Карамзина и опредѣлить самый планъ его статьи.

Мы видѣли, что нѣкоторые наши писатели прошедшаго столѣтія, стремясь создать новый *русскій* идеалъ жизни, оправданный европейскимъ просвѣщеніемъ, и недовольные крайнимъ

подражаніемъ, остановились на мысли взглянуть на древнюю допетровскую жизнь и противопоставить ее безразсуднымъ крайностямъ своего времени. Съ этой цѣлью Новиковъ заботился объ изданіи историческихъ памятниковъ: съ этой же цѣлью князь Щербатовъ сталъ писать полную русскую исторію, давая предпочтеніе старому времени и утверждая, что послѣдняя реформа Петра послужила къ развращенію нравовъ. Какъ ни односторонни были ихъ выводы, но основная мысль ихъ была вѣрна: намъ дѣйствительно нужно было выяснить связь своего настоящаго съ прошедшимъ, опредѣлить анализомъ протекшей жизни основныя черты характера народа, какъ онъ развивался и образовался. Въ вопросѣ о формахъ жизни, объ общественныхъ учрежденіяхъ, о національности первое мѣсто занимаетъ исторія. На этой же мысли остановился и Карамзинъ, лишь только явился для него самымъ существеннымъ вопросъ объ общественной жизни въ связи съ жизнью *человѣческой*. Уже и прежде онъ не разъ заводилъ рѣчь о необходимости заняться русской исторіей, но въ періодъ Вѣстника Европы это дѣло стало ему представляться патріотическимъ подвигомъ; въ немъ онъ сталъ видѣть самое могучее средство вызвать патріотизмъ русскихъ людей, необходимый для успѣшнаго и правильнаго дальнѣйшаго развитія. Другой дороги, чтобы идти впередъ и приносить пользу на литературной службѣ отечеству, Карамзину не оставалось. Задача его была провѣрить нравственный идеалъ человѣка всей русской исторіей, видѣть, что главныя черты его встрѣчаются и тамъ, что слѣдственно эта исторія не *варварская*, какъ проповѣдывали нѣкоторые, а потому намъ необходимо связать съ нею свои настоящія стремленія къ лучшему. Уже въ Вѣстникѣ Европы Карамзинъ печаталъ свои историческія статьи, представляя разные моменты изъ жизни прошлаго, какъ напр. *Русская старина, Путешествіе вокругъ Москвы, На пути въ Троицкую лавру, Мятежъ въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича* и др. Но чтобы совершенно выполнить свою задачу, ему необходимо было оставить журнальную дѣятельность и отдать все свое время историческимъ трудамъ. Сдѣлать это было не такъ легко, потому что журнальныя работы доставляли ему средства для жизни. Въ такомъ раздумьи обратился онъ къ попечителю Московскаго университета Муравьеву, человѣку весьма образованному,

умному писателю, и черезъ его посредство нашелъ сочувствіе къ предполагаемому труду въ императорѣ Александрѣ, котораго за три года, когда онъ вступалъ на престолъ, Карамзинъ привѣтствовалъ сочувственными стихами. Императоръ назвалъ его исторіографомъ, назначилъ ему пенсію въ 2000 руб. и далъ право пользоваться всѣми историческими источниками, гдѣ бы они ни оказались—въ казенныхъ учрежденіяхъ или въ монастыряхъ. Карамзинъ сначала не представлялъ себѣ такого громаднаго труда, какой въ дѣйствительности передъ нимъ открылся. Онъ думалъ въ пять лѣтъ довести исторію до Михаила Федоровича, а на самомъ дѣлѣ не успѣлъ и слишкомъ въ двадцать лѣтъ.

«Онъ приступаетъ къ дѣлу! на первомъ шагу встрѣчаются затрудненія, задержки остановки, а вокругъ мракъ киммерійскій, зги Божіей не видно, хоть глазъ уколи. Въ какомъ состояніи находилась русская исторія? Библіотеки не имѣли каталоговъ; источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; граматы лежали, разсыпанныя по монастырскимъ архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть исторіи не была обработана — ни исторія церкви, ни исторія права, ни исторія словесности, торговли, обычаевъ; для древней географіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія перепутана; генеологіей не занимались; нумизматическихъ собраній не существовало; археологіи не было въ поминѣ; ни одинъ городъ, ни одно княжество не имѣли порядочной исторіи; сношенія съ сосѣдними государствами покоились въ статейныхъ спискахъ: иностранныя лѣтописи кромѣ греческихъ не принимались въ соображеніе; древніе европейскіе путешественники въ Россіи едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ разсѣяны разсужденія о древней Россіи, никто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысячей не рѣшено окончательно; ни одного противорѣчія не соглашено.

Что же было сдѣлано?

Издано нѣсколько лѣтописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости. Написано нѣсколько исторій, удовлетворявшихъ потребностямъ своего времени; но онѣ не помогали, а увеличивали работу, приводя ученаго въ сомнѣніе своими прибавленіями и заставляя отыскивать ихъ источники. Объяснено нѣсколько древнихъ памятниковъ, но безъ необходимыхъ строгихъ доказательствъ. Положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса о происхожденіи Руси, и Шлецеръ только что указалъ, какъ надо приниматься за лѣтописи, напечатавъ первую часть своихъ толкованій на Нестора. Россійская Вивліоѳика, изданная Новиковымъ, и ея продолженіе, изданія Миллера, сочиненія Татищева, критическія замѣчанія Болтина, опыты Мусина-Пушкина съ помощію Болтина...—вотъ главныя пособія Карамзина. Надо въ введеніи сказать о народахъ, проходившихъ чрезъ наши страны, жившихъ тамъ по нѣскольку времени, оставившихъ слѣды въ именахъ и даже нѣкоторыхъ памятникахъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ грековъ и римлянъ. Надо перечесть свидѣтелей, а сколько ихъ, начиная отъ Иродота! Какія разнорѣчивыя показанія! Сколько толкованій! Многое ли приведено въ ясность, которую такъ любилъ Карамзинъ, такъ ревностно искалъ вездѣ... И принялся онъ читать, извлекать, соображать» *).

Примѣчанія къ исторіи Карамзина достаточно свидѣтельствуютъ, какихъ трудовъ она потребовала отъ автора. За ними то онъ и провелъ двѣнадцать лѣтъ въ Москвѣ, приготовивъ къ печати восемь томовъ. Только разъ онъ долженъ былъ на нѣкоторое время прервать свою работу—при нашествіи французовъ. Въ тяжеломъ патріотическомъ раздумьи онъ провелъ эти дни въ Нижнемъ-Новгородѣ, не зная, что будетъ съ его отечествомъ. Въ 1816 г. онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ

*) Н. М. Карамзинъ—Погодина часть II, стр. 21.

и занялся изданіемъ приготовленныхъ томовъ подъ названіемъ *Исторія государства россійскаго.* Первое изданіе въ числѣ 300 экземпл. было раскуплено въ нѣсколько дней. Потребовалось второе. Затѣмъ приготовлялись и печатались слѣдующіе томы. Послѣдній XII-й вышелъ въ свѣтъ неоконченный уже послѣ смерти Карамзина въ 1826 году.

Историкъ проводитъ черезъ свой трудъ одну главную мысль: Россія была сильна и славна только подъ самодержавнымъ правленіемъ; когда оно ослабѣвало, ей приходилось испытывать разныя бѣдствія. При такомъ взглядѣ онъ долженъ былъ обратить главное вниманіе на государственную или политическую сторону жизни; всѣ другія стороны заняли или второстепенный планъ въ его картинахъ, или совсѣмъ упускались изъ виду. Въ этомъ и обвиняли его нѣкоторые изъ современниковъ. Были и другіе обвинители, недовольные его взглядами и убѣжденіями; но всѣ соглашались въ одномъ достоинствѣ—въ художественной обработкѣ исторіи, въ живописномъ изображеніи историческихъ событій и лицъ, достоинствѣ, которое и теперь сохранило свое значеніе, хотя мы и не всѣ картины и лица признаемъ вѣрными дѣйствительности. Чтобы ближе познакомиться съ историческими взглядами Карамзина и съ нравственною оцѣнкою историческихъ лицъ, необходимо изучить нѣкоторыя части его исторіи. Для этого предлагаются его разсказы объ Олегѣ и Ѳльгѣ, сравнительно съ лѣтописными разсказами, которые служили ему источникомъ. Но здѣсь необходимо помнить тѣ свойства или качества, которыя историкъ высказалъ въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ: расположеніе къ чувствительности, патріотическое настроеніе и примѣненіе къ жизни извѣстнаго нравственнаго идеала. Затѣмъ нужно имѣть въ виду дидактическій взглядъ XVIII стол. на исторію: она должна быть наставницею читателей, должна учить царей и народы; отсюда являются въ исторіи общія нравственныя изрѣченія; отсюда же и самое изложеніе принимаетъ нѣкоторую торжественность; образцами въ этомъ Карамзину служили лучшіе европейскіе историки.

Какую тему для развитія выставляетъ Карамзинъ въ началѣ разсказа объ Олегѣ? Какіе вопросы ему представляются при передачѣ разсказа Нестора о походѣ Олега на Смоленскъ? Почему онъ считаетъ нужнымъ рѣшить эти вопросы и какъ отвѣчаетъ на нихъ? Съ какимъ взглядомъ

[illegible] выраженіе «Олегъ [illegible]?» Какіе вопросы пришлось рѣшать при разсказѣ о походѣ на Кіевъ? Въ какомъ видѣ представляется историку Русская земля при Олегѣ? Въ чемъ находилъ онъ причину многихъ фактовъ? Какъ относится онъ къ насильственной смерти Кіевскихъ князей? Чѣмъ объясняетъ легкое взятіе Кіева? Взглядъ историка на престолонаслѣдіе и какой вопросъ у него вытекаетъ отсюда по отношенію къ Игорю? По какому идеалу разрѣшается вопросъ о женитьбѣ Игоря на Ольгѣ? Соображенія историка о причинахъ похода Олега на Грецію, объ отношеніи Олега къ Игорю, о трудностяхъ похода, Какъ относится онъ къ кровопролитіямъ и убійствамъ со стороны Олеговой дружины и какъ смотритъ на самый разсказъ объ этомъ Нестора? Какое отступленіе пришлось ему сдѣлать по требованію патріотическаго чувства? Какъ смотритъ онъ на разсказъ лѣтописи объ осадѣ Константинополя? Изрѣченіе историка по поводу подозрѣнія, что греки хотѣли отравить Олега. На что историкъ прежде всего обращаетъ вниманіе, начиная разсказъ объ Ольгѣ? Какою причиною объясняетъ онъ торжество ея? Какою темою задается для развитія разсказа о княженіи Ольги? Какъ онъ смотритъ на лѣтописный разсказъ о мщеніи Ольги? Какими соображеніями разрѣшается вопросъ: что навело Ольгу на мысль принять христіанство и почему она не крестилась въ Кіевѣ? Какъ смотритъ историкъ на русскую княгиню среди византійскаго двора и какъ въ немъ высказывается патріотизмъ его? Какую несообразность находитъ въ разсказѣ Нестора объ отношеніи императора къ Ольгѣ?

Исторія Карамзина имѣетъ значеніе въ нашей литературѣ не только какъ трудъ ученый, но и патріотическій, способствовавшій развитію не только русской исторической науки, но и русскаго духа. Пусть патріотизмъ иногда мѣшаетъ автору проще и вѣрнѣе посмотрѣть на дѣло; зато онъ вдохновляетъ историка, дѣлаетъ его художникомъ, и вмѣсто сухаго разсказа является живое изображеніе событій и лицъ. Достоинство исторіи его не можетъ ослабиться критикою, которая справедливо указываетъ на невѣрное изложеніе нѣкоторыхъ фактовъ или на невѣрный взглядъ на нѣкоторыя эпохи. Наше уваженіе къ труду Карамзина отъ того пострадать не можетъ.

Языкъ исторіи Карамзина рѣзко отличается отъ языка его первыхъ сочиненій. Карамзинъ, имѣя дѣло съ русскими лѣтописями и граматами, могъ вникнуть въ духъ русскаго языка, воспользоваться рѣзкими характеристическими словами и выраженіями, и обогатить ими литературный языкъ, кромѣ того на него имѣлъ вліяніе и споръ о русскомъ языкѣ, начавшійся въ нашей литературѣ еще въ 1803 году книгою адмирала Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка».

*

Восхищаясь красотами церковно-славянскаго языка, а съ нимъ и языка Ломоносова, Шишковъ враждебно посмотрѣлъ на языкъ Карамзина и его подражателей. Надо сказать, что большая часть этихъ подражателей портила языкъ неумѣреннымъ употребленіемъ галлицизмовъ, которые доказывали, что они и мыслили на французскомъ языкѣ. Во всей этой порчѣ Шишковъ обвинялъ Карамзина, нападалъ на него за употребленные имъ неологизмы, какъ напр. *трогательный, сосредоточить, вліяніе*; видѣлъ причину порчи въ не русскомъ воспитаніи; указывая на достоинства языка церковно-славянскаго и ломоносовскаго, онъ хотѣлъ поставить его противодѣйствіемъ противъ французскаго вліянія. Все это и составляетъ содержаніе книги «О старомъ и новомъ слогѣ». За языкъ Карамзина горячо вступились нѣсколько хорошо образованныхъ молодыхъ писателей; у Шишкова также нашлись приверженцы изъ старыхъ писателей. Начался литературный споръ. Но скоро онъ оказался не подъ силу Шишкову, знакомому съ выраженіями языка церковно-славянскаго, но не знакомому съ языкомъ научнымъ образомъ, филологически. Онъ смѣшивалъ церковный языкъ съ русскимъ, и никакъ не могъ понять, что каждый языкъ *самъ по себѣ*, и что русскій языкъ можетъ самостоятельно развиваться. Видя свою слабость и неудачу, онъ прибѣгъ къ той темной силѣ, которая уже давно не показывалась на свѣтъ. Ненавидя просвѣщеніе и всякую новизну, она любитъ прикрываться заботами о нравственности и о чистотѣ вѣры. Шишковъ сталъ обвинять новыхъ писателей въ распространеніи вредныхъ ученій, въ развращеніи ума и сердца молодежи. Отсюда обвиненіе пошло еще далѣе: стали видѣть въ приверженцахъ новаго слога партію, которая хотѣла удалить церковно-славянскую стихію изъ русскаго языка будто бы съ намѣреніемъ отвлечь массу и отъ чтенія церковныхъ книгъ и тѣмъ поколебать въ ней христіанство. Съ этой темной силой вступили потомъ въ союзъ многія лица, замысливъ потушить свѣтъ науки.

Хотя Карамзинъ и не принималъ участія въ спорахъ объ языкѣ, но прислушивался къ нимъ, исправлялъ нѣкоторые недостатки, указанные ему противниками, и въ тоже время обрабатывалъ русскую фразу въ стройные *періоды*. Въ этомъ случаѣ произошло какъ бы сближеніе съ языкомъ ломоносов-

скимъ, но оно было только наружное: періодъ Карамзина уже не похожъ на періодъ ломоносовскій. Онъ построился согласно съ законами русскаго синтаксиса, которые послѣ Ломоносова выяснились въ нашемъ литературномъ языкѣ трудами многихъ писателей. Послѣ Карамзина вліяніе какого либо чужаго языка на русскій литературный сдѣлалось невозможнымъ.

Языкъ исторіи Карамзина прекратилъ споръ двухъ партій о слогѣ. Даже Шишковъ, въ это время президентъ Россійской академіи, признавъ заслуги Карамзина, предложилъ Академіи выбрать его въ члены и наградить большою золотою медалью, на что по своему уставу имѣла право Академія, когда за кѣмъ либо признавала литературныя заслуги.

Жуковскій (1783—1852 г.).

Взглядъ Жуковскаго на поэзію.—Первые литературные опыты.—Вопросъ о счастіи.—Вліяніе жизни на направленіе поэзіи.—Романтизмъ.—Связь съ нимъ стремленій Жуковскаго.—Біографическіе факты.—Вліяніе на русскую литературу.—Стихъ Жуковскаго.

«Поэзія есть добродѣтель; жизнь и поэзія одно и тоже; поэзія есть земная сестра небесной религіи; поэзія должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. Стихотворецъ никогда не долженъ перестать быть человѣкомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества, сыномъ отечества, не долженъ пренебрегать должностей, соединенныхъ съ этими отношеніями. Всякій изъ читателей, будучи критикомъ стихотворца, есть въ то же время и судія человѣка—и горе поэту, если одобреніе судіи не будетъ для него столь же важно, какъ и одобреніе критики».

Вотъ взглядъ Жуковскаго на поэзію, выраженный имъ въ разное время. Приписывая поэзіи особенную силу, онъ былъ новымъ взглядомъ для его русскихъ современниковъ. Идеалъ,

который должен направлять жизнь человѣка, названъ поэтому *геніемъ чистой красоты*. Онъ въ главныхъ чертахъ сходенъ съ отвлеченнымъ идеаломъ Карамзина, но въ примѣненіи къ жизни нѣсколько отличается отъ него, что зависѣло уже отъ вліянія обстоятельствъ жизни и романтической поэзіи, давшихъ мысли и чувствамъ Жуковскаго особое направленіе. Вопросъ о человѣкѣ съ его духовной стороны, безъ отношенія къ времени и мѣсту, опредѣленіе истинныхъ человѣческихъ достоинствъ былъ вопросомъ философіи, перешедшимъ наконецъ и въ поэзію. Она стремилась изобразить душевную чистоту человѣка и направить его къ добру. Отсюда она и сливается съ добродѣтелью, и съ жизнію, и съ вѣрою, и съ воспитаніемъ. Жуковскій, впечатлительный, мечтательный, чувствительный, проникся такимъ идеаломъ и такими стремленіями еще юношею въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ онъ воспитывался и гдѣ воспитаніе основывалось на искуствахъ и на изученіи языковъ, слѣд. и на знакомствѣ съ литературами. Понятно, что при такомъ взглядѣ Жуковскій поставилъ цѣлью своей жизни поэзію, лишь только почувствовалъ къ ней призваніе. Первые свои опыты онъ печаталъ, еще находясь въ пансіонѣ, занимаясь въ то же время и переводами по заказу книгопродавцевъ, такъ какъ иностранныя книги въ то время были рѣдкостью въ публикѣ, вслѣдствіе цензурной строгости. Уже и тогда въ его стихахъ выказывалось идиллическое настроеніе съ оттѣнкомъ грусти, что вытекало изъ впечатлѣній дѣтства и первой юности. Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ въ родной семьѣ исключительно въ обществѣ женщинъ, что должно было пристрастить его къ сельской природѣ и развить въ немъ чувствительность. То же самое настроеніе слышится въ первомъ его произведеніи, которое обратило на него вниманіе публики—въ переводѣ элегіи англійскаго поэта Грея «Сельское кладбище». Ее онъ напечаталъ двадцатилѣтнимъ юношею въ Вѣстникѣ Европы въ 1802 г. Въ концѣ элегіи, рисуя идеалъ поэта, онъ отступаетъ отъ англійскаго оригинала, изображая собственное настроеніе своей души или, лучше сказать, свой собственный портретъ. Какъ нельзя больше кстати пришлось это произведеніе и для общества, настроеннаго передъ этимъ на чувствительный ладъ Карамзинымъ. Не смотря на то, что литературный трудъ Жу-

ковскаго былъ только переводъ, а не оригинальное произведеніе, всѣ признали за нимъ поэтическій талантъ, понявъ, что только поэтъ можетъ такъ глубоко проникнуться поэтическою мыслію, хотя бы и чужою, и выразить ее съ такой задушевностью. Ласковая семья его такъ развила въ немъ любовь къ семейной жизни, такъ привязала къ себѣ всѣ мысли и чувства поэта, что онъ и идеалъ человѣка поставилъ въ обстановку семейной жизни. Припомнимъ, что и Карамзинъ, еще въ Письмахъ русскаго путешественника, говоря о жизни англичанъ, восхищается ихъ расположеніемъ къ жизни семейной и прибавляетъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни; припомнимъ, что впослѣдствіи онъ упрекалъ русское образованное общество за то, что въ немъ мало развита любовь къ жизни домашней, семейной, отчего страдаютъ многіе интересы жизни. Жуковскій остановился на этой идеѣ и какъ бы въ противодѣйствіе обществу сталъ представлять счастіе только въ связи съ семейною жизнью, Семья приготовляетъ будущихъ гражданъ и общественныхъ дѣятелей, слѣд. по его взгляду только хорошій семьянинъ можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, истиннымъ гражданиномъ и даже полезнымъ писателемъ. И собственнаго счастія искалъ Жуковскій въ семейной жизни, но дѣвушка, въ которой онъ видѣлъ идеалъ душевной чистоты, не могла соединиться съ нимъ, по близкому родству. Отсюда и поэзія его получаетъ особенное направленіе, въ связи съ тѣмъ романтизмомъ, который пришелся ему по душѣ и въ которомъ онъ нашелъ примиреніе съ жизнію, не давшей ему желаннаго счастія. Поэзію Жуковскаго справедливо называютъ поэтической лѣтописью его личной судьбы, но въ связи съ стремленіемъ къ высшему идеалу жизни.

Словомъ *романскій* (римскій) сначала были названы новоевропейскіе языки, происшедшіе отъ латинскаго (французскій, итальянскій, испанскій), потомъ оно перешло и на средневѣковую литературу, развившуюся на народныхъ языкахъ. Такъ какъ эта литература рѣзко отличалась отъ древней, классической, то и романскій или *романтическій* сталъ выражать противуположное классическому. Взглядъ средневѣковаго человѣка на жизнь основывался на смѣшеніи понятій христіанскихъ съ преданіями дохристіанскими, перешедшими изъ міра

римскаго, германскаго, гальскаго, норманднскаго. Стремленіе къ аскетизму поставило человѣка во враждебное отношеніе къ природѣ. Какъ древніе населяли природу разными божествами, такъ средневѣковой человѣкъ сталъ воображать среди нея темныя силы, которыя на каждомъ шагу искали случая совратить и погубить человѣка. Отсюда и идеальной красоты стали искать не въ природѣ, а въ духѣ. Вѣрованіе въ разныя таинственныя силы развило вѣру въ чародѣйство, колдовство, въ связь живаго человѣка съ умершими, въ возможность умершему являться изъ загробнаго міра по вызову живыхъ, въ возможность продавать свою душу темнымъ силамъ за мірскія блага и пр. Все это сдѣлалось содержаніемъ средневѣковой поэзіи, которая стала развивать идеалы въ сферѣ рыцарской, ставя имъ въ главное достоинство душевныя качества и подвиги религіозные. Здѣсь на ряду съ идеальнымъ рыцаремъ и идеальнымъ монахомъ ставится идеальная дама; чувство любви дѣлается однимъ изъ главныхъ интересовъ жизни; но съ нимъ тѣсно связывается идеальная чистота и непорочность. Борьба ведется съ силами темными, враждебными человѣку, гдѣ онъ или губитъ свою душу по недостатку лучшихъ душевныхъ качествъ, или спасаетъ ее по превосходству ихъ, хотя бы и съ потерею своего земнаго счастія.

Въ этой-то поэзіи стали искать для себя образцовъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія нѣкоторые германскіе поэты и критики, имѣя въ виду противодѣйствовать ложно-классической французской поэзіи. Отсюда и является новый романтизмъ, тоже какъ противуположность новому классицизму. Романтики утверждали, что въ средневѣковомъ романтизмѣ христіанство связывало въ одно и государство, и церковь, и народъ, и науку съ искуствомъ, и жизнь. Доказывали, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ проникала разнообразную жизнь: что поэтому въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни нашли тѣсную связь съ народною жизнію, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія

и наука *). Эта школа хотѣла утвердить единство поэзіи и жизни; хотѣла міръ дѣйствительности проникать духомъ поэзіи, возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искуства встрѣчались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи. Такимъ образомъ, не удовлетворяясь настоящимъ, новые романтики стали обращаться къ *прошедшему* и къ *будущему*, выражая воспоминаніе объ одномъ и предчувствіе другаго, стали развивать мечтательность, любовь къ таинственности, и отсюда туманность, неопредѣленность, представленіе идеала на недосягаемой высотѣ, какъ небожителя.

Разсказы, повторявшіе средневѣковыя вѣрованія, со всѣми чудесами стали называться *балладами*, которыя на нѣкоторое время сдѣлались любимою формою у поэтовъ. Отъ вліянія новаго романтизма не уберегся и Шиллеръ, хотя главное значеніе его было въ стремленіи возвысить человѣка, какъ существо нравственно свободное, разъяснить его настоящія человѣческія достоинства, которыя онъ долженъ развивать въ самомъ себѣ, въ своемъ духѣ, такъ какъ въ нихъ заключаются права его на свободную жизнь.

Жуковскій, склонный къ чувствительности и мечтательности, поддавшись сначала вліянію сантиментальныхъ повѣстей Карамзина, потомъ нашелъ въ нѣмецкомъ романтизмѣ родство съ настроеніемъ своей души. Неудачная любовь его утѣшалась мыслью о родствѣ душъ, которыя, не соединившись *здѣсь*, въ этомъ мірѣ, найдутъ соединеніе *тамъ*. Отсюда у него является и *романтическое* отношеніе къ прошедшему, настоящему, и будущему; отсюда такое же отношеніе и къ самому идеалу, который въ прошедшемъ свѣтился звѣздою счастія, погибъ для настоящаго и манитъ въ будущемъ за предѣлы жизни, къ небу, гдѣ и есть его настоящее жилище, какъ генія чистой красоты; оттуда онъ только на мигъ является къ человѣку, чтобы прельстить его и вызвать въ немъ стремленіе ко всему лучшему, прекрасному, чистому, свѣтлому. Дальнѣйшія обстоятельства жизни Жуковскаго еще болѣе утвердили въ немъ этотъ романтическій взглядъ. Въ 1817 году вышла замужъ любимая имъ дѣвушка, а черезъ шесть лѣтъ умерла, что

*) Истор. лит. Караулова стр. 668.

погрузило Жуковскаго въ самую глубокую печаль. Съ нею вмѣстѣ развивались въ его душѣ мысли, подобныя слѣдующимъ, которыя онъ выражалъ въ дружескихъ письмахъ.

«*Маша* болѣе нежели когда нибудь нашъ ангелъ, нашъ спутникъ, нашъ хранитель.... теперь знаю, что такое смерть, но безсмертіе стало понятнѣе. Жизнь—не для счастія: въ этой мысли заключено великое утѣшеніе. Жизнь—для души, слѣдственно *Маша* не потеряна. Кто возьметъ ее у души? Ее *здѣшнею* можно было видѣть глазами, можно было слышать; въ ея присутствіи было счастіе. Но ее *тамошнею* можно только видѣть душой, ея достойною, въ этомъ неразлучимою. Это чувство согрѣваетъ мою душу. Знаю, что не стою ея, но остатокъ жизни—этому чувству..... *Машина* потеря есть для меня религія, и вотъ почему я называю жизнь святынею. Одною только жизнію можно къ ней приближаться. Все высокое сдѣлается для меня теперь *вѣрою*, все стало понятнѣе.....»

Изъ всего этого видно, какъ развился въ Жуковскомъ взглядъ на поэзію, приведенный здѣсь въ началѣ. Она дѣйствительно сдѣлалась для него святымъ дѣломъ, какъ и жизнь; отсюда: «жизнь и поэзія одно».

Я музу юную бывало
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ незванное ко мнѣ;
На *все земное* наводило
Животворящій лучъ оно
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія—одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или на вѣкъ моя утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священный,
О геній чистой красоты.

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда,
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда!
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать,
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять.

Свой взглядъ на поэзію и жизнь Жуковскій выражалъ не только въ поэтическихъ произведеніяхъ, составляющихъ какъ бы исповѣдь души, но даже въ описаніяхъ разныхъ внѣшнихъ явленій, даже въ частныхъ письмахъ, вездѣ слышится одинакое настроеніе, вездѣ хочется ему видѣть что-то таинственное, знаменательное, такъ что иногда самая дѣйствительность обращается въ какое-то видѣніе. (Напр. Описаніе торжества 30 августа). Это уже крайность, до которой довелъ его романтизмъ.

До 1812 года Жуковскій, еще съ надеждой найти счастіе въ дѣйствительной жизни, провелъ большую часть времени съ родными то въ деревнѣ, то въ Дерптѣ, не желая себя связывать никакой оффиціальной службой и занимаясь самообразованіемъ, чтобы достойно приготовиться на служеніе поэзіи, а черезъ нея и народу. Въ то же время онъ много переводилъ для книгопродавцевъ, а въ 1809 и 1810 годахъ былъ редакторомъ Вѣстника Европы, когда особенно полно и выражалось его стремленіе къ семейному счастію. Въ 1812 году онъ участвовалъ въ московскомъ ополченіи при нашествіи французовъ и отозвался на возбужденный патріотизмъ русскаго народа извѣстною одою «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», которая быстро обошла всю Русскую землю: патріотическія его чувства, которыя высказались и въ нѣсколькихъ послѣдующихъ стихотвореніяхъ, равно какъ и несомнѣнный талантъ обратили на

него вниманіе двора. Въ 1815 году императрица Марія Феодоровна, желая его приблизить къ себѣ, сдѣлала его своимъ чтецомъ. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ легко отказывается отъ прежней жизни и переселяется въ Петербургъ. Въ 1817 году онъ былъ назначенъ въ учителя русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ (впослѣдствіи императрицѣ) а съ воцареніемъ Николая Павловича въ наставники къ наслѣднику престола Александру Николаевичу. Понимая всю важность возложенной на него обязанности, онъ отказался на нѣкоторое время отъ литературы и отдался одному педагогическому дѣлу. Это время раздѣляетъ два періода его литературной дѣятельности. Характеръ перваго мы уже опредѣлили. Второй относится къ тридцатымъ и преимущественно къ сороковымъ годамъ, когда романтизмъ перешелъ въ немъ въ религіозную мечтательность и мистицизмъ. Въ 1841 году онъ наконецъ достигъ того, къ чему стремился съ самой юности, онъ сталъ наслаждаться семейной жизнію, а съ нею и полнымъ душевнымъ покоемъ:

Милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ,
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
«Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня...»

Большую часть этого періода Жуковскій провелъ за границею, обогащая русскую литературу замѣчательными переводами лучшихъ произведеній поэзіи всѣхъ временъ и народовъ, которые никогда не утратятъ своей цѣны. Сюда относятся стихотворенія Шиллера: *Кубокъ*, *Торжество побѣдителей*, *Жалобы Цереры*, *Перчатка*, *Сраженіе съ змѣемъ*, извлеченіе изъ древнихъ народныхъ испанскихъ романсовъ подъ общимъ заглавіемъ «*Сидъ*», передѣлка поэмы *Ламотъ-Фуке Ун-*

дина, передѣлка драматической поэмы Гальма *Камоэнсъ*, переводъ индѣйской поэмы *Наль и Дамаянти*, переводъ (съ нѣмецкаго) Одиссеи и начало Иліады Гомера, переводъ персидской поэмы Рустемъ и Зорабъ и др. Но не смотря на все достоинство трудовъ Жуковскаго, не этотъ періодъ его дѣятельности имѣетъ значеніе въ нашей литературѣ. Въ эти годы она уже вырабатывала другое направленіе подъ вліяніемъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. Сильное вліяніе Жуковскаго на литературу было въ первой четверти настоящаго столѣтія, когда онъ, поддавшись нѣмецкому романтизму, нанесъ окончательный ударъ ложному классицизму, осужденному и поколебленному въ нашей литературѣ уже Карамзинымъ. Правда, и Жуковскій впалъ въ крайность, слишкомъ отрывая поэзію отъ окружающей русской дѣйствительности и всей ея обстановки, но тѣмъ не менѣе онъ представлялъ внутренній духовный міръ человѣка, не вымышляя его, а самъ переживая умомъ и сердцемъ все то, что входило въ его идеалъ; онъ стремился разъяснить истинныя вѣчныя достоинства человѣческой жизни, указывая на ея высшіе интересы, стремился и поэзіи дать высшее значеніе, сближая ее, если не съ окружающею насъ жизнью, то съ жизнью сердца, чтобы тѣмъ очистить и возвысить душу. Благодаря ему и послѣдующіе поэты стали серьезнымъ взглядомъ смотрѣть на поэзію, какъ на искусство, «которое не терпитъ суеты». Они позаботились о дальнѣйшемъ ея сближеніи уже съ русскою жизнію. Такимъ образомъ направленіе Жуковскаго, не смотря на свою крайность, имѣетъ историческое значеніе по связи съ нашимъ прошедшимъ и послѣдующимъ временемъ, равно какъ и съ ходомъ европейской цивилизаціи. Къ этому періоду относятся *Людмила* (передѣлка Леноры Бюргера), *Кассандра* (Шиллера), *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Свѣтлана, Теонъ и Эсхинъ, Эолова арфа, Орлеанская дѣва* (Шиллера); *Шильонскій узникъ* (Байрона), *Пери и ангелъ* (Мура) и мн. др. Между ними главное мѣсто занимаютъ баллады и элегіи, изъ которыхъ оригинальныя, по духу, ничѣмъ не отличаются отъ переводныхъ. Проникнутый извѣстнымъ настроеніемъ, онъ переводилъ только тѣ, которыя выражали это настроеніе, другія же согласно съ нимъ передѣлывалъ, наконецъ третьи создавалъ самъ. Хотя нѣкоторымъ изъ нихъ онъ думалъ сообщить народный колоритъ, изображая дѣйствіе въ русской сре-

дѣ или по крайней мѣрѣ въ средѣ русскаго сказочнаго міра (Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Свѣтлана), но этотъ колоритъ терялся въ личномъ настроеніи поэта, проникнутаго своимъ особеннымъ міросозерцаніемъ. Смотря на поэзію, какъ на искусство, Жуковскій обращалъ особенное вниманіе на обработку формы и въ этомъ случаѣ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Преимущественно же онъ усовершенствовалъ русскій стихъ, представивъ изящные образцы разнообразныхъ размѣровъ, надъ которыми прежде не пробовалъ силъ ни одинъ русскій стихотворецъ. Отличаясь въ первомъ періодѣ богатствомъ риѳмъ и ихъ разнообразнымъ сочетаніемъ, во второй онъ перешелъ къ стиху безриѳменному, который выигралъ въ простотѣ и безыскуственности, въ то же время сохранилъ всю прелесть звучнаго поэтическаго стиха.

Чтобы ближе познакомиться съ направленіемъ поэзіи Жуковскаго предлагаются для изученія слѣдующія стихотворенія:

1. Сельское кладбище (1802 г.).

Какую сторону въ описаніи сельскаго вечера и съ какою цѣлью поэтъ особенно старается выставить? Какъ описывается сельская жизнь и для чего дѣлается это описаніе? Какая жизнь выставляется въ противуположность ей и какъ самъ поэтъ относится къ той и другой? Какъ онъ смотритъ на смерть и природу по отношенію къ человѣку? Что причиною неравенства людей? Выгода бѣднаго сельскаго состоянія. Что говорятъ скромные надгробные памятники? Значеніе любви для умирающаго. Какой выводъ дѣлается изъ всего предыдущаго? Какія главныя черты рисуются въ идеалѣ поэта? На какія отдѣльныя части можно раздѣлить все стихотвореніе? Какая идея вытекаетъ изъ содержанія и въ чемъ полагается главный интересъ жизни?

2. Теонъ и Эсхинъ (1813 г.).

Въ чемъ Эсхинъ искалъ себѣ счастія и могъ ли найти его? Съ какимъ расположеніемъ духа возвращается онъ на родину? При какой обстановкѣ произошла встрѣча его съ другомъ? Съ чего начинается ихъ бесѣда? Въ чемъ Теонъ искалъ себѣ счастія и нашелъ ли его? Какой выводъ сдѣлалъ онъ изъ своего прошлаго? Какое значеніе для него получило прошедшее, настоящее и будущее? Что остается для жизни послѣ утраты идеала? Въ чемъ состояла ошибка Эсхина? Какія дѣятельныя средства предлагаетъ ему Теонъ? Вывести всѣ идеи, которыя передаются этимъ стихотвореніемъ. Согласны ли онѣ съ древнеклассическимъ воззрѣніемъ на жизнь? Поставленъ ли здѣсь человѣкъ въ какую либо опредѣленную историческую обстановку? Что можно заключить по смѣшенію міровъ греческаго и римскаго?

3. Эолова Арфа (1814 г.).

Раздѣлить всю балладу на отдѣльныя картины. Какія мысли вытекаютъ изъ нихъ: о значеніи любви, о разлукѣ, о связи двухъ сердецъ?

4. Узникъ (1816 г.).

Изложить по частямъ содержаніе баллады и вывести, какая идея въ немъ заключается.

5. Элевзинскій праздникъ Шиллера (1833 г.).

Значеніе праздника. Что составило первое основаніе цивилизаціи? Въ какомъ состояніи находился первоначальный человѣкъ и согласно ли оно съ достоинствомъ Зевсова творенья? Почему Церера приняла къ сердцу жалкую судьбу человѣка? Какое средство нашла она, чтобы возвысить его душою? Встрѣча ея съ дикарями. Что способствовало постепенному преобразованію ихъ въ гражданъ? Ученіе Цереры о свободѣ. Могли ли эти идеи принадлежать той древности, которая здѣсь представляется? Что поэтъ имѣлъ въ виду, сочиняя эту балладу?

Развитіе поэтической дѣятельности Жуковскаго соч. Зейдлица Жур. Мин. Нар. Просв. 1869 г. Апрѣль и слѣд.).

Батюшковъ (1787—1855 г.).

Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній.
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы, съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія!
(Умирающій Тассъ).

Въ этихъ стихахъ Батюшкова біографы видятъ изображеніе его дѣтства и отчасти всей жизни. Онъ не зналъ ласкъ матери: она страдала умопомѣшательствомъ и была удалена отъ семьи; не зналъ и ласкъ отца, который выказывалъ холодность къ дѣтямъ. На развитіе будущаго поэта имѣлъ большое вліяніе двоюродный братъ его отца Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, бывшій учитель императора Александра Павловича, попечитель московскаго университета и извѣстный въ то время писатель. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ съ прекраснымъ сердцемъ и многосторонне образованный. Батюшковъ

воспитывался подъ его надзоромъ въ Петербургѣ, обучаясь въ то же время въ пансіонахъ у разныхъ иностранцевъ. Знакомясь тамъ съ французскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ языками, занимаясь живописью и музыкою, онъ находилъ другую и лучшую для себя школу въ кабинетѣ Муравьева, наполненномъ книгами. Муравьевъ внушилъ ему любовь къ произведеніямъ классической и итальянской литературы; въ его обществѣ въ немъ развилась и страсть къ искуствамъ, особенно къ ваянію. Его грустное сиротство при живыхъ родителяхъ, сопровождаемое частымъ одиночествомъ, рано пріучило его сосредоточиваться въ самомъ себѣ, что вызывало къ дѣятельности его душевныя силы, которыми природа хорошо надѣлила его. Кончивъ свое образованіе на девятнадцатомъ году, Батюшковъ былъ зачисленъ въ гражданскую службу; но все свое время посвѣщалъ не ей, а литературнымъ занятіямъ. Въ тогдашнихъ журналахъ попадаются его первые стихотворные опыты, которые удостовѣряютъ, что его фантазія развивалась подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ. Но эти занятія скоро были прерваны перемѣною спокойной жизни на тревожную—походную. Къ ней вызвала нашего поэта война съ Франціей, объявленная въ концѣ 1806 года; онъ поступилъ въ петербургское ополченіе.

Впечатлѣнія военной жизни прекрасно выразились у него въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекій
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокій.
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ:
Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ
И съ пиками въ дыму, въ огнѣ
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: стрѣлки,
Впередъ! сюда донцы! гусары!
Сюда летучіе полки,
Башкирцы, горцы и татары!
И вотъ... о зрѣлище прекрасно!

Колонны сдвинулись какъ лѣсъ,
Идутъ... безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье на перевѣсъ,
Идутъ, ура! и все сломили,
Разсѣяли и разгромили!..

Въ кровопролитномъ бою подъ Гейльсбергомъ, въ сѣверо-восточной Пруссіи Батюшковъ былъ тяжело раненъ и перевезенъ въ Ригу, гдѣ, выздоравливая, узналъ о смерти Муравьева, къ которому питалъ самыя горячія сыновнія чувства. Лишившись его благодѣтельнаго вліянія, онъ сталъ искать жизни для сердца въ дружбѣ, которая имѣетъ важное значеніе въ его жизни. Чувства, долго сдерживаемыя въ дѣтствѣ, теперь стали въ немъ высказываться съ особенною силою и привязывали его къ разнымъ личностямъ. Друзья его цѣнили въ немъ любящую его душу, и надо сказать, что онъ умѣлъ выбирать друзей: большая часть изъ нихъ впослѣдствіи прославилась на какомъ либо поприщѣ; къ числу ихъ принадлежатъ: Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ, Уваровъ и др. Изъ Риги Батюшковъ переѣхалъ въ Петербургъ и, поступивъ въ гвардію, черезъ годъ снова отправился въ походъ въ Финляндію противъ шведовъ. Подъ страшнымъ холодомъ, среди снѣговъ и дикой природы, посреди военныхъ опасностей, выказывая мужество, Батюшковъ не забывалъ итальянскихъ поэтовъ Тасса и Петрарку и ими смягчалъ однообразіе и скуку долгихъ военныхъ стоянокъ.

Въ 1809 году, по окончаніи войны, Батюшковъ вышелъ въ отставку и снова предался литературнымъ занятіямъ. Въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» печатались прекрасные его стихотворные переводы изъ Тибула, Петрарки, Парни. Эти труды поставили его на ряду съ лучшими русскими поэтами и сблизили съ извѣстнѣйшими тогдашними литераторами: въ немъ цѣнили ясность поэтическихъ образовъ и обработку стиха, который своею пластикой напоминалъ классическую поэзію. Побывавъ въ Москвѣ и въ вологодской деревнѣ своего отца, Батюшковъ поселился опять въ Петербургѣ и снова вступилъ въ службу—библіотекаремъ при императорской публичной библіотекѣ. Съ ея директоромъ, Оленинымъ, онъ былъ до этого въ очень близкихъ отношеніяхъ. Оленинъ былъ извѣстенъ своею любовью къ литературѣ и къ искусствамъ. Кромѣ библіотеки,

онъ завѣдывалъ также академіею художествъ и сбиралъ вокругъ себя литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Его семейный кружокъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе молодыхъ талантовъ, которые онъ умѣлъ привлекать къ себѣ. Въ библіотекѣ уже служили Гнѣдичъ и Крыловъ. Съ первымъ Батюшковъ особенно сдружился и пользовался основательнымъ его знакомствомъ съ классической литературой. На направленіе его фантазіи имѣло вліяніе также изученіе древней скульптуры, въ которую онъ всматривался въ залахъ академіи художествъ (статья его: Прогулка въ академіи художествъ).

Въ 1812 году Батюшковъ рвался вмѣстѣ съ многими своими друзьями поступить въ ополченіе; но его удержало сыновнее чувство къ вдовѣ Муравьевой, которую нужно было сопровождать изъ покинутой всѣми Москвы въ Нижній-Новгородъ. Это показываетъ, какую власть надъ нимъ имѣло чувство преданности и дружбы.

Зато Батюшкову привелось три раза видѣть обгорѣлую и опустошенную Москву:

Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ...

Въ такомъ видѣ Москва произвела на него, какъ на патріота, сильное впечатлѣніе, которое и выразилось въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Лишь только Москва была очищена, и Батюшковъ убѣдился, что семейство Муравьевыхъ и безъ него можетъ остаться спокойно, онъ поспѣшилъ снова вступить въ военную службу и затѣмъ участвовалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ. Въ послѣднемъ онъ лишился своего лучшаго друга — полковника Петина. Свое сильное чувство къ нему онъ выразилъ въ стихотвореніи «Тѣнь друга». Въ Германіи онъ занялся изученіемъ нѣмецкаго языка и литературы. Въ 1814 г. онъ былъ вмѣстѣ съ войскомъ въ Парижѣ. Въ этомъ походѣ дѣятельность его фантазіи выразилась въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ «Плѣнный» и «Переходъ черезъ Рейнъ». Слишкомъ два мѣсяца прожилъ онъ въ Парижѣ, осматривая его замѣчательности и затѣмъ отправился въ Лон-

дона. Отсюда онъ переплылъ въ Швецію и далѣе черезъ Финляндію возвратился въ Петербургъ. Къ этому времени относится извѣстное его стихотвореніе: «На развалинахъ замка въ Швеціи» (переводъ элегіи Маттисона).

После многихъ странствованій и сильныхъ впечатлѣній отъ мировыхъ событій, въ которыхъ такую важную роль играла Россія, Батюшковъ не нашелъ веселья въ Петербургѣ. Онъ задумался надъ вопросомъ, что ему теперь дѣлать, и что въ силахъ предпринять онъ для пользы своей родины. Съ этимъ вопросомъ у него явилось недовѣріе къ своимъ силамъ, и тяжелая тоска овладѣла его душою:

Самое маленькое дарованіе мое (писалъ онъ къ Жуковскому), которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ... и чѣмъ замѣню утраченное время... Къ чему прибѣгнуть, и чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ... Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ: я не Плутархъ, къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками. Что жъ дѣлать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысяча надеждъ, тысяча очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя...

Но очарованій не находилъ поэтъ вокругъ себя. Изъ благодарности къ Муравьеву, онъ задумалъ заняться роскошнымъ изданіемъ его сочиненій. Но не успѣвъ кончить этого дѣла, онъ принужденъ былъ отправиться въ свой полкъ на югъ Россіи, въ Каменецъ. Въ это время онъ долженъ былъ вынести внутреннюю борьбу: принудить себя отказаться отъ брака съ любимой дѣвушкой. Обстоятельства этого дѣла, равно и состояніе его духа видны въ искреннемъ письмѣ его къ Муравьевой:

Виноватъ ли я, если мой разсудокъ воюетъ съ моимъ сердцемъ? Но дѣло о разсудкѣ: я правъ совершенно. Ни отсутствіе, ни время меня не измѣнили. Если Всевышній

не отниметъ отъ меня руки своей, то я все буду мыслить по старому, не пожертвую никѣмъ для собственныхъ выгодъ. Если Михайло Никитичъ (Муравьевъ) любилъ меня какъ ребенка, если онъ поручалъ меня вамъ, то онъ же не требуетъ ли отъ меня еще строже пожертвованій; нѣтъ, не пожертвованій, но исполненія моего долга во всей силѣ? Шестью тысячами жить невозможно въ столицѣ. Если бы и возможно было, то я не могу...

Важнѣйшее же препятствіе въ томъ, что я не долженъ жертвовать тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Я не стою ея, не могу сдѣлать ее счастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это такая истина, которую ни вы, ни что на свѣтѣ не побѣдитъ, конечно. Всѣ обстоятельства противъ меня. Не любить я не въ силахъ... Право очень грустно! Жить безъ надежды еще можно, но видѣть кругомъ себя однѣ слезы, видѣть, что все милое и драгоцѣнное сердцу страдаетъ—это жестокое мученіе, которое и вы испытали: вы любили... Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними, съ ней! Для чего я буду теперь искать чиновъ, которыхъ я не уважаю, и денегъ, которыя меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною кровлею въ нищетѣ, безъ надежды... нѣтъ, не соглашусь на это; и согласился бы, еслибъ я только на себѣ основалъ мои наслажденія; жертвовать собою позволено, жертвовать другими — могутъ одни злыя сердца... Жизнь не вѣчность, къ счастью нашему, и терпѣнію есть конецъ... Вовсе не знаю, что со мною будетъ. Ни одного плана въ головѣ, живу день за день и говорю себѣ: я дѣлаю, что должно; если это не утѣшаетъ, то поддерживаетъ, по крайней мѣрѣ.

Въ то время какъ въ письмахъ Батюшкова передавался голосъ разсудка, въ стихахъ его звучалъ голосъ сердца:

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,

И часто сладостью твоей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной:
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ...
И образъ милой незабвенной
Повсюду странствуетъ со мной,
Хранитель-геній мой—любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Засну-ль? Приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

Батюшковъ, по собственному опредѣленію, былъ «честолюбивъ и суетенъ»; но служба не удовлетворяла его честолюбію, почему онъ рвался покинуть службу и предаться литературнымъ занятіямъ; къ этому его побуждало и разстроенное здоровье. Наконецъ послѣ долгаго ожиданія, которое приводило нервнаго человѣка въ раздражительное состояніе, указъ объ отставкѣ былъ полученъ. Батюшковъ зачислился почетнымъ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки и на свободѣ дѣйствительно предался литературѣ. Въ журналахъ за 1816 годъ встрѣчается довольно его произведеній въ стихахъ и прозѣ. Прозаическія его статьи состоятъ изъ небольшихъ разсужденій, отличающихся отдѣлкою слога (какъ напр. Аріостъ и Тассъ, Петрарка, Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи, О вліяніи легкой поэзіи на языкъ); но въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни глубины мысли, ни критическаго анализа, почему онѣ и не имѣютъ для насъ особеннаго значенія. Зато какъ поэтъ, Батюшковъ по достоинству занялъ первоклассное мѣсто въ ряду нашихъ писателей, особенно въ родѣ антологическомъ. Кромѣ того, онъ съ любовью переводилъ произведенія извѣстныхъ итальянскихъ поэтовъ, которыхъ онъ особенно цѣнилъ. Въ 1817 году онъ предпринялъ изданіе своихъ сочиненій, что, конечно, еще болѣе укрѣпило его славу. Но онъ не долго могъ предаваться такимъ трудамъ. Здоровье его приходило все въ большее разстройство. Нужно было лѣчиться. Ему дана мысль хлопотать о службѣ въ Италіи при русскомъ посольствѣ. Но дѣло шло не такъ скоро, какъ ему хотѣлось, и какъ требовало слабое его здоровье. При своемъ нетерпѣливомъ характерѣ и при болѣзненной раздражительности, онъ не хотѣлъ ждать

конца и отправился изъ Москвы лѣчиться въ Одессу. Черноморскіе берега привлекаютъ его своими историческими воспоминаніями. «Здѣсь каждый шагъ важенъ для любителей исторіи и отечества, пишетъ онъ, здѣсь жили греки, здѣсь бились Суворовъ и Святославъ». Особенно же заняли его развалины древняго города Ольвіи. Онъ изучаетъ ихъ, снимаетъ планы и даже останавливается на мысли составить подробное ихъ описаніе. Подъ вліяніемъ этихъ занятій и письма его къ друзьямъ отличаются большимъ спокойствіемъ. Наконецъ при содѣйствіи друзей онъ получаетъ желанное мѣсто въ Неаполѣ при русскомъ посольствѣ. Первою его заботою было запастись книгами объ Италіи, древними и новыми ея картами и всѣмъ, что есть «любопытнаго о землѣ *Сципіоновой и Аріостовой*», какъ писалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей: «Нѣтъ ли исторіи Неаполя краткой, но вѣрной? Нѣтъ ли новѣйшихъ записокъ о правленіи, торговлѣ, войскахъ и пр., [illegible] *умоляю*». Все это хорошо представляетъ дѣятельный умъ нашего поэта. Нельзя сказать, что онъ особенно рвался въ Италію.

Я знаю Италію, не побывавъ въ ней, писалъ онъ, тамъ не найду счастія: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ. Ни зрѣлища чудесной природы, ни чудеса искуства, ни величественныя воспоминанія не замѣнятъ для меня тѣхъ, кого привыкъ любить. Но первое условіе *жить*, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батареѣ прекрасно; но въ тридцать лѣтъ умереть въ постели ужасно, и, право, мнѣ что-то не хочется.

Въ концѣ 1818 года Батюшковъ отправился на мѣсто своего служебнаго назначенія; но и итальянскій климатъ не помогъ ему; здоровье его не поправлялось, и наконецъ въ 1822 г. онъ лишился разсудка. Въ такомъ состояніи провелъ въ Вологдѣ остальные тридцать три года своей жизни одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. Какъ глубоко вкоренилось въ его сердцѣ чувство дружбы, видно между прочимъ изъ того, что въ годы его продолжительнаго умопомѣшательства ему часто предста-

ялилась погибель его друга Петина, убитаго подъ Лейпцигомъ, и колокольня сельской церкви, близъ которой тотъ погребенъ. Несчастный поэтъ все рисовалъ ихъ вмѣстѣ съ цвѣтами и [illegible].

Взглядъ Батюшкова на поэзію выразился въ его статьѣ «Поэтъ» (Хрест. къ Руков. для теорет. изуч. литер. ст. I): здѣсь онъ поэзію связываетъ съ жизнію поэта, а отъ жизни требуетъ идеальныхъ стремленій, указывая на художественные образцы поэтовъ классическихъ. Хотя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Батюшкова и видится романтическое вліяніе (Тѣнь друга, Умирающій Тассъ), но тѣмъ не менѣе его поэзія составляетъ какъ бы противовѣсъ крайнему романтизму Жуковскаго и ближе къ дѣйствительности.

Переходъ къ новому періоду.

Общественное самосознаніе.—Взглядъ Европы на Россію.—Отношеніе Россіи къ Европѣ.—Патріотическое настроеніе.—Вопросъ о народности въ литературѣ.—Значеніе переводовъ.—Новые образцы.—Поэты художники.—Главный смыслъ ихъ дѣятельности.—Народный языкъ.

Первая четверть нынѣшняго столѣтія особенно отличается стремленіемъ русскаго общества къ самосознанію, стремленіемъ, которое въ прошедшемъ вѣкѣ высказывалось только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ. Этому много способствовали политическія обстоятельства, вызвавшія русскій народъ на борьбу съ французами, въ особенности двѣнадцатый годъ, возбудившій общій патріотизмъ, и торжество русскихъ въ Европѣ какъ ея спасителей. На Россію издавна смотрѣли такъ какъ на страну варварскую, и несмотря на нашу усердную переимчивость въ прошедшемъ столѣтіи, несмотря на наше непремѣнное желаніе преобразиться въ европейцевъ, европейскій взглядъ на насъ не измѣнялся, къ нему только прибавлялось больше злобы при каждомъ новомъ проявленіи могущества русскаго государства и больше боязни за европейскую цивилизацію, которой будто бы можетъ повредить русское варварство. Хотя разные толки о Россіи единодушно повторялись въ Европѣ, но она все же не знала Россіи, убѣжденная, что русскіе не способны къ цивилизаціи, что труды Петра Великаго явленіе

случайное, а потому должно быть безплодное. Не не оправдала себя Европа въ глазахъ русскихъ, вооруженная пройдя до Москвы и напоминая имъ древнія татарскія нашествія. Не оправдала и Россія страха Европы, когда въ свою очередь прошла до Парижа и потомъ первенствовала на Вѣнскомъ конгрессѣ. Она возвращала народамъ свободу и относилась съ полнымъ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи: она честно и благодарно заплатила Европѣ за просвѣщеніе. Все это питало патріотическій духъ русскихъ и настраивало къ народной гордости, что и выразилось во множествѣ патріотическихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Конечно, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, они отличались крайнею односторонностью и пристрастіемъ, но тѣмъ не менѣе они выразили важный моментъ русской исторіи: пробужденіе чувства народности, т. е. общественнаго сознанія, что русскому народу не стыдно называться національнымъ именемъ въ средѣ европейскихъ народовъ. Хотя при этомъ нѣкоторые, дѣлая отпоръ русской подражательности, сами устремились въ другую крайность, отказываясь принять европейскій идеалъ человѣка, но при всемъ своемъ стараніи, они уже не могли уничтожить его. Онъ былъ сильнѣе ихъ, стремясь соединить съ народнымъ общечеловѣческое, ясно наконецъ сознанное лучшими и образованнѣйшими людьми русскаго общества.

Пробужденное національное чувство находило себѣ опору и въ исторіи Карамзина, которая старалась провѣрять явленія прежней русской жизни идеаломъ общечеловѣческимъ.

Вопросъ о народности въ литературѣ сталъ возникать у насъ вмѣстѣ съ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ поэзіею другихъ народовъ. Хотя еще въ прошедшемъ столѣтіи у насъ много заботились о переводахъ классическихъ произведеній древней литературы, но по большей части переводили ихъ съ французскаго языка и притомъ люди безъ художественнаго чутья, не умѣвшіе вникать въ духъ произведенія; эстетическая сторона его обыкновенно пропадала, звучные стихи подлинника передавались нерѣдко холодною и тяжелою прозою. Совсѣмъ въ другомъ видѣ являются эти же произведенія въ нынѣшнемъ столѣтіи изъ подъ пера поэтовъ талантливыхъ. Знакомясь съ ними въ подлинникахъ, они умѣли сохранить и пластическія красоты ихъ, художественно обрабатывая самый языкъ въ звуч-

немъ стихѣ. Не ограничиваясь этимъ, они писали и собственныя произведенія въ классическомъ духѣ. Самымъ талантливымъ былъ Батюшковъ, отличаясь художественною обработкою формы и тѣмъ давая возможность оцѣнивать классическую красоту. Кромѣ него, Гнѣдичъ прославилъ себя переводомъ Иліады, Мерзляковъ, болѣе или менѣе удачно, передавалъ лучшія мѣста изъ греческихъ трагедій и оды Пиндара. Вмѣстѣ съ этимъ стали являться и переводы лучшихъ произведеній итальянской поэзіи, точно такъ какъ и разсужденія о тѣхъ и другихъ съ цѣлью показать ихъ особенности. Отсюда былъ легкій переходъ къ вопросу о русской литературѣ и ея особенностяхъ. Но въ ней оказывались болѣе особенности литературы французской, которой она подражала. Теорія же французская, уже осужденная европейскою критикою, была поколеблена и у насъ, особенно когда намъ стали показывать лучшіе образцы поэзіи другихъ народовъ. Хотя еще продолжали являться ея защитники и ревностно отстаивали ее, но такъ называемые *романтики*, т. е. поэты съ новымъ направленіемъ оказывались сильнѣе ихъ; они стали брать себѣ въ образцы Шекспира, Шиллера, Вальтеръ-Скотта, Байрона, за содержаніемъ обращаясь къ русской исторіи, къ русской народной поэзіи, къ русской современной имъ жизни.

Такому важному повороту нашей литературы къ народности много способствовали замѣчательные поэты-художники, какъ Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь. Давая художественные образцы народныхъ произведеній, ими они содѣйствовали съ одной стороны развитію эстетическаго чувства, съ другой разрѣшенію вопроса, въ чемъ должна заключаться народность литературнаго произведенія.

Въ то время какъ въ литературѣ и въ обществѣ одни отстаивали формы, выработавшіяся въ XVIII стол., другіе хотѣли оживить жизнь новымъ духомъ, по новому идеалу, наши поэты-художники представляли или коренныя свойства русскаго народа, или тѣ неправильныя отношенія между русскими людьми, которыя исторически развились въ русскомъ образованномъ обществѣ и противорѣчили идеалу человѣка. На такое развитіе имѣли вліяніе табель о рангахъ и крѣпостное право. Благодаря первому, чинъ, давая особенныя привиллегіи, получилъ и особенное значеніе въ жизни, такъ что ею уже управлялъ не идеалъ человѣка, а идеалъ чиновника, съ которымъ связывался вопросъ

о личной силѣ и личномъ благосостояніи. Выйти въ люди значило пріобрѣсти себѣ значительный чинъ и доходное служебное мѣсто. Отсюда развивается и сильное исканіе чиновъ во всемъ обществѣ, которое съ чиномъ связало даже самое воспитаніе и образованіе. Отсюда же и уваженіе однихъ внѣшнихъ достоинствъ въ человѣкѣ безъ всякаго отношенія къ достоинствамъ внутреннимъ, человѣческимъ. Повѣрка новой жизни русскаго общества показала, что одна изъ силъ европейской цивилизаціи — свободный трудъ, осталась почти безъ развитія. Петръ Великій хотѣлъ совершить свое преобразованіе крѣпостнымъ трудомъ; это средство казалось ему единственно надежнымъ и возможнымъ; оно давалось самимъ вѣкомъ — результатомъ всего предшествовавшаго развитія; но оно же потомъ обезсиливало успѣхи цивилизаціи, развивая неуваженіе къ труду и тѣмъ мѣшая развиваться труду свободному, на который не вызывался никто по ничтожной его оцѣнкѣ. Отсюда и самое образованіе получило ложное направленіе, обратившись въ одинъ внѣшній лоскъ. Наука не цѣнилась, потому что безъ нея, да и вообще безъ всякаго труда, пріобрѣтались и чины, и благосостояніе. Самые интересы, собиравшіе людей въ общество, были слишкомъ мелочны и ничтожны — это интересы болѣе *клубные*, т. е. развлеченія и желаніе убить какъ нибудь пріятнѣе время. Другихъ общихъ, болѣе высшихъ интересовъ у большинства не было, слѣдовательно нравственный уровень былъ очень низокъ. Понятно, что при господствѣ личныхъ интересовъ былъ враждебно встрѣченъ новый идеалъ, который на первый планъ выставлялъ внутреннія или нравственныя достоинства человѣка и трудъ на общую пользу. Горячо должны были вступиться за свои интересы и чиновники, и помѣщики. Для твердой опоры они поспѣшили соединить ихъ съ интересами государственными и объявили, что новый идеалъ въ союзѣ съ силами, враждебными государству, порядку, нравственности, что люди, усвоившіе его, хотятъ безначалія.

Всѣ эти понятія въ своеобразномъ выраженіи составляли типическія черты общества, которыя и рисовались Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ. Они рѣзко и наглядно представляли несостоятельность общественныхъ идеаловъ, въ противорѣчіи съ европейскимъ просвѣщеніемъ, которымъ прикрывалось общество, называя себя образованнымъ. Сатира, иронія, юморъ, мораль,

въ художественной формѣ обращавшееся въ [illegible] орудіе, приводило все общество къ ясному сознанію собственныхъ недостатковъ, защищать которые разумно не было никакой возможности. Неправильныя отношенія русскихъ людей между собою и ко всѣмъ условіямъ просвѣщенной жизни были осуждены русскимъ практическимъ умомъ, который выводитъ себѣ правила изъ совершившихся фактовъ, были поражены той ѣдкой ироніей, которая характеризуетъ русскаго человѣка. Художественные типы безъ малѣйшихъ преувеличеній и безъ всякихъ каррикатуръ сразу показали свою силу, сблизивъ литературу съ общественною и народною жизнію. Съ другой стороны является Пушкинъ съ ощущеніями русскаго человѣка посреди русской природы и русской жизни, съ необыкновеннымъ умѣньемъ артистически передавать картины и впечатлѣнія отъ нихъ. Усвоивъ себѣ взглядъ нѣмецкихъ критиковъ на поэзію, какъ на искуство, которое имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ, *прекрасно* представляя всѣ ощущенія жизни, Пушкинъ своей поэзіей пробуждалъ чувство естественной красоты въ противуположность всему вычурному, ложному, надутому, неестественному, что выражалось въ ложноклассической и отчасти сантиментальной поэзіи. Это чувство въ свою очередь должно было обратиться въ нравственную силу въ самой жизни при оцѣнкѣ ея явленій. Не только впечатлѣнія отъ современной русской жизни прекрасно представлялъ Пушкинъ, но обращался и къ прошедшему—къ важнѣйшимъ моментамъ русской исторіи и оттуда выводилъ живыя русскія лица, передавая, гдѣ можно, и отношеніе къ нимъ своей современности.

Связавъ такимъ образомъ поэзію съ русской жизнію, съ европейскимъ идеаломъ и съ требованіями чувства естественной красоты, наши поэты должны были усилить и средства литературнаго языка. Простонародныя пѣсни, сказки, пословицы представили богатыя средства для выраженія дѣятельности русскаго ума и впечатлѣній отъ русской жизни. Языкъ ихъ вмѣстѣ съ разговорнымъ языкомъ простаго народа пріобрѣтаетъ законное право на участіе въ развитіи литературнаго языка, обогащая не только его словарь новыми словами, но и часть синтаксическую разными идіотизмами. Этотъ новый языкъ назвался у насъ языкомъ народнымъ. Слово же *народный* въ первую пору обратилось въ выраженіе высшей похвалы какъ

помогать, какъ и своимъ произведеніемъ, что показываетъ признаніе важности совершившагося факта.

Крыловъ (1768—1844 г.).

Въ 1783 году пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Крыловъ пріѣзжаетъ изъ Твери въ Петербургъ вмѣстѣ съ матерью, бѣдной вдовою, которая намѣревалась хлопотать о пенсіонѣ за службу своего мужа. Этотъ мальчикъ уже служилъ въ судахъ; съ самымъ элементарнымъ школьнымъ образованіемъ, уже прочиталъ много русскихъ книгъ, самоучкой уже нѣсколько научился по-французски, пробовалъ свои силы на литературныхъ трудахъ, съ сильной страстью сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Въ Петербургѣ онъ не остался безъ дѣла, а тотчасъ же свелъ нѣсколько знакомствъ съ писателями и артистами, выслушивалъ отъ нихъ наставленія и литературныя правила, по которымъ и составлялъ драмы. Опредѣлившись на службу, онъ прилежно занялся чтеніемъ и находилъ даже время учиться играть на скрипкѣ. Во всемъ онъ выказывалъ сильный практическій умъ и замѣчательныя дарованія. Хотя драмы его были довольно слабы, но тѣмъ не менѣе заслуживали вниманія, какъ произведенія юноши, нигдѣ не учившагося и хватавшаго все на лету. Мало разсчитывая на успѣхъ службы, онъ выказываетъ предпріимчивый духъ. Въ 1789 году, когда ему было всего двадцать одинъ годъ, онъ выходитъ въ отставку, устраиваетъ типографію и послѣдовательно издаетъ журналы: Почта духовъ, Зритель, С.-Петербургскій Меркурій. Въ нихъ онъ выказываетъ сатирическій талантъ, представляя въ разнообразныхъ формахъ нравы своего времени, которые никакъ не могли назваться нравами образованнаго общества. Въ нихъ съ замѣчательною наблюдательностью онъ выказываетъ и знаніе духа русскаго языка: фраза его составляется свободно, безъ вліянія славянизмовъ и галлицизмовъ, которыми тогда отличался нашъ литературный языкъ. На журнальномъ поприщѣ Крыловъ столкнулся съ Карамзинымъ, и хотя у обоихъ ихъ были честныя и патріотическія стремленія, но въ самомъ началѣ своей дѣятельности они не поняли другъ друга. Занимаясь сатирой, Крыловъ про-

должалъ писать драмы и комедіи, которыя и ставились на сцену, пробовалъ силы въ одахъ, въ разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ. Имя его сдѣлалось уже достаточно извѣстнымъ, и вдругъ онъ бросаетъ свои литературныя занятія, увлекается праздной и разсѣянной свѣтскою жизнію, предается со страстью карточной игрѣ, и такимъ образомъ у него проходитъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ все это ему наскучило. Въ 1801 году при содѣйствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, оцѣнившей его талантъ, онъ снова вступилъ въ службу, которая привязала его въ Ригу. Черезъ два года, когда начальникъ его, рижскій военный губернаторъ князь Голицынъ долженъ былъ выдти въ отставку, Крыловъ послѣдовалъ за нимъ, оставилъ службу и три года провелъ въ Саратовской деревнѣ князя безъ всякаго дѣла, иногда отъ скуки занимаясь обученьемъ дѣтей своего гостепріимнаго хозяина. Такимъ образомъ прошла его молодость; прежній пылъ ея погасъ; исчезла и прежняя предпріимчивость и дѣятельность его: все какъ будто бы поглотила необыкновенная тучность его тѣла. Но скоро онъ доказалъ, что талантъ его не погасъ, что наблюдательность его не ослабѣла, что прежніе труды его были только опыты, исканія настоящей дороги къ славѣ. Въ 1806 г. Крыловъ снова является въ Петербургъ, привозитъ съ собою комедіи *Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ*, отличающіяся ѣдкостью сатиры на слѣпое пристрастіе русскихъ къ французамъ, и, подражая баснописцу Дмитріеву, берется за Лафонтена, переводитъ двѣ его басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивая невѣста*. Переводъ вышелъ мастерскій въ полномъ смыслѣ. Самъ Крыловъ убѣдился, что нашелъ себѣ трудъ по таланту. И вотъ онъ прилагаетъ къ разработкѣ басни свой практическій, ясный умъ, свою наблюдательность, знаніе жизни, пониманіе духа народнаго языка; онъ списываетъ русскую жизнь и тонкой ироніей выражаетъ свое къ ней отношеніе. Эта иронія, вытекающая изъ спокойнаго созерцанія жизни, безъ всякаго раздраженія, безъ злобы и гнѣва, удостовѣряетъ, что ранѣе Крыловъ и не могъ приняться за свою басню: нужны были годы, чтобы вглядѣться въ жизнь, чтобы понять истинныя потребности русской жизни, проникнуться извѣстными убѣжденіями, которыя бы обратились въ основаніе морали; нужно было поставить себя въ независимое спокойное положеніе наблюдателя, котораго ничто не можетъ раздражать

и сердитъ; но въ которомъ каждое противоречіе съ разумностью отражается насмѣшливою улыбкою. Такимъ Крыловъ представляется намъ въ басняхъ; такимъ явился онъ и въ своей дальнѣйшей жизни—тихой, безпечной, однообразной. Въ 1812 году онъ поступилъ на службу въ императорскую публичную библіотеку и, скоро затѣмъ получивъ казенную квартиру, почти тридцать лѣтъ прожилъ въ ней при одной и той же обстановкѣ, съ одними и тѣми же привычками. Много разсказовъ сохранилось о немъ. Всѣ они выражаютъ или быструю его сообразительность и находчивость, или остроуміе, или безпечность. Въ 1838 году петербургскіе литераторы, ученые, артисты и другіе цѣнители его таланта, устроили торжественный юбилей его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. Никто еще изъ русскихъ писателей при жизни не видалъ такого торжества и такого искренняго и общаго признанія своихъ заслугъ. Это былъ одинъ ли не единственный фактъ, который выдался въ жизни Крылова за все то время. Въ 1841 году онъ оставилъ службу, а черезъ три года умеръ семидесятишести-лѣтнимъ старикомъ. Всѣхъ басенъ его считается около двухсотъ; изъ нихъ тридцать заимствованы у другихъ, остальныя же принадлежатъ ему и по вымыслу, и по разсказу.

Въ басняхъ Крылова замѣтна родственная связь съ русской народной пословицей. Какъ въ той такъ и въ другой одинаково выразился русскій *практическій* умъ, дѣлающій общіе выводы только изъ того, что уже прожито и испытано въ жизни. Эти выводы и принимаются русскимъ человѣкомъ за здравый смыслъ; они также берутся имъ какъ правила или мораль для жизни. Не охотно онъ уступаетъ всему новому, что еще не испытано имъ на практикѣ, не увлекается обѣщаемыми выгодами, которыя представляются лишь по соображенію а не по опыту: для него старый другъ лучше новыхъ двухъ. У Крылова къ практическимъ выводамъ приводятъ факты изъ дѣйствительной жизни. Своимъ здравымъ смысломъ онъ хорошо освѣщаетъ эти факты и доводитъ читателя до правильной ихъ оцѣнки.

Басня Крылова представляетъ и другую коренную черту русскаго духа—тонкую и вмѣстѣ незлобивую *иронію* въ отношеніи ко всѣмъ сознаваемымъ неправильностямъ жизни; русскій человѣкъ съ иронісй смотритъ даже на страданія своей собственной жизни; они ему представляются какъ бы неестествен-

ныхъ, противорѣчивыхъ нравственному идеалу, мирящимся слѣпою судьбою, съ которой нельзя ничего подѣлать. Такое ироническое отношеніе къ разнымъ явленіямъ жизни спасаетъ человѣка отъ отчаянія и свидѣтельствуетъ о замѣчательной силѣ его духа. Эта иронія выразилась отчасти въ русскихъ пословицахъ, а болѣе въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ. Въ большей части басенъ Крылова является такая же тонкая иногда простодушная иронія въ отношеніи къ фактамъ, иронія, замѣняющая оцѣнку факта, приговоръ и самую мораль. (См. м. Руков. для теорет. изученія литературы басня).

Кромѣ этихъ коренныхъ чертъ, связывающихъ басни Крылова съ русской народностью, въ ней отразилась и современная ему русская жизнь или лучше жизнь всего русскаго народа въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ особенно ярко бросались въ глаза весьма важные, даже коренные недостатки всей русской жизни. Безчисленные факты изъ ежедневной жизни представляли баснописцу неправильныя отношенія не только между отдѣльными личностями, но и между сословіями, отношенія, которыя вносили зло въ общую жизнь. Всѣ ловко сгруппированныя имъ лица, всѣ ярко очерченныя маленькія сцены говорятъ объ одномъ и томъ же: въ жизни этого общества, этого народа нѣтъ тѣхъ общихъ высшихъ интересовъ, которые должны лежать въ основаніи нравственной жизни; здѣсь всѣ сильные своекорыстны, слабые—жертвы этого своекорыстія, если не умѣютъ вооружить себя лестью, обманомъ, коварствомъ, хитростью, лукавствомъ и всѣми непривлекательными качествами, которыя развиваются у человѣка въ тяжелыхъ заботахъ о своемъ личномъ существованіи. Но и своекорыстіе не всегда доводитъ до благоденствія, и оно нерѣдко влечетъ за собою зло для тѣхъ, кто по своему низкому нравственному развитію понимаетъ только одни личные интересы. Во всякомъ же случаѣ изъ такихъ неправильныхъ отношеній вытекаетъ зло для государства, зло для общества, зло для всего народа. Вотъ общая мораль Крылова, которая встрѣчаясь въ каждой баснѣ прикрывается разными частными моральными выводами, но почти всѣ они сводятся къ одному общему. Крыловъ выставляетъ явленія изъ современной ему жизни административной, судейской, военной, помѣщичьей, промышленной, торговой, педагогической и вездѣ находитъ одни и тѣ же нравственныя основанія—

вадѣ проявляется недостатокъ общественной нравственности, неразвившейся конечно по историческимъ причинамъ.

Басни Крылова вызывались не только фактами изъ ежедневной русской дѣйствительности, но и событіями политическими или историческими, какъ напр. Воспитаніе льва (воспитаніе императора Александра I), Волкъ на псарнѣ (судьба Наполеона I въ Россіи), Ворона и курица (бѣгство москвичей изъ Москвы въ 1812 г.), Квартетъ (несогласіе министровъ импер. Александра I) и т. д.

Вліяніе вѣка въ особенности отразилось на языкѣ Крылова, который въ его время являлся образцемъ народнаго языка и который по настоящее время не совсѣмъ справедливо считается доступнымъ не только русскому простонародью но и дѣтямъ.

Народности его мѣшаютъ образы, созданные фантазіей другихъ народовъ, какъ напр. Зевеса, Аполлона, Борея и др., которые не рѣдко являются въ его разсказахъ. Конечно, это объясняется общимъ обычаемъ тогдашнихъ поэтовъ обращаться къ древней мифологіи или даже древней исторіи за образами для поэтическаго выраженія своихъ идей, что вызывалось историческимъ развитіемъ европейскихъ литературъ. Крыловъ еще менѣе другихъ пользовался этимъ обычаемъ, и ранѣе другихъ усвоилъ себѣ синтаксисъ народной рѣчи.

Грибоѣдовъ (1794—1829 г.).

Родиною Грибоѣдова была Москва. Природа одарила его замѣчательными способностями, которыя развились сперва домашнимъ воспитаніемъ, потомъ университетскими лекціями. Принадлежа къ высшему московскому обществу, семейство его готовило юношу отчасти къ дипломатической службѣ, отчасти къ свѣтской жизни. Онъ овладѣлъ довольно основательно языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, занимался политическими науками и изучалъ музыку. Отъ этихъ занятій отвлекъ его 1812 годъ. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Грибоѣдовъ вступилъ въ военную службу для защиты отечества. Но самая военная жизнь не привлекла его, и черезъ четыре года онъ вышелъ въ отставку. Сблизившись съ нѣкоторыми молодыми людьми, занимавшимися литературой, въ особенно-

сти къ драматической поэзіи; онъ и самъ сталъ пробовать свои силы, упражнялся въ стихотворствѣ и передѣлывалъ на русскіе нравы небольшія французскія комедіи. Друзья поощряли его, и надо сказать, что его горячее и нѣжное сердце особенно раскрывалось для дружбы; съ другомъ онъ готовъ былъ раздѣлить все. И нѣкоторые даровитые друзья его въ самомъ дѣлѣ имѣли вліяніе на развитіе его таланта. Поселившись въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ обращалъ на себя вниманіе образованнаго общества умомъ, образованіемъ, веселымъ нравомъ и въ особенности благородствомъ характера. Онъ пристрастился къ театру, сблизился съ лучшими тогдашними актерами, что еще болѣе привязало его къ драматической поэзіи. Но разсѣянная свѣтская жизнь дозволяла ему только урывками заниматься ею. Вступивъ въ службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ противъ своей воли въ 1818 году былъ опредѣленъ секретаремъ персидской миссіи. Въ Персіи онъ занялся изученіемъ персидскаго языка и, благодаря своимъ способностямъ, сталъ не только свободно объясняться съ персіянами, но и читать ихъ лучшихъ поэтовъ. Своимъ поведеніемъ и характеромъ онъ всегда умѣлъ привлекать къ себѣ людей; такъ и здѣсь лучшіе персидскіе сановники съ уваженіемъ относились къ нему, что, какъ говорятъ, способствовало согласію между обоими правительствами. Но въ то же время онъ сдѣлался предметомъ злобы низшаго класса персіянъ, когда въ русское посольство стали являться бывшіе русскіе подданные, попавшіе въ Персію по разнымъ обстоятельствамъ, и просили о своемъ возвращеніи на родину. Грибоѣдовъ принималъ участіе въ ихъ судьбѣ, и въ 1822 году ему поручено было проводить ихъ до русскихъ границъ. На пути онъ не разъ подвергался опасности лишиться жизни отъ озлобленныхъ персіянъ.

Но жизнь вдали отъ друзей, среди чужаго невѣжественнаго народа томила его. Еще въ 1820 году онъ задумалъ оставить службу и выразилъ свое намѣреніе въ коротенькой запискѣ, которая прекрасно изображаетъ его прямой, откровенный характеръ и его стремленія:

«Познанія мои заключаются въ изученіи языковъ — славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и араб.

[illegible]. Для того, кто хочетъ быть полезнымъ обществу еще недостаточно имѣть нѣсколько рѣченій для выраженія одной мысли; чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобъ пріобрѣсть свѣдѣнія, прошу объ увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, гдѣ не только ничему не научишься, а еще забудешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ».

И такъ самообразованіе и наука занимали мысль Грибоѣдова; свѣтская жизнь перестала привлекать его. Еще на пути въ Персію онъ писалъ къ одному пріятелю:

Въ Москвѣ все не по мнѣ — праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему нибудь хорошему; прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему нибудь изящному... Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ.

Сознаніе въ себѣ силъ на трудъ, важный и полезный отечеству, не разъ высказывалъ Грибоѣдовъ и всегда останавливался на мысли, что необходимо наукою приготовить себя къ этому.

Въ 1822 году Грибоѣдовъ былъ переведенъ къ главноуправляющему въ Грузіи Ермолову, по дипломатической части. Еще въ Персіи онъ развивалъ планъ комедіи *Горе отъ ума*, а здѣсь занялся его обработкою. Но онъ остался недоволенъ ею, когда въ слѣдующемъ году, получивъ отпускъ, пріѣхалъ въ Москву и сталъ ближе приглядываться къ московскому обществу. Здѣсь многіе типы представились ему яснѣе и живѣе; онъ прилежно принялся за передѣлку комедіи. Каждый выѣздъ въ свѣтъ, говоритъ одинъ изъ его пріятелей, представлялъ ему

[illegible] [illegible]; и часто случалось, что, возвратясь поздно домой, онъ писалъ по ночамъ цѣлыя сцены въ одинъ присѣстъ. Горячіе монологи Чацкаго ясно говорятъ, въ какомъ настроеніи въ это время былъ онъ самъ: сколько патріотизма, сколько любви къ европейскому просвѣщенію, сколько ненависти къ врагамъ его и къ ложному образованію было въ душѣ его. Съ рукописью комедіи Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ; здѣсь послѣ каждаго чтенія тому или другому изъ своихъ друзей онъ продолжалъ передѣлки и въ то же время хлопоталъ о дозволеніи напечатать комедію и поставить на сцену. Но она казалась столь рѣзкою и непривычною для слуха людей, имѣвшихъ власть, что онъ не могъ получить цензурнаго разрѣшенія. Все это крайне ему наскучило. Презрѣнныя заботы о томъ, чтобы напечатать комедію, [illegible] ему; [illegible] ли его въ противорѣчіе съ лучшими и высшими стремленіями его души:

«Не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія, писалъ онъ пріятелю... Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ... Ты насквозь знаешь твоего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична ли спѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій!»

Но комедія помимо типографіи быстро стала расходиться въ публикѣ въ рукописяхъ, и въ короткое время вся читающая Россія чуть не наизусть знала ее. Цѣлый годъ провелъ Грибоѣдовъ въ Петербургѣ и, ничего не добившись, рѣшился возвратиться въ Грузію черезъ Кіевъ и Крымъ. Въ какомъ настроеніи въ это время была душа его, мы видимъ изъ его писемъ съ дороги:

Ты хотѣлъ знать, что я съ собой намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ... Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? Умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать—за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? нѣмъ какъ гробъ! Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ... Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно, веселый человѣкъ. Тфу, злодѣйство!... Да, мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно!... Вѣрь мнѣ; чудесно всю жизнь свою прокатиться на 4-хъ колесахъ: кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ, воображенье свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завѣюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною; часто же они дураки набитые. Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности.

Изъ этихъ строкъ видно, что Грибоѣдовъ чувствовалъ въ себѣ много душевныхъ силъ, но не находилъ имъ исхода. Окружающая дѣйствительность была такъ пуста, что не могла привлечь его къ какой-либо дѣятельности; отсюда недовѣріе къ самому себѣ, безпокойное состояніе духа, цѣль жизни теряется, и даже приходитъ мысль о смерти.

Мнѣ такъ скучно, такъ грустно, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, скажи мнѣ что нибудь въ отраду; я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это такъ долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ, пускай оно останется добродѣтелью тяглаго скота! Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь

въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало. Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета: а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

Возвратясь въ Грузію, Грибоѣдовъ искалъ развлеченія въ военныхъ экспедиціяхъ противъ чеченцевъ. Но въ слѣдующемъ 1826 году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ оправдываться отъ разныхъ подозрѣній со стороны правительства. Здѣсь лично узналъ его императоръ Николай Павловичъ и по его просьбѣ снова отпустилъ его въ Грузію. Небольшая статейка Грибоѣдова «Загородная прогулка», напечатанная въ петербургской газетѣ, знакомитъ насъ съ тѣми мыслями, которыя въ это время занимали его. Изображая хороводы парголовскихъ крестьянъ, онъ прибавляетъ:

«Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самыхъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки не внятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужими между своими? Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами; а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами и на вѣки! Еслибы какимъ нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами».

Пріѣхавъ снова въ Грузію, Грибоѣдовъ нашелъ себѣ много работы. Началась война съ Персіей подъ предводительствомъ графа Паскевича, родственника Грибоѣдова. Нашъ писатель былъ безотлучно при немъ, перенося всѣ военные труды и занимаясь оффиціальною перепискою. Но въ тоже время ему мечталась и другая жизнь:

«Буду ли я когда нибудь независимымъ отъ людей, писалъ онъ. Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ и, можетъ статься, на перекоръ судьбѣ. Поэзія! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобъ себя прославить? И наконецъ, что слава? по словамъ Пушкина: яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца. Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Всетаки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ... Кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща».

Не удалось Грибоѣдову выдти на другое поприще. По заключеніи мира въ 1827 году, въ чемъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, онъ былъ отправленъ съ трактатомъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ щедро награжденъ и назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ, отличенный отъ другихъ, какъ человѣкъ, знающій персидскій языкъ, страну, нравы и обычаи, характеръ двора и главнѣйшихъ сановниковъ. Такимъ образомъ, вмѣсто отставки, о которой мечталъ, чтобы совершенно посвятить себя наукѣ и литературѣ, онъ долженъ былъ снова ѣхать въ Персію. Непріятное впечатлѣніе отъ прежней его жизни въ этой странѣ, отъ непріязненнаго отношенія къ нему народа еще живо сохранилось въ его памяти. При сильномъ воображеніи ему уже представлялось, что не сдобровать ему въ Персіи, и эту мысль принималъ онъ за предчувствіе, повторяя друзьямъ: тамъ моя могила, чувствую; что не увижу болѣе Россіи. По странному стеченію обстоятельствъ такъ и случилось. По неосмотрительности онъ составилъ себѣ посольскую свиту въ Тифлисѣ изъ армянъ и грузинъ, изъ которыхъ одни были нравственно распущенные и

рассчитывали на несомнѣнные наживы подъ покровительствомъ сильнаго русскаго посланника; другіе же шли отыскивать своихъ родственниковъ, захваченныхъ въ плѣнъ персіянами, которые по трактату должны были возвращать ихъ. За всей этой свитой былъ крайне дурной присмотръ, такъ что она еще на пути въ Тегеранъ позволяла себѣ злоупотребленія, которыя скрывались отъ посланника. Въ Тегеранѣ же, въ то время какъ Грибоѣдова принимали съ большимъ почетомъ при дворѣ, она дѣлала розыски о русскихъ плѣнныхъ, не заботясь о томъ, чтобы согласоваться съ правами, обычаями и религіей народа; многихъ брали даже силою на посольскій дворъ и представляли посланнику дѣла въ превратномъ видѣ. Мусульманское духовенство, считая оскорбленною свою религію и народную честь, легко вызвало городскую чернь къ мятежу. Она окружила русскій посольскій домъ, перестрѣляла посольскую свиту въ числѣ двадцати шести человѣкъ и изрубила самого посланника. Трупъ его былъ такъ обезображенъ, что его едва могли узнать между другими трупами по лѣвому мизинцу *). Онъ былъ перевезенъ въ Тифлисъ и тамъ погребенъ.

При жизни Грибоѣдову не удалось видѣть въ печати свою комедію. Ее стали давать на сценѣ и печатать уже въ тридцатыхъ годахъ и то съ большими сокращеніями и даже измѣненіями, въ то время какъ по распространившимся рукописямъ ее знала вся читающая Россія.

Связь комедіи Грибоѣдова съ ея временемъ представляется въ изображеніи тѣхъ новыхъ стремленій, которыя развивались въ молодомъ поколѣніи въ царствованіе императора Александра I. Въ началѣ они были вызваны самимъ царемъ, вступившимъ на престолъ съ самыми искренними желаніями осчастливить народъ уничтоженіемъ тѣхъ коренныхъ золъ, которыхъ много накопилось въ администраціи, въ судахъ, и особенно въ помѣщичьемъ правѣ. Онъ и началъ съ преобразованія разныхъ государственныхъ учрежденій. Но успѣху помѣшали тѣ особыя условія, въ которыхъ было воспитано русское образован-

*) Въ 1818 году въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ дрался на дуэли съ Якубовичемъ, оскорбившимъ его, и былъ раненъ въ лѣвый мизинецъ, который съ тѣхъ поръ онъ не могъ разгибать.

ное общество. Въ идеалъ образованнаго человѣка у него не входило представленіе національности и нравственной связи этого человѣка съ массою народа. Воспитаніе отрывало юношу отъ народа и образовывало космополита или иначе человѣка безъ національности. Это исключительное стремленіе къ космополитизму не требовало близкаго знакомства съ отечествомъ и народомъ: родной языкъ, русская географія, исторія русскаго народа и все, что развиваетъ національное чувство и сближаетъ съ народомъ, устранялось изъ воспитательныхъ программъ. Изъ такого воспитанія выходили часто добрые люди, съ европейскими идеалами, съ честными стремленіями, съ новыми идеями, заимствованными изъ современныхъ европейскихъ литературъ, но съ полнымъ отчужденіемъ отъ русскаго народа, съ полнымъ незнаніемъ ни его прошедшаго, ни настоящаго. Все народное въ ихъ глазахъ являлось только *невѣжественными*. А между тѣмъ они думали о будущемъ этого народа и замышляли его устроить лишь на основаніи новыхъ политическихъ идей, составляли планы преобразованій у себя въ кабинетахъ, какъ бы тайкомъ отъ той среды, для которой они назначались. Конечно изъ замышляемыхъ преобразованій не могло выходить того, чего отъ нихъ ожидали. Къ этому же присоединилось и противодѣйствіе того большинства, которое не сочувствовало новѣйшимъ стремленіямъ космополитовъ, кто изъ личныхъ разсчетовъ, кто изъ пристрастія къ старинѣ, кто изъ сознанія несвоевременности замысловъ. Хотя въ послѣдствіи императоръ Александръ, видя неудачу своихъ плановъ, охладѣлъ къ нимъ и остановилъ дальнѣйшее свободное общественное развитіе подобно императрицѣ Екатеринѣ, но остановить развитіе самыхъ идей и съ ними стремленій, съ которыми онъ началъ свое царствованіе, было очень трудно. Они продолжали развиваться и въ поколѣніи Грибоѣдова, но среди него сталъ высказываться и протестъ противъ космополитизма русскихъ образованныхъ людей, между которыми большинство являлось не гражданами русской земли, а скорѣе какими то колонистами среди чуждаго ему населенія.

Вопросъ о русской народности связывается у Грибоѣдова съ идеаломъ новаго европейскаго человѣка, возвышенымъ нравственными достоинствами вмѣстѣ съ гражданскимъ чувствомъ. Правда, этотъ вопросъ разрѣшается у него довольно односто-

ронне; національность ставится во враждебное отношеніе ко всему иноземному, чего не должно быть; она же опредѣляется болѣе внѣшними формами жизни и старыми обычаями, которые на самомъ дѣлѣ не должны оставаться неприкосновенными. Но этотъ вопросъ въ то время былъ далеко не выясненъ. Ошибался не одинъ Грибоѣдовъ-Чацкій. Для насъ важенъ здѣсь задушевный искренній голосъ, поднявшійся среди русскаго общества, противъ тѣхъ устарѣлыхъ идеаловъ, развившихся на почвѣ космополитизма прошедшаго столѣтія и русскаго крѣпостного права и воспитавшихъ Фамусова, Загорѣцкаго, Скалозубовъ, Хлестовыхъ, Хрюминыхъ и др. Всѣ эти типы московскаго общества первой четверти настоящаго столѣтія составляютъ другую связь комедіи Грибоѣдова съ его временемъ. Благодаря той правдѣ и жизненности, какія въ нихъ выразились, комедія и во вторую четверть столѣтія сохранила интересъ современности, да не совсѣмъ утратила его и въ наше время. (О развитіи самой комедіи см. въ Руководствѣ для теоретическаго изученія литературы. *Комедія*).

Пушкинъ (1799—1837 г.).

Пушкинъ родился въ Москвѣ въ послѣдній годъ прошедшаго столѣтія. Семейство его принадлежало къ высшему московскому кругу, вело жизнь свѣтскую и праздную, говорило, по обычаю времени, всегда по-французски, воспитывало дѣтей, по тогдашней модѣ, съ помощью иностранныхъ гувернеровъ; слѣдовательно, будущему русскому поэту приходилось развиваться не на родномъ языкѣ. Но этотъ важный недостатокъ нѣсколько исправляла, хотя и безсознательно, няня Пушкина, крѣпостная крестьянка Арина Родіоновна, о которой онъ не разъ вспоминалъ въ своихъ произведеніяхъ: она разсказывала своему питомцу русскія народныя сказки, пѣла народныя пѣсни и такимъ образомъ сближала его съ прекрасной народной рѣчью и въ тоже время дѣйствовала на развитіе его фантазіи народными образами. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ тогдашними извѣстными писателями, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, любилъ бесѣдовать о русской литературѣ, хотя и на французскомъ языкѣ. При этихъ бесѣдахъ

иногда присутствовалъ и маленькій сынъ его, такъ что мысль его съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже настраивалась къ литературѣ. Какъ всѣ впечатлительныя дѣти, онъ рано пристрастился къ чтенію, конечно, на французскомъ языкѣ, и такъ какъ могъ свободно пользоваться отцовской библіотекой, наполненной произведеніями французской литературы XVII и XVIII стол., то и перечиталъ большую часть изъ нихъ еще до десятилѣтняго возраста: при необычайной памяти онъ многое зналъ наизусть изъ того, что читалъ. Вмѣстѣ съ чтеніемъ явилась у него охота самому подражать образцамъ, и вотъ ребенокъ составляетъ французскіе стихи то для басенъ, то для комедій, то для поэмы.

Такимъ образомъ дарованія его рано раскрывались подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій. Но домашнее ученье его шло довольно плохо. Въ 1811 году мальчика привезли въ Петербургъ и опредѣлили въ лицей, который только что былъ основанъ въ Царскомъ селѣ. Здѣсь талантъ его развивался подъ вліяніемъ того литературнаго направленія, которымъ отличалось лицейское воспитаніе. Съ учениками изучали произведенія лучшихъ писателей, поощряли ихъ къ литературнымъ трудамъ, къ чтенію. Пушкинъ отъ французскихъ стиховъ перешелъ къ русскимъ и быстро сталъ совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ, подражая всѣмъ тѣмъ поэтамъ, русскимъ и французскимъ, которые ему особенно нравились. Въ этихъ первыхъ юношескихъ опытахъ поэта мы видимъ вліяніе Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова. Веселыя явленія отъ окружающей жизни давали ему содержаніе для стихотвореній. Хотя иногда онъ предавался романическимъ мечтаніямъ, но фантазія его почти никогда не отрывается отъ дѣйствительности, чѣмъ особенно отличается и позднѣйшая его поэтическая дѣятельность. Уже съ 1815 года стихи его начинаютъ появляться въ разныхъ журналахъ, впрочемъ, безъ подписи имени, и хотя они не отличаются особенной выработкой, но уже по нимъ никто не могъ бы сказать, что автору не болѣе шестнадцати лѣтъ.

Въ кругу товарищей развился и прямой открытый характеръ Пушкина, равно какъ его остроуміе и склонность къ насмѣшливости, которая выражалась во множествѣ ѣдкихъ эпиграммъ. Но за всѣмъ этимъ учебныя занятія поэта и здѣсь шли весьма

неудовлетворительно, такъ что онъ далеко не изъ первыхъ окончилъ курсъ въ 1817 г. Въ это время уже не только его товарищи смотрѣли на него какъ на поэта по призванію, но и прославленные русскіе поэты признавали въ немъ самородный талантъ. Такъ Державинъ еще въ 1815 г., прослушавъ на лицейскомъ экзаменѣ его стихотвореніе «Воспитаніе въ Царскомъ селѣ», отозвался съ большой похвалой о немъ; а Жуковскій, знавшій его еще ребенкомъ, теперь поощрялъ его, называя своимъ ученикомъ и ожидая многаго отъ его таланта. Хотя Пушкинъ и не вынесъ изъ лицея много познаній, зато вынесъ много пріятныхъ воспоминаній о своей юношеской жизни и много любви къ товарищамъ своего воспитанія. Все это и выразилось въ нѣкоторыхъ его прекрасныхъ произведеніяхъ позднѣйшаго времени.

Пушкинъ опредѣленъ былъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но служба нисколько не привлекла и не занимала его. Онъ раздѣлялъ свое время между свѣтскими удовольствіями и литературными занятіями. Въ то время въ Петербургѣ сложилось нѣсколько литературныхъ кружковъ, которые способствовали образованію молодыхъ талантовъ. Между ними особенно замѣчательнымъ былъ кружокъ, назвавшій себя въ шутку Арзамасскимъ обществомъ, составившійся для противодѣйствія другому литературному обществу, имѣвшему названіе Бесѣды любителей Россійскаго слова, члены котораго держались старыхъ теорій, не хотѣли признавать заслугъ ни за Карамзинымъ, ни за Жуковскимъ. Въ противоположность ихъ торжественнымъ и важнымъ собраніямъ, собранія Арзамасцевъ, по большей части молодыхъ писателей, отличались шутливостью, непринужденностью, но въ тоже время и строгостью литературной критики. Пушкинъ былъ членомъ этого общества и вынесъ изъ него серьезный взглядъ на поэзію въ связи съ дѣйствительною жизнію. Между тѣмъ въ журналахъ печатались его мелкія стихотворенія, которыя нравились и публикѣ, и лучшимъ тогдашнимъ писателямъ, какъ напр. Карамзину, Жуковскому, Батюшкову: живые поэтическіе образы, изящная форма, легкій и звучный стихъ сдѣлали имя его славнымъ уже въ первый періодъ дѣятельности поэта, когда сильный талантъ его начиналъ только развиваться. Въ тоже время у него создавался большой фантастическій разсказъ «Русланъ и Людмила»

планъ котораго онъ обдумывалъ еще въ лицеѣ, и который былъ напечатанъ въ 1820 году. Для насъ онъ не что иное, какъ легкая игривая сказка; въ туже эпоху онъ былъ названъ романтической поэмой, потому что былъ написанъ не по правиламъ классической эпопеи и вводилъ чудесное изъ народнаго фантастическаго міра. Здѣсь Пушкинъ впервые сдѣлалъ заимствованія изъ сказокъ своей старой няни, смѣшавъ ихъ съ собственнымъ вымысломъ и отнесясь ко всему этому шутя, насмѣшливо въ самыхъ легкихъ и звучныхъ стихахъ. Такая шутливость и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлое отступленіе отъ прежнихъ правилъ героической поэзіи не понравились тѣмъ писателямъ, которые образовали свой вкусъ по старинымъ произведеніямъ. Въ новомъ направленіи они видѣли порчу вкуса, униженіе поэзіи и горячо вступились за ея достоинство, напавъ на Пушкина. Зато за него были всѣ лучшіе писатели: Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, почти вся публика, которая съ восторгомъ читала Руслана. Произошелъ литературный споръ о классицизмѣ и романтизмѣ, длившійся нѣсколько лѣтъ; но Пушкинъ не принималъ въ немъ прямаго участія, хотя душою и былъ на сторонѣ романтиковъ. Впрочемъ въ годъ изданія Руслана и Людмилы случилась съ нимъ бѣда, которая имѣла сильное вліяніе на всю его жизнь, а слѣдственно и на литературную его дѣятельность, такъ какъ она всегда была у него въ тѣсной связи съ впечатлѣніями дѣйствительной жизни. Онъ обратилъ на себя вниманіе правительства стихами, въ которыхъ выражались мысли, называемыя въ то время вольнодумствомъ. Стихи ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и когда сдѣлалось извѣстнымъ имя ихъ автора, то ему готовилась тяжелая судьба; только заступничество Карамзина и Жуковскаго облегчило ее. Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ Екатеринославль, причисленный къ канцеляріи Главнаго попечителя колонистовъ южнаго края генерала Инзова. Съ сожалѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ покинулъ Пушкинъ Петербургъ, гдѣ у него оставалось много приманокъ. По пріѣздѣ въ Екатеринославль онъ заболѣлъ. Благодаря этой болѣзни онъ получилъ позволеніе отправиться на кавказскія минеральныя воды вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ, который въ это время проѣзжалъ съ семействомъ черезъ городъ на Кавказъ, и съ сыномъ котораго Пушкинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ онъ неожиданно попалъ на Кав-

казъ, откуда вмѣстѣ съ своими спутниками переѣхалъ въ Крымъ; но возвращаться въ Екатеринославль ему уже не пришлось: канцелярія Инзова была переведена въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ, куда и прибылъ Пушкинъ въ концѣ 1820 года. Новая природа, новая жизнь, новыя впечатлѣнія оживили поэта, дали новую пищу его фантазіи и направили мысль къ болѣе серьезнымъ думамъ. Все это и выказалось въ его поэтическихъ произведеніяхъ слѣдующаго года. Хотя объ его кишиневской жизни сохранилось много разсказовъ, въ которыхъ мы видимъ пылкую увлекающуюся его природу, видимъ безпрестанныя шалости молодаго человѣка, иногда очень остроумныя, видимъ желаніе обратить на себя вниманіе странностью и оригинальностью; но тѣмъ не менѣе въ душѣ его не было пустоты, какую можно было ожидать отъ подобной жизни. Онъ успѣвалъ и много читать, а съ этимъ вмѣстѣ конечно и думать, усиливаясь съ замѣчательной строгостью обрабатывать свои произведенія, выражая въ нихъ впечатлѣнія отъ жизни и природы въ самой изящной формѣ:

Быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья,
Веселье—тихою тоской,
Печаль—восторгомъ упоенья.

Въ это время онъ смотрѣлъ на себя какъ на изгнанника, недовольнаго «и свѣтомъ, и собой, и жизнью, съ задумчивой душой». Въ это же время онъ опредѣлилъ и свое отношеніе къ прошедшему, что уже выказываетъ зрѣлость ума:

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;

Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ; и вновь
Пою мои мечты, природу, и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческіи лѣты...
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края:
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни Музы, ни труды, ни радости досуга...

Элегическій тонъ не рѣдко слышится въ его произведеніяхъ за это время: видно, что жизнь вполнѣ не удовлетворяла его. Два европейскіе поэта въ ту пору особенно привлекали Пушкина и имѣли вліяніе на его поэзію: одинъ французскій — Андре Шенье, котораго онъ называлъ «пѣвцомъ любви, дубравъ и мира, пѣвцомъ возвышенной мечты», и который старался усвоить себѣ пластическую форму древне-классической поэзіи; вліяніе его отразилось на антологическихъ произведеніяхъ Пушкина; другой былъ Байронъ, поэтъ англійскій, отличавшійся мрачнымъ, разочарованнымъ взглядомъ на жизнь цивилизованнаго человѣка, не умѣвшаго себѣ въ теченіе многихъ вѣковъ устроить счастія; недовѣріе къ этой цивилизаціи, недовѣріе къ человѣческой природѣ, горькая насмѣшка надъ жизнію выразилась въ его поэзіи. Этою-то стороною она и привлекла Пушкина, также въ то время недовольнаго жизнью и людьми. Вліяніе Байрона отразилось въ его поэмахъ Кавказскій плѣнникъ и Бахчисарайскій фонтанъ, которыя онъ создалъ послѣ своего путешествія по Кавказу и Крыму. Вліяніе это касается изображенія характеровъ, которые и составляютъ слабую сторону его поэмъ. Зато его собственныя впечатлѣнія, изображеніе жизни и природы, какую онъ видѣлъ самъ, уже выказываютъ въ немъ замѣчательнаго художника. Обѣ эти поэмы еще болѣе увеличили славу Пушкина. Изъ Кишинева онъ не надолго ѣздилъ въ Кіевъ, и плодомъ этой поѣздки была прекрасная «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Въ это же время онъ написалъ извѣстную оду «Наполеонъ». (См. Рук. къ теор. изуч. лит.).

Въ 1823 году Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Одессу. Здѣсь онъ нашелъ еще болѣе развлеченій, которымъ по своей природѣ всегда предавался со страстью, что и выразилось въ нѣкоторыхъ его лирическихъ произведеніяхъ того

времени. Здѣсь же онъ написалъ первыя главы романа «Евгеній Онѣгинъ».

На слѣдующій годъ ему было приказано отправиться въ родительское помѣстье, сельцо Михайловское Псковской губерніи и тамъ жить безвыѣздно. Прощаясь съ Одессою, онъ написалъ извѣстное стихотвореніе «Къ морю», ярко выказавшее въ немъ освободительные элементы поэтическаго генія; (См. Рук. для теор. изуч. литер.) Затѣмъ начинается для него новая жизнь, которой мы обязаны многими лучшими его произведеніями. Вотъ съ какими чувствами шелъ онъ для этой новой жизни:

Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

Эта жизнь важна для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, вдали отъ шумныхъ развлеченій поэтъ получилъ возможность глубже сосредоточиваться въ себѣ и заняться самообразованіемъ; во вторыхъ, окруженный русской природою и русской жизнію, принимая отъ нихъ впечатлѣнія, онъ долженъ былъ незамѣтно сдѣлаться поэтомъ народнымъ, по свойству своего таланта отзываться навсѣ явленія дѣйствительной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, все это время жизнь Пушкина отличается особенно дѣятельностью духа. Здѣсь онъ кончаетъ произведенія, задуманныя еще прежде, какъ напр. поэму Цыганы, какъ плодъ впечатлѣній отъ его жизни въ Бессарабіи, послѣднее отраженіе поэзіи Байрона. Здѣсь онъ продолжаетъ Евгенія Онегина, здѣсь задумываетъ и оканчиваетъ нѣсколько новыхъ произведеній, между прочими (См. Руков. для теор. изуч.) Бориса Годунова; здѣсь же обдумываетъ планы которые уже исполняетъ впослѣдствіи; кромѣ того, усердно занимаясь чрезвычайно разнообразнымъ чтеніемъ, останавливается на нѣкоторыхъ капитальныхъ произведеніяхъ и изучаетъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, какъ напр. драмы Шекспира, Тацитову исторію, русскія лѣтописи. Вниманіе его

прибавляетъ и русскія народныя сказки, пѣсни, которыя пересказывать вновь заставляетъ онъ свою старую Арину Родіоновну, называя ее «доброю подружкой своей бѣдной юности, дряхлою голубкой».

Не изъ одного любопытства онъ внимаетъ ея разсказамъ и записываетъ ихъ, нѣтъ, въ нихъ онъ изучаетъ духъ русскаго языка, обороты русской рѣчи. Такимъ образомъ усиленными трудами онъ дѣлается самостоятельнымъ народнымъ поэтомъ-художникомъ; онъ окончательно освобождается отъ вліянія иностранныхъ поэтовъ, и изъ подъ его пера являются стихотворенія: «Зимній вечеръ, Зимняя дорога, Пророкъ, 19 октября, Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» и др. Въ послѣднемъ опредѣлился и взглядъ его на поэзію, взглядъ, выработанный жизнію и размышленіемъ. Здѣсь разрѣшая вопросъ, не унижаетъ ли себя поэтъ, продавая свои произведенія, Пушкинъ не хочетъ признавать за поэзіей никакой цѣли; поэту нужно не указывать цѣль, а дать свободу; съ нею онъ найдетъ предметъ, достойный поэзіи. Здѣсь Пушкинъ характеризуетъ свою собственную поэзію и себя самого какъ художника или артиста:

Яркія видѣнья
С неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья!
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.

Въ другомъ стихотвореніи Пушкинъ выразилъ такую мысль о поэзіи:

Служенье Музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

Въ 1826 году Пушкинъ получилъ позволеніе оставить деревню и жить, гдѣ ему вздумается. Сначала онъ отправился въ Москву, гдѣ пребывалъ тогда дворъ. По своей страстной, кипучей натурѣ онъ опять увлекся шумомъ свѣтской жизни и всѣми ея развлеченіями. До самаго 1831 года у него нигдѣ не было постояннаго мѣстожительства: Москва, Петербургъ, деревня попеременно видѣли его у себя. Въ 1829 году онъ путешествовалъ по Кавказу и Грузіи, откуда направился въ Арзерумъ, взятый у турокъ русскими войсками. Во все это время въ немъ замѣчаютъ тревожное состояніе духа: онъ все еще не былъ доволенъ ни жизнію, ни людьми, ни собою. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ онъ не нашелъ въ обществѣ многихъ изъ своихъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, пострадавшихъ въ политическомъ волненіи 1825 г.; съ иными хотя и встрѣтился, но уже не сошелся въ образѣ мыслей. Въ уединеніи онъ выработалъ свои взгляды, осудилъ многія изъ своихъ прежнихъ увлеченій, убѣдился въ необходимости быть крайне осторожнымъ во всемъ, что касалось общественной жизни; отъ него же ожидали, что ея интересамъ онъ подчинитъ свою поэтическую дѣятельность, а онъ требовалъ для искуства полной свободы. Подтвержденіе своему взгляду онъ находилъ и въ новой нѣмецкой критикѣ, основанія которой стали высказываться и у насъ въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ журналахъ: задача искуства состояла въ стремленіи къ самой возвышенной цѣли, независимой отъ требованій современности; художникъ, какъ служитель изящнаго, не принадлежитъ толпѣ, не раздѣляетъ ея стремленій и не признаетъ ея нуждъ. Пушкинъ выразилъ такое направленіе искуства въ слѣдующихъ стихахъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Согласно съ этимъ взглядомъ Пушкинъ написалъ нѣсколько стихотвореній, художественно обработанныхъ, гдѣ выражается

и тревожное состояніе духа поэта среди людей, которые требуютъ отъ него не того, что онъ можетъ дать, и къ чему стремится его душа: таковы, «Чернь», «Поэту», «Эхо». Въ это время Пушкинъ напечаталъ большую часть Онѣгина, Полтаву, наконецъ Бориса Годунова (См. въ Руковод. для теоретич. изуч. литературы) и много прекраснѣйшихъ мелкихъ стихотвореній; но своею художественною стороною всѣ они оказались выше эстетическаго развитія общества. Очень немногіе могли оцѣнить ихъ; большинство же отнеслось къ нимъ холодно, не понимая ихъ достоинства. Это непониманіе высказали даже люди, спеціально занимавшіеся литературою и искуствомъ, артисты, отозвавшись объ Евгеніи Онегинѣ и Борисѣ Годуновѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ и даже съ насмѣшкою. Очень естественно, что среди такихъ цѣнителей Пушкинъ долженъ былъ почувствовать себя одинокимъ. Въ немъ даже происходитъ какое-то раздвоеніе: поэтъ по призванію не въ силахъ отказаться отъ поэтической дѣятельности и подавлять въ себѣ тѣ художественные образы, которые возникали въ его фантазіи; онъ въ то же время какъ бы стыдится имени поэта, старается оправдывать свое участіе въ литературѣ самыми корыстными побужденіями и, заботясь о связахъ съ высшимъ обществомъ, ролью свѣтскаго человѣка хочетъ прикрыть себя какъ поэта. Не могъ онъ не чувствовать своего страннаго положенія въ то время, когда геній его созрѣлъ, обнаруживаясь въ самыхъ широкихъ замыслахъ, не могъ не чувствовать сердечной тревоги, не зная, для кого онъ будетъ творить, и кто будетъ понимать его.

Но не признавая связи между искуствомъ и временными интересами общественными, Пушкинъ не обратился и къ безплодной мечтательности, и къ такимъ туманнымъ идеаламъ, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ дѣйствительною жизнію. Въ немъ былъ значительно развитъ практическій смыслъ русскаго человѣка. Онъ не могъ отдѣлиться отъ историческаго и дѣйствительнаго быта родины, и, не задавая себѣ никакихъ програмъ и спеціальныхъ задачъ, онъ отзывался на разныя явленія русской жизни. Нельзя сказать, что онъ не отвѣчалъ и потребностямъ русскаго общества. Малое эстетическое развитіе общества вызывало потребность большаго его развитія. Пушкинъ понялъ эту задачу и своими художественными произведеніями

дѣйствительно послужилъ эстетическому развитію общества, что доказало молодое поколѣніе писателей тридцатыхъ годовъ. Онъ послужилъ высшимъ интересамъ общества, которые понялъ лучше другихъ, связалъ свою дѣятельность съ историческою жизнію народа; отъ этого и значеніе его въ нашей исторіи чрезвычайно важно. Не смотря на разныя требованія, которыя раздавались вокругъ него, и которыя всегда волновали, раздражали и сердили его, онъ всегда оставался вѣренъ себѣ, твердо убѣжденный, что идетъ по истинному пути, и что трудъ его не безплоденъ; и молодое поколѣніе оцѣнило его. Онъ имѣетъ даже воспитательное значеніе въ жизни этого поколѣнія.

Въ 1830 году Пушкинъ задумалъ жениться, и для устройства дѣлъ своихъ передъ свадьбою провелъ осень въ Нижегородской деревнѣ Болдино, которую отецъ его отдалъ ему во владѣніе. Хотя вообще осень изъ всѣхъ временъ года наиболѣе располагала Пушкина къ работѣ, но въ эту осень у него создалось особенно много произведеній: онъ докончилъ Евгенія Онѣгина, написалъ повѣсть Домикъ въ Коломнѣ, пять повѣстей Бѣлкина, Лѣтопись села Горюхина, драматическія сцены: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы, Каменный гость и около тридцати мелкихъ стихотвореній. Конечно, не всѣ изъ нихъ тотчасъ же появились въ печати. Вообще Пушкинъ не любилъ торопиться печатать свои произведенія; нѣкоторыя изъ нихъ лежали у него по нѣскольку лѣтъ. Борисъ Годуновъ до 1831 года извѣстенъ былъ публикѣ лишь въ двухъ-трехъ напечатанныхъ отрывкахъ, и только въ этомъ году вышла вся драма. Иныя произведенія были напечатаны уже послѣ его смерти, хотя и были написаны задолго до нея. Къ мелкимъ стихотвореніямъ этого времени принадлежатъ нѣкоторыя особенно замѣчательныя по своей художественной отдѣлкѣ, какъ напр. Безумныхъ лѣтъ, Бѣсы, Мадона и др.

Послѣ свадьбы въ 1831 году Пушкинъ выбралъ для постояннаго своего мѣстожительства Петербургъ и, не смотря на сильныя заботы объ устройствѣ домашнихъ дѣлъ и хозяйства, чтобы по возможности обезпечить свою будущность, онъ остановился на мысли посвятить свои труды исторіи Петра Великаго. Для собиранія матеріаловъ ему былъ дозволенъ свободный входъ въ государственные архивы. Съ жаромъ принялся онъ за новый

*

работѣ и, не выпуская изъ виду своей главной цѣли, онъ какъ бы мимоходомъ забиралъ и матерьялы, относящіеся къ другимъ эпохамъ русской исторической жизни. Такъ онъ написалъ исторію Пугачевскаго бунта, которая во время работы развила въ поэтѣ нѣсколько художественныхъ типическихъ личностей. Ихъ онъ тотчасъ же и изобразилъ въ прекрасномъ романѣ «Капитанская дочка». Для вѣрнаго описанія природы и мѣстности, гдѣ ему приходилось представлять дѣйствіе, онъ нашелъ необходимымъ нарочно ѣхать въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, чтобы самому видѣть историческія мѣста. Это доказываетъ, какъ дѣйствительность всегда связывалась съ работою его поэтическаго генія. Въ то же время онъ началъ писать историческую драму *Русалка*, которая осталась неоконченною. Но расположеніе къ эпическому труду, отличающемуся спокойнымъ созерцаніемъ жизни, въ эту пору въ немъ особенно начинаетъ преобладать надъ всѣмъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его сказки, пѣсни западныхъ славянъ, Дубровскій, Мѣдный всадникъ, Пиковая дама, много мелкихъ произведеній и нѣсколько начатыхъ разсказовъ. Всѣ они написаны въ эту эпоху жизни Пушкина. Фантазія его работаетъ неустанно и удивительно много: она переносится отъ старорусскаго міра къ новому времени, отъ средневѣковой западной жизни (Сцены изъ рыцарскихъ временъ) къ древне-римскому быту (Египетскія ночи) или въ русскій сказочный міръ, или погружается въ сферу религіозной жизни — и отсюду выходятъ яркіе, живые образы, отличающіеся новизной и глубиной задуманной идеи, посреди обстановки, вѣрной исторической дѣйствительности. Это и сколько наслажденій находитъ въ нихъ читатель, эстетически развитый. Къ немногимъ лирическимъ стихотвореніямъ этого времени относятся: Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина, Эхо, Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума, Передъ гробницею святой, Полководецъ, Опять на родинѣ, Туча, Молитва, Памятникъ.

Въ 1836 году Пушкинъ началъ издавать журналъ Современникъ съ цѣлью развивать въ обществѣ серьезный взглядъ на литературу, и, конечно, лучшимъ украшеніемъ журнала были его собственныя произведенія и критическія замѣтки. Несмотря на такія работы и на отлучки изъ Петербурга то въ деревню, то въ Москву, куда его призывали собственныя дѣла

или собираніе историческихъ матеріаловъ, онъ находилъ еще время поддерживать обширное знакомство и принимать участіе въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Онъ даже прилагалъ особенное стараніе о своемъ видномъ положеніи въ свѣтѣ и велъ обширную переписку съ многими личностями, принадлежащими различнымъ сферамъ общества. Онъ ревностно отъ всѣхъ собиралъ историческія записки, преданія, изустные разсказы, историческіе анекдоты. Все это со временемъ, конечно, послужило бы матеріаломъ или для исторіи, или для поэтическаго разсказа, если бы преждевременная смерть вдругъ не пресѣкла его молодой, здоровой и крѣпкой жизни. Онъ сдѣлался жертвою той щекотливости, съ какой относился къ свѣтской жизни. Его горячая натура не могла вынести пущенной въ свѣтъ жалкой сплетни, касавшейся чести его жены. Боязнь стать предметомъ свѣтскихъ нелѣпыхъ толковъ и, можетъ быть, насмѣшекъ, видѣть себя въ ложномъ положеніи среди общества, связями съ которымъ онъ дорожилъ, все это волновало его. Нашлись и такіе, которые намѣренно разжигали его еще болѣе. И слѣдствіемъ всего этого была несчастная дуэль нашего поэта съ сыномъ голландскаго посланника Гекерномъ. Пушкинъ былъ смертельно раненъ и черезъ два дня умеръ 29 января 1837 года.

Въ поэзіи Пушкина отразилось все то, что было прожито русскимъ образованнымъ обществомъ. Оно считало своимъ основаніемъ преобразованія Петра Великаго, сблизившія Россію съ Европою, считало, что идетъ по пути имъ указанному, представляло его себѣ въ образѣ идеальнаго героя. Хотя въ литературѣ этого общества еще не было составлено исторіи Петра, но существовало столько преданій, разсказовъ, что на нихъ могла воспитываться фантазія русскаго человѣка и созданный ею образъ Петра обратить въ предметъ обожанія. Пушкинъ такъ же отнесся къ основателю новой и сильной Россіи и художественно разработалъ его образъ въ *Полтавѣ*, въ *Пирѣ Петра перваго*, въ *Арапѣ Петра великаго*, въ *Мѣдномъ всадникѣ*, въ стихотвореніи *Въ надеждѣ славы и добра*. Онъ такъ благоговѣйно относился къ этому образу, что изъ него создавалъ нравственный идеалъ для царей (Въ надеждѣ славы) и считалъ оскорбленіемъ его памяти всякое слово укоризны,

что ему представлялось не иначе, какъ [illegible] (*въ Мѣдномъ всадникѣ*). (См. въ Руков. для теор. изуч. лит.).

Онъ даже не довольствовался одной художественной работой надъ этимъ образомъ; онъ доходилъ до сознанія, что наконецъ настала пора и для историка—безпристрастно оцѣнить подвиги русскаго героя, очистивъ его отъ всего сказочнаго, чѣмъ въ теченіи столѣтія могла непомѣрно окружить его пристрастная русская фантазія. Поэтъ надѣялся, что и на историческомъ судѣ этотъ образъ не потеряетъ нисколько своего величія. Вотъ почему онъ и взялъ на себя трудъ историка, который къ сожалѣнію ограничился только собираніемъ матеріаловъ.

Русское образованное общество составляла часть дворянства; оно съ Петра непрерывно пополнялось лицами, получившими какое либо образованіе и съ нимъ право на государственную службу, которая давала *чинъ*, а съ чиномъ и дворянскій дипломъ. Въ средѣ высшаго дворянства или придворной знати въ теченіе всего XVIII стол. являлись лица, случайно возвысившіяся и занявшія первыя мѣста. Они начинали новые аристократическіе роды, сильные своимъ жалованнымъ богатствомъ и значеніемъ при дворѣ, но безъ всякихъ преданій о своемъ родѣ. Ихъ появленіе заставило родовитую знать припоминать о своемъ родѣ и кичливо сохранять преданія о немъ, хотя ихъ разсказы имѣли только одинъ семейный интересъ. Конечно, въ этотъ кругъ не входили тѣ молодые бары, которые отъ первыхъ лѣтъ воспитывались на рукахъ иностранцевъ или за предѣлами своего отечества. Они обращались въ крайнихъ космополитовъ и не дорожили ничѣмъ прошлымъ. Но большинство развивало въ себѣ патріотическія чувства семейными или сословными преданіями, которыя замѣняли ие написанную еще исторію. Родъ Пушкина принадлежалъ къ древнему боярскому роду и былъ въ связи со многими другими родами. Всѣ ихъ преданія переходили и къ нему въ словесныхъ разсказахъ и въ семейныхъ запискахъ, интересовали его и служили матерьяломъ для его творческой фантазіи. Отдавъ дань своей первой молодости увлеченіемъ новыми идеями, признававшими законность равенства и братства, онъ въ болѣе зрѣлые годы сталъ цѣнить значеніе рода, и благодаря этому сочувствію фантазія его создала живые и вѣрные образы изъ исторической русской жизни, какъ напр. въ Арапѣ Петра великаго, въ Дубровскомъ, въ Капитан-

своей дочкѣ. Онъ не старался ихъ идеализировать или выставлять ихъ комическія стороны, но при спокойномъ отношеніи къ нимъ создалъ замѣчательные историческіе типы. Въ ихъ созданіи конечно важную роль играли сохранившіяся преданія.

Это пристрастіе къ роду, перешедшее къ Пушкину по наслѣдству, вызвало въ *Борисѣ Годуновѣ* предка его Пушкина, также извѣстное стихотвореніе *Моя родословная* или искреннее сожалѣніе въ стихахъ:

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ слѣдъ и меркнетъ духъ,
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ.

Но цѣня древность рода, Пушкинъ не ограничивался однимъ боярскимъ патріотизмомъ: арапъ Ибрагимъ, дѣдъ его матери, является гордостью своего правнука-поэта. Фантазія его съ любовью занимается образомъ арапа, сдѣлавъ его героемъ романа (Арапъ Петра Великаго). Поэтъ даже называетъ *моею* родиной этого арапа Африку.

Это чувство связи со своею стариною не допустило Пушкина до крайняго космополитизма, въ который впали многіе, и съ другой стороны тѣ новыя европейскія идеи, въ которыхъ онъ воспитывался въ юности и представителемъ которыхъ является *Чацкій*, не позволили ему стать узкимъ патріотомъ, который смѣшиваетъ извѣчныя формы жизни съ національнымъ духомъ, и стремясь навсегда удержать первыя, стѣсняетъ развитіе послѣдняго. Такой патріотизмъ уже послѣ Пушкина названъ *квасным*. Патріотизмъ Пушкина можетъ быть названъ *политическимъ* въ томъ смыслѣ, какъ Карамзинъ употреблялъ это названіе (О любви къ отечеству). Онъ основывается не на нравственной связи со всѣмъ народомъ, не на общности интересовъ жизни, а на государственномъ могуществѣ Россіи, развитомъ ея счастливыми войнами и завоеваніями. Онъ наиболѣе высказался въ стихахъ: Ко гробу Кутузова, Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина и отчасти въ Одѣ Наполеону. (Рук. для теор.).

Собственно съ народомъ, какъ классомъ необразованнымъ, большая часть тогдашняго образованнаго общества не была связана никакими связями. Не имѣя близкаго съ нимъ соприкосновенія, воспитанные въ городѣ, а большинство даже въ

закрытыхъ заведеніяхъ, они не знали народа; другая часть связывалась съ народомъ воспоминаніями о деревнѣ, гдѣ они проводили дѣтство или первую юность, слѣд. дѣтскими воспоминаніями, съ которыми вмѣстѣ съ представленіемъ личностей нянекъ и дворовыхъ людей соединялись разныя деревенскія забавы и увеселенія, не исключая и впечатлѣній отъ русской природы, сельскихъ работъ и наконецъ отъ народныхъ пѣсенъ. Всѣ эти впечатлѣнія у многихъ оставались живыми во всю жизнь и вызывали нѣкоторую любовь къ народу, названную также *патріотизмомъ*. Пушкину была съ дѣтства близка деревня. Впечатлѣній отъ всѣхъ мелочей деревенской жизни у него было довольно: въ особенности же въ его поэзіи высказались впечатлѣнія отъ русской природы и русской народной сказки и пѣсни, и разныхъ повѣрій. Вотъ что сближало его съ деревенскимъ людомъ, и что у него высказывалось съ особенною теплотою, какъ въ мелкихъ его стихотвореніяхъ (Бѣсы, Зимній вечеръ, Зимняя дорога, Гусары), такъ въ романѣ Евгеній Онѣгинъ, или въ сказкахъ, или въ драмѣ «Русалка». Съ изображенія этихъ предметовъ собственно и начинается въ нашей литературѣ художественная разработка русской народной жизни. Къ самому народу поэтъ относился болѣе исторически т. е. представлялъ его прошлое, на сколько для его времени оно могло имѣть историческое значеніе какъ въ Полтавѣ, Борисѣ Годуновѣ, Капитанской дочкѣ. Тутъ онъ весьма просто какъ истинный художникъ относился къ русскому простому человѣку: не давалъ ему ложной идеализаціи съ намѣреніемъ возвысить его, не выставлялъ въ немъ на показъ и слабыхъ его сторонъ; онъ умѣлъ схватывать коренныя типическія черты и въ нихъ выражать всѣ человѣческія движенія души. Иногда поэтъ касался и современной ему неестественной обстановки жизни мужика, вносившей зло въ нравственный его міръ, какъ напр. въ балладѣ «Утопленникъ». (Рук. для теор. изуч.).

Русская жизнь, современная поэту, выразилась въ его романѣ *Евгеній Онѣгинъ*. Здѣсь представляются два общества, тѣсно связанныя между собою: помѣщичье и свѣтское столичное. Первое начало у насъ развиваться съ указа о вольности дворянства, а первые его типы представлены Фонвизинымъ. Оно выпускало изъ своей среды людей на государственную службу и въ свою очередь принимало къ себѣ удалявшихся со

службы какъ въ низшихъ такъ и въ высшихъ чинахъ. Помѣщичьи семейства безпрестанно имѣли общеніе съ городами и даже столицами, слѣд. въ образованіи, въ смягченіи нравовъ, въ развитіи понятій мало отъ нихъ отставали, развѣ за исключеніемъ разныхъ захолустьевъ, съ которыми нашъ поэтъ не былъ знакомъ. При обиліи празднаго времени чтеніе романовъ французскихъ, русскихъ и разныхъ переводныхъ доставляло имъ почти единственную умственную пищу. На нихъ и воспитывалась большая часть даровитыхъ личностей, особенно женщинъ. Подготовленные чтеніемъ сентиментальныхъ разсказовъ, они легко увлекались и новыми романтическими идеями или лучшими героями, питая въ себѣ склонность къ излишней мечтательности, свойственной молодости. Это новое литературное вліяніе производило разладъ между ихъ внутреннимъ міромъ и дѣйствительностью, скованной преданіями старины. Хотя и нравственно очищенныя, эти лица въ своей средѣ являлись исключительными—жертвами своихъ мечтаній и несбыточныхъ надеждъ. Чтобы жить, они должны были или отказаться отъ нихъ, или уйти въ себя и оказаться лишними между другими. Вотъ что производила жизнь въ помѣщичьей сферѣ. Пушкинъ подробно занялся лишь романтическими личностями изъ этой сферы—Татьяной и Ленскимъ; другихъ же изобразилъ въ весьма легкихъ очеркахъ или въ силуэтахъ, но во всѣхъ ихъ намѣчены ясно типическія черты, развитыя русскою жизнью. Самъ Онегинъ—представитель другаго, свѣтскаго, столичнаго общества. Въ немъ разладъ съ дѣйствительностью произошелъ не вслѣдствіе романтическихъ мечтаній, до которыхъ свѣтское воспитаніе по устарѣвшему идеалу не допускало его; а вслѣдствіе того, что его даровитая натура утомилась этой праздной свѣтскостью и потребовала болѣе того, что та могла дать ему; а между тѣмъ самъ онъ не былъ приготовленъ къ этому большему и почувствовавъ всю пустоту своей жизни, увидѣлъ и свое безсиліе. Евгеній Онегинъ былъ родоначальникомъ тѣхъ разочарованныхъ несчастливцевъ, которые въ слѣдующемъ поколѣніи у новыхъ поэтовъ стали любимыми типами.

Пушкинъ посмотрѣлъ на общественныя силы какъ на силу судьбы для отдѣльныхъ личностей, которыя сами не могутъ рѣшать вопроса о своемъ личномъ счастьѣ. (См. Рук. для твер. изуч. литерат.

Пушкинъ самъ доходилъ до такого утомленія отъ пустоты свѣтской жизни, до такого разочарованія, которое выразилось въ нѣкоторыхъ лирическихъ его произведеніяхъ и въ поэмѣ Цыганы, но онъ скоро нашелъ примиреніе въ своемъ геніальномъ талантѣ, благодаря которому онъ артистически относился къ жизни внѣшней, и въ этомъ находилъ содержаніе для своей духовной жизни.

Лирическія отступленія въ романѣ Е. Онегинъ, напоминая своею формою отступленіе въ нѣкоторыхъ поэмахъ Байрона, имѣютъ для насъ біографическое значеніе въ вопросѣ о личности Пушкина. Вообще этотъ романъ какъ плодъ многолѣтняго труда поэта, тѣсно связывается съ его жизнію.

(Объ артистическомъ отношеніи Пушкина къ жизни и о взглядѣ его на поэзію, равнымъ образомъ о значеніи его поэзіи см. въ Руковод. для теоретич. изуч. литературы).

Гоголь (1809—1852 г.).

Родина Гоголя—Малороссія. Онъ родился въ помѣщичьемъ семействѣ, отдѣленномъ отъ славной эпохи казацкихъ войнъ только двумя поколѣніями. Въ его время изъ устъ стариковъ еще слышались живыя преданія о томъ, что записано въ лѣтописяхъ; слышались и горячія поэтическія пѣсни о казацкихъ подвигахъ вмѣстѣ съ заунывными и веселыми, въ которыхъ такъ много казацкаго юмора, не стѣсняемаго никакими условіями и приличіями. Отецъ его, человѣкъ умный и бывалый, отличался гостепріимствомъ и рѣдкимъ даромъ комизма, съ какимъ умѣлъ разсказывать разныя житейскія приключенія. Это приманивало въ его домъ много сосѣдей, которые привлекали вниманіе наблюдательнаго мальчика и впослѣдствіи переработались въ типы его художественной фантазіею.

Кромѣ того, въ раннемъ дѣтствѣ онъ былъ окруженъ и театральною сферою. Помѣщики устраивали домашній театръ, гдѣ разыгрывались малороссійскія піесы; репертуаръ пополнялся и шутливыми произведеніями его отца. Въ такой обстановкѣ онъ развивался до двѣнадцати лѣтъ. Затѣмъ его опредѣляютъ пансіонеромъ въ Нѣжинскій лицей. Здѣсь онъ и высказываетъ свойства, которыя получилъ какъ бы въ наслѣдство

отъ отца — шутливость, веселость, привлекавшія къ нему всѣхъ товарищей. Здѣсь пробудившаяся дѣятельность его духа выражается въ разнообразныхъ стремленіяхъ: его занимаетъ то литературный журналъ, который онъ издавалъ для своихъ товарищей, то музыка, то устройство сценическихъ представленій, которыя у него обратились въ страсть, то покупка книгъ, то стремленіе къ сельскому хозяйству, то изученіе языковъ. Всѣмъ этимъ онъ увлекается и въ то же время хочетъ создать себѣ характеръ сильный, настойчивый, терпѣливый. Вотъ какъ впослѣдствіи онъ изобразилъ себя въ эти юношескія годы:

Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, (а задумываться о будущемъ я началъ рано — въ ту пору, когда мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писательствѣ мнѣ никогда не приходила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна; она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій. Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, не смотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками, хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, то есть угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ ска-

зать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей. Но все это не переносилось на бумагу и я даже вовсе не думалъ о томъ, что сдѣлаю со временемъ изъ этого употребленіе.

Самыя сильныя чувства высказывались въ Гоголѣ къ природѣ и къ своей семьѣ. На шестнадцатомъ году онъ лишился отца. Съ этой потерею въ немъ пробуждаются заботы о матери, о домашней экономіи, усиливается въ немъ религіозное чувство и проявляется любовь къ совѣтамъ и наставленіямъ, что впослѣдствіи развилось въ немъ уже въ крайней степени. Самъ себѣ онъ назначалъ въ будущемъ только трудъ и непремѣнно на общую пользу. Съ этой мыслію онъ и окончилъ курсъ въ 1828 году. Не смотря на самонадѣянность, которую онъ постоянно развивалъ въ себѣ, не смотря на свое дѣйствительное умственное развитіе, онъ вынесъ мало познаній изъ мѣста своего образованія; но въ этомъ нельзя винить его одного: доля вины приходилась и на само заведеніе.

Въ тотъ же годъ Гоголь отправился въ Петербургъ, куда его привлекали служба, театръ и поѣздка за границу. Со всѣмъ этимъ соединялась мысль о славѣ, какъ выраженіе созданія своихъ внутреннихъ силъ. Но здѣсь ему сначала не совсѣмъ счастливится: на службу вдругъ поступить было трудно, стихотворные опыты не удались, точно такъ какъ и попытка поступить на сцену, а безнадежная любовь совсѣмъ разстроила его: вмѣсто прежней самоувѣренности явилось недовѣріе къ самому себѣ. «Если я не могу быть счастливъ, говоритъ онъ, то по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ; но для этого нужно было бы передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнію, расцвѣсть силою души»... И вотъ онъ отправляется за границу; на пароходѣ доплываетъ до Любека, но здѣсь чувствуетъ еще большую тоску и спѣшитъ возвратиться въ Петербургъ. Послѣ этого начинается его служба, къ которой онъ такъ стремился, мечтая объ общей пользѣ. Онъ является то чиновникомъ, то учителемъ, то профессоромъ—всѣ должности испробовалъ онъ какъ бы мимоходомъ и ни на одной не остановился. Ему мѣшала пробудившаяся дѣятельность творческой его фантазіи, которая создавала ему другой міръ, и которая высказала свою силу въ «Вечерахъ на хуторѣ», напеча-

танныхъ въ 1831 году. Лучшіе писатели того времени: Жуковскій, Пушкинъ сразу оцѣнили талантъ его, ободряя юнаго поэта; а вліяніе такого художника, какъ Пушкинъ, было для него особенно благодѣтельно. Его судъ и совѣты Гоголь ставилъ выше всего. Въ слѣдующемъ году, побывавъ на родинѣ въ кругу родной семьи, онъ воскресилъ въ себѣ дѣтскія впечатлѣнія, и плодомъ чего явились «Старосвѣтскіе помѣщики», «Ссора Ивана Ивановича» и наконецъ «Тарасъ Бульба».

Какъ адъюнктъ-профессоръ исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, Гоголь много долженъ былъ читать и пополнять свое недостаточное образованіе. При этомъ онъ остановился на мысли написать обширную исторію среднихъ вѣковъ и исторію Малороссіи. Особенно послѣдній трудъ много занималъ его. Собирая историческіе источники, онъ пристрастился къ казацкимъ пѣснямъ, сбиралъ ихъ повсюду, пока наконецъ изъ всѣхъ собранныхъ матерьяловъ въ его художнической фантазіи не возникъ грандіозный образъ Тараса Бульбы; въ немъ живо отразилось то, что составляетъ самое жизненное въ казацкой исторіи, эпопея казачества. Создавъ ее, онъ охладѣлъ и къ самой исторіи и уже никогда за нее не принимался. Во всѣхъ его трудахъ рѣзко стала обозначаться его художническая натура. Онъ уже сталъ задумываться надъ тѣмъ, чтобы создать великое твореніе въ художественномъ смыслѣ; но съ этимъ вмѣстѣ у него соединилось и желаніе *принести пользу*. Этотъ вопросъ объ отношеніи пользы къ искуству получилъ важное значеніе въ его дальнѣйшей жизни.

Познакомившись ближе съ петербургскою жизнію, Гоголь направилъ свой юморъ и къ ней: Невскій проспектъ, Портретъ, Записки сумасшедшаго, Шинель уже обнаруживаютъ тотъ смѣхъ, въ которомъ, по его опредѣленію, скрываются невѣдомыя міру слезы. Справедливо замѣчаютъ, что въ юморѣ Гоголя есть много общаго съ юморомъ украинскихъ пѣсенъ. «Ни у одного народа пѣсня не выходитъ изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у малороссіянъ, и ни одно племя на землѣ не способно послѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянія, смѣяться такимъ всепобѣждающимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣс-

някъ *)». Такимъ же соединеніемъ грусти и лирическаго смѣха отличается творчество Гоголя.

Въ 1836 году съиграна на сценѣ и напечатана комедія Ревизоръ. Рѣзкіе отзывы многихъ критиковъ и не критиковъ, неумѣвшихъ оцѣнить его таланта, разстроили Гоголя совершенно. Онъ видѣлъ, что его не могутъ понимать, тогда какъ онъ думалъ только о пользѣ и черезъ нее хотѣлъ найти себѣ славу. Имъ овладѣла сильная тоска.

«Я усталъ душею и тѣломъ, писалъ онъ; клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними, со всѣми, мнѣ опротивѣла моя піеса. Я убѣжалъ бы теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего».

Петербургскій климатъ оказывалъ также вредное вліяніе на здоровье Гоголя, которое съ каждымъ годомъ все болѣе разстраивалось. Онъ задумалъ надолго оставить отечество, чтобы поправиться и физически, и морально. Къ этому присоединилась еще и другая причина; онъ уже развивалъ тему Мертвыхъ душъ, съ которою также соединялъ вопросъ о пользѣ, и хотѣлъ заняться ею въ покоѣ и въ тишинѣ, вдали отъ разныхъ мелочныхъ житейскихъ интересовъ.

Мѣстомъ своего жительства Гоголь выбралъ Римъ, который его очаровалъ своими древностями, искуствами, климатомъ, и хотя онъ нерѣдко дѣлалъ изъ него путешествія по Европѣ, иногда заглядывалъ и въ Россію, но затѣмъ опять возвращался туда же. Здоровье его мало поправлялось, а моральное состояніе еще болѣе разстраивалось. Особенно поразила его вѣсть о смерти Пушкина, который имѣлъ на него сильное вліяніе, что можно видѣть изъ слѣдующаго письма:

Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того,

*) Записка о жизни Гоголя т. 1, стр. 178.

чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на земле удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его... Невыразимая тоска!

Съ этого времени Гоголь сталъ смотрѣть на Мертвыя души не иначе, какъ на трудъ, завѣщанный ему Пушкинымъ, и какъ бы искалъ въ этой мысли вдохновенія: Пушкинъ дѣйствительно далъ ему содержаніе Мертвыхъ душъ, равно какъ и содержаніе Ревизора. Въ 1842 году послѣ многихъ хлопотъ была наконецъ напечатана первая часть этого произведенія, которое навсегда упрочило славу автора. По плану его нужно было первую часть наполнить лицами, представляющими паденіе человѣческой натуры, для того чтобы оне внушили «сильное отвращеніе отъ ничтожнаго», чтобы разнесло по Россіи «нѣкоторую тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя». Но изъ многихъ отступленій Гоголя видно, что всѣ эти пошлыя лица тяготили его и нравственно утомляли, тогда какъ душа его рвалась представить такія явленія русской натуры, которыя не только бы отвращали отъ низкаго и дурнаго, а влекли бы къ высокому и прекрасному. Это онъ предназначалъ для слѣдующихъ томовъ Мертвыхъ душъ. Задумываясь надъ высокимъ идеаломъ, онъ долженъ былъ прервать свою работу. Занимаясь постоянно анализомъ своей собственной души, онъ остановился на мысли, что «добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь, и что пока не станешь самъ хотя сколько нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды». И вотъ у Гоголя начинается работа надъ самимъ собою. «Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, писалъ онъ, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе, душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій». Онъ обратилъ все свое вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми дви-

жется человѣкъ и человѣчество вообще». Для этого онъ сталъ читать книги, касающіяся изслѣдованія души, затѣмъ перешелъ къ священному писанію,—перечелъ многихъ церковныхъ писателей, чтобы образовать изъ себя настоящаго христіанина. Разстроенное его здоровье и болѣзненное настроеніе духа мѣшали ему на многое смотрѣть прямѣе и проще. Онъ отрывалъ себя отъ дѣйствительности, вдавался въ мистицизмъ, иногда доходилъ до мрачнаго настроенія духа. Учась самъ, онъ хотѣлъ учить и другихъ, писалъ возвышеннымъ тономъ наставленія друзьямъ, просилъ молиться за него и соединялъ съ продолженіемъ Мертвыхъ душъ какой то великій отечественный подвигъ.

«То, что меня издавна и продолжительнѣй занимало, говоритъ онъ, это было—изобразить въ большемъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей русской землѣ, послѣ котораго русскіе читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у насъ многіе, даже и чиновники, и должностные попадаютъ въ большія ошибки по случаю незнанія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка и народнаго духа нашей земли. Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка отъ малыхъ до большихъ и потомъ изобразить его такъ передъ глазами, что по увѣренію моихъ читателей, человѣкъ, мною изображенный, оставался какъ гвоздь въ головѣ, и образъ его такъ казался живъ, что отъ него трудно было отдѣлаться. Я думалъ, что если я съ моимъ умѣньемъ изображать живо характеры узнаю получше многія вещи въ Росcіи и то, что дѣлается внутри ея, то я введу читателя въ большое познаніе русскаго человѣка. А если я самъ, по милости Божіей, проникнусь болѣе познаніемъ долга человѣка на землѣ и познаніемъ истины, то отъ этого нечувствительно и въ сочиненіи моемъ добрые русскіе характеры и свойства людей получатъ привлекательность, а нехорошіе—такую непривлекательность, что читатель не возлюбитъ ихъ, даже и въ себѣ самомъ, если отыщетъ. Вотъ какъ я думалъ, и потому узнавалъ все что ни относится до Россіи, узнавалъ ду-

ши людей и вообще душу человѣка, начиная съ своей: Еще я не зналъ самъ, какъ съ этимъ сладу и какъ успѣю, а уже вѣрилъ, что это будетъ мнѣ возможно тогда, когда я самъ сдѣлаюсь лучшимъ. Вотъ въ чемъ я полагалъ мое писательство».

При такомъ настроеніи Гоголя трудъ его подвигался впередъ очень медленно; а между тѣмъ русская публика съ нетерпѣніемъ ждала продолженія Мертвыхъ душъ; и вдругъ вмѣсто нихъ неожиданно даже для самихъ друзей его въ 1846 г. выходитъ въ свѣтъ книга съ его именемъ «Переписка съ друзьями». Она поразила всѣхъ многими странностями. Въ ней, вмѣсто Гоголя-художника и юмориста, является Гоголь-проповѣдникъ, суровый наставникъ, и притомъ духъ его наставленій не только не согласовался съ тѣмъ направленіемъ, которое выказалось въ его прежнихъ сочиненіяхъ, а скорѣе былъ противоположенъ ему; онъ какъ будто хотѣлъ признать законными тѣ явленія руской жизни, которыя возмущали лучшихъ и образованнѣйшихъ дѣятелей. Изъ переписки всѣ узнали, что онъ сжегъ вторую часть Мертвыхъ душъ, недовольный ею, что онъ осуждалъ и свои прежнія сочиненія, не признавая за ними той пользы, которой искалъ. Этимъ онъ далъ своимъ противникамъ, нападавшимъ на его прежніе труды, оружіе противъ почитателей его таланта. Эти послѣдніе были возмущены и оскорблены его книгою, хотя и понимали, что она написана въ болѣзненномъ разстройствѣ, и вотъ рѣзкія критики и частныя письма стали поражать того писателя, на котораго еще недавно возлагались большія надежды. Все это, хотя и сильно оскорбило Гоголя, заставило его пристальнѣе вглядѣться въ самого себя и сознать свои недостатки.

«Книга моя, писалъ онъ, есть отчетъ въ моей внутренней вознѣ. Въ ней видно, что строился человѣкъ точно для чего-то добраго, хотя и не состроился; оттого и всѣ эти заносчивыя замашки, неряшество, неосмотрительность, темнота и пр. и пр. Зрѣлость и юность вмѣстѣ. То состояніе, котораго представитель моя книга, уже во мнѣ миновалось. Доказательствомъ этому служитъ мнѣ то, что я краснѣю отъ

19

стыда за многое, въ ней выраженное. Но безъ этой книги, можетъ быть, мнѣ трудно было бы достигнуть той простоты, которая мнѣ необходима. Она точно есть для меня какое-то очищеніе. Послѣ нея я сталъ проще и менѣе духомъ, и мнѣ кажется, что я теперь могу заговорить такимъ образомъ, что меня выслушаютъ безъ гнѣва... Виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослѣпленіе, сколько незрѣлость моя. Я началъ поздно своё воспитаніе—въ такіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ. Обрадовавшись тому, что удалось въ себѣ побѣдить многое, я вообразилъ, что могу учить и другихъ, издалъ книгу и на ней увидѣлъ ясно, что я—ученикъ. Желаніе и жажда добра, а не гордость подтолкнули меня издать мою книгу; а какъ вышла моя книга я увидѣлъ на ней же, что есть во мнѣ и гордость, и самоослѣпленіе, и много того, чего бы я не увидалъ, если бы не была издана моя книга. Эта строптивость, дерзкая замашка произошла тоже отъ другаго источника. Воспитывая себя самого суровою школою упрековъ и пораженій и находя отъ нихъ пользу существенную душѣ, я былъ не шутя одно время увѣренъ въ томъ, что и другимъ это полезно и выразился грубо и жестко. Я позабылъ, что голосомъ любви слѣдуетъ говорить, когда хочешь чему поучить другихъ, и чѣмъ святѣе истина, тѣмъ смиреннѣе нужно быть тому, который хочетъ возвѣщать о ней. Я попался самъ въ тѣхъ самыхъ недостаткахъ, въ которыхъ попрекнулъ другихъ... Трудъ у меня все одинъ и тотъ же, все тѣже Мертвыя души, и одна изъ причинъ появленія нынѣшней моей книги было возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, вслѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія, мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка, которыя мнѣ очень нужно взять къ соображенію, чтобъ не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда.

Изъ Переписки же съ друзьями русскіе читатели узнали, что Гоголь, религіозно настроенный, собирается съѣздить въ Іерусалимъ. Эту поѣздку послѣ долгихъ сборовъ дѣйствительно онъ совершилъ въ 1848 году. Отсюда черезъ Константинополь переправился онъ въ Одессу и уже до самой смерти не оставлялъ русскихъ предѣловъ. Онъ жилъ то въ своей деревнѣ въ Малороссіи, то въ Москвѣ, посѣщалъ иногда Петербургъ, Кіевъ, Одессу, Калугу и вообще любилъ переѣзды, такъ какъ въ дорогѣ онъ чувствовалъ себя лучше и физически, и морально. Но здоровье его мало возстановилось. Это конечно имѣло вліяніе и на расположеніе его духа. Впрочемъ онъ не оставлялъ своего труда. Въ разное время онъ читалъ друзьямъ главы изъ второй части Мертвыхъ душъ, которую онъ обработалъ вторично. Это чтеніе убѣдило ихъ, что онъ не убилъ въ себѣ художника, какъ думали многіе послѣ «Переписки съ друзьями». Всѣ они уже надѣялись въ скоромъ времени видѣть въ печати даже и третій томъ, надъ которымъ трудился онъ. И вдругъ въ началѣ 1852 года всѣхъ поразила неожиданная вѣсть объ его смерти и о вторичномъ сожженіи рукописи Мертвыхъ душъ. Крайнее истощеніе силъ вслѣдствіе моральнаго разстройства довело его до могилы.

Трудъ Гоголя, хотя и сожженный собственной его рукою, не совсѣмъ пропалъ для литературы: у друзей его нашлись копіи нѣсколькихъ главъ изъ втораго и третьяго тома Мертвыхъ душъ—однѣ изъ нихъ были вполнѣ обработаны, другія еще нуждались въ художественной обработкѣ. Но не смотря на неоконченность этой юмористической поэмы, она вмѣстѣ съ Ревизоромъ всегда будетъ занимать самое видное мѣсто въ нашей литературѣ. Въ нихъ художественно выразились тѣ типы, которые развивались русскою жизнію исторически, выразились какъ рѣзкое противорѣчіе нравственному идеалу автора. Этотъ идеалъ находится въ тѣсной исторической связи съ стремленіемъ поколѣнія, выросшаго въ первую четверть настоящаго столѣтія, того поколѣнія, представителемъ котораго можетъ назваться Чацкій въ Горѣ отъ ума Грибоѣдова. Гоголь еще въ первой юности высказалъ стремленіе жить не для себя а для другихъ, постоянно имѣть въ виду общую пользу, служить только для нея. Въ его идеяхъ выяснилось, что такое стремленіе нравственно возвышаетъ личность и въ то же время

есть единственное основаніе для общественной жизни, что безъ него не можетъ быть и вопроса о прочномъ личномъ счастіи. А между тѣмъ окружающая жизнь представляла ему совершенно противуположное и притомъ въ той сферѣ, гдѣ именно было необходимо ясное сознаніе общей пользы и ревностное ей служеніе. Эта сфера, которую законъ облекъ властію и соединялъ со всею массою народа, сфера помѣщиковъ и провинціальныхъ чиновниковъ. Тамъ-то Гоголь повсюду встрѣчалъ полное своекорыстіе, непониманіе требованія закона и своего законнаго положенія. Недостатокъ сознанія общихъ интересовъ жизни былъ причиною низкаго нравственнаго развитія, душевной огрубѣлости, отчего, разумѣется, страдали интересы общественные, и государственные, и даже личные большинства людей. Болью въ сердцѣ отражалось такое явленіе жизни, какъ скоро въ душѣ поэта сталъ сказываться нравственный его идеалъ, и отсюда понятно, какое направленіе долженъ былъ получить сильный юмористическій его талантъ. Во всей чистотѣ онъ высказался въ первомъ произведеніи Гоголя «Вечера на хуторѣ». Въ немъ можно было видѣть свойство и силу таланта, но нельзя было еще дѣлать заключенія, какое направленіе приметъ онъ. Неистощимый смѣхъ здѣсь дышитъ только одной веселостью: видно, что дѣйствительная жизнь еще не коснулась поэта, что нравственный идеалъ его еще не успѣлъ сложиться на столько ясно, чтобъ подмѣчать противорѣчія его съ дѣйствительностью. Но въ другихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ онъ все рѣзче и рѣзче сказывается. Въ Тарасѣ Бульбѣ уже представляется, до какого высокаго героизма можетъ подняться самая грубая натура въ самый грубый вѣкъ, когда она проникается высшими интересами общей жизни. И за тѣмъ рядомъ съ этими необразованными запорожцами становятся всѣ герои Ревизора и Мертвыхъ душъ съ претензіей на образованность, на народное уваженіе и съ презрительнымъ взглядомъ на невѣжественную массу. Имѣя передъ собою такіе экземпляры, поэтъ долженъ былъ глубоко проникать въ ихъ души, чтобы добиться въ нихъ *человѣческихъ* движеній, безъ которыхъ они могли бы показаться только животными извѣстной породы или *мертвыми душами* — названіе, которое идетъ столько же и къ нимъ, сколько къ умершимъ ихъ крестьянамъ, привлекавшимъ хитроумнаго Чичикова.

Дѣло поэта найти въ человѣкѣ человѣческую душу и поскорбѣть о ней, если она слишкомъ глубоко завязла въ тинѣ ппавленной жизни. Такою скорбью и отличается юморъ Гоголя.

Разнообразіе типовъ, выставленныхъ русскимъ юмористомъ, указываетъ на разнообразіе человѣческихъ натуръ, а ни какъ не на разнообразныя сферы, которыя выхвалилъ онъ изъ современной ему жизни. Сфера собственно одна рисуется передъ нами почти: въ однихъ и тѣхъ же положеніяхъ передъ народомъ, съ одними и тѣми же принципами жизни, съ одними и тѣми же понятіями и взглядами; въ мундирѣ ли чиновника, въ халатѣ ли помѣщика. Ко всѣмъ имъ относился Гоголь съ одинакимъ вниманіемъ, какъ художникъ, пока наконецъ они не утомили его. Ему захотѣлось свой нравственный идеалъ переработать въ идеалъ художественный, дать ему жизнь въ той средѣ, гдѣ кишали Сквозники-Дмухановскіе, Ляпкины-Тяпкины, Собакевичи, Маниловы, Ноздревы и Чичиковы. Задавшись этой задачей, онъ сталъ въ ложное отношеніе къ дѣйствительной жизни и какъ художникъ проигралъ много. Онъ сталъ *выдумывать* идеальныя лица и чувствуя, что они ему не удаются, доходитъ *до страшнаго* взгляда, что онъ самъ долженъ быть этимъ идеальнымъ лицомъ. Отсюда чрезмѣрное умственное и нравственное усиліе въ переработкѣ самого себя, что и отразилось въ его послѣднихъ произведеніяхъ и въ особенности въ письмахъ къ друзьямъ.

(Въ дополненіе см. въ Руководствѣ для теоретич. изуч. литературы Тарасъ Бульба, Старосвѣтскіе помѣщики, Шинель, Ревизоръ, Мертвыя души.

Лермонтовъ (1815—1841 г.).

У насъ нѣтъ свѣдѣній о дѣтствѣ Лермонтова. Извѣстно только, что, рано лишившись матери, онъ воспитывался подъ надзоромъ своей бабки, богатой женщины, принадлежавшей къ высшему московскому кругу, которая страстно любила его. Извѣстно также, что десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ прожилъ нѣкоторое время на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ величественная природа Кавказа сильно поразила его воображеніе и пробудила въ немъ поэтическія силы. На пятнадцатомъ

году онъ является уже съ значительнымъ умственнымъ развитіемъ, съ дѣятельной фантазіей, почти импровизирующій стихи. Въ эти годы даже Пушкинъ не писалъ такихъ звучныхъ и легкимъ стихомъ. Рано стали пробуждаться въ немъ и чувства, что, можетъ быть, послужило и раннему его охлажденію къ жизни. Въ своихъ первыхъ юношескихъ произведеніяхъ Лермантовъ повторялъ Пушкина, но скоро увлекся Байрономъ и долгое время не разставался съ нимъ. Подъ его вліяніемъ онъ составлялъ поэмы и драмы; во всѣхъ нихъ выставляется одна и та же сильная натура, не находящая себѣ въ жизни плодотворной дѣятельности и среди окружающей пустоты обратившаяся въ разрушительныя силы. Эти герои повторяютъ байроновскихъ героевъ; но при всемъ томъ нельзя не замѣтить, что они сродни самому Лермонтову. Въ немъ та же сильная натура, то же отношеніе къ дѣйствительности. Этимъ и объясняется, почему онъ такъ сильно увлекся Байрономъ. Извѣстное его стихотвореніе «Ангелъ» относится къ этой ранней эпохѣ его поэтической дѣятельности. Оно ясно показываетъ разладъ идеальныхъ стремленій юнаго поэта съ дѣйствительностью, «съ скучными пѣснями земли». Въ это же время его фантазія создавала и образъ *Демона*, который потомъ онъ нѣсколько разъ перерабатывалъ. Тѣми же *демоническими* свойствами отличаются и герои его болѣе зрѣлыхъ разсказовъ. Окончательное воспитаніе Лермонтовъ получилъ въ гвардейской юнкерской школѣ, откуда въ 1834 году былъ выпущенъ гусарскимъ корнетомъ. Ведя жизнь свѣтскую, праздную онъ не могъ удовлетвориться ею, не могъ ни на что направить своихъ силъ, томился пустотою жизни, что, конечно, должно было еще болѣе развить байроновское направленіе его поэзіи. Въ 1835 году былъ напечатанъ его разсказъ Хаджи-Абрекъ, въ которомъ представлены природа и жизнь Кавказа по его дѣтскимъ воспоминаніямъ, а черезъ два года онъ долженъ былъ самъ отправиться на Кавказъ, удаленный изъ Петербурга за смѣлые стихи «На смерть Пушкина». Впрочемъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, онъ былъ снова возвращенъ на службу въ Петербургъ. Съ этихъ поръ его имя стало появляться въ печати. Стихотворенія «Бородино» (1837 г.), «Пѣсня про царя Ивана Васильевича» (1838 г.) и въ особенности «Печально я гляжу на наше поколѣнье» (1839 года) обнаружили всю силу его таланта и сдѣлали извѣстнымъ его имя въ литера-

турѣ. Затѣмъ еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній и разсказы въ прозѣ: «Бела», «Фаталистъ» упрочили его славу и сдѣлали любимцемъ публики.

Въ 1840 году онъ снова долженъ былъ отправиться на Кавказъ за дуэль съ сыномъ французскаго посла Барантомъ, съ которымъ онъ помѣнялся нѣсколькими дерзкими выраженіями. Уже въ его отсутствіе вышелъ его романъ «Герой нашего времени» въ то время, какъ самъ поэтъ дрался съ кавказскими горцами. Впрочемъ ему еще разъ удалось побывать въ Петербургѣ, куда на время онъ былъ отпущенъ для свиданія съ своей бабкой, которая выхлопотала ему кратковременный отпускъ. Весною 1841 года онъ былъ снова на Кавказѣ, а 15 іюля новая дуэль лишила Россію замѣчательнаго поэта. Онъ сдѣлался жертвою своей ѣдкости и желчи, которыя часто проявлялись въ немъ въ обращеніи съ людьми и вызывали безпрестанныя ссоры, такъ что нѣкоторые считали его невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. Можетъ быть, къ этому вызывала его та ложь, которую онъ по своей прямотѣ и страстной натурѣ, не могъ выносить въ жизни, и которую встрѣчалъ на каждомъ шагу, прикрытую разными масками. Какъ бы то ни было, но ссора его съ однимъ изъ сослуживцевъ, который считалъ себя оскорбленнымъ ѣдкою шуткой Лермонтова, окончилась плачевною смертью поэта, при подошвѣ горы Машукъ, близъ Пятигорска.

Справедливо замѣтилъ одинъ изъ критиковъ Лермонтова, что его произведенія составляютъ его біографію. Его лирическія изліянія, проникнутыя художественною правдою, всегда служатъ вѣрнымъ отголоскомъ настроенія его души. Только по нимъ мы и можемъ познакомиться съ этою душою, бурной, порывистой, съ стремленіемъ къ прекрасному, съ гордымъ сознаніемъ своихъ силъ, съ презрѣніемъ ко всему пошлому, безсильному, ничтожному. Изъ его душевныхъ страданій вытекаетъ и много странностей въ жизни; но въ жизни онъ являлся такимъ, какимъ хотѣлъ казаться, а въ своихъ произведеніяхъ такимъ какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. Кавказъ своей свободною и бурною жизнію особенно привлекалъ его; тамъ дикіе нравы но тамъ въ борьбѣ являлась настоящая жизнь, а не мертвое оцѣпенѣніе, которое онъ встрѣчалъ въ обществѣ, воспитавшемъ его только для свѣтской жизни. Въ изображеніи природы онъ не уступитъ ни одному изъ міровыхъ поэтовъ, въ чемъ признаются даже

иностранные его критики. Такъ его нѣмецкій переводчикъ Боденштедтъ справедливо говоритъ:

У Лермонтова есть то общее съ великими писателями всѣхъ временъ, что творенія его вѣрно отражаютъ его время со всѣми его дурными и хорошими особенностями, со всею его мудростью и глупостью; и что они имѣли въ виду бороться съ этими дурными особенностями и съ пошлою глупостью. Но нашъ поэтъ отличается отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ тѣмъ, что далъ болѣе широкій просторъ въ поэзіи картинамъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на недосягаемой высотѣ. Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу—удовлетворить въ одно и тоже время и естествоиспытателя, и эстетика... Онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ его картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ. Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ большую часть того, что великіе ученые (напр. Гумбольдтъ) признаютъ потребностью нашего времени, и чего такъ живо желаютъ. Пусть назовутъ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристическою природою этихъ горъ и ихъ населенія, чѣмъ изъ которой нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ.

Рано погибшій, Лермонтовъ не успѣлъ вполнѣ высказаться. Съ теченіемъ времени конечно русская жизнь многостороннѣе отразилась бы въ немъ, особенно при его способности глубоко проникать въ явленія жизни. Но и то, что намъ осталось отъ него, имѣетъ для насъ важное историческое значеніе. Оно связывается съ извѣстнымъ моментомъ нашего духовнаго раз-

витія. Послѣ сильныхъ порывовъ впередъ въ первую четверть настоящаго столѣтія, послѣ горячей вѣры въ могущество новыхъ идей, въ силу новой цивилизаціи, послѣ юношескихъ увлеченій въ сферѣ политической, настало время остановки, задержки, опасенія отъ всякой новой мысли, время другой крайности (смѣны, которую обыкновенно намъ представляетъ исторія). Натуры болѣе сильныя и даровитыя уже не находили себѣ дѣятельности въ сферѣ высшихъ интересовъ жизни, идеалы прежняго поколѣнія были осуждены, неоправданные жизнію, пустота свѣтской жизни, торжество эгоистическихъ стремленій стали брать верхъ надъ всѣмъ и не могли удовлетворить эти натуры. Отсюда въ нихъ развивается сильное чувство душевнаго недовольства, томленіе, тоска при ясномъ сознаніи въ себѣ силъ для жизни. Такое тяжелое состояніе духа находило свое выраженіе въ *байронизмѣ*, въ которомъ соединяются разочарованіе жизнію, утрата идеала, безнадежное отношеніе къ будущему, презрительный взглядъ на торжествующую посредственность, на бездарность и пошлость. Если Пушкинъ, у котораго было значительно менѣе данныхъ для увлеченія байронизмомъ, могъ на нѣкоторое время увлечься имъ, то тѣмъ понятнѣе увлеченіе Лермонтова, которому такъ сочувственно отозвалось все молодое поколѣніе. Но какъ ни родственъ ему оказался байронизмъ, все же онъ поставилъ въ ложное отношеніе къ жизни какъ поэта такъ и тѣхъ, кто увлекался имъ. Излишняя страсть говорить о своихъ душевныхъ недугахъ, какъ будто рисоваться ими съ намѣреніемъ отличить себя отъ обыкновенныхъ людей, оправдать свою исключительность и въ тоже время недѣятельность, показать въ себѣ какъ бы высшую натуру, всѣмъ этимъ отличаются герои поэмъ Лермонтова начиная съ Демона и кончая Печоринымъ (Герой нашего времени). Эта страсть въ наше время, уже чуждое байронизма, сообщаетъ такимъ героямъ съ больною печенью нѣчто комическое, напускное, надутое и потому неестественное, хотя современники увлекались ими, а иные сами прикидывались Печориными. Конечно всего этого мы не отнесемъ къ лирическимъ произведеніямъ Лермонтова: въ нихъ слышится искреннее и глубокое чувство. Поэтъ переживалъ тяжелое время застоя, насмѣшки надъ высшими идеалами, сомнѣнія въ возможность чего нибудь лучшаго.

Кольцовъ (1809—1842 г.).

Сынъ воронежскаго мѣщанина-прасола, малограмотный, безъ всякаго школьнаго образованія Кольцовъ занялъ видное мѣсто въ нашей литературѣ, только благодаря своему природному таланту. Но этотъ же талантъ былъ и причиною его несчастной жизни. Онъ производилъ въ поэтѣ разладъ съ окружающею грязною и мелкою дѣйствительностью, которая не могла ему дать того, къ чему рвалась его поэтическая душа. Талантъ его впервые сказался въ раннемъ пристрастіи мальчика къ чтенію, въ особенности къ стихамъ, которые случайно попадались ему въ руки, и въ попыткахъ самому слагать что нибудь въ томъ же родѣ. Степная природа, чувства дружбы и любви также участвовали въ пробужденіи и развитіи творческаго его дара. Въ его поэтической душѣ понемногу отражалась русская природа, которую онъ только и могъ видѣть, русскіе простые люди, съ которыми только и могъ имѣть дѣло; а фантазія изъ всего этого матерьяла создавала картины русской жизни, отвѣчая на тѣ вопросы, какіе вызывала въ немъ самая жизнь. На юнаго Кольцова обратилъ вниманіе также юноша даровитый и съ нѣжною любящею душой, образованный и развитый, сынъ воронежскаго помѣщика, Станкевичъ. Онъ первый угадалъ талантъ въ Кольцовѣ, когда поэту было всего двадцать два года, и когда онъ еще не могъ представить ничего замѣчательнаго. Станкевичъ ободрялъ Кольцова, напечаталъ съ его именемъ двѣ-три піески въ одномъ изъ московскихъ журналовъ, что, конечно, должно было польстить начинающему поэту. Въ 1835 г. Станкевичъ сдѣлалъ выборъ изъ его стихотвореній и напечаталъ въ отдѣльной книжкѣ, которая и доставила поэту-прасолу нѣкоторую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Въ слѣдующемъ году Кольцовъ по дѣламъ отца прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ и Петербургѣ. Здѣсь его познакомили съ тогдашними литераторами, изъ которыхъ Жуковскій и Пушкинъ въ особенности обласкали его. Это вызвало въ немъ нѣкоторую самоувѣренность, которая придала силы и его таланту. Изъ прежнихъ его пѣсенъ болѣе зрѣлыя, съ признаками самороднаго таланта, были: Пѣсня Пахаря (1831 г.), Уда-

лецъ (1833 г.) Не шуми ты рожь, Крестьянская пирушка (1834 г.), Урожай (1835 г.). Въ нихъ онъ выказалъ уже тѣсную связь своей поэзіи съ простою русскою жизнію, сочувствіе къ сельскому быту, къ крестьянскому труду, къ природѣ. Въ нихъ онъ показалъ, что ко всему этому можетъ относиться съ поэтическимъ созерцаніемъ жизни, какъ истинный поэтъ. Въ слѣдующіе годы уже являются такія его пѣсни, какъ Косарь (1836 г.), Раздумье селянина, Лѣсъ, Пѣсни Лихача Кудрявича (1837 г.), Измѣна суженой, Деревенская бѣда (1838 г.), Путь, Тоска по волѣ, Что ты спишь, мужичокъ (1839 г.) и многія другія. Но въ это же самое время и борьба съ жизнію дѣлается ему не подъ силу. Ставъ нравственно выше той среды, гдѣ ему приходилось жить и дѣйствовать, онъ не могъ поставить себя въ независимое положеніе, не смотря на всѣ свои труды. Онъ долженъ былъ работать одинъ на отца и на всю его семью, быть мелкимъ торговцемъ, выносить разныя оскорбленія отъ близкихъ и отъ чужихъ за свое превосходство надъ ними, терпѣть нужду и не видѣть никакого благопріятнаго исхода изъ своего подневольнаго положенія. А между тѣмъ душа его стремилась къ иной жизни: ему хотѣлось свободно отдаться тѣмъ трудамъ, къ которымъ лежало сердце, дѣятельности творческой въ кругу людей, которые могли понимать его; ему хотѣлось учиться; но обстоятельства сложились такъ, что должны были обратиться для Кольцова въ непобѣдимую судьбу, и онъ сдѣлался ея жертвою. Вотъ какъ въ его фантазіи наконецъ отразилось горе его жизни:

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И, что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба,
Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ,
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ,
Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,

Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Здоровье Кольцова не выдержало страшной внутренней борьбы, не смотря на душевныя силы, какія выказываются въ самой его поэзіи. Чахотка свела его въ могилу на тридцать четвертомъ году возраста. (См. въ Руков. для теор. из. литературы).

Аксаковъ (1791—1859 г.).

Аксаковъ сдѣлался замѣчательнымъ русскимъ писателемъ уже подъ конецъ своей жизни, послѣ того какъ напечаталъ въ 1847 г. «Записки объ уженьѣ», въ 1852 г. «Записки ружейнаго охотника», въ 1856 г. «Семейную хронику» и въ 1858 г. «Дѣтскіе годы Багрова-внука». Двѣ послѣднія книги въ особенности прославили его. Воспитанникъ казанской гимназіи и казанскаго университета, въ первые годы его существованія, оренбургскій помѣщикъ, онъ всю жизнь свою отличался страстью къ театру, къ охотѣ и къ литературѣ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ почти со всѣми писателями своего времени, особенно же въ тѣсной дружбѣ съ Гоголемъ, который весьма цѣнилъ его, какъ человѣка и какъ умнаго литератора. Онъ занимался стихотворными переводами съ французскаго, преимущественно драматическихъ произведеній, печаталъ небольшія статьи, въ особенности о театрѣ, въ разныхъ журналахъ. Но какъ замѣчательный художникъ является онъ только въ названныхъ нами сочиненіяхъ. Талантъ его заключается въ художественномъ изображеніи дѣйствительной жизни—людей, природы: живописныя картины, живые характеры, впечатлѣнія, чувства,—все это изображалось имъ вѣрно и прекрасно, какъ умнымъ, талантливымъ наблюдателемъ. Хотя онъ и не былъ поэтомъ, хотя и не допускалъ участія фантазіи въ своихъ произведеніяхъ, не задаваясь никакими поэтическими цѣлями, но нѣкоторыя изъ нихъ, по живости описаній, по типичности характеровъ, приближаются къ поэтическимъ. Въ этомъ отношеніи между русскими прозаиками онъ занимаетъ рѣшительно первое мѣсто. Особенно подробно изо-

браженія ихъ природа и старинный помѣщичій бытъ Оренбургскаго края, наиболѣе ему знакомаго. Онъ умѣетъ найти общій интересъ даже въ спеціальномъ дѣлѣ, которое занимаетъ только немногихъ, какъ напр. охота или рыбная ловля; и здѣсь онъ умѣетъ такъ развернуть картину и показать жизнь, что даже и неохотникъ прельщается ими.

Имя Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова не слѣдуетъ смѣшивать съ именами сыновей его, также пользующихся извѣстностью въ нашей литературѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подъ сильнымъ вліяніемъ указанныхъ поэтовъ развилось и образовалось новое поколѣніе писателей-художниковъ, которые могутъ назваться нашими современниками, хотя нѣкоторые изъ нихъ уже сошли въ могилу. Къ этимъ вліяніямъ должно присоединить вліяніе критики *Бѣлинскаго*, умершаго въ 1848 году. Она разъясняла значеніе русскихъ писателей въ связи съ предшествовавшими періодами нашей литературы, равно и въ связи съ русскою современною ей жизнью; она стремилась установить правильный взглядъ на литературу вообще и на поэзію въ особенности, связывая съ художественностью *національность* и вмѣстѣ естественность или *правду* жизни. Уже въ сороковыхъ годахъ новое поколѣніе писателей, отказавшись совершенно отъ романтизма, который былъ довольно силенъ въ тридцатыхъ годахъ, обратилось къ сочувственному изображенію тѣхъ слоевъ русской жизни, куда не спускался романтизмъ, людей, обиженныхъ судьбою, несчастныхъ не по своей винѣ, тружениковъ по нуждѣ, людей сродни Акакію Акакіевичу. Съ *натуры* списывалась неприглядная жизнь этихъ людей, въ мелкихъ подробностяхъ представлялось ихъ горе. Отсюда и самое направленіе этихъ писателей было названо *натуральною школою*. Вызванная одностороннимъ

романтизмомъ съ его ложной идеализаціей, она также впала въ односторонность рѣзкостью и яркостью красокъ въ изображеніи дѣйствительной жизни съ ея страданіями и горемъ, какъ бы въ противуположность тѣмъ идеаламъ, которые рисовалъ прежній романтизмъ въ счастливой обстановкѣ жизни. Въ это же время стали являться писатели съ сочувственнымъ отношеніемъ къ русской крестьянской жизни, опять таки съ ея горемъ и страданіями, плодами отживавшаго свой вѣкъ крѣпостничества. Хотя и здѣсь являлась нѣсколько фальшивая идеализація крестьянства, но довольно вѣрно выставлялись тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ должна была развиваться сельская жизнь. *Григоровичъ* былъ однимъ изъ первыхъ съ любовью изображавшій сцены изъ этого быта въ своихъ повѣстяхъ и романахъ. Сельская жизнь какъ крестьянская такъ и помѣщичья привлекла вниманіе и первоклассного художника въ средѣ русскихъ писателей *Тургенева*, который началъ свою славную литературную дѣятельность (1847 г.) изображеніемъ жизни обоихъ сельскихъ сословій, крѣпко связанныхъ крѣпостнымъ правомъ. Его *Записки охотника* какъ будто говорятъ: нѣтъ и не можетъ быть счастья ни для кого въ такихъ неестественныхъ отношеніяхъ между людьми. Скоро крѣпостничество было уничтожено, но сельская или деревенская жизнь продолжала все болѣе и болѣе привлекать вниманіе русскихъ талантливыхъ писателей, какъ будто тамъ и заключается настоящая коренная русская жизнь. Она представляется въ большей части повѣстей и романовъ *Тургенева*, романовъ *Гончарова*, *графа Л. Толстаго*, стихотвореній *Некрасова*. Но рядомъ съ этимъ и типы, выработавшіеся въ другой сферѣ русской жизни, не оставлены безъ вниманія, и за нихъ брались сильные талантомъ русскіе художники, какъ *Достоевскій*, *Писемскій*, *Островскій* писатели, начавшіе свое служеніе литературѣ еще въ сороковыхъ годахъ.

Писатели, образовавшіеся въ позднѣйшее время, не могутъ быть предметомъ настоящаго курса: они будутъ занесены на страницы *будущей исторіи русской литературы*.

Задачи для самостоятельныхъ работъ.

(По историческимъ христоматіямъ Буслаева, Скопина и Кеневича и Галахова).

I. По *Житію Феодосія Печерскаго* (Хр. Ск. и К.) изложить жизнь Феодосія, при этомъ обратить вниманіе на драматическую сторону Житія; какъ въ немъ выставлены личности Феодосія, его матери, Антонія, какія идеальныя стороны жизни представляются въ разсказѣ въ противоположность съ дѣйствительными; въ какой формѣ ведется разсказъ?

(Ученыя записки втораго отдѣленія Имп. акад. наукъ, книга II, выпускъ II: Житіе преподобнаго Феодосія Печерскаго — Филарета еп. Харьковскаго. Сочиненія преподобнаго Феодосія II, приготовл. къ изд. Макаріемъ еп. Винницкимъ. Лѣтопись Нестора).

II. *Хожденіе Паломника игумена Даніила* (Хр. Бус.). Перевести *вступленіе о градѣ Ерусалимѣ, о Ерданстѣй рѣцѣ, о свѣтѣ святѣмъ,* и опредѣлить при этомъ личность автора какъ христіанина и какъ русскаго человѣка.

(Исторія Рус. словесности Шевырева часть II).

III. *Даніила Заточника моленіе (Слово) къ своему князю* (Хр. Бусл.). Изложить содержаніе и сличить обѣ редакціи Слова, указать, какія заимствованія сдѣланы авторомъ изъ Пчелы Хр. Б. стр. 631—634.—(Пчелами назывались у насъ сборники, преимущественно переводные греческіе, разныхъ изрѣченій, нравоученій и практическихъ правилъ жизни, выбранныхъ изъ сочиненій разныхъ писателей). Вывести типическія черты граматѣя стараго времени. Къ какимъ сторонамъ русской жизни относятся изрѣченія и пословицы Слова? Юмористическая сторона его.

(Историч. Очерки рус. народ. словесн. Буслаева т. II: О народности въ древнерус. литературѣ гл. V).

IV. Пересказать *Повѣсть о Муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи* (Хр. Ск. и К.). Отдѣлить мифическія основанія отъ христіанскихъ; какія идеальныя черты представлены въ Петрѣ и Февроніи; какія историческія черты могли отразиться въ повѣсти?

(Историч. Очерки рус. народной слов. Буслаева т. I: Муромская легенда).

V. Разсмотрѣть *Повѣсть объ Ульяніи Муромской* (Хр. Ск. и К.). Какъ представлены отношенія Ульяніи къ людямъ., обстановка ея жизни — ея дѣтство, юность, замужество, вдовство? Какъ прилагается къ жизни христіанская мораль? На какую борьбу вызывалась Ульянія жизнію? Какія идеальныя черты развиваются въ ней? Какъ разрѣшается главный вопросъ повѣсти: возможно ли спасеніе въ обстановкѣ мірской жизни?

(Историч. очерки рус. народ. словесности Буслаева т. II: Идеальные женскіе характеры древней Руси).

VI. Разсмотрѣть содержаніе *Посланія царя Іоанна Васильевича Кирилло-бѣлозерскаго монастыря игумену Козьмѣ съ братіею* (Хр. Бусл.). Поводъ къ посланію: какъ царю идеально представляется монашеская жизнь и что въ дѣйствительности привлекаетъ его вниманіе? Указать на историческія черты времени. Какъ рисуется личность Грознаго?

(Исторія рус. лит. Галахова стр. 158—61).

VII. Разсказать *Повѣсть нѣкоего Боголюбива мужа* (Хр. Бусл.); обратить вниманіе на ея отношеніе къ жизни Ивана Васильевича Грознаго, на ея идею и на понятія вѣка, отразившіяся въ ней.

VIII. Передать *Разсказъ келаря Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря* (Христ. Бусл.); раздѣлить на отдѣльныя части, опредѣлить точку зрѣнія самого автора, освѣщеніе фактовъ; на какихъ картинахъ

онъ особенно останавливается, чтобы живописнѣе представить ихъ?

IX. По сочиненію Котошихина *«О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича* (Христ. Бус., Скоп. и Кен.), разсказать о московскихъ нравахъ. Сочувственно ли самъ авторъ относится къ нимъ? Обратить вниманіе на особенности его рѣчи.

X. Разсказать подробности *Повѣсти О Горѣ и Злосчастіи* (Хр. Бус., Ск. и К.), раздѣливъ ее на части. Какая связь вступленія съ общимъ разсказомъ? Какія понятія вѣка и нравы представляются въ немъ? Поэтическая сторона его. Какъ выражается идеалъ древнерусской жизни? Какими послѣдствіями сопровождается отрицаніе этого идеала? Основная идея всего произведенія.

(Историч. очерк. русск. народ. словесности Буслаева т. I: Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи).

XI. *По народнымъ историческимъ пѣснямъ* опредѣлить взглядъ народа на историческія событія и отношеніе его къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ.

XII. Разсмотрѣть содержаніе *Словъ Феофана Прокоповича* (по Историч. Христ. Гал.), какъ онъ относится къ прошедшему и настоящему, и на чемъ основываетъ свои похвалы Петру I?

(Феофанъ Прокоповичъ Чистовича).

XIII. Разобрать *вторую сатиру Кантемира «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ»* (по второй редакціи) вмѣстѣ съ предисловіемъ (Ист. хр. Гал.). показать, какъ сатирикъ смотритъ на самого себя и чѣмъ себя оправдываетъ; какъ изображается идеалъ прежняго и настоящаго времени; какія историческія черты отражаются въ сатирѣ; какая мораль развивается въ ней?

(Сочиненіе Кантемира. изд. 1867 г.).

XIV. Разсмотрѣть *статью Ломоносова «Согласіе естествознанія съ религіей»* (Хр. Гал.): какая цѣль у автора, какія границы полагаетъ онъ между наукою и вѣрою, какія приводитъ доказательства?

XV. Разобрать *комедію Фонвизина Бригадиръ* (сочин. Фонвизина): какія понятія вѣка выражаются въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ; какія черты ихъ можно назвать типическими? изложить дѣйствіе комедіи; можно ли его назвать драматическимъ? въ чемъ заключается комизмъ и откуда онъ вытекаетъ? какія положенія лицъ представляются каррикатурными?

(Фонвизинъ кн. Вяземскаго).

XVI. Разсмотрѣть содержаніе *разсужденій князя Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» и «О нынѣшнемъ почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи»* (Хр. Гал.). Въ чемъ авторъ видитъ повреждение нравовъ и какія полагаетъ тому причины; какъ изображаетъ придворную и боярскую жизнь XVII столѣтія; какія хорошія стороны замѣчаетъ въ нихъ; какъ относится къ новой жизни и какой морали держится онъ; на какія работы вызывали народъ новыя потребности жизни; въ чемъ обвиняются крестьяне и помѣщики; какому времени онъ болѣе сочувствуетъ?

XVII. По *сатирическимъ статьямъ и комическимъ сценамъ, относящимся ко второй половинѣ XVIII столѣтія* (Сумарокова, Екатерины II, Всякой всячины, Трутня, Живописца, Лукина, Веревкина, Княжнина, Ефимьева, Клушина, Судовщикова, Капниста, Плавильщикова (Ист. христ. Гал.) опредѣлить, на какіе недостатки нападала наша сатира и какъ изображала ихъ; съ какими достоинствами представлялись нравственныя лица и какая мораль противупоставлялась порокамъ?

XVIII. Разсмотрѣть *басни Хемницера и Дмитріева* (Хр. Гал.); какого рода недостатки жизни онѣ представляютъ, взяты-ли они изъ наблюденій надъ русскою

современною жизнію? Какъ къ нимъ относятся авторы и можно ли этихъ послѣднихъ назвать сатириками?

XIX. Разсмотрѣть содержаніе *сатиры Дмитріева «Чужой толкъ»* (Хр. Гал.): опредѣлить ея форму, раздѣлить на части; какіе представляются недостатки современнаго стихотворства, и какими объясняются причинами? Изъ какихъ противорѣчій вытекаетъ иронія автора? Прослѣдить ее по всѣмъ подробностямъ сатиры.

XX. Разсмотрѣть всѣ статьи, относящіяся *къ спору о слогѣ* (Шишкова, Макарова, Дашкова съ примѣч. Хр. Гал.); опредѣлить основаніе каждаго доказательства и опроверженія.

(Истор. лит. Гал. т. II).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

*

Стр.

Стр.

42^50

Сочиненія и изданія В. Я. Стоюнина.

Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ — шестое изданіе. 1879. Цѣна 50 к.

Хрестоматія къ «Руководству для теоретическаго изученія литературы», въ двухъ частяхъ. 1879. Цѣна 1 р. 20. к.

Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы — пятое изданіе. 1879. Цѣна 75 к.

О преподаваніи русской литературы—четвертое изданіе съ двумя дополнительными главами. 1879. Цѣна 1 р. 50 к.

Высшій курсъ русской грамматики—третье изданіе. 1876. Цѣна 60 к.

Недоросль—комедія Фонвизина и Горе отъ ума—Грибоѣдова, съ примѣчаніями и вопросами для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ. 1879. Цѣна 20 к. Отдѣльно каждая комедія по 12 к.

Русскій синтаксисъ. Цѣна 35 к.

Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. 1874. Цѣна 85 к

Русская классная хрестоматія для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. 1876. Цѣна 70 к.

Руководство для преподователей по Русской классной хрестоматіи. 1876. Цѣна 1 р. 50 к.
